

ХМУРЫЕ БУДНИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Ее солдаты, прорабы
и невольные участники

Annotation

Данный сборник составлен по материалам докладов, прозвучавших на конференции по «холодной войне», проведенной Университетом Дмитрия Пожарского 6–7 февраля 2010 года. Эта конференция являлась первым шагом в инициированной Университетом Дмитрия Пожарского программе по изучению истории послевоенного периода. В сборнике представлены статьи ведущих специалистов по истории двадцатого века, истории спецслужб и военной истории. Авторы затрагивают различные аспекты «холодной войны» от анализа идеологических диверсий в сфере культуры и искусства, до изучения процесса формирования оборонной промышленности и деятельности разведки. В сборнике представлены статьи посвященные анализу локальных военных конфликтов, в которых прямо или косвенно были задействованы противоборствующие державы, делаются попытки выявления причин поражения Советского Союза в «холодной войне».

-
- [Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники](#)
    -
    - [Жизнь и деятельность Дмитрия Ильича Козлова](#)
    - [Из истории неофициального искусства СССР и Чехословакии 1970-х годов](#)
    - [СССР и война в Корее: новые подходы](#)
    - [Постановление ЦК и СМ СССР «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» 28 марта 1947 г.](#)
    - [Роль популярной музыки в идеологическом и культурном противостоянии холодной войны](#)
    - [Холодная война и нарушение Гаагской конвенции: военные и политические последствия создания «малоимпульсного боеприпаса»](#)
    - [Когда СССР проиграл холодную войну?](#)
    - [Запрет Коммунистической партии Германии в ФРГ в 1956 г.: правовые и политические аспекты](#)
    - [Развитие отечественных самолетостроительных заводов в условиях холодной войны \(1946-1950-е годы\)](#)
    - [Некоторые аспекты развития отечественных спецслужб в начале](#)

1950-х гг

- КГБ СССР в разрешении политического конфликта в Афганистане (1979–1989 г.)
  - Геополитика, национальные интересы и идеология коммунистического строительства
  - К вопросу о проблеме межнациональных конфликтов в СССР и странах социалистического содружества (1953–1960 гг.). «Лучше уезжай по-хорошему, и не забывай, что это Азербайджан...»
  - О тайных операциях США в Китае (1945–1956 гг.)
  - Формирование оборонной политики и военной доктрины Албании в 1969–1975 гг.
  - Размышления об аресте Лаврентия Павловича Берии 26 июня 1953 г. и предложение новой версии этих событий
  - Особенности экономического и социального состояния городов Среднего Поволжья в начале холодной войны
  - ‘The Cold War was brought about by views of history, was perpetuated by views of history, and only ended when one superpower transcended its view of history.’
  - Информация об авторах
-

Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники

Жизнь и деятельность Дмитрия Ильича Козлова

Андреев С.В.

Долгое время имя Д.И. Козлова оставалось неизвестным даже людям так или иначе связанным с ракетно-космической техникой как в силу закрытости данной отрасли, так и характера решавшихся им задач. Тем не менее, вклад этого человека в мировую космонавтику весьма значителен. Более того, со временем техника, разработанная под руководством Дмитрия Ильича, стала играть ключевую роль на основных направлениях внешнеполитической деятельности нашей страны и послужила одной из основных составляющих национальных средств контроля за процессом разоружения.

Д.И. Козлов родился в станице Тихорецкой Краснодарского края в семье плотника. Среднюю школу окончил в Грозном. Мечтая стать моряком, после окончания школы в 1936 отправился в Ленинград в училище им. Дзержинского, но не прошел по зрению. На следующий год ему удалось поступить в Ленинградский военно-механический институт на артиллерийское отделение.

Война прервала обучение. На фронт Д.И. Козлов ушел добровольцем в

июле 1941 г., несмотря на бронь. В середине того же месяца принял участие в уничтожении немецкого десанта под Лугой. Вопреки попыткам командования оставить его в тылу, упорно добивался отправки в действующие части РККА. Старший брат, ротный политрук, погиб в самом начале войны. Потом война унесла и младшего брата.

Своего добился – служил в морской пехоте. Воевал под Тихвином, на Ораниенбаумском «пятакке», участвовал в прорыве линии Маннергейма, служил в подразделениях, обеспечивающих работу Дороги жизни Ленинграда.

В августе 1942 г. вступил в ВКП(б). Был трижды ранен, потерял руку. В сентябре 1944 г. Козлова демобилизовали из армии по состоянию здоровья. Всего в РККА он прослужил 3 года 2 месяца.

После окончания института (защитил диплом в декабре 1945 г.) проходил обучение на курсах по ракетной технике. В день рождения Красной Армии – 23 февраля 1946 г. – женился.

15 мая 1946 г. был принят на работу инженером-конструктором на завод № 88 (ст. Подлипки). В июле 1946 г. был направлен в Германию в составе первой группы советских гражданских специалистов для изучения немецкой ракетной техники. Первым непосредственным руководителем Козлова был РФ. Аппазов, впоследствии крупный специалист по динамике полета. В основном Д.И. Козлов с женой жил и работал в г. Нордхаузен, в частности, занимаясь пневмогидросистемой ракеты А-4 (его супруга занималась баками.) Часто выезжал в другие места, например – в Бляйхероде. Будучи секретарем парторганизации, там же в Германии познакомился с С.П. Королёвым. В дальнейшем работал в ОКБ-1 под его руководством.

С 28 августа 1948 г. – начальник группы. С 30 июня 1951 г. – ведущий конструктор отдела 4 ОКБ-1 НИИ-88. После выделения ОКБ-1 из состава НИИ-88 в самостоятельную организацию продолжил работать ведущим конструктором. В этом качестве участвовал в работах по ракете Р-5.

В апреле 1958 г. Козлов становится заместителем главного конструктора (приказ № 8 от 11.04.1958). В ноябре 1961 г. – главным конструктором и начальником филиала ОКБ-1, созданного в Куйбышеве (ныне г. Самара) на Первом авиационном заводе для организации производства первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 в роли ведущего конструктора. Ему удалось создать жизнеспособный коллектив ракетчиков в основном из местных кадров.

Серьезной проверкой для молодого коллектива и для его руководителя стала ракета Р-9 (8К75), освоение производства которой пришлось на конец

1950-х – начало 1960-х гг. В процессе изготовления в «полностью готовый проект» пришлось вносить десятки тысяч изменений, дабы изделие не просто пошло в производство, но и было эффективным.

Кроме того, филиал № 3 ОКБ-1 (впоследствии ставший самостоятельной организацией) получил и работы по спутникам наблюдения «Зенит-2», на долгие годы определившие основные направления деятельности Дмитрия Ильича и возглавляемого им коллектива. Следует заметить, что Д.И. Козлов изначально не хотел заниматься спутниками. «Зенит-2», создававшийся почти в одно и то же время с гагаринским «Востоком», при всем внешнем сходстве был намного более сложным аппаратом. Так, если для космонавта считалась приемлемой температура от -40 до +40 °С, то фотопленка допускала колебания всего в полградуса. Кроме того, для фотографирования требовалась совершенно другая система ориентации, ибо аппарат надо было не только точно развернуть в нужном направлении, но и удерживать в нем определенное время.

Именно Д.И. Козлов был выбран Королёвым для того, чтобы возглавить работы по комплексу ракеты Н-1.

Под руководством Д.И. Козлова в конце 1960-х гг. были разработаны проекты пилотируемых космических кораблей специального назначения. К сожалению, на стадии макета и отбора кандидатов в космонавты эта весьма перспективная разработка была прекращена. Однако на основе накопленного опыта был создан космический аппарат «Янтарь», на долгие годы ставший одним из основных средств космической разведки.

Большое внимание Дмитрий Ильич уделял подготовке инженерных кадров. В октябре 1980 г. он возглавил созданную кафедру летательных аппаратов Куйбышевского авиационного института.

Приказом министра общего машиностроения СССР О.Д. Бакланова № 123 от 6 июля 1983 г. Д.И. Козлов назначается генеральным конструктором ЦСКБ.

Д.И. Козлов был одним из последовательных противников создания системы «Энергия-Буран». Под его руководством в 1970-е гг. был разработан проект РН «Подъем». Однако было сочтено целесообразным передать данную тематику ОКБ «Южное», где с использованием материалов ЦСКБ была создана РН «Зенит». Вместе с тем куйбышевский коллектив стал, пожалуй, единственной организацией, сумевшей в срок разработать полезную нагрузку для отечественного многоразового корабля.

Видя, что спутники с пленочными фотокамерами перестают отвечать современным требованиям, Д.И. Козлов приложил максимум усилий для

создания аппаратов нового поколения – с оптоэлектронными телескопами и сливом информации по радиоканалу.

Основными заказчиками космических аппаратов Д.И. Козлова всегда были военные, поэтому, несмотря на высокую степень преемственности, приходилось укладываться в жесткие сроки и удовлетворять высочайшим требованиям, предъявляемым к получаемой информации.

Д.И. Козлов обладал потрясающей технической интуицией, прагматическим взглядом на вещи и неиссякаемой энергией, что позволило ему долгое время руководить ЦСКБ. Жесткий стиль руководства, соответствовавший той эпохе, когда Д.И. Козлов пришел в ракетную технику, плохо вписывался в реалии изменившейся жизни к началу 1990-х гг. Тем не менее ему удалось сохранить ЦСКБ.

В 2003 г. Д.И. Козлов ушел с занимаемого поста по состоянию здоровья, но был назначен почетным генеральным конструктором. Несмотря на возраст, он регулярно приезжал в ЦСКБ и принимал посильное участие в решении технических вопросов. Скончался в 2009 г., похоронен в Самаре.

Из истории неофициального искусства СССР и Чехословакии 1970-х годов

Гончарова Н.В.

В конце 1970-х годов Советский Союз находился в непростой ситуации. В феврале 1979 г. началась вьетнамо-китайская война – первая в мире война между двумя социалистическими странами, что резко осложнило и советско-китайские отношения. В декабре того же года советские войска были введены в Афганистан, что привело к множеству негативных последствий, в том числе и к бойкоту более чем шестью десятками стран Московской Олимпиады 1980 г. – первых в истории Олимпийских игр, проводимых в социалистической стране. Сложная обстановка также сложилась и в Восточной Европе. Вследствие нарастающего экономического и политического кризиса в Польше, в 1980 г., после серии массовых общенациональных забастовок, проведённых в знак протеста против летнего повышения цен на мясо, был отправлен в отставку первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Терек. Именно тогда родился знаменитый профсоюз «Солидарность» под руководством Леха Валенсы. До введения военного положения в этой стране оставалось чуть больше года.

Сосредоточившись на изучении различных военных, экономических и политических проблем этого важного периода холодной войны, отечественные исследователи практически не обращаются к вопросу об истории творческих контактов между представителями неофициального искусства из СССР и из стран соцлагеря. Между тем изучение этой темы дает интересный фактический материал, связанный не только с жизнью и творчеством самих носителей этого искусства, но и с воспроизведением культурной атмосферы того времени, с оценкой представителями интеллигенции разных стран роли СССР и Запада в происходящих политических и культурных процессах, с работой спецслужб соцстран по контролю за любыми проявлениями инакомыслия даже в такой необычной и малочисленной среде.

Используя как источник воспоминания участников этих событий – Натальи Абалаковой и Анатолия Жигалова, мы постараемся рассказать о поездке во второй половине 1980 г. в Чехословакию к своим коллегам

группы художников из Советского Союза. Необходимо хотя бы коротко упомянуть о художественном направлении, которое они представляли.

В конце 1960-х годов ряд американских художников, например, Роберт Смитсон и Майкл Хайзер, Джеймс Таррелл и Уолтер де Мариа, удалились в обширные пространства пустынь американского Запада и создали первые произведения в жанре лэнд-арта. Лэнд-арт – направление в искусстве, в котором создаваемое художником произведение было неразрывно связано с природным ландшафтом. Подобные произведения не были по отношению к ландшафту внешними или привнесёнными, природная среда использовалась, скорее, как форма и средство создания произведения. Часто работы выполнялись на открытом и удалённом от населённых мест пространстве, в котором оказывались предоставленными самим себе и действию природных сил. Так, Роберт Смитсон (Robert Smithson) создавал свои произведения в самых недоступных и отдаленных местах – Большом Соленом озере в штате Юта, пустынных районах Техаса или Юкатана в Мексике, вторгаясь в «пограничные области, лишённые фокуса».

Своими проектами западные лэнд-артисты в поисках альтернативы коммерческому искусству, заполонившему мир, протестовали против современной городской цивилизации, эстетики металла и пластика, против приземленного «утилитаризма искусства» в потребительском обществе и конфликта современной цивилизации (и искусства) с окружающей средой.

Эти процессы нашли свое отражение и в социалистическом лагере, например, в ЧССР, и, в частности, в восточной части федерации. То, что происходило в Словакии в 1960-1980-е годы, фактически развивалось параллельно американским процессам с учетом словацкой специфики, в которой земля была главным достоянием и ресурсом. В практике словацких художников данного направления речь шла о более политизированном отношении к экологическим и этическим проблемам, связанным с окружающей средой – именно эти темы они часто обсуждали на своих неофициальных встречах. Интересно отметить, что в Программе действий Коммунистической партии Чехословакии, принятой на Пленуме ЦК КПЧ 5 апреля 1968 г., в характеристике основных черт экономического кризиса отмечалось и «отсутствие культуры окружающей среды» – формулировка явно невозможная для употребления в партийных документах СССР того же периода¹.

Говоря о словацких мастерах лэнд-арта эпохи социализма, куратор Д. Чарна отмечала: «Многие авторы воспринимали природную среду как место самоотождествления, в которое они убегали из чуждой городской среды. Природа, которая была вне государственного контроля, могла стать

естественным убежищем для «скрытого» представления, но действия на природе обычно проводились конфиденциально, с участием только близкого круга художников или приглашенных участников, или просто наедине с самим собой. Произведения в жанре лэнд-арта в Словакии не предназначались для публичного представления в галереях. Если в то время художники отказывались следовать догме социалистического реализма, они не могли рассчитывать на экспозицию в официальных выставочных залах, трудно даже было представить возможность какой-либо публичной демонстрации»².

По мере перемещения по линии «Запад – Восток» лэнд-арт становился все более политизированным. Этому способствовала иная атмосфера, сопровождавшая творческую деятельность в СССР не только по сравнению с США, но и с соседней Чехословакией. Представителей неофициальной части творческой интеллигенции из Советского Союза в 1970-е годы вопросы экологии волновали гораздо меньше, чем свобода творческого самовыражения. Вполне естественно, что соответствующие советские спецслужбы гораздо «плотнее» контролировали крупные культурные центры, чем загородную или сельскую местность. Поэтому не является случайным, что среди ряда неофициальных художников наметилась тенденция перемещаться «на природу», подальше от контроля властей. Это имело некоторое сходство с процессами, которые происходили в Словакии, с той только разницей, что реакция властей СССР на подобные действия ряда художников (равно как и действия последних) были более жесткими, чем у западных соседей по соцлагерю. В отличие от своих словацких коллег, советские «неофициалы» изначально не имели альтернативной возможности легально и широкомасштабно позиционировать свое творчество. Это был не свободный, но вынужденный выбор ухода из существования в стиснутых рамках номенклатурной среды.

В 1975 году из числа последователей Виталия Комарова и Александра Меламида образовалась группа «Гнездо», а ее участники изначально демонстрировали новый тип поведения, выходящий за рамки соц-арта. Фактически они стали пионерами акционистской деятельности в СССР. Уже в таких акциях как «Оплодотворение земли» (1976), «Помощь советской власти в битве за урожай» (1976) обнаруживается провокационный и комедийный аспект самого действия, эффективное доведение до абсурда любой идеологии.

Акция «Помощь советской власти в битве за урожай» была проведена в одном из колхозов Подмосковья. Художники пахали, сеяли, жали и поедали свой урожай, призывая соотечественников организовывать

подобные «тройки» в помощь своей стране. В «Оплодотворении земли» культ природы и плодородия обыгрывался в ироническом взаимодействии со стандартными советскими лозунгами «Все на битву за урожай!» и «Искусство – народу». Симбиоз символики «плодородия» и незлой иронии над аграрной политикой страны выглядел весьма удачным. В данном случае также налицо было скрытое издевательство над неуклюжей и бестолковой советской пропагандистской машиной.

В 1976 году в СССР родилась творческая группа «Коллективные действия» (КД), которая практиковала различные акции, прямо называя их «поездки за город». Природная среда для них выступала в качестве альтернативной сцены.

В Воронцовском парке в том же году Михаил Чернышев и Борис Бич развернули композицию из киперной ленты – увеличенную копию представленной рядом картины. Она крепилась на небольших кольшках и была в несколько раз больше оригинала. Акция базировалась на принципе «удвоения», которые Чернышев ввел уже в шестидесятые годы как своего рода ироничную метафору бесконечности в постоянном делении, перенесенную в пространство реального пейзажа. Примечательно, что картины были аккуратно прислонены к дереву, не было забито ни одного гвоздя, так как действовать приходилось очень осторожно, под бдительным контролем сотрудников КГБ, организовавших рядом «спортивные состязания».

Перейдем к творчеству Натальи Абалаковой³ и Анатолия Жигалова⁴. С конца 1970-х они совместно разрабатывают и приступают к реализации долгосрочного концептуального Проекта «Исследования Существа Искусства применительно к Жизни и Искусству» – Тотальное Художественное Действие, с 1983 г. – ТОТАРТ. Работая на гипотетической границе, разделяющей искусство и жизнь, они изучают проблему этой границы. С 1970-х годов они поддерживали активные связи со словацкими и чешскими художниками. Акция «Солнцеворот» (22 июня 1980 г., Москва) была проведена именно по предложению последних. Летом того же года Н. Абалакова и А.И. Жигалов получили приглашение посетить Чехословакию.

Анатолий Жигалов вспоминал: «Поездка в Прагу началась, пожалуй, на несколько месяцев раньше самой поездки. В начале июня 1980 года пришло известие от пражских и братиславских художников, с творчеством которых нас знакомил Индржих Халупецкий⁵ и с которыми нам еще предстояло познакомиться лично. Это было предложение сделать какую-нибудь работу или акции 22 июня. И вот 22 июня, начиная с полуночи, мы

каждый час ходили с громоздким фотоаппаратом на треноге и снимали «найденный объект» – железную канистру из-под краски, обитавшую на тогда еще не застроенном поле напротив нашего дома в Орехово-Борисово. И каждый час мы проявляли стеклянные пластинки, промывали их в ванной и тут же печатали контактным способом... Через несколько дней в Прагу по «воздушному обмену» уезжали Илья и Вика Кабаковы. Мы договорились приехать на Киевский вокзал. Можно представить себе изумление Ильи, когда буквально за несколько минут до отхода поезда в их купе врывается пара безумцев с коробками с пластинками и фотографиями – «для наших чешских и словацких друзей»... Наверное, это было незабываемое зрелище»⁶.

Из воспоминаний Н. Абалаковой и А. И. Жигалова: «Лето 1980 года оказалось чреватое многими судьбоносными событиями: мы впервые, сами того не ожидая, получили приглашение посетить Чехословакию, и, – что было еще более невероятно, учитывая наше неучастие ни в одной творческой организации, кроме Горкома графиков – получили заграничные паспорта, дававшие возможность эту поездку осуществить. Этому событию предшествовала многолетняя и интенсивная переписка с Индржихом Халупецким, известным чешским культурологом и историком искусства.

Мы были приглашены по инициативе Индржиха, но как частные лица – так было проще, да и Халупецкий к тому времени не имел никаких официальных постов и был фигурой для властей неугодной»⁷.

Н. Абалакова отмечала следующее: «Но... нельзя не признать тот факт, что Индржих и другие чешские друзья не оставляли нас без информативной поддержки в период тотальной цензуры на любые формы и выражения инакомыслия и «железного занавеса»: они нам прислали огромное количество книг по структурализму и теории искусства. Многие из этих публикаций нами было переведено с французского и английского языка для Библиотеки им. Ленина (был там такой реферативный отдел), но, главное – это делалось для друзей»⁸.

Для советских властей эти люди вряд ли могли считаться лояльными. Достаточно только сказать, что А.И. Жигалов публиковался в основанном в 1974 г. христианско-либеральном журнале «Континет» – литературном органе русской европейской эмиграции, издаваемом в Париже, за чтение которого в Советском Союзе можно было получить тюремный срок. Обстановка внутри страны для «инакомыслящих» в это самое время была весьма напряженная. Так, А.В. Шубин указывает, что именно «на 1980 г. приходится беспрецедентный с 1974 г. рост осуждений по 70-й статье УК,

вал арестов начался с января 1980 г.». Он связывает разгром диссидентского движения с началом нового витка «холодной войны» в декабре 1979 г. «Изменение международной ситуации, неконтролируемый рост инакомыслия, в условиях кризиса системы «застоя» убедил Политбюро, что с оппозицией пора кончать»⁹.

Возникает вопрос – почему же «неблагонадежные» Н. Абалакова и А.И. Жигалов в атмосфере обострившейся в СССР борьбы с инакомыслием с такой легкостью получили от официальных властей разрешение на поездку в Чехословакию к таким же «неблагонадежным деятелям» как Халупецкий и его окружение (о чем соответствующие органы, наверняка, были осведомлены)?

Можно сделать несколько предположений. Первое (и наиболее вероятное) заключается в том, что соответствующие спецслужбы вели наиболее активную работу по совершенно иному направлению. По данным В.А. Козлова, после знаменитого теракта в московском метро в 1977 г. («Дело Затикиана») докладные записки КГБ в ЦК КПСС все больше сосредотачиваются на вне-диссидентской тематике, в которую входили подпольные организации, террористические акты или их подготовка, возрождение националистического подполья на окраинах и развитие русского национализма в России¹⁰. Остатки смятого правозащитного движения (о политических арестах уже говорилось выше) беспокоили власть в меньшей степени. Еще одно обстоятельство (кстати, не противоречащее первому предположению) – с 19 июля по 3 августа 1980 года в Москве проходили Олимпийские игры, и официальные структуры были заинтересованы в «разгрузке» города от не внушающих политического доверия людей во избежание возможных контактов последних с резко возросшим количеством иностранцев. Не исключено также, что Н. Абалакову и А.И. Жигалова согласованно «передали» под контроль Государственной безопасности ЧССР (Statni Bezpecnost¹¹) во время их пребывания на территории этой страны.

Н. Абалакова и А.И. Жигалов приводят весьма интересные детали о своей поездке: «Сейчас... как мы об этом жалеем – у нас нет ни одной его¹² фотографии – разве тогда могло прийти в голову, что они могут когда-то понадобиться... Середина семидесятых, когда мы с ним познакомились у художника Эдуарда Штейнберга¹³, была временем культа человеческих отношений и общения (что бы под этим ни понималось), а не «регистрационной чумы» надсадного документирования этих отношений. Это было время распознавания «своих» (среди чужих), а не музеефикации

или институционализации дружбы и взаимной симпатии. Сама западная культура (а мы считали Индржиха ее представителем) тогда представлялась нам динамичной конструкцией, чем-то вроде мозаики или пазла, эдакой номадической реальностью, где не было «табели о рангах», рейтингов, «первых и последних». И для нас не существовало даже самого понятия Востока и Запада, и уж тем более Россию мы никак не рассматривали как подсознания последнего – словом, наше видение мировой культуры и чешской (как ее части) было в высшей степени утопическим.

Реалист Индржих, преисполненный отвращения к потребительской и «нормализующей» культуре Запада (по его мнению), убивающей все самое лучшее в художнике, в отличие от нас, возлагал все надежды на «свет с Востока». Возможно, он тогдашнюю ситуацию видел несколько иначе, чем мы – в нашей переписке мы с ним спорили и полемизировали, воображая себе, что в его лице мы общаемся с недоступным «другим» – нашими виртуальными западными друзьями, единомышленниками, коллегами и в какой-то степени «товарищами по несчастью».

Но совсем скоро, уже в Праге, в обществе художников, занимающихся перформансом, мы поняли, что многие термины культуры мы понимаем по-разному.

Будучи признанным знатоком и интерпретатором творчества Марселя Дюшана, Индржих с некоторым предубеждением относился к новым жанрам – акциям и перформансам и, похоже, сожалел, что мы на тот период временно «отступили от живописи» и погрузились в безудержный акционизм. Конечно, нам было интересно познакомиться с многообразием стилей станкового искусства наших современников – чешских живописцев, графиков и скульпторов, – хотя общий язык мы быстрее нашли с акционистами и даже участвовали осенью 1980-го в подпольном фестивале перформансов, который не был разогнан силами «Штатни Беспечности» (Чешским КГБ) только потому, что в это же время на другом конце Праги происходило собрание «хартистов»¹⁴, и основные силы, отвечающие за соблюдение госбезопасности, были брошены туда. В отношении нас власти проявили недопустимую беспечность – накануне перформанса нам пришлось ночевать на чердаке на кровати, под которой лежали куски мяса, заготовленные впрок для какого-то радикального перформанса (о том, состоялся он или нет, мы так и не узнали; возможно, его смысл был в том, чтобы оставить нас ночью с этим мясом и посмотреть, какова будет на сей счет реакция «перформансистов из России»). Естественно, нас более всего интересовал круг чешских акционистов, для которых (как нам показалось) в акциях реализовывался и «предъявлялся» зрителям только чистый

момент экзистенциального проживания. Всё же остальное казалось им коррумпированным и продажным. Были даже случаи, когда художники намеренно отказывались от документации, тем самым словно говоря, что незадокументированный перформанс – это только то, что остается в памяти автора и немногих зрителей, так как «umění neexistuje» (искусство не существует), а его фиксация в виде фото и вербального описания делает непосредственный жест, существующий здесь и сейчас, искусством, имеющим жизнь в другом времени и пространстве – музейном и историческом. Но с Индржихом мы на эти темы уже не говорили»¹⁵.

Вспоминает Н. Абалакова: «Решетки, тень решетки, тьма квадратная решеток» – часть структуры подпольного перформанса (1980) «Посвящение Праге», жестокой поэтической игре «competence-performance», исследования пределов самой свободы соотносительно кодам этой свободы, где «затасканные зерна зыбких истин» менялись местами: «все белые – сюда, а черные – туда». И эти границы несвободы (придающие, однако, художественному произведению целостность, законченность и определенность) выявляют новые коды для его непосредственного прочтения, если не прибегать ни к неприступным платоновским эйдосам, ни к расхожим и товарным изводам «русской идеи».

Сейчас многое видится по-другому. Например, некоторые совершенно потрясающие художники на долгие годы «выпали» из оптики интереса (и, стало быть, из контекста), как, например, яркий представитель магического реализма Владимир Пятницкий, отчасти оттого, что такой авторитетный культуролог как Индржих Халупецкий, скажем, «проигнорировал» эту линию, поскольку был убежден, что в России, кроме концептуализма нет ничего достойного внимания.

(Нас это не слишком интересует, так как мы занимаемся искусством, а не его историей, но такое мнение в России существует).

Но история (в том числе и искусства) как и политика не терпит такого отношения к себе: если ею не хотят заниматься, она сама «займется» вами»¹⁶.

Анатолий Жигалов указал на парадоксальную ситуацию, когда в ходе встреч обнаружилось, что обе стороны идеализируют друг друга, вкладывая в свое представление о ситуации с искусством в той или иной стране совершенно не соответствующие реальности детали.

«Халупецкий и чешские художники старшего поколения – Станислав Колибал, Честмир Кафка и другие – несмотря на трагический опыт «встречи» с Большим Братом, оставались убежденными приверженцами

социалистических идей и смотрели на Россию как на родину истинного авангарда, не разъеденного рынком и не коррумпированного вопреки всему. На тему «свет с Востока» (понимаемого в этом аспекте) у нас состоялся настоящий симпозиум, подлинный пир духа в мастерской старейшего пражского художника Вацлава Боштика. Из окошка в стене таинственная рука время от времени выставляла очередной поднос с замечательным моравским красным вином и несметным количеством бутербродов, и участники духовной беседы все с большим жаром отстаивали свои позиции. Увы! Гости с Востока занимали позицию западничества, а «западные» хозяева ловили зыбкие отблески этого неуловимого «света с Востока» в самих паломниках из страны Востока»¹⁷.

На то же обращала внимание и Наталья Абалакова: «Мы уже вступили в пространство опасных игр, когда увеличивался риск очень скоро оказаться «своими среди чужих» и «чужими среди своих»: В России нас считали «западными», а на Западе – «слишком русскими»¹⁸.

Воспоминания о чехословацкой поездке пронизаны трагическими политическими подтекстами. Наталья Абалакова: «... этот ускользящий от меня Большой Пражский текст постоянно возвращал меня к невиданным и непережитым мной событиям того великого 1968 года, когда взбесившееся «означаемое» ворвалось в историю в образе огненного вознесения пражского студента¹⁹, а молчаливое будущее вошло в виде танковой колонны с потушенными огнями и без опознавательных знаков»²⁰.

Анализируя эту поездку, Наталья Абалакова с сожалением отмечала: «В 1990-х другое поколение художников пыталось установить деловые и дружеские контакты с чешскими и словацкими художниками, которые несколько раньше, чем мы в России, испытали на себе воздействие «культурного империализма» в лице того самого Большого Другого, о котором у нас в 1970-х были столь идеалистические представления. Вне сомнения, их опыт не менее ценен и интересен, чем наш. К сожалению, очень немногие российские художники смогли сохранить творческие и дружеские контакты с чехами и словаками – это обидно и несправедливо. Остается лишь надеяться, что у другого поколения, не отягченного опытом тоталитаризма, ксенофобии и «евразийства», это получится. Так что не будем терять надежды и помечтаем о том, что придет время, и все мы станем (надеемся) добрыми соседями «мировой деревни»²¹.

Зимой 2009–2010 г. в Москве прошла выставка «Прочь из города. Ленд-арт. 1960–1980», на которой были представлены работы российских и

словацких мастеров этого периода и материалы, запечатлевшие некоторые из упомянутых в этой статье имен.

Примечания

¹ Программа действий Коммунистической партии Чехословакии, принятой на Пленуме ЦК КПЧ 5 апреля 1968 г. / Akční program KSČ přijaty na plenárním zasedání UV KSČ dne 5. dubna 1968 // Чехословакия конца 60-х годов: социализм с человеческим лицом. Реферативный сборник / Редактор-составитель Щербакова Ю.А. М., 1991. С. 123.

² «Прочь из города» Лэнд-арт. 1960-1980-е. Художники из Словакии, Чехии и России. Сост. Н. Гончарова. М., 2009. С. 8–9.

³ Род. в 1941 г. в Нижнем Новгороде (Горький). Художник, переводчик. Окончила филологический факультет МГПИ (Московского Государственного Педагогического института). Живописью занимается с начала 1960-х. С 1974 г. принимает активное участие в движении художников-нонконформистов. Участник многочисленных квартирных и других выставок этого периода. Большое внимание уделялось литературной и критической деятельности.

⁴ Род. 3 декабря 1941 под Арзамасом. Окончил филологический факультет Московского Областного педагогического института им. Крупской. Поэт, художник, переводчик. Поэзией и живописью занимается с конца 1950-х гг. Поэтические самиздатские сборники регулярно выходят в 60-е – 70-е годы. С середины 1970-х печатается в русскоязычной зарубежной прессе. С 1974 г. принимает активное участие в движении художников-нонконформистов и выставляется почти на всех выставках неофициального искусства этого периода. Вместе с Н. Абалаковой один из зачинателей параллельного кино и специфического жанра кино– и видеоперформансов. Публикации: Поэзия: Самиздатские сборники 1961-78. Книга стихов 1958-78. «Континент» № 7, 1976, № 17, 1978, Париж; «Время и Мы», 1976-77, Иерусалим; «Эхо» № 1, 1981, Париж; «Русская мысль», 1977. Kulturpalast (Новая Московская поэзия и акционизм), Вупперталь, 1984; Самиздат: Журнал «37» (п/р В. Кривулина), Ленинград, 1978; «Митин журнал» № 34 (п/р Д. Волчека). Москва. 1990, «Двоепочие» № 3–4, 2002, Иерусалим. Совместно с Н. Абалаковой: «Двадцать один палец из жизни художника», Москва, 1999. «Тотарт: Русская рулетка», Ad Marginem, Москва, 1999. «Комментарий» № 20, 2002, М. («Четыре колонны

бдительности»).

⁵ *Индржих Халупецкий* (чеш. Jindřich Chalupsky, 12 октября 1910, Прага – 19 июня 1990, там же) – выдающийся чешский искусствовед, теоретик литературы, поэт, переводчик, общественный деятель. Учился на врача. Работал учителем. Входил в авангардистскую Группу-42 (Иван Блатный, И. Коларж и др.), был её главным теоретиком. Редактировал журналы *Zivot* (1942–1943) и *Listy* (1947–1948). В годы социализма был, среди прочего, автором монографии о Марселе Дюшане (1975, 1978), которая распространялась в самиздате, как и его книга о дада и сюрреализме в чешском искусстве (1976). Автор многочисленных трудов по истории и теории современного искусства и литературы. Организатор выставок чешского искусства за рубежом. Составитель и редактор самиздатского сборника произведений Якуба Демла, автор монографий о чешских экспрессионистах (Р. Вайнер и др.). Жена – поэт и переводчик Иржина Хаукова (1919–2005); Халупецкий вместе с ней перевел поэму Т.С. Элиота «Бесплодная земля» (1947). В 1970-е годы активно поддерживал представителей неофициального советского изобразительного искусства – Эдуарда Штейнберга, Владимира Янкилевского, Виктора Пивоварова, Илью Кабакова, Владимира Яковлева. Продвигал их работы на Западе, знакомил русских художников с последними тенденциями в развитии мирового искусства. Написал монографию о Владимире Яковлеве (1976, вместе с Геннадием Айги). Статьи Халупецкого о современном искусстве переведены на ряд европейских языков. В 1990 г. по инициативе Вацлава Гавела была учреждена ежегодная премия имени Халупецкого, которая присуждается молодым художникам (до 35 лет). Жюри премии заседает в Праге. Собранная Халупецким коллекция живописи находится теперь в пражском музее Кампа.

⁶ «Прочь из города». Лэнд-арт. 1960-1980е. С. 43.

⁷ Указ. соч. С. 42.

⁸ Указ. соч. С. 45.

⁹ *Шубин А.В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 276, 279.

¹⁰ *Козлов В.А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985. М., 2006. С. 435.

¹¹ Служба национальной безопасности ЧССР (*Sbor narodni bezpecnosti*, сокращенно – *SNB*) в тот период включала силы Общественной и Государственной безопасности. Силы Общественной безопасности (*Verejna Bezpecnost* или *VB*) – представляли из себя обычную полицию, а Силы

Государственной безопасности – Statni Bezpecnost или StB – выполняла функции, аналогичные КГБ СССР.

¹² Речь идет об И. Халупецком.

¹³ Воспоминания о 60-х и 70-х годах Галины Маневич и публикуемая ею переписка Эдуарда Штейнберга и Индржиха Халупецкого необычайно ярко воссоздают атмосферу времени. Подробнее см.: Маневич Г.И. Штейнберг и Халупецкий // Русское искусство. 2008. № 3. С. 150–162.

¹⁴ Характерной особенностью Чехословакии рассматриваемого периода было наличие в её общественной жизни политической оппозиции, которая охватывала как большинство участников событий 1968. года, так и другие слои, примкнувшие к ней позже. Она находилась в летаргическом состоянии, хотя после образования политической группы, получившей название «Хартия-77», несколько оживилась. «Хартия-77» – программный документ, ставший основанием для формирования группы политических диссидентов в Чехословакии, просуществовавшей с 1976 по 1992 г. Ее основатели (Вацлав Гавел, Иржи Динстбир, Зденек Млынарж, Иржи Хайек, Павел Когоут) стали ведущими общественными и политическими фигурами в стране после Бархатной революции 1989 г. Философ Ян Паточка, одним из первых подписавший хартию, был арестован в 1977 г. и умер на допросе. Текст хартии был составлен в 1976 г.; одним из стимулов к его созданию стал арест андеграуд-группы The Plastic People of the Universe. Первые подписи были поставлены в декабре 1976. Вместе с именами 242 подписавшихся хартия была опубликована 6 января 1977. Последовали аресты и конфискация оригинала хартии, однако ее копии продолжали циркулировать. 7 января текст хартии был размещен в нескольких крупных газетах Европы и США.

¹⁵ «Прочь из города». Лэнд-арт. 1960-1980-е. С. 42–43.

¹⁶ Указ. соч. С. 43–44.

¹⁷ Указ. соч. С. 44.

¹⁸ Указ. соч. С. 45.

¹⁹ Это был Ян Палах / Jan Palach (11 августа 1948, Вшетаты – 19 января 1969, Прага) – студент специальности «история и политическая экономия» философского факультета Карлова университета в Праге, который в знак протеста против оккупации Чехословакии войсками Советского Союза и других стран Варшавского договора 16 января 1969, облив себя бензином, совершил самосожжение близ Национального музея на Вацлавской площади в Праге. З. Млынарж в своих воспоминаниях указывает, что его могилу «распорядились убрать с центрального

Ольшанского кладбища» (см. Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. Пер. с чеш. М., 1992. С. 286).

²⁰ «Прочь из города». Лэнд-арт. 1960-1980е. С. 44.

²¹ Указ. соч. С. 46.

СССР и война в Корее: новые подходы

Егорова Н. И.

Для истории Корейской войны 2010 год является юбилейным. Как известно, она началась 60 лет назад, 25 июня 1950 г., и продолжалась до подписания 27 июля 1953 г. перемирия командованием северокорейских войск, представителем китайских добровольцев и командованием интернациональных сил ООН. Однако до сих пор применительно к войне в Корее используются такие определения, как «забытая» война, «засекреченная» война, что связано и с состоянием исторической памяти об этой первой локальной горячей войне, в которой противостояли друг другу главные военно-политические противники в глобальной холодной войне, и с далеко не полной открытостью архивных документов. Получило также довольно широкое распространение и определение Корейской войны как «великой ограниченной войны»¹. Ведь участниками данной войны была заплачена очень высокая цена. По числу жертв она уступала только двум мировым войнам. Но если в США в 1995 г. был открыт мемориал, посвященный войне в Корее, то в современной России подобного мемориала пока не существует. И ветераны Корейской войны говорят об этом с большим сожалением.

В российском научном сообществе не проводилось специальных конференций, посвященных очередной юбилейной дате с момента начала войны в Корее. Однако появившееся значительное число публикаций в СМИ и в Интернете свидетельствует как об актуальности этой темы в изучении международных отношений XX века, и в частности истории холодной войны, так и о существовании все еще значительного количества «белых пятен» в исследовании хода и исхода Корейской войны, порождающих различные ее интерпретации.

В данном сообщении автором ставились следующие задачи. Во-первых, показать, как постепенное открытие российских архивов отразилось на изучении войны в Корее в современной отечественной историографии. Во-вторых, на конкретном примере продемонстрировать, какую важность представляет новый документ для корректировки интерпретации событий. И в заключение – обратиться к вопросу о том, насколько новые рассекреченные документы расширяют наше знание о влиянии войны в Корее на дальнейшую эволюцию холодной войны.

Для современной историографии Корейской войны важным рубежом явилось рассекречивание в начале 1990-х годов большого массива документов по данному вопросу из Архива Президента Российской Федерации. Передача Борисом Ельциным части этой коллекции документов властям Республики Корея (во время визита российского президента в Южную Корею в 1963 г. и ответного визита президента Ким Янг Сэма в Москву в июне 1994 г.) положила начало доступа исследователей к ряду рассекреченных материалов. Однако наибольшие возможности предоставила реализация соглашения между Центром по исследованию Кореи Колумбийского университета (Center for Korean Research of Columbia University), Проектом по международной истории Холодной войны Центра Вудро Вильсона (Cold War International History Project of the Woodrow Wilson Center) и Дипломатической Академией МИД РФ (Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation). В результате этого соглашения копии рассекреченных документов поступили в Архив национальной безопасности (National Security Archive) при университете Дж. Вашингтона для широкого пользования.

Что касается непосредственно российских специалистов, то с 1995 г. некоторые из них получили возможность работать с частью коллекции рассекреченных документов Архива Президента. Это позволило пересмотреть многие традиционные взгляды. Однако ограниченность доступа в этот архив, а также повторное засекречивание документов по Корее, которые находятся в личном фонде Сталина и переданы в Российский государственный архив социально-политической истории, значительно затрудняют исследование. В то же время в распоряжении историков находятся недавно рассекреченные «Особые папки Политбюро ЦК ВКП(б)», рассекреченные материалы Архива внешней политики РФ, в некоторой части дублирующие документы Архива Президента. К сожалению, рассекреченные документы Центрального Архива Министерства обороны весьма немногочисленны, не говоря уже о недоступности Архивов ФСБ, Службы внешней разведки, которые могли бы пролить свет на все еще малоизвестные страницы войны в Корее, в частности, на роль разведки. Вместе с тем могут оказаться весьма полезными фонды секретариатов Совета Министров в Государственном архиве РФ, а также коллекции документов в Государственном архиве экономики (Государственный Комитет планирования, Министерство финансов СССР и др.).

Таков в целом тот круг документов, на котором базировались работы российских исследователей о войне в Корее в последнее десятилетие.

Необходимо также иметь в виду и использование российскими специалистами первых появившихся в России и за рубежом в 1995–1998 гг. публикаций рассекреченных российских документов в различных изданиях.

Не останавливаясь подробно на анализе современной российской историографии войны в Корее, хотелось бы отметить основные концептуальные положения, сформировавшиеся с учетом открывшихся новых документальных свидетельств и научных трудов. Следует признать, что на сегодняшний день в России, в отличие от зарубежной историографии, опубликовано мало новых монографических исследований о войне в Корее. Но эта трагическая страница истории холодной войны отнюдь не забыта, хотя во многом все еще засекречена. Различные аспекты данной проблемы, ее последствия и уроки освещаются в статьях, сборниках, главах коллективных трудов.

Наиболее комплексно новые подходы российских историков представлены в широко используемой специалистами книге А.В. Торкунова «Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов», которая была опубликована в 2000 г. и затем переведена на английский, корейский и японский языки². Она представляет собой документальную историю войны в Корее, написанную на основе тех самых рассекреченных документов Архива Президента, о которых говорилось выше, и развивающую новые взгляды, лишь намеченные в книге того же автора, изданной в 1995³. Позволяя фактам говорить за себя, Торкунов обоснованно отвергает устоявшийся в советской историографии взгляд относительно того, что наступление 25 июня 1950 г. началось с Юга. В то же время автор счел необходимым подчеркнуть тот факт, что и в Южной Корее шла подготовка к объединению страны силой. Обе стороны были настроены весьма решительно и преследовали свои внутривнутриполитические и националистические интересы, поэтому изначально война в Корее носила характер гражданской войны. В данной работе Торкунов также дает ответ на все еще дискутируемый вопрос о роли Москвы в начале агрессии. Он детально проследил эволюцию позиции Сталина в отношении идеи Ким Ир Сена объединить Северную и Южную Корею военно-силовым путем. Если в 1949 г. Сталин негативно отнесся к предложению Кима, то в конце января 1950 г. он ее поддержал.

Подход Торкунова, совпадающий со многими концепциями зарубежной историографии, в настоящее время разделяет большинство российских специалистов по Корее и историков холодной войны. Так,

новый взгляд на историю Корейской войны представлен в рассчитанной на более широкий круг читателей и носящей очерковый характер книге И.М. Попова, С.Я. Лавренова, В.Н. Богданова «Корея в огне войны»⁴. Опираясь на рассекреченные документы и зарубежные публикации, авторы стремятся представить непредвзятую картину генезиса и развития конфликта на Корейском полуострове. В книге также затрагивается вопрос о подготовке к военным действиям не только на Севере, но и на Юге.

Однако как показывают другие публикации, чрезмерное акцентирование подрывной деятельности и военных приготовлений в Южной Корее, подводит к выводам о «неоднозначности» ответа на вопрос об инициаторе Корейской войны, что вольно или невольно ведет к затушевыванию ответственности Северной Кореи за начало агрессии. Широко привлекая все документальные свидетельства относительно ситуации в Южной Корее, представители данного подхода фокусируют внимание на активных военных приготовлениях к силовому решению корейского вопроса на Юге. В этой связи отмечаются такие факты, как алармистские высказывания Ли Сын Мана накануне войны, а также участвовавшие вооруженные столкновения сторон в районе 38 параллели, которые приняли форму настоящих сражений летом и осенью 1949 г. (особенно в районе Онджина). Сторонники этой интерпретации (которую, по их мнению, в американской историографии представляет Брюс Камингс⁵) критикуют тезис о «неожиданности» для Южной Кореи нападения с Севера. Они ссылаются на мероприятия по укреплению обороноспособности южнокорейской армии и на другие факты, в частности на донесения советского посла генерала Т.Ф. Шлыкова от 20 июня 1950 г. (относительно перехваченного с Юга приказа о начале атаки против Севера в 23.00) и от 21 июня (об информированности Сеула о готовящемся наступлении Корейской народной армии). В целом они полагают, что каждая из сторон стремилась подтолкнуть другую к началу войны, чтобы снять с себя ответственность за ее развязывание.

Один из активных сторонников данного подхода, известный исследователь истории Кореи Ю.В. Ванин высказал эту позицию еще в 2000 г. И он продолжает ее придерживаться в новой книге⁶, подробнее о которой будет сказано чуть позже. Ванин исходит из тезиса, что поскольку война была неизбежна, то не столь важно, кто ее начал, но очень важно *учитывать фактор массивированного внешнего вмешательства* (курсив мой – Н.Е.). Именно интернационализация конфликта стала причиной затягивания Корейской войны на долгие годы⁷. Иными словами, по мнению

Ванина, война в Корее состоит как бы из двух войн. Первую начали «две правящие элиты» разделенной Кореи, а вторая – «дело рук внешних сил»⁸.

Оставляя в стороне спорные положения этой концепции, нельзя не согласиться с автором, что в столкновении двух сверхдержав на Корейском полуострове собственно корейские интересы были отодвинуты на задний план. В неоднократно опубликованной за последние годы беседе Сталина с Чжоу Эньлаем 20 августа 1952 г. советский лидер, настаивая на продолжении войны ради ослабления престижа США, их глубокого вовлечения в дела Дальнего Востока и отдаления мирового конфликта, которого он опасался все послевоенное десятилетие, отметил: «Северокорейцы ничего не потеряли, кроме жертв, которые они понесли в этой войне». И далее: «Конечно, надо понимать корейцев – у них много жертв. Но им надо разъяснить, что это дело большое»⁹.

В свете новых документов все больше проясняется вопрос об истории переговоров о перемирии в Корее, которые официально начались 10 июля 1951 г. в Кэсоне. Несмотря на недостаточность документов, чтобы в полном объеме осветить как предысторию мирных инициатив, начало которых относится к июлю 1950 г., так и секретные переговоры представителей СССР, Великобритании и США с участием известного дипломата и историка Джорджа Кеннана, а также неоднозначную позицию и инициативы китайского руководства, этот вопрос отличается наибольшей согласованностью мнений. Исследователями отмечается заинтересованность Сталина, озабоченного ситуацией в Европе, в том, чтобы США как можно дольше были вовлечены в конфликт на Дальнем Востоке. Обращается внимание на амбиции как СССР, так и США, не желавших первыми предлагать перемирие. Подчеркивается решающее значение поворота во внешней политике СССР после смерти Сталина и влияние протестного движения в различных странах мира против Корейской войны.

Освещение военных аспектов войны в Корее в основном представлено исследованием действий ВВС с обеих сторон. Однако особенное внимание уделено советской истребительной авиации, главную ударную силу которой составляли самолеты МиГ-15 и МиГ-15 бис. В Корейской войне участвовало около 70 тыс. личного состава советских ВВС¹⁰. Значительный вклад в освещение данного вопроса внесли работы А.С. Орлова¹¹, как участника событий и известного военного историка. Также надо отметить труды В.А. Гаврилова и выпущенные в 2006–2007 г. книги И. Сейдова (в том числе в соавторстве с Ю. Сутягиным, сыном известного аса Николая

Сутягина, сбившего 22 американских самолета)¹². Помимо помощи в небе Кореи с учетом не только новых документов, но и мемуарных свидетельств российскими исследователями в цифрах показаны большие объемы другой советской военно-технической помощи Северной Корее и КНР. Эта помощь ложилась тяжелым бременем на разрушенное Второй Мировой войной народное хозяйство СССР. Документально также подтверждается, что Сталин всячески дистанцировался от вовлечения других родов советских вооруженных сил в корейский конфликт, чтобы не спровоцировать начало большой войны с США. Советским военным советникам разрешалось действовать только при штабах северокорейской армии и войск китайских добровольцев. Тем не менее из-за опасения перерастания конфликта в мировую войну на границах с КНДР в боеготовности находилось 5 советских бронетанковых дивизий и 5-ый и 7-ой Тихоокеанский флот СССР в Порт-Артуре.

Новым взглядом отмечено и исследование роли ООН в Корейской войне. Этой проблеме посвящена уже упоминавшаяся монография Ю.В. Ванина «Корейская война (1950–1953) и ООН», которая вышла в свет в 2006 г. На основе рассекреченных документов Архива внешней политики, документов партийных архивов и уже опубликованных документальных свидетельств автор освещает роль ООН как главного инструмента трансформации локального конфликта в международный. Иными словами, вопреки миротворческим функциям ООН, она предстает в Корейской войне как воюющая сторона¹³. В этой связи значительное внимание Ванин уделил политике США в корейском вопросе, их инициативе вмешательства во внутрикорейский конфликт с учетом проамериканского соотношения сил в ООН в тот период. Касаясь все еще спорного вопроса о неучастии советского представителя в Совете Безопасности Якова

Малика, когда принимались резолюции Совета Безопасности 25 и 27 июня 1950 г., с которых началось прямое вмешательство ООН во внутрикорейский конфликт, Ванин однако не вносит ясности в этот вопрос. Он лишь ограничивается замечанием о том, что Москва выжидала дальнейшего развития событий в Корее и в ООН¹⁴.

В связи с этим вопросом хотелось бы обратиться к тем конкретным примерам, которые показывают, сколь важны новые документы в реконструкции полной картины войны в Корее. Касаясь вопроса о причинах неучастия советского представителя в работе Совбеза в критический момент, сошлемся на весьма важный документ, который был опубликован в журнале «Новая и новейшая история» в 2005 г. А.М.

Дедовским, внесшим свой вклад в качестве дипломата и историка в изучение Корейской войны. Речь идет об ответе Сталина президенту Чехословакии К. Готвальду, который в беседе с советским послом в Праге выразил сомнение в целесообразности неучастия представителей «лагеря демократии» в работе Совета Безопасности 27 июня 1950 г. Сталин ответил Готвальду только 27 августа, когда наступление сил Северной Кореи развивалось весьма успешно и у «хозяина» Кремля окончательно выкристаллизовалось обоснование политики СССР в Корейской войне. В качестве двух первых целей неучастия советского представителя в работе Совета Безопасности Сталин называл продолжение политики обструкции по причине солидарности СССР с КНР ввиду того, что США поддерживали незаконное представительство Гоминьдана в Совете Безопасности. Еще одним оправданием являлось стремление Кремля сделать «незаконным» решение Совета Безопасности из-за отсутствия двух великих держав, т. е. СССР и КНР. И, наконец, по словам Сталина, уход советского представителя из Совета Безопасности дал возможность США начать интервенцию в Корею, где они растрачивают свой моральный престиж, выступая в роли агрессора, а также демонстрируют слабость в военном отношении. Конечно, в этих словах присутствовала пропагандистская риторика. Однако далее Сталин дал оценку американскому участию в войне в Корею с точки зрения «баланса мировых сил», указывая на следующие выгоды для социалистического блока. Прежде всего это то, что военная интервенция на Дальнем Востоке отвлекала США от Европы. Не исключая возможность втягивания Китая в войну в Корею, Сталин прогнозировал вероятность того, что Америка надорвется в борьбе со столь сильным противником и «будет неспособна в ближайшее время на третью мировую войну»¹⁵. Тем самым война будет отложена на неопределенный срок, а это даст дополнительное время для укрепления социализма в Европе и «революционизирует» всю Дальневосточную Азию. Опираясь на данное свидетельство, можно полагать, что после интернационализации регионального конфликта советский вождь надеялся извлечь из него определенные политические дивиденды в разворачивавшейся глобальной холодной войне. Высказанные советским лидером в августе 1950 г. «плюсы» вовлечения США в войну в Корею почти дословно повторялись в суждениях Сталина во время уже упоминавшейся мной его беседы с Чжоу Эньлаем 20 августа 1952 г.

Еще одним примером важности документальной реконструкции является вопрос о вступлении Китая в войну В силу труднодоступности архивов КНР данный аспект войны в Корею вызывает противоречивые

интерпретации. Это наглядно демонстрирует опубликованная в Бюллетене Проекта по международной истории холодной войны за 1995–1997 гг. полемика между американским исследователем А. Мансуровым, опиравшимся на документы Архива Президента РФ, и китайским исследователем Шеи Жихуа (Shen Zhihua), который оперировал китайскими документами. Мансуров писал о том, что к середине октября 1950 г. китайское руководство весьма неохотно приняло решение о посылке добровольцев в Корею¹⁶. Китайский же ученый приводил убедительные доказательства наличия желания самого Мао Цзэдуна положительно откликнуться на письмо Сталина от 1 октября 1950 г., передающего просьбу Ким Ир Сена оказать КНДР помощь военной силой, и отсутствие консенсуса по этому вопросу в начале октября в самом Политбюро Коммунистической партии Китая.

В работе Торкунова приводятся свидетельства о том что и в 1949 г., и в мае 1950 г. Мао одобрял решение Ким Ир Сена о наступлении на Юг и обещал поддержку, а после начала войны связывал ее реализацию с опасностью в случае перехода противником 38 параллели, что и случилось в начале октября. Однако и в этом комплексном документальном исследовании имеются лакуны и нестыковки, затрудняющие понимание как позиции КНР после успешной операцией ооновских сил в Инчхоне 15 сентября и наступлении на Пхеньян, так и принятых Сталиным в течение 12–13 октября решений об эвакуации корейских войск на север. Т. е. это был фактический отказ от продолжения сопротивления КНДР, а затем последовала срочная отмена этих решений после согласия ЦК КПК предоставить военную помощь Северной Корее. Опубликованные в 2005 г. Дедовским документы, о которых я уже говорила, наряду с его воспоминаниями и интерпретацией, помогают восстановить реальный ход событий.

Из впервые опубликованной переписки Мао Цзэдуна, Сталина и Ким Ир Сена в период 7–9 октября 1950 г. становится очевидным, что в эти дни китайское руководство приняло долгожданное решение о направлении китайских добровольцев в Северную Корею, выдвигая при этом условия авиаприкрытия со стороны СССР и других видов военной помощи КНР. В телеграмме Мао Сталину от 8 октября также сообщалось, что Ким Ир Сен уже информирован о посылке китайской добровольческой армии в Корею. Однако как следовало из совместной телеграммы Сталина и Чжоу Эньлая, приехавшего в СССР для переговоров, которая была направлена Мао 11 октября, состоявшийся обмен мнениями привел к «единодушным выводам»

о том, что «китайским войскам не следует переходить границы Китая»¹⁷. Мотивировалось это решение неподготовленностью китайских войск. Мао Цзэдун одобрил принятые решения, включая рекомендации относительно эвакуации Пхеньяна и других важных пунктов южнее горного района Северной Кореи. Часть войск должна была перейти на партизанское положение. Как следовало из дополнительной телеграммы Мао Сталину, он приказал китайским войскам «прекратить исполнение плана перехода в Корею»¹⁸. В телеграмме Сталина на имя советского посла и главного военного советника Васильева от 12 октября содержались указание информировать Ким Ир Сена о решении совещания представителей Политбюро ЦК ВКП(б) и китайского ЦК и указания о начале эвакуации. Причем из этого документа выясняется, что рекомендации относительно эвакуации были приняты именно после неутешительного доклада Чжоу Эньлая о состоянии китайских войск и единодушного вывода, что Китай может оказать помощь только через 6 месяцев, которая станет явно запоздалой. Следует отметить, что вероятно 12 октября Ким Ир Сен получил еще одну телеграмму от Сталина, где раздосадованный вождь сообщал, что китайцы «вновь отказались послать войска» и сообщал о необходимости эвакуации из Северной Кореи. Об этом можно судить по копии документа из Архива Президента, написанного рукой Сталина, и по ссылкам в книге Торкунова. Однако ночью 13 октября Мао Цзэдун сообщил новому советскому послу Рошину о пересмотре китайским руководством предыдущего решения и о желании помочь корейцам. В первую очередь, это объяснялось усилившейся угрозой национальной безопасности КНР, а также более ранними обещаниями Мао военной поддержки, без которых, вполне возможно, Ким Ир Сен не решился бы на объединение Кореи силовым путем.

И наконец, кратко коснемся тех вопросов о влиянии Корейской войны на глобальную конфронтацию, которые прослеживаются по документальным свидетельствам. Подготовленный в 1950-е годы под грифом секретности и опубликованный только в 2000 году большой аналитический труд «Война в Корее. 1950–1953»¹⁹ подтверждает тот факт, что боевые операции в Корее предоставили возможность и СССР, и США существенно дополнить имевшуюся у них информацию о состоянии вооружений противника, о новых видах военной техники, об организации вооруженных сил и развитии оперативно-тактической мысли за годы, прошедшие после окончания Второй Мировой войны. Иными словами это была разведка боем. Значительную роль в советской разведывательной

деятельности имели радиоперехват, в том числе и с помощью ВМФ.

Так, фактом, свидетельствующим о разведывательной деятельности Тихоокеанского ВМФ, является шифротелеграмма военно-морского министра и Главнокомандующего ВМФ СССР И.С. Юмашева Сталину от 10 февраля 1951 г. Адмирал Юмашев докладывал, что «по донесению разведки 5 ВМФ от 9 февраля с.г., с 7 февраля в радиосети ВМС США на Дальнем Востоке сильно увеличился радиообмен шифром между командующим военно-морскими силами США на Дальнем Востоке, командирами 90 (десантного) соединения и подчиненных ему командиров 1, 2, 6 и 7 оперативных групп, 77 (авианосного) соединения, 95 соединения кораблей огневой поддержки, 10 армейского корпуса и 1 дивизии морской пехоты... Изложенное дает основание предполагать о подготовке американским командованием десантной операции на западном побережье Кореи»²⁰. Последнее, однако, не было осуществлено.

Вообще разведка являлась важной составляющей частью боевых действий обеих сторон в Корейской войне, и по закону «игры с нулевой суммой», которому следовала логика холодной войны, действие рождало противодействие. Поэтому не вызывает сомнений, что советское военно-политическое руководство, имея сведения о военно-морской разведке силами авиации ВМС США и Великобритании, которая велась не только с целью своевременного выявления состава, районов базирования и характера действий кораблей Военно-Морского Флота КНДР, но и «выявлению состава и районов базирования военно-морских сил Советского Союза на Дальнем Востоке»²¹, не могло не предпринимать адекватных мер в интересах собственной национальной безопасности и помощи своим союзникам в войне в Корее²².

О том, что война в Корее сопровождалась большой разведывательной работой, пишет и В.Г. Кикнадзе в опубликованной в 2009 г. статье «Разведка США в период войны в Корее. 1950–1953 гг.»²³. Война в Корее побудила США к созданию новой, более эффективной разведывательной структуры – Агентства национальной безопасности.

Война в Корее стимулировала милитаризацию холодной войны. Доступные документы показывают, например, что в 1951–1952 гг. в СССР были приняты постановления и проведены мероприятия по развитию военного судостроения, поскольку в ходе боевых действий выявилось значительное превосходство американских военно-морских сил.

Война в Корее также способствовала дальнейшему развитию блоковой политики. Как известно, на Западе война в Корее ускорила создание армии

НАТО в 1951 г. Но если обратиться к постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б), принятым осенью 1950 г. и в 1951 г, то они свидетельствуют об увеличении поставок трофейного оружия и другого оружия, а также боеприпасов для сухопутных и морских полицейских формирований ГДР, о подготовке кадров для восточногерманских «воздушных полицейских формирований»²⁴. Таким образом, создавался костяк армии ГДР. В 1951 г. Политбюро утвердило очень важное постановление Совета Министров СССР «Об организации воздушной обороны государственных границ СССР». Это постановление было призвано усилить обороноспособность и безопасность не только Советского Союза, но и Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, создав в странах «народной демократии» службы наблюдения и оповещения, тесно связав их со службой приграничных районов воздушной обороны государственных границ СССР²⁵. После создания в январе 1951 г. Военно-координационного Комитета для обеспечения восточноевропейских армий военным снаряжением и решения вопросов специализации союзников СССР в производстве некоторых видов вооружений был сделан важный шаг на пути к созданию Организации Варшавского Договора.

В заключении необходимо подчеркнуть, что только совместными усилиями добываясь рассекречивания архивных документов всех сторон, участвовавших в Корейской войне, и опираясь на результаты уже проделанной коллегами работы, российские исследователи смогут достичь сбалансированной и всеобъемлющей картины событий в Корее, последствия которой присутствуют в лице двух Корейских государств как зримое наследие эпохи холодной войны. Более того, со стороны КНДР на повестку дня выносятся вопросы о заключении мирного договора, поскольку Корейская война завершилась только соглашением о перемирии. Администрация Барака Обамы готова обсудить возможность заключения мирного договора, который официально положит конец корейскому конфликту, но при условии демонтажа северокорейской ядерной программы.

Примечания

¹ Пак М.Н. Великая ограниченная война // Аргументы и факты, 1988, № 50. С. 5; Орлов А.С., Гаврилов В.А. Тайны Корейской войны. М.: «Вече», 2003. С. 7.

² Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М.: Росспэн, 2000.

³ Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: новый взгляд. М.: Издательский центр «Анкил», 1995. С. 11–34.

⁴ Попов И.М., Лавренов С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны. М.: «Кучково поле», 2005.

⁵ Cumings Bruce. The Origins of the Korean War. Vol. II. The Roaring of the Cataract. 1947–1950. Princeton (New Jersey), 1990.

⁶ Ванин Ю.В. Корейская война (1950–1953) и ООН. М.: ИВ (Институт востоковедения), 2006.

⁷ См. Ванин Ю.В. Некоторые вопросы предыстории и начала Корейской войны // Война в Корее 1950–1953 гг.: Взгляд через 50 лет. Материалы международной научно-теоретической конференции. М.: РОО «Первое Марта», 2001. С. 21, 23, 24, 26–29.

⁸ Р.В. Савельев. Исследования советских и российских ученых о Корейской войне 1950–1953 гг. // Там же. С. 220.

⁹ Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. М.: «Памятники исторической мысли», 1999. С. 160–161.

¹⁰ В.Ф. Ли (Ли УХе). Политика супердержав (США, СССР и КНР) в Корейской войне // Война в Корее 1950–1953 гг.: Взгляд через 50 лет. С. 56.

¹¹ Орлов А.С. Тайная битва сверхдержав. М.: «Вече», 2001. С. 174–249; Орлов А.С., Гаврилов В.А. Тайны Корейской войны.

¹² Сейдов И., Сутягин Ю. Гроза «Сейбров». Лучший ас Корейской войны. М.: Яуза; Эксмо, 2006; Сейдов И. «Красные дьяволы» в небе Кореи. Советская авиация в войне 1950–1953 гг. Хроника воздушных сражений. М.: Яуза; Эксмо, 2007.

¹³ Ванин Ю.В. Корейская война (1950–1953) и ООН. М.: ИВ (Институт востоковедения), 2006. С. 6.

¹⁴ Указ. соч. С. 87.

¹⁵ Ледовский А.М. Сталин, Мао Цзэдун и Корейская война 1950–1953 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 97.

¹⁶ Mansourov A.Y. Stalin, M, Kim and China Decision to Enter the Korean War, September 16-October 15, 19506 New Evidence from the Russian Archives // CWINP Bulletin. Issues 6–7. Winter 1995/1996. R 94-107; Shen Zhihua. The Discrepancy Between the Russian and Chinese Versions of Mao's 2 October 1950 Message to Stalin on Chinese Entry into the Korean War: A Chinese

Scholar's Reply // CWIHP Bulletin. Issues 8–9. Winter 1996/1997. P. 237–242.

¹⁷ *Ледовский А.М.* Сталин, Мао Цзэдун и Корейская война 1950–1953 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 108–109.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Война в Корее. 1950–1953. Санкт-Петербург: «Полигон», 2000.

²⁰ *Торкунов А.В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. С. 142.

²¹ Война в Корее. 1950–1953. С. 502.

²² См.: *Смолянников С.* Забытые тайны Корейской войны // <http://mopolit.milportal.ru/sergei-smolyannikov-zabytye-tajny-korej-skoj-vojny>

²³ *Кикнадзе В.Г.* Разведка США в период войны в Корее. 1950–1953 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 121–131.

²⁴ Российский архив социально-политической истории – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 42. (постановление Политбюро от 6.IX. 1950); там же. Д. 47. Л. 16, 148–149 (постановление Политбюро от 3.XI. 1951 г.; приложение к и. 377 от 15 XI. 1951 г. (оп.) пр. ПБ № 84).

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 46. Л. 160, 166 (приложение к и. 456 (оп). пр. ПБ № 83).

Постановление ЦК и СМ СССР «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» 28 марта 1947 г.

Есаков В.Д.

С начала 1990-х гг., вслед за рассекречиванием архивных фондов, проведена серьезная исследовательская работа, позволившая наметить новые направления исторического изучения и ввести в научный оборот важнейшие комплексы документальных источников.

В расширяющемся процессе исторического познания большое внимание привлек феномен создания и деятельности судов чести в 1947–1948 гг. Их появление и функционирование неразрывно связаны с процессами утверждения идеологического диктата в стране, вторжения в систему сложившихся в результате Великой Победы воззрений, насаждения единомыслия в оценке происходящих в стране событий и «воспитания» интеллигенции на основе неукоснительного признания правоты проводимого политического курса.

Впервые упоминание и первые ссылки на архивные документы об организации судов чести появились на страницах журнала «Известия ЦК КПСС» в 1990 г.¹ Рассмотрение историками их деятельности началось после публикации нами в журнале «Кентавр» в 1994 г. «Закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу профессоров Ключевой и Роскина»². В дальнейшем архивные материалы о судах чести стали составной частью таких привлечших внимание изданий как «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953» (М., 2002) и «Сталин и космополитизм» (М., 2005).

К настоящему времени основные итоги изучения этой темы подведены в нашей с доктором биологических наук, главным научным сотрудником Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН Е.С. Левиной работе о сталинских судах чести и деле «КР», вышедшей в 2001 г. в издании ПРИ РАН и 2005 г. в издательстве «Наука»³ и книге историка науки, зоолога по образованию, Кременцова Н.Л. «В поисках лекарства против рака: Дело «КР», изданной в 2004 г. в Санкт-Петербурге в Издательстве Русской христианской гуманитарной академии. Это русский

перевод его книги, вышедшей первоначально на английском языке в 2002 г. в издательстве Чикагского университета⁴. О судах чести упоминается в работах о послевоенном периоде развития СССР, среди которых следует назвать прежде всего книги сотрудников ПРИ РАН Е.Ю. Зубковой «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953», А.В. Фатеева «Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954» и Ю.Н. Жукова «Тайны Кремля...»⁵.

Исторический феномен создания и деятельности судов чести неразрывно связан с процессом утверждения идеологического диктата в стране.

Известные постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам 1946 г. стали основой «жесткого» курса, проводимого в СССР, который предполагалось распространить и на работников государственного аппарата. К тому же вскоре стало ясно, что постановления по идеологии затронули сравнительно узкий круг военных и творческой интеллигенции, не обеспечили массового внедрения сталинского отношения к пониманию происходящих в стране и мире событий и политически себя не оправдывали. Тогда в начале марта 1947 г. А.А. Ждановым было поручено Управлению кадров ЦК ВКП(б) подготовить постановление о судах чести. 15 марта 1947 г. ответственные работники Управления кадров Андреев и Бакатин писали секретарю ЦК ВКП(б): «В дореволюционной России не существовало каких-либо судов в гражданских учреждениях, преследующих цель общественного воздействия. Исключение составляли только офицерские суды чести, действовавшие в армии».

Иначе обстоит дело с организацией различных общественных судов в условиях советского строительства. Начиная с 1919 г. по 1930 г. организуются различные общественные суды. Так, в ноябре 1919 г. Совнаркомом РСФСР было учреждено «Положение о дисциплинарных товарищеских судах», которое действовало с некоторыми изменениями до апреля 1923 г. и было отменено в связи с введением Кодекса законов о труде в СССР.

В июне 1923 г. ВЦИК и СНК СССР было утверждено «Положение о дисциплинарных судах» для борьбы со служебными упущениями, проступками и неправильными действиями лиц, занимающих ответственную должность в государственных органах. Эти дисциплинарные суды образовывались при всех исполнительных комитетах, кроме волостных. При ВЦИК действовал Главный дисциплинарный суд.

Дисциплинарный суд помимо обычных административных мер воздействия имел право налагать домашний арест на срок от 3 суток до 1 месяца, лишать права до двух лет занимать руководящие должности в государственных органах, увольнять от должности, обязывать виновных заглаживать причиненный ущерб. Дисциплинарный суд существовал до мая 1928 года.

ВЦИКом были изданы постановления в декабре 1929 г. «О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, государственных, общественных учреждениях и предприятиях», в сентябре 1930 г. постановление «Об организации сельских судов», в июне 1931 г. совместно с Совнаркомом РСФСР было издано постановление «Об организации товарищеских судов при жилищных и жилищно-арендных кооперативных товариществах и при домовых трестах». С некоторыми изменениями эти постановления сохранили силу и после окончания войны.

«Наиболее важное значение для работы советских учреждений в смысле борьбы со всякого рода проступками и нарушениями, – писали разработчики проекта, – были, конечно, дисциплинарные суды. Но эти суды страдали тем недостатком, что они не были рассчитаны на общественное воздействие, так как ни в организации судов, ни при решении вопросов о дисциплинарной ответственности коллектив сотрудников данного учреждения никакого участия не принимал».

Работники Управления кадров ЦК советовались по этому вопросу с некоторыми работниками министерств и с рядом военных работников. При обсуждении проекта о судах чести в министерствах и ведомствах были высказаны некоторые соображения. Так, относительно названия суда было предложено именовать суды, создаваемые в министерствах и ведомствах, судами служебного достоинства. Поскольку эти суды создаются для оперативных работников министерств, то получается, что на технических служащих понятие о чести в известном смысле как бы не распространяется. Поэтому предлагалось организовать в министерствах и ведомствах не один суд чести, а два: один для руководящего состава министерств (начальников управлений и отделов, их заместителей, членов коллегии министерств), а другой для остального оперативного состава работников. У разработчиков проекта спорным оставался вопрос о том, кто имеет право направлять дела в суд чести. Было высказано предложение, что право направления дел в суд чести следует предоставить, кроме руководителей ведомств и их заместителей, еще общественным организациям данного ведомства, центральным профсоюзным органам, Министерству госконтроля и судебно-прокурорским органам⁶.

Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О создании судов чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» было принято 28 марта 1947 г. и подписано И.В. Сталиным и А.А. Ждановым⁷. Предложенные замечания учтены не были. Суды чести создавались «в целях содействия делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства и высокого сознания своего государственного и общественного долга, для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». На суды чести возлагалось рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководителями, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств.

Суды чести были созданы на один год, проходили в условиях строжайшей секретности и были направлены на внедрение сталинской идеологии в сознание наиболее дееспособной части населения страны – работников партийно-государственного аппарата, руководящего состава промышленности и армии, научной и технической, а не только художественной интеллигенции, включая преподавателей высшей школы и актив комсомола.

Суды чести были созданы в период складывания идеологии холодной войны. Разворачивавшееся противостояние вчерашних союзников по антигитлеровской коалиции являлось не только качественно новым положением системы международных отношений, но и утверждением ряда внутривнутриполитических мероприятий, среди которых значительная роль принадлежала осуществлению антиамериканской пропаганды. В известной работе о холодной войне, вышедшей под редакцией В.С. Лельчука и Е.И. Пивовара, была высказана точка зрения, что эта пропаганда проявилась «после смерти А. Жданова» при активной деятельности Г. Маленкова и Б. Пономарева и нашла наиболее яркое выражение в работах деятелей литературы и искусства⁸.

Однако архивные материалы, и прежде всего личного фонда самого А.А. Жданова, наглядно показывают, что именно под руководством Сталина еще в 1946 г. были заложены основы послевоенного антиамериканизма, которые и утверждались в практической деятельности судов чести. Показательна в этом смысле одна из записей в записной книжке Жданова: «Расклевать преувеличенный престиж Америки с Англией»⁹.

Кратко существо дела КР состоит в следующем. К весне 1946 г.

профессор МГУ заведующий кафедрой гистологии Г.И. Роскин и член-корреспондент АМН СССР Н.Г. Ключева завершили работу над рукописью «Биотерапия злокачественных опухолей». Ключева 13 марта выступила с докладом на заседании АМН, в котором сообщила об итогах этой работы и рассказала о деятельности по созданию нового, как казалось, эффективного противоракового препарата. Отчет об этом заседании был опубликован в «Правде» в номере, содержащем ответ Сталина на фултоновскую речь Черчилля, и широко распространен зарубежным радио. Последовали запросы на этот препарат, находившийся еще в стадии разработки, для онкологических больных, особенно из США. Поскольку запросы шли через посольство, то посол У. Смит, сменивший А. Гарримана, сам посетил институт, где была лаборатория Н.Г. Ключевой. Смит же предложил вести совместную работу над этим препаратом, о чем в Министерстве здравоохранения был составлен проект соглашения, о котором правительство не было информировано. Вскоре во главе делегации в Америку с санкции Политбюро поехал ученый секретарь АМН СССР В.В. Парии, с которым были переданы и рукопись книги Ключевой и Роскина для информирования сотрудников Национального ракового института США и возможного издания ее на английском языке, и образцы препарата. В условиях начавшейся борьбы против «тлетворного» влияния Запада этот эпизод был использован для начала массовой идейно-политической кампании. Следствие провел сам Жданов. Его итоги были обсуждены на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 17 февраля 1947 г. На нем основные обвинения были предъявлены министру здравоохранения СССР Г.А. Митереву, было предопределено принятие постановления о судах чести, санкционирован арест В.В. Ларина и принято решение об издании книги Роскина и Ключевой, которая сразу же была выдвинута на соискание Сталинской премии, но не получила ее.

В середине апреля 1947 г. в казалось бы уже сформированной ждановской позиции в отношении сущности новой идеологической кампании и уже утвержденных судов чести происходит радикальное изменение. Конечно, приструнить слишком самовольничающих министров, их замов и прочих номенклатурщиков полезно. Но что это может дать? Эти местные и отраслевые «вожди», дорвавшиеся до власти, государственных средств, немалых льгот, и так трепещут перед назначившей и постоянно курирующей их Инстанцией. Теперь же им грозит не просто снятие, а публичное разбирательство и поношение. Большинство из них сразу понимают новые перспективы и становятся еще более осторожными в своих действиях. Чтобы не допустить проступков, начальство резко

переориентируется на выполнение директив, избегая самостоятельных поступков, которые могут быть иначе поняты и оценены.

Другое дело творческие работники – ученые, специалисты, деятели культуры и искусства со сложившимся мировоззрением, самостоятельными взглядами, с пониманием собственного места в избранной сфере творчества и вклада не только в развитие отечественной, но и мировой науки и культуры, наследники выдающихся школ или создатели новых направлений научного и художественного творчества. Вот кто должен стать объектом воздействия в новых условиях. Вот кто должен отныне твердо уяснить, что любое их достижение, открытие или творческий успех – это не только и не столько результат их индивидуальных усилий, сколько свершение советской власти и социалистического строя, заслуга государства и его вождя товарища Сталина.

Поворот от государственного чиновничества к творческой интеллигенции – важнейшее изменение, привнесенное Сталиным и Ждановым в намеченную практику судов чести, уже после решений Политбюро и принятия постановления об их организации.

Определяется и критерий для проработки и позора – контакт с иностранцами и прежде всего с американцами. Любой советский гражданин, вошедший в контакт с американцами, вне зависимости от условий, в которых этот контакт осуществлялся, – антипатриот, заслуживающий осуждения и позора. Именно это обстоятельство определило выбор персон для первого показательного суда чести в Министерстве здравоохранения СССР: не бывший министр Митерев, а ученые – профессора Клюева и Роскин.

А.А. Ждановым были сформулированы обвинения, в которых Клюевой и Роскину приписывалась антигосударственная и антипатриотическая деятельность, а Сталин назвал их «сомнительными» гражданами. В.В. Парии был объявлен американским шпионом и осужден.

Дни работы суда чести при Министерстве здравоохранения СССР – 5–7 июня 1947 г. – следует считать началом информирования партийно-государственной номенклатуры, членов партии, руководящих работников министерств и ведомств, советских ученых и деятелей культуры о новом направлении идеологической работы, которая несколько позднее получит название «борьба с космополитизмом». Главным инструментом внедрения в сознание прежде всего советской интеллигенции и руководящих работников партийно-государственного аппарата сталинского понимания патриотизма и борьбы против влияния буржуазной культуры Запада стали суды чести.

Особенность этих судов состояла в том, что при их проведении не было адвокатов и речи общественных обвинителей произносилась после последних слов обвиняемых. Обвиняемые могли только признать себя виновными, альтернативы у них не было. Общественным обвинителем на процессе Ключевой и Роскина был академик АМН СССР, начальник кафедры хирургии Военномедицинской академии П.А. Куприянов. Проект его речи был подготовлен министром здравоохранения Е.И. Смирновым, начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александровым, генеральным прокурором СССР К.П. Горшениным и отредактирован А.А. Ждановым. Материалы заседаний судов чести будут храниться под строжайшим секретом, ни одной строчки не появится в печати об их организации и деятельности. Политическое руководство и пропагандистский аппарат найдут иные пути для внедрения избранного курса.

К этому времени Жданов уже подготовит новую директиву об отношении к иностранцам, в которой партийные организации обязывались «покончить с беспечностью и ротозейством, а тем более с низкопоклонством в отношении приезжающих иностранцев» и обеспечить соблюдение государственной тайны. «Работники местных органов, – говорилось в нем, – должны отказывать иностранцам в посещении любого города, предприятия, колхоза, культурчреждения или иного объекта, если это посещение угрожает нарушением государственной тайны или нежелательно по иным соображениям. В этих случаях наши работники должны отвечать отказом, не вдаваясь в какие-либо объяснения». Директива обязывала «обеспечить через соответствующие организации слежку за пребыванием иностранцев в республике, крае, области, городе с тем, чтобы знать о каждом их шаге и предупреждать возможность их встречи с людьми болтливыми, не умеющими хранить государственную тайну, склонными к раболепию перед иностранцами и другими нежелательными для нас элементами»¹⁰.

25 июня 1947 г. будет принято постановление о въезде и выезде, в котором среди установленных мер утверждается правило, что каждый выезжающий советский гражданин обязуется поставить личную роспись под официально разработанные письменные обязательства. Установленная этим постановлением практика оформления международных поездок на десятилетия станет обязательной для всех советских граждан, выезжающих за рубеж.

Внедрение нового идейно-политического курса будет осуществляться решениями о присуждении Сталинских премий, постановление о премиях

1947 г. опубликуют 7 июня, в день принятия решения судом чести Министерства здравоохранения СССР. 10-го июня будет опубликовано постановление «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну» (подписанное Сталиным двумя днями ранее), а также Указ Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за разглашение государственной тайны. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) утвердит отредактированный Ждановым список иностранных ученых для избрания в состав Академии наук СССР, исключив из него предложенные Президиумом АН СССР кандидатуры американских, английских и мексиканского ученого. Почти 20 последующих лет иностранными членами-корреспондентами АН СССР будут избираться только ученые стран народной демократии. С 16 по 25 июня будет проведена знаменитая философская дискуссия с обсуждением книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», срок проведения которой был напрямую связан со временем проведения суда чести Минздрава СССР¹¹.

В июле 1947 г. жертвами политики стали книги. 16 июля Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение Секретариата ЦК о прекращении издания на иностранных языках важнейших журналов Академии наук СССР – «Доклады Академии Наук СССР», «Физико-химического журнала» и «Журнала по физике», считая, что издание советских научных журналов на иностранных языках наносит серьезный ущерб советскому государству и предоставляет органам иностранной разведки в готовом виде достижения советских ученых. К осени были полностью прекращены публикации резюме, названий журналов и оглавлений в них на иностранных языках. Для покупки и продажи букинистической книги на иностранных языках было разрешено иметь только по одному магазину «Академкнига» в Москве и Ленинграде.

Для пропаганды нового идеологического курса, направленного на утверждение советского патриотизма и перевоспитание интеллигенции, был создан мощный агитационно-пропагандистский центр – Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний.

Клюева и Роскин, несомненно, глубоко переживали публично нанесенную обиду, непонимание коллег и т. п. Психологическая травма усугублялась и резким снижением внимания к ним со стороны тех, кто был ответственен за выполнение постановления правительства о помощи в их работе. Понимая, что лишь поддержка «вдохновителя всех наших побед» может хоть как-то преодолеть их обострившуюся обособленность, Н.Г. Клюева и Г.И. Роскин направляют 30 июня 1947 г. письмо Сталину:

«Мы давно собирались написать Вам, но отложили посылку письма,

так как нас ожидал Суд чести. Дни Суда заставили нас о многом передумать, многое пересмотреть, переоценить, многое крайне тяжело пережить. Бесконечное число раз перед нами вставали Ваши слова о патриотизме, о долге советского ученого перед Родиной. Мы поняли ошибочность наших позиций и осудили наши проступки».

Адресат, несомненно, удовлетворен лично ему направленным признанием, в котором еще недавно строптивые профессора осуждают свои проступки и признают правильной политику, направленную на развитие патриотизма советских ученых. Вместе с тем Ключева и Роскин не могут не высказать упрек прошедшему суду, усомнившись в их честности.

«Все же мы не можем скрыть от Вас, – писали они, – что нам очень тяжело, что судебное следствие в одной своей части пошло, как нам кажется, по неправильному пути, обвиняя нас в получении «подарков», отыскивая элементы корысти или лжи. Так могут судить лишь люди, которые не знают нашей жизни в целом – бескорыстной и честной».

Несмотря на громогласно провозглашенные на суде чести уверения, что ученым созданы все условия для решения стоящих перед ними задач, они вынуждены в письме Сталину отметить, что *«производство препарата и вся основная экспериментальная часть лаборатории по-прежнему находится в старом, малопригодном помещении, где очень трудно наладить минимальное производство, где от тесноты происходит массовая гибель подопытных животных, где от отвратительных условий погибают многие серии опытов – все это при молчаливом равнодушии дирекции института к судьбе нашей работы»*.

«Таким образом, – продолжают авторы, – мы не в состоянии расширить и углубить достигнутые нами лабораторные результаты и, соответственно Вашему указанию, приступить к более широкому клиническому внедрению препарата...

В целом надо сказать, задержка в выполнении Правительственного Постановления очень задержала развитие наших работ»¹².

В опубликованной нами книге дана специальная глава о судьбе противоракового препарата КР («круцина»). В этом смысле изданная работа явилась и историко-политическим исследованием, и научным трудом по истории медицины.

Все упоминания о судах чести в современной исторической литературе основываются только на деле Ключевой и Роскина. Есть беглое упоминание о создании 80 судов, а число проведенных ими процессов оставалось неизвестным. В результате внимательного просмотра протоколов

Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК удалось установить, что с марта 1947 г. по январь 1949 г., за два неполных года, было принято 182 постановления ЦК ВКП(б)¹³.

Как свидетельствуют записные книжки Жданова, только в мае 1947 г. намечалось провести суды чести в 8-10 министерствах. Но к осени были проведены только, как уже упоминалось, три процесса в двух министерствах – дела Ключевой и Роскина, а также бывшего министра Митерева в Минздраве СССР и суд над генетиком А.Р Жебраком в Министерстве высшего образования СССР. Более того, за три месяца, прошедших после принятия постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) о создании судов чести, они были организованы только в 27 министерствах и центральных ведомствах¹⁴. Руководства министерств не торопились с введением у себя этих не очень понятных и пугающих органов. Никто из политических лидеров был не в состоянии, подобно Жданову, взять на себя обузу подготовки аналогичного суда в другом ведомстве. Необходимость партийной директивы, способной развить идеи «патриотического воспитания», становилась очевидной. Тогда Сталин, получивший письмо от Ключевой и Роскина с признанием влияния суда чести на пересмотр их позиций и ошибочности совершенных поступков, поручает М.А. Суслову, которому уже доверено наблюдение за судами чести, срочно представить соображения об их дальнейшем развитии.

1 июля 1947 г. Суслов, выполняя это поручение, предложил сосредоточить внимание не на организации новых судов, а на всемерной пропаганде уже состоявшегося процесса, и направил Сталину на рассмотрение «проект письма ЦК ВКП(б) о политических итогах дела Ключевой и Роскина».

В предложенном проекте письма ЦК говорилось:

«Центральный Комитет ВКП(б) за последнее время вскрыл много фактов, свидетельствующих о наличии среди некоторой части советской интеллигенции недостойного для наших людей низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада. Одним из наиболее позорных фактов подобного рода, вскрытых ЦК ВКП(б), является дело профессоров Ключевой и Роскина, рассмотренное в июне текущего года Судом чести при Министерстве здравоохранения СССР.

Ввиду большого политического значения и поучительности дела Ключевой и Роскина Центральный Комитет ВКП(б) уделил этому делу самое пристальное внимание, непосредственно следил за ходом его с

самого начала и до конца и считает необходимым довести о нем до сведения партийных организаций»¹⁵. Этот проект был отредактирован А.А. Ждановым и А.А. Кузнецовым и 16 июля утвержден как «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина».

Вопрос о ходе обсуждения этого письма во всех партийных организациях страны и его итогах стоял на повестке дня высшего политического руководства страны в течение всей второй половины 1947 и начала 1948 гг. Он неоднократно обсуждался на заседаниях Секретариата ЦК, трижды выносился на рассмотрение Оргбюро ЦК – 27 августа, 15 октября и 26 декабря. Выступая 15 октября 1947 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) при рассмотрении вопроса о мерах, принятых в министерствах авиационной и электропромышленности по закрытому письму ЦК ВКП(б) о деле Ключевой и Роскина, секретарь ЦК А.А. Кузнецов говорил: «У нас прошла кампания выборов Судов чести, затем обсуждение закрытого письма ЦК, а дальше идет большой перерыв. Мне кажется, что в реализации закрытого письма ЦК мы встречаем сопротивление. Хочется признавать это или не хочется, но это факт: мы встречаем сопротивление и со стороны партийных руководителей на местах, и со стороны хозяйственных руководителей в проведении целого ряда мероприятий.

То, что товарищи не хотят организовывать Суд, означает, что они сопротивляются той новой форме воспитания интеллигенции, которую установил ЦК и которая себя целиком и полностью оправдала». Кузнецов предлагал проводить заседания судов, чтобы сохранять секретность: «...мы обязаны сохранить секретность в наших учреждениях и министерствах, ударить по болтливости, мы обязаны болтливых людей судить в Судах чести – пусть остальные учатся»¹⁶. Борьба за сохранение секретности и государственной тайны стала вторым основным направлением деятельности судов чести.

Вопреки предложению Суслова Секретариат ЦК 7 июля обязал еще 35 министерств и ведомств СССР провести выборы судов чести¹⁷. Для активизации их деятельности было сочтено необходимым создать суд чести и в аппарате ЦК ВКП(б). Он был создан постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) 23 сентября 1947 г.¹⁸, а следующим пунктом Политбюро приняло решение передать материалы об антигосударственных проступках бывшего зав. отделом печати Управления кадров ЦК ВКП(б) т. Щербакова М.М. и бывшего зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) т. Кузакова К.С. в суд чести при ЦК ВКП(б). К.С. Кузаков рассказывал мне, что первоначально намечались трое обвиняемых, и третьим был Г.Ф.

Александров, но затем Сталин сообразовал избавить и так пострадавшего философа от новой кары.

Выборы суда чести аппарата ЦК ВКП(б) состоялись 29 сентября. С докладом выступал А.А. Кузнецов. Хотелось бы отметить два момента из его выступления. Он заявил, что этот суд чести был 82-м утвержденным ЦК партии. Это соответствовало реальному положению. Но эта цифра стала и основной при дальнейшей оценке Управлением делами ЦК ВКП(б) общего количества созданных судов чести. Любая акция, связанная с их созданием и деятельностью – определение контингента участников заседаний по выборам судов, проведение выборов и избрание составов судов, утверждение их председателей, – оформлялась специальными записками на имя А.А. Жданова, а затем А.А. Кузнецова. Уже можно говорить, что было создано 90 судов чести. После названного суда были приняты постановления о создании судов в МГБ СССР, Министерстве совхозов СССР, Академии наук СССР, МВД СССР, ВЦСПС, Комитете по информации.

В докладе на выборах суда чести в аппарате ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов ставил закрытое письмо ЦК о деле Ключевой и Роскина в один ряд с такими известными закрытыми письмами ЦК, как от 18 января 1935 г. – «Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова», от 29 июля 1936 г. – «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», от 13 мая 1935 г. – «О беспорядках в учете, выдаче и хранении партбилетов и мероприятиях по упорядочению этого дела», а также директива Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г.¹⁹. В этой связи следует отметить, что создание и деятельность судов чести и закрытое письмо ЦК о деле Ключевой и Роскина явились самой секретной из всех массово-политических кампаний, проведенных СССР. Ни одной строчки о них не появилось в печати. Они не упоминались ни в одной из работ по истории партии, ни в многочисленных работах о политико-просветительной работе. О них не было известно ни историкам, писавшим по идеологическим вопросам, ни советологам.

Заседания суда чести в аппарате ЦК ВКП(б) состоялись 23–24 октября 1947 г. В соответствии с утвержденным контингентом в 1136 человек на них, как и при выборах суда, должны были присутствовать начальники управлений и их заместители, заместитель председателя КПК и члены Партколлегии, председатель Центральной ревизионной комиссии, инспекторы ЦК ВКП(б), помощники секретарей ЦК, заведующие частями Особого сектора и Техсекретариата Оргбюро, секретари секретарей ЦК, заведующие отделами управлений и их заместители, руководители

пропагандистских групп, групп консультантов и лекторов и их заместители, лекторы и консультанты, инструкторы отделов и инспекторы, ответственные контролеры КПК, их заместители и помощники членов Парторганизации, заведующие секретариатами управлений, информаторы и контролеры Управления по проверке парторганов, референты и редакторы Отдела внешней политики. В контингент участников входили директор ИМЭЛ, его заместители, ученый секретарь, зав. отделами, их заместители и старшие научные сотрудники, а также директоры и ректоры и их заместители по Музею Ленина, АОН, ВПШ, редакторы, их заместители и зав. отделами журналов «Большевик» и «Партийная жизнь»²⁰. По такому же принципу были утверждены контингенты участников для заседаний судов чести по всем министерствам и центральным ведомствам.

В результате суда Щербаков и Кузаков были обвинены в потере политической бдительности и чувства ответственности за порученную работу, им был объявлен общественный выговор, после чего они решением Секретариата ЦК были исключены из партии.

Сводные материалы Управления делами ЦК ВКП(б) показывают, что в 1947 г. было проведено 9 судов и в январе-марте 1948 г. – 19, всего 28 судов, т. е. только в трети министерств и ведомств. Но эта цифра, по нашему мнению, требует проверки по фондам министерств и центральных ведомств СССР и их парторганизаций.

Деятельность большинства судов чести, когда их проведение определялось главным образом инициативой министерств и ведомств, продолжался до середины марта 1948 г., до проведения суда чести в Министерстве государственной безопасности СССР.

Избрание состава суда чести в этом министерстве состоялось 4 ноября 1947 г. на конференции доверенных по выборам суда чести МГБ СССР. На конференции секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов, как свидетельствует стенографическая запись, так начал свое выступление:

«Товарищи, если до недавнего времени отдельные товарищи, работающие в Министерстве госбезопасности, ставили вопрос о том, как, мол, так

Министерство госбезопасности, которое призвано стоять на страже интересов государства, вести беспощадную борьбу с врагами народа, и вдруг организует Суд чести, то мне кажется, что после заслушанного доклада тов. Абакумова и тех прений, которые развернулись, стало ясным, что Суд чести нужно организовать и в Министерстве госбезопасности.

Необходимость организации Суда чести вызывается тем, что чекистские органы в нашей стране должны быть образцовыми органами во

всех отношениях.

Чекисты должны быть истинными патриотами, глубоко осознающими свой государственный и общественный долг.

Да, мне кажется, не к лицу вам отставить от Центрального Комитета партии, а я вам могу сказать, что мы Суд чести в нашем аппарате также организовали, и не только организовали, а провели уже заседание. Я думаю, что вы не отстанете от нас»²¹.

В своем выступлении А.А. Кузнецов на одно из первых мест в деятельности МГБ поставил работу среди интеллигенции. «Органы государственной безопасности, – говорил он, – должны усилить чекистскую работу среди нашей советской интеллигенции.

Партия ведет работу среди советской интеллигенции, и мы будем воспитывать интеллигенцию в духе искоренения низкопоклонства перед границей, будем судить Судом чести и т. д. Мера воспитания дополним мерой административного воздействия.

Видимо, по отношению кое-кого из представителей интеллигенции, уж особо преклоняющихся перед Западом, мы должны будем принять другие меры, именно – чекистские меры»²². Эти меры особенно ярко проявятся несколько позже, в борьбе с диссидентским движением.

Информация о состоявшемся суде, естественно, была направлена Сталину, с которым проведение этого суда не было согласовано. Он собственноручно написал текст четырех пунктов решения Политбюро, приписав сверху: «Постановление ПБ от 15/Ш». В этом постановлении, протокольно оформившем волю вождя, было признано «неправильным, что т. Абакумов организовал суд чести над двумя работниками Министерства без ведома и согласия Политбюро», и Абакумову было поставлено на вид. Секретарю ЦК Кузнецову было указано, что он «поступил неправильно, дав т. Абакумову единолично согласие на организацию суда чести над двумя работниками». Решение суда чести МГБ было приостановлено. Впредь министрам было запрещено «организовывать суды чести над работниками министерств без санкции Политбюро»²³.

Отныне проведение судов чести было возможно только после получения согласия Сталина и принятия решения Политбюро. Это противоречило существующему постановлению о судах чести от 28 марта 1947 г., но по требованию «вождя народов» А.А. Жданов и М.А. Суслов подготовили новый законодательный акт в его развитие и создали проект постановления об организации «верховного» суда чести – Суда чести при Совете Министров СССР и ЦК ВКП(б). Но этот орган так и не был

утвержден.

Политбюро ЦК выдало весной 1948 г. только одно разрешение на проведение суда чести в Комитете информации, но никаких подробностей о нем установить пока не удалось.

6 июля 1948 г. полномочия судов чести были продлены еще на один год. В тот же день было принято и решение об отпуске А.А. Жданова, из которого он не вернулся. Вместе со смертью А.А. Жданова и начавшимся вскоре делом ленинградцев, по которому был обвинен и другой активнейший организатор этих секретных органов морально-психологического воздействия на интеллигенцию и работников госаппарата А.А.Кузнецов, а также с переходом к проведению санкционированных Сталиным «научных дискуссий» и официально развернутой кампанией по «борьбе с космополитизмом» ведомственные «суды чести» практически прекратили свое существование.

Непродолжительный период создания и деятельности судов чести оказал огромное влияние на изменение общественного сознания и морально-психологического климата в советской стране. В строгом смысле эти суды, официально созданные прежде всего для воздействия на работников центрального государственного аппарата, своей задачи в полной мере не выполнили. Советская бюрократия отстояла свои позиции даже в условиях жесткой сталинской диктатуры. Воздействие на госаппарат ограничилось несколькими случаями борьбы со злоупотреблениями служебным положением, с хищениями государственных средств, что сразу же было усвоено чиновниками. Абсолютное большинство из созданных в министерствах и ведомствах судов чести так и не развернули своей деятельности. Основными жертвами прошедшей политико-идеологической кампании стали, в первую очередь, представители интеллигенции. Все силы тоталитарного государства были направлены на борьбу с любыми проявлениями отхода от проводимого политического курса. Это привело к расколу общества на «обвиняемых» и «судей», к осуждению не только инакомыслия, но и любой научно обоснованной или гражданской позиции, в которой усматривался отход от тогдашней политической практики.

Эффект же от судилища над по существу оклеветанными профессорами Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскиным и от повсеместного обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) был достигнут. С помощью этих акций был утвержден абсолютный диктат государства во всех сферах жизни советского общества, утверждена строгая секретность в области государственной деятельности, во всех отраслях промышленности и

сельского хозяйства, в армии и на транспорте, в продовольственном снабжении населения, в организации планирования и статистики, науки и научно-технического творчества и т. д. Прибыло полку добровольных «наблюдателей». Таким образом, с помощью массовой политико-идеологической кампании была достигнута такая система власти, которая позволила контролировать все общество.

Можно полагать, что проблема создания и деятельности судов чести в 1947–1948 гг. имеет основание развиваться в самостоятельное направление исторической науки, исследующей послевоенный период развития страны.

Примечания

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 135–137.

² Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело «КР» (Из истории гонений на советскую интеллигенцию) // Кентавр. 1994. № 2. С. 54–69. № 3. С. 96–118.

³ Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., ИРИ РАН. 2001. 455 с.; Они же. Сталинские «суды чести»: «Дело “КР”». М., «Наука». 2005. 432 с.

⁴ *Krementsov Nikolai*. The C u r e. A Story of Cancer and Politics from the Annals of the Cold War. Chicago. 2002. 261 p.

⁵ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М. 1999. С. 187–191; Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М. 1999. С. 66–67; Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М. 2000. С. 410–412.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1526. Л. 95–97.

⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 135–137; Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС 1945–1953. М. 2005. С. 108–109.

⁸ СССР и холодная война. М. 1995. С. 15–17.

⁹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 177. Л. 13об.

¹⁰ Есаков В.Д., Левина Е. С. Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. С. 128.

¹¹ Там же. С. 235–236.

¹² Там же. С. 246–249.

¹³ Есаков В.Д. О сталинских судах чести в 1947–1948 гг. // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2006 год. М., «Наука».

2007. С. 545–562.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 859. Л. 57.

¹⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 29. Л. 72. См.: *Есаков ВД., Левина Е.С.* Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. С. 250.

¹⁶ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953. М., РОССПЭН. 2002. С. 233, 235.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 313. Л. 87.

¹⁸ Там же. Оп. 3. Д. 1066. Л. 53. Опубликовано: *Источник*. 1994. № 6. С. 70.

¹⁹ *Источник*. 1994. № 6. С. 74.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 320. Л. 114–115.

²¹ Там же. Оп. 121. Д. 572. Л. 217.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 320. Л. 219.

²³ Там же. Оп. 3. Д. 1069. Л. 28. Опубликовано: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 262.

Роль популярной музыки в идеологическом и культурном противостоянии холодной войны

Захарченко А.Ю.

В данной статье речь пойдет о поп-музыке – одной из важнейших составляющих массовой культуры в 1960-1980-х гг. – но ее роли в идеологическом противостоянии двух систем, которое проходило в данном разрезе по оси США – Англия (наиболее влиятельные страны в области поп-музыки) против СССР¹.

Существует много определений как массовой культуры (частью которой поп-музыка, несомненно, является), так и собственно поп-музыки. Одно из них дает Большой Энциклопедический словарь:

«ПОП-МУЗЫКА (англ. pop music – от popular music – популярная, общедоступная музыка) – понятие, охватывающее разные стили и жанры развлекательной эстрадной музыки XX в. В 1950-е гг. относилось лишь к рок-музыке, позднее и к шлягеру, широко распространенному с 1910-х гг. Основной принцип поп-музыки – создание стилевых стереотипов (в т. ч. из элементов народной, классической музыки, джаза), облегчающих восприятие и обеспечивающих коммерческий успех. Поп-музыка связана с разветвленной системой музыкально-развлекательных услуг. В рамках поп-музыки иногда зарождаются также явления, во многом противостоящие коммерческой музыкальной индустрии (например, фолк-рок)»².

Сама сущность и тенденции развития поп-музыки обуславливали ее распространение, доступность для широких масс, но в тоже время она по своей природе являлась неотъемлемой частью капиталистической системы. Она пропагандировала образ жизни англо-американского мира (если речь идет об англоязычной музыке). Если иностранная музыка нравится, то хочется узнать больше о стране, откуда она, человек часто «заболевает» этим миром, очень многое перенимает в своем имидже, образе жизни из того, что он почерпнул (например, «битломаны», «стиляги» и т. д.). Соответственно, поп-музыка имела очень большой потенциал в плане экспансии и воздействия на людей, поэтому являлась (очень часто независимо от воли ее создателей) мощным орудием идеологического и

культурного воздействия, а также орудием пропаганды образа жизни.

Поп-музыка (как часть массовой культуры) имеет широкие возможности для экспансии (легко усваивается, не требует большого культурного багажа для восприятия), в свою очередь вбирая в себя и используя, особенно в предельном варианте шоу-бизнеса (который окончательно сформировался к 1960-м гг.: институт продюсерства, хит-парады – окончательно сформировался объединенный хит-парад «Billboard Top-100» 12 ноября 1955 г), новые тенденции и элементы, проявляющиеся в маргинальных субкультурах, авангарде, а также в классической музыкальной культуре (например, симфо-рок, жанр рок-оперы, концептуальные альбомы), опрощает их и, играя на понижение, создает удобоваримый для широких масс «продукт».

С самого начала холодной войны поп-музыка оказывала мощное влияние на советского человека, и в первую очередь – через вещание зарубежных радиостанций. Она стала определяющим фактором интереса населения к этим передачам. О модели ее воздействия можно узнать из воспоминаний людей, испытавших на себе это влияние:

«Середина 50-х гг. прошлого столетия. Редко у кого дома можно было найти коротковолновый радиоприемник.

Мое первое «знакомство» с Америкой, если можно так сказать, началось с прослушивания передачи «Breakfast Show» <...>. Не понимал ни одного слова, кроме Voice of America. Музыка была волшебной, мы слушали популярные американские мелодии в исполнении Бинга Кросби и всех остальных «вечно живых» исполнителей популярных песен. Окончательное решение посвятить часть жизни английскому языку появилось, когда услышал в те же 50-е годы голос волшебного «посла США в мире» Виллиса Коновера, ведущего передачи Jazz Hour на «Голосе Америки». В те годы было «тяжело» слушать, так как работали «глушилки» и требовалось большое мастерство находить станцию и ее регулярно слушать.

«Голос» был для меня общеобразовательной радиостанцией, в которой программы строились, на мой взгляд, с искренней любовью к слушателям, затрагивались важные аспекты жизни. Но самое главное, это воспитание и приглашение в мир музыки и искусства. Как можно не знать и не понимать музыку в исполнении таких мастеров своего дела, как Элла Фитцджеральд, Перри Комо, Тони Беннет, Фрэнк Синатра и т. д. Композиторов Дж. Гершвина, Дюка Эллингтона и др. (не хватит места перечислить всех исполнителей)»³.

«Его [Уиллиса Коновера – ведущего программы джаза радиостанции

«Голос Америки – А.З.] двухчасовая программа, которую он начал в 1955 году, была самой популярной джазовой программой среди любителей джаза в Советском Союзе, Польше, Чехословакии и других восточно-европейских стран. Она называлась «Music USA», и её можно было слушать на коротких волнах почти без помех, потому что, во-первых, она транслировалась из Греции мощным радио передатчиком, а во-вторых, её часто не глушили, потому что она считалась чисто музыкальной программой. Для всех нас пропустить хотя бы одну его передачу граничило с преступлением. Он был нашим богом»⁴.

«Персональным воплощением «луча света» был совершенно замечательный диджей Корнелиу Кирьяк – румынский диссидент, а заодно любитель и потрясающий знаток серьезного рока. Он бежал из страны в 1968 году, на волне чехословацкого кризиса, осел в Мюнхене, где и стал вести ежедневные 50-минутные рок-передачи на «Свободной Европе».

Каждый день в 6 часов вечера я прилипал к приемнику, а нередко ещё и на следующий день в 10 утра слушал повтор»⁵.

Степень важности вопроса о роли популярной музыки в идеологической войне на рубеже 1950-х – начале 1960-х гг. можно, в частности, оценить с точки зрения внимания к нему высшего политического руководства страны. Уровень рассмотрения этой темы, а также номенклатурное положение личности, которая не просто озвучила тему, но внесла конкретные предложения по решению имеющихся проблем и определила место музыки в контрпропаганде, не вызывают сомнения в огромном ее значении в глазах правящей государственной и партийной элиты.

Речь идет о Записке секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева⁶ «О заглушении зарубежных радиопередач» от 30 марта 1963 г., которая была разослана членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС. В этом документе излагалась следующая проблема:

«Глушение зарубежных передач, как средство защиты от враждебной радиопропаганды, было введено в 1949 году. Тогда вещание на Советский Союз из капиталистических стран составляло всего около трех часов в сутки. В настоящее время пропаганду на Советский Союз ведет 131 радиостанция на 21 языке народов СССР. Объем вещания достигает 80 часов в сутки, общая мощность вещательных станций – более 15 тысяч киловатт. Радиовещание на нашу страну ведут США, Англия, Канада, Западная Германия, Франция, Италия, Испания, Ватикан, Израиль, Иран и

другие страны. В некоторые часы суток работают одновременно до 60 радиостанций. Особую активность проявляют радиостанции, ведущие передачи от имени различных антисоветских организаций, под названием «Свобода», «Свободная Россия», «За освобождение Великой России») и т. д. Объем радиовещания на Советский Союз продолжает возрастать.

По сообщению американской печати, в 1963 году в гор. Гренвилле (США) вступил в строй новый мощный радиоцентр «Голоса Америки». Он имеет три передатчика по 500 киловатт, три – по 250 и три – по 50 киловатт. Основные задачи центра – пробиться со своими передачами во все районы Советского Союза и преодолеть глушение на всей территории страны»⁷.

Далее Л.Ф. Ильичев обратил внимание на огромное отвращение средств и ресурсов: «На создание помех враждебным передачам в настоящее время используется почти половина мощностей всех радиостанций Советского Союза – более 14 тысяч киловатт (1400 передатчиков, из них 150 – коротковолновых дальнего действия, остальные – местного значения). На эксплуатацию заглушающих станций ежегодно расходуется 15 миллионов рублей.

Существующая практика глушения отвлекает огромные технические средства. Например, для подавления передач радиостанций «Свободы» используются передатчики общей мощностью до 6 тысяч киловатт, а на трансляцию первой программы центрального радиовещания – от 2 до 4 тысяч киловатт. В то время как передачи всех программ центрального радиовещания транслируют 28 радиостанций, на забивке только 2–3 одновременно идущих передач «Свободы» в отдельные часы суток занято до 110 радиостанций»⁸. Констатировалось, что «если следовать установившейся практике заглушения и дальше, то необходимо не только строить все новые и новые глушители, но и снимать для этих целей дополнительные станции, занятые сейчас радиовещанием»⁹.

Указывалось на неэффективность проводимых мероприятий:

«Как показала жизнь, глушение передач из-за рубежа полностью не достигает цели и носит скорее символический характер. Практически заглушаемые радиопередачи из капиталистических стран слышны по всей стране (за исключением крупных административных центров).

Возможно ли заглушить все иностранные передачи? Практически нет, если учесть огромные размеры нашей страны, большое количество радиочастот, используемых одновременно для передачи той или иной зарубежной программы, и непрерывно возрастающие мощности зарубежных радиостанций»¹⁰.

Более того, существовала возможность прослушивания передач в определенных (приграничных) зонах: «На заглушение только одной передачи «Голоса Америки» на эстонском языке (в 21 час 30 минут) используется 37 коротковолновых радиостанций Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Уфы, Свердловска, Алма-Аты, Ташкента, Душанбе, Кировабада, Баку, Тбилиси, Венгрии и Румынии общей мощностью около 1250 киловатт. Несмотря на это, на всей территории Эстонии, за исключением трех городов (Таллин, Тарту и Кохтла-Ярве), можно слушать эту передачу без помех»¹¹.

Имел место быть и отрицательный технический эффект от глушения: «Кроме того, заглушение в его нынешнем виде (трещотки¹² и воющие устройства) существенно мешает внутреннему и внешнему вещанию, так как иностранные передачи ведутся на частотах, очень близких к частотам нашего вещания. Иначе говоря, при глушении зарубежных передач мы глушим и собственные передачи. Таким образом, отвлечение большого количества станций на глушение, а также существующий характер забивки зарубежных передач значительно осложняют условия нашего радиовещания. Радиопрограммы из Москвы не слышны во многих частях страны или принимаются с большими помехами. То же самое относится и к советскому вещанию на зарубежные страны»¹³.

Особо Л.Ф. Ильичев обращал внимание на отрицательные внутри- и внешнеполитические моменты:

«Трещотки и воющие устройства не только «засоряют» эфир помехами, но и раздражают слушателей, дают пищу для всякого рода демагогических разговоров».

«Обращают на себя внимание еще и такие обстоятельства.

Во-первых, факт глушения зарубежных передач активно используется буржуазной пропагандой в клеветнических целях.

Во-вторых, заглушение создает иллюзию безопасности у местных партийных органов и пропагандистских учреждений, снижая их активность в организации контрпропаганды»¹⁴.

В итоге Л.Ф. Ильичев предлагал рассмотреть вопрос о прекращении глушения зарубежных передач, ведущихся официальными радиостанциями капиталистических стран. Важно отметить, что для глушения западных «радиоголосов» предполагалось использование альтернативных музыкальных программ:

«2. Вероятно, и в настоящее время сохраняется необходимость заглушать формально неофициальные радиостанции. Однако следовало бы

подумать об изменении метода глушения... Вместо ныне действующих глушителей можно было бы перейти на создание помех музыкальными программами, т. е. передавать музыку на тех же волнах, на которых работают иностранные радиостанции. Эффективность заглушения в этом случае останется прежней, за исключением, может быть, пауз между музыкальными номерами, во время которых возможны прорывы отдельных фраз»¹⁵.

Обратим внимание на тот факт, что «Записка...» не была первым шагом советского руководства, направленным на борьбу с западными «радиоголосами» и, соответственно, с пропагандой «несоветской» музыкальной культуры. Дело в том, что Л.Ф. Ильичев ссылается на важный предшествующий документ и неэффективность мероприятий по его выполнению. Речь идет о Постановлении ЦК КПСС от 29 января 1960 г. «Об улучшении радиовещания для населения Советского Союза и на зарубежные страны».

В данном случае необходимо отметить то обстоятельство, что данное Постановление ЦК КПСС, равно как и одноименное Постановление Президиума ЦК КПСС от 29 января 1960 г., утвердившее проект данного Постановления ЦК КПСС, по состоянию на весну 2008 г. все еще находилось на секретном хранении¹⁶. В нем, в частности, признавалось необходимым сократить выпуск радиоприемников с коротковолновым диапазоном и, начиная с 1964 г., выпускать с коротковолновым диапазоном только сетевые радиоприемники и радиолы высшего и первого классов, а также батарейные радиоприемники и радиолы второго класса. Контроль за правильным соотношением выпускаемых радиоприемников по типам и диапазонам частот (волн) был возложен на Госплан СССР, Министерство связи СССР, Государственный комитет Совета Министров СССР по радиоэлектронике и Государственный комитет Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению. В связи с этим Л.Ф. Ильичев констатировал: «К сожалению, это постановление выполняется плохо. С 1960 по 1962 год выпуск коротковолновых радиоприемников снизился лишь на 8 процентов и в прошлом году составил около 70 процентов (2 миллиона 968 тысяч штук) общего выпуска радиоприемников. В течение последних трех лет произведено более 9 миллионов радиоприемников с коротковолновым диапазоном. Таким образом, возможности приема иностранных передач значительно расширились. Следовало бы рассмотреть вопрос о прекращении производства радиоприемников с коротковолновым диапазоном, оставив временно выпуск таких приемников

только для экспорта, служебных целей, а также для продажи населению Севера страны и районов с отгонными пастбищами в Казахстане и республиках Средней Азии»¹⁷.

Ещё один маленький штрих находим в недавно опубликованных фрагментах из записных книжек Л.И. Брежнева. 28 января 1964 г. он записал:

«Звонил Никита Сергеевич из Киева.

3) по приемникам – не делать приемников, которые слушают за границу...»¹⁸.

Таким образом, программа борьбы с чуждыми идеологическими влияниями обсуждалась и принималась на самом высшем уровне партийной номенклатуры СССР.

По итогам Записки Л.Ф. Ильичева было принято следующее Постановление Президиума ЦК КПСС:

«О ЗАГЛУШЕНИИ ЗАРУБЕЖНЫХ РАДИОПЕРЕДАЧ»

П 941/II 25 апреля 1963 Строго секретно

Мероприятия, изложенные в записке секретаря ЦК т. Ильичева от 30 марта с.г. по вопросу о заглушении зарубежных радиопередач, одобрить.

Поручить ВСНХ СССР (т. Устинову) с учетом замечаний, высказанных на заседании Президиума ЦК, принять меры по налаживанию производства и упорядочению выпуска радиоприемников для населения страны.

Поручить Комитету партийно-государственного контроля (т. Шелепину) провести проверку выполнения Постановления ЦК КПСС от 29 января 1960 г. (№ П262/2) «Об улучшении радиовещания для населения Советского Союза и на зарубежные страны» и доложить ЦК».

Данное Постановление подготовили и представили: Н.С. Хрущев, Б.Н. Пономарев, Л.Ф. Ильичев, Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, М.А. Суслов, Е.А. Фурцева, А.И. Микоян¹⁹.

Можно задаться важным вопросом: мог ли быть СССР страной не только внедряющей новые тенденции поп-музыки для собственного населения (вспомним Записку Л.Ф. Ильичева, где прямо говорилось о важной роли музыкальных передач), но и осуществляющей экспансию массовой культуры на территории других государств? Ведь таким образом можно было бы подвергать зарубежное общество идеологическому влиянию и опосредованно пропагандировать страну в гораздо большей степени, чем это было в действительности, а в условиях холодной войны это имело бы огромное идеологическое значение.

Отметим факторы, которые способствовали распространению поп-

музыки, «выросшей» на той или иной территории:

1. Полиэтничность. США – страна эмигрантов, Англия – центр Британской империи (позже – Британского Содружества), СССР – страна с огромной территорией и многонациональным населением. Страны с полиэтничным населением (или испытывающие на себе влияние различных этносов и стран) в большей степени способны вырабатывать новые (в перспективе глобальные, способные к экспансии) стили и направления в поп-музыке, которые синтезируют множество разнородных элементов. Помимо Англии и США, сегодня в какой-то степени это такие страны, как Индия и Бразилия (сейчас они постепенно достигают достаточной степени экономического развития и уровня технической оснащённости). Одно из исключений и особый случай – Ямайка.

2. Развитие технических средств производства и исполнения поп-музыки (музыкальная аппаратура: студии звукозаписи, концертное оборудование, инструменты – электрические и акустические; позже: синтезаторы, электронные устройства, компьютеры). Необходимо отметить малую доступность современных электрических музыкальных инструментов в СССР.

3. Средства распространения музыки (радио, грамзапись, клубы, концертная деятельность; позже TV, видео). Выше была обрисована ситуация с влиянием зарубежного радиовещания на слушателей в СССР, сложившаяся к началу – середине 1960-х гг. Современные радиоприемники в СССР были малодоступны. УКВ-приемники стали появляться в массовом производстве только в 1970-е гг., УКВ-вещание было начато в 1967 г. В СССР до середины 1960-х в основном имелись одно-, а с середины 1960-х – трехпрограммные приемники. Первая музыкальная радиостанция «Маяк» появилась в 1964 г. Господствовал монополизм студии грамзаписи фирмы «Мелодия», отягощенный обилием бюрократических инстанций. Первые цветные оригинальные обложки виниловых дисков в СССР появились в середине 1970-х гг., так же как и первые отечественные стереопроигрыватели. Для сравнения можно отметить, что в США уже начиная с 1920-х гг. радио стало использоваться как средство массовой рекламы. Число коммерческих радиостанций (большую часть из которых составляли музыкальные) росло лавинообразно. Уже в 1922 г. их было 564²⁰. Эта модель развития радиовещания сохранялась в США все годы холодной войны.

К немногочисленным источникам информации о зарубежной поп-музыке в СССР относились журналы «Ровесник» и «Студенческий меридиан», а также появлявшиеся в продаже газеты и журналы стран

соцсодружества, где печаталась информация о западных исполнителях. Существовал «черный рынок» дисков, магнитных записей и печатной продукции (в основном «самиздатовских» рок-журналов, а также привозимых из-за границы западных изданий).

Парадоксальным и уникальным исключением стало появление книги Олега Фофанова, изданной тираж 100 тыс. экземпляров издательством «Детская литература» (одна из глав называлась «Супергруппы The Beatles и The Rolling Stones») ²¹.

4. Роль государства (цензурные ограничения). Наибольших размеров они достигли в СССР (рассмотрены выше), но имели место в США и Англии. Использование технических средств в государственных целях наиболее сильно осуществлялось в СССР, но также имело место в Англии и, в меньшей степени, в США.

Таким образом, экспансия, естественно присущая массовой культуре (в т. ч. и поп-музыке) и сильно проявившаяся в период холодной войны, не особенно нуждалась в государственной подпитке. В главных капиталистических странах – Англии и США – государство только корректировало этот процесс. В СССР вещание «радиоголосов» было одним из немногих способов услышать зарубежную поп-музыку, кроме того, в 1970-е гг., когда в СССР стали доступны КВ-приемники, возможно было слушать без глушения радиостанции соцстран (Польши, Чехословакии и др.), которые передавали западную, в т. ч. американскую музыку, а в Прибалтике имелась возможность просмотра телепрограмм Швеции и Финляндии. В СССР также существовало так называемое «Иновещание», которое осуществляло передачи на зарубежные страны (в т. ч. на Англию, Америку и другие капиталистические страны) на языках этих стран. На неэффективность радиовещания на Запад в первой половине 1960-х гг., в частности, прямо указывал Л.Ф. Ильичев: «За рубежом, как известно, передачи советского радио не заглушаются. На дальние расстояния радиовещание во всем мире ведется на коротких волнах. Радиопромышленность капиталистических стран почти не производит приемники с коротковолновым диапазоном, поэтому и без заглушения советские радиопередачи имеют весьма ограниченный прием в этих странах» ²².

5. Виды деятельности, связанные с поп-музыкой. Индустрия рекламы, моды (в частности – реклама стиля, диктуемого поп-исполнителями), музыкальная пресса – все это находилось в СССР в зачаточном состоянии под тотальным контролем государства. В Англии и США преобладали

негосударственные виды деятельности в этой сфере. Обильно возникали неформальные организации, движения, способные аккумулировать и формировать новые тенденции, которые потом апроприировались и тиражировались более крупными и коммерциализированными структурами, представлявшими собой часть отлаженной системы шоу-бизнеса.

6. Языковой вопрос. Английский язык был языком международного общения изначально в большей степени, чем другие, так как во многих странах Британского Содружества являлся государственным. В этом качестве он уже тогда использовался во многих странах Западной Европы. Это облегчало экспансию англо-американской поп-музыки, что в свою очередь еще больше увеличивало ареал применения английского языка.

Рассмотрев эти факторы, способствующие распространению поп-музыки, можно сделать вывод, что в идеале СССР мог бы быть страной, вырабатывающей новые тенденции поп-музыки, способные к экспансии. Таким образом, можно было бы подвергать зарубежное общество влиянию и опосредованно пропагандировать страну в гораздо большей степени, чем это происходило в действительности. Именно в 1960-е гг. стали складываться наиболее благоприятные условия для этого (в частности, экономика и уровень жизни достаточно выросли).

Но, к сожалению, этого не произошло. В связи с этим необходимо отметить следующее.

Во-первых, культурная экспансия поп-музыки происходит в большей степени стихийно, чем, например, экспансия так называемой «элитарной музыкальной культуры» (классической музыки, оперы, балета). Распространением и пропагандой последних за границей занималось советское государство. Охват советской «элитарной культурой» аудитории в зарубежных странах был намного меньше, чем возможен был поп-музыкой. Кроме того, развитие «элитарной культуры» направлялось государством в традиционное русло, новые стили и направления – авангард, минимализм – в основном запрещались. Тот же тотальный контроль применительно к поп-музыке приводит к тому, что она формализуется, выхолащивается, не способна развиваться, впитывать новые тенденции (иллюстрацией этого тезиса является путь развития официальных советских ВИА). Здесь нужны были нестандартный подход и относительная свобода; отчасти в какой-то мере такой опыт был опробован в начале 80-х на примере создания ленинградского рок-клуба²³.

Во-вторых, мы снова подходим к вопросу о влиянии цензурных и идеологических ограничений. На Западе развитие массовой культуры (и

поп-музыки в частности) шло параллельно с эмансипацией различных социальных и этнических групп населения, а также давлением на ограничения определенных сторон образа жизни. Все это, естественно, вызывало сопротивление со стороны государства, но в то же время в силу частного характера производства и распространения как предметов потребления, так и продуктов поп-культуры, цензурные ограничения преодолевались и смягчались. В СССР же цензурные ограничения носили тотальный характер, что вызывало эффект «запретного плода» по отношению к поп-культуре Запада и вызывало ее отождествление со свободой самовыражения и образа жизни, что отнюдь не способствовало экспансии поп-культуры советской, а наоборот, усиливало неформальное (пусть часто и опосредованное) влияние Запада и его ценностных стандартов на людей в СССР. Практика тотального запрета и отсутствия адекватной по своему воздействию альтернативы дала отрицательный эффект.

Очень сильной запретительной цензуре подвергалась англоязычная поп-и рок-музыка (радио- и телепрограммы, грампластинки). Наиболее лояльно цензура относилась к музыке двух стран Западной Европы с крупными локальными индустриями шоу-бизнеса – Франции и Италии. Относительно

Италии принималось во внимание сильное влияние ИКП (парламентская партия). В СССР было доступно итальянское кино, а также большое количество поп-исполнителей («спагетти-поп»), транслировался фестиваль в Сан-Ремо. Франция оценивалась советским руководством как страна, проводившая в некоторой степени политику, обособленную от США (сыграл свою роль и ее выход из военной организации НАТО), в т. ч. и в культурной области, в частности – государство содействовало развитию кинематографа. В СССР пропагандировалось много исполнителей французского шансона и поп-эстрады. Отдельные исполнители запрещались либо по политическим мотивам (Ив Монтан), либо как пропаганда чуждого образа жизни (Серж Гензбур), а также как слишком американизированные (Джонни Холидей, Франсуаза Арди и вся генерация поп-певиц стиля «уе-уе»).

Исполнители этих стран пропускались в СССР, вероятно, потому, что их присутствие рассматривалось как «замещение» и альтернатива англо-американской поп-музыке. Другие влиятельные сцены пропускались значительно меньше в силу, вероятно, следующих причин: ФРГ – как возможная оппозиция ГДР, Испания – режим Франко, Бразилия – военная диктатура.

В социалистических странах Восточной Европы (особенно в Венгрии и Югославии, но также в Польше и Чехословакии) была более мягкая политика в области поп-музыки. Существовало официально много рок-групп и исполнителей, которые были под достаточно сильным западным музыкальным влиянием. Проводились гастролы западных поп- и рок-исполнителей. Большой интерес вызывали гастролы восточноевропейских групп в СССР, они были «проводниками влияния» западной поп-музыки.

Используем некоторые примеры из опыта исполнителей поп-музыки из стран соцлагеря в качестве доказательства самой возможности появления на Западе и советской поп-музыки. Для этого необходимо обратиться к энциклопедии А. Гаевского «Рок Восточной Европы» – первому и пока единственному изданию, полностью посвященному 32 исполнителям из семи стран Восточной Европы.

Венгрия: Omega – 1-й сингл²⁴ (2 песни): Paint In Black (Rolling Stones)/ Bus Stop (The Hollies), 1966 г., дебютный альбом (1968) был издан в Англии, название Omega Red Star From Hungary (Decca Reg) – на английском языке, но с оригинальным материалом; Locomotiv GT – издание альбома Locomotiv GT на английском языке, но с оригинальным материалом, в 1974 г. издан в США ABC Danhill Rec. и в Англии CBS Epic Rec. В Венгрии переиздан только в 2001 г. К работе над альбомом были привлечены Дж. Брюс (ex-Cream) и Дж. Миллер (экс-продюсер Rolling Stones)²⁵.

Польша: Czeslav Niemen на дебютных синглах исполнял песни на иностранных языках композиторов западных стран (1962): А.С. Jobim, Gonzalez, И. Ballard Jr., В. Howard и др. Синглы выпущены в Польше, EP 1966 г. выпущен во Франции на французском и одновременно в Польше на польском (4 песни), два альбома с оригинальным материалом выпущены CBS²⁶ в 1972–1973 гг. на английском языке (Strange In This World и Ode To Venus, на первом, кроме того, – песня Otis Redding); SBB (Silesian Blues Band) – 2 альбома, выпущенных в ФРГ на английском языке для западного рынка: Flow My Dream (1978) и Welcome (1978) (оба – Speigellei-Intercord Rec)²⁷.

ЧССР: Olympic. Первые синглы 1964 г. с песнями англо-американских авторов (биг-бит, рок-н-ролл, в т. ч. Chuck Berry); «экспортный альбом» – Holidays on Earth (1980) на английском языке, оригинальный материал (выпущен чешской фирмой Supraphon). Для Чехословакии за год до этого был выпущен под названием Prazdnyiny Na Zemi...²⁸.

Для сравнения – в отличие от восточноевропейских музыкантов,

появившихся на западных музыкальных рынках уже в первой половине – середине 1960-х гг., в СССР нечто подобное произошло только четверть века спустя, когда в 1988–1989 гг. в США Б. Гребенщиковым был записан и выпущен фирмой CBS альбом Radio Silence (продюсер Dave Stewart из группы Eurythmics).

Но справедливости ради нужно отметить, что рок– и поп-сцена Восточной Европы была в основном вторична с точки зрения музыкальных идей по отношению к западной сцене и поэтому не смогла оказать сколько-нибудь серьезного влияния на нее. После окончательного крушения социалистической системы восточно-европейская поп-музыка в мировом масштабе развивается в нише так называемой «world music», эксплуатируя в основном фольклорную экзотику.

Каковы же были последствия этой проигранной «культурной битвы» на идеологическом фронте периода холодной войны? Самое печальное с точки зрения автора заключается не только в том, что зарубежный слушатель не смог узнать о популярной музыкальной культуре Советского Союза. Уже никого не удивляет, что и современная популярная музыка такой огромной страны, как Россия, не только практически неизвестна за ее пределами, но и никого не интересует как явление. Мрачную характеристику состояния современной поп-музыки отразил А.К. Троицкий, высказавшись по случаю годовщины смерти Виктора Цоя, что в период между двумя нулевыми годами – 2000 и 2010-м – в России не было создано ничего достойного внимания.

Причина возникновения огромной пропасти, фактически разделившей отечественную и зарубежную музыкальную культуру, кроется не только в запрете и идеологических ограничениях советского периода. Рассмотренные выше предпосылки и тенденции, проявившиеся еще в 1960-х гг., при определенных условиях могли бы изменить последующий ход развития отечественной популярной музыкальной культуры, являющейся частью общей культуры населения России.

Но этого не случилось. Дело в том, что во второй половине 1960-х гг. в СССР были созданы так называемые «филармонические ВИА» (официальные музыкальные коллективы, которые получали твердую ставку за концерты и официальное прикрытие в лице концертных организаций) в противовес большому числу самодеятельных бит-групп, созданных на волне битломании. Репертуар ВИА строго отслеживался художественными советами филармоний.

О стагнации в официальных музыкальных структурах, которые и контролировали легальное, узаконенное распространение поп-музыки в

СССР, свидетельствует следующий факт, приведенный А.К. Троицким: в 1973 г. в песенную секцию московского отделения Союза композиторов был принят Давид Тухманов, после этого в течение 10 лет не было принято ни одного нового члена. Возникла такая ситуация: средний возраст членов Союза был около 60 лет²⁹.

Необходимо отметить важнейшее обстоятельство, зачастую совершенно упускаемое из виду: параллельно цензурному контролю за развитием отечественной поп-музыки, проводимому под идеологическим предлогом, осуществлялся и контроль финансовый, причем сосредоточился он в руках сравнительно немногочисленной группы заинтересованных лиц. В 1983 г. Министерство культуры СССР приняло инструкцию, согласно которой все ВИА обязаны 80 % концертного репертуара составлять только из песен, написанных членами Союза композиторов СССР. Это решение было пролоббировано Союзом композиторов³⁰. Фактически это означало контроль денежных потоков в сфере музыкального бизнеса, сосредоточенный в руках музыкальной мафии, успешно функционировавшей в условиях социалистического государства.

Согласно Постановлению ЦК КПСС от 19 июня 1984 г. «О мерах по упорядочению деятельности вокально-инструментальных ансамблей, повышению идейно-художественного уровня их репертуара» Министерство культуры СССР издало одноименный приказ № 361 от 12 июля 1984 г. Вот как прокомментировал это событие участник группы «Круиз» А. Шульгин (позже продюсер):

«Запретили тогда не только группу «Круиз», но и практически все рок-группы, оставив всего-то 27 групп и коллективов, таких как «Веселые ребята», «Сябры», «Песняры», «Ялла» и т. д. Итак, речь не о Приказе, а о неких последствиях. Запретить тогда, в те годы, кого-либо, а тем паче рок-группу (то есть несколько музыкантов), было делом несложным. Группа лишалась возможности что-либо делать, существовать как-то официально, давать концерты, что для музыканта единственный источник хлеба всегда, а уж в те годы тем более. А музыканты, те, кто работал-то, получали немного, от 5 рублей 50 копеек до 12 рублей 50 копеек за концерт. Но 12,50 получали крайне немногие музыканты в стране, и поэтому средняя примерно ставка за концерт была 7 рублей 50 копеек. Музыканты вынуждены были работать помногу, чтобы как-то заработать на жизнь, особенно семейные музыканты. Притом надо сказать, что необходимо было еще и заработать на инструмент и на расходные его составляющие: для гитаристов – струны для гитары, барабанные палочки для барабанщиков и

т. д. А струны и палочки «летели» практически на каждом концерте, особенно, конечно же, у рок-групп, уж очень старались ребята играть громко.

Так вот Приказом этим все музыканты остались без каких-либо средств к существованию»³¹.

Образовавшийся вакуум был заполнен «легальными» ВИА – менее трех десятков на весь Советский Союз! Именно с этого момента в СССР стала формироваться особая музыкальная субкультура, использующая в полной мере безальтернативность своего существования. Фактически она не только благополучно дождалась до сегодняшнего времени, но и подмяла под себя весь отечественный музыкальный рынок, так как уже два десятка лет спустя после развала СССР, когда идеологические препятствия давно отошли в прошлое, удержаться на плаву ей помогает полная музыкальная безграмотность населения.

Таким образом, мы можем видеть, что музыкальные запреты и ограничения в СССР в области поп-музыки в годы холодной войны не только не позволили осуществить культурную экспансию, но и привели к деградации музыкальных вкусов населения, а после завершения холодной войны и открытия «железного занавеса» – к «игре на понижение», которую осуществляла уже российская индустрия шоу-бизнеса в условиях рыночной экономики. Поражение в холодной войне в области «массовой культуры» аукнулось сегодня как большим спросом и широким распространением наиболее низкопробных образцов отечественной и зарубежной массовой музыкальной культуры, так и повсеместной востребованностью в индустрии шоу-бизнеса самых одиозных представителей советской поп-культуры ВИА, воспроизводящих себе подобных.

Примечания

¹ Всех интересующихся историей развития различных музыкальных направлений автор приглашает на свой сайт: <http://audiolog.livejournal.com>.

² <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/240342>.

³ http://community.livejournal.com/golos_ameriki/153429.html?page=4.

⁴ Фейгин Л. All that jazz. СПб.: Амфора. 2009. С.15.

⁵ Кан А. Пока не начался jazz. СПб.: Амфора. 2008. С. 21.

⁶ Нельзя обойти вниманием ту роль, которую играла фигура Леонида

Федоровича Ильичева (15.03.1906-17.08.1990) в высшей партийной номенклатуре. Он являлся членом Секретариата ЦК с 31.10.1961 по 26.03.1965, членом ЦК в 1961–1966 гг. Доктор философских наук, профессор. Академик АН СССР (1962). При активной поддержке Н.С. Хрущева он стал главным идеологом партии. С 1962 г. был председателем Идеологической комиссии ЦК КПСС. На июньском (1964) Пленуме ЦК КПСС, впервые в истории партии посвященном вопросам идеологии, не будучи членом или кандидатом в члены Политбюро, выступил с основным докладом (подробнее см.: Центральный комитет КПСС, ВКП (б), РКП (б), РСДРП (б): Историко-биографический справочник / Сост. Горячев Ю.В. М.: Парад, 2005. С. 222); Зенькович Н.А. Самые закрытые люди. Энциклопедия биографий. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 188–190).

⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: В 3 т. Т. 3: Постановления. 1959–1964 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 468–469.

⁸ Там же. С. 469.

⁹ С. 470.

¹⁰ С. 469.

¹¹ Там же.

¹² Так в тексте. Прим, автора.

¹³ С. 470.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 1026.

¹⁷ Там же. С. 471.

¹⁸ Хинштейн А. Сказка о потерянном времени. М.: Олма, 2010 (Цит. по: «Совершенно Секретно», 2011. № 2. С. 25).

¹⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 3. С. 468.

²⁰ Брюстер Б., Броутон Ф. История диджеев. Екатеринбург: Ультра Культура, 2007. С. 43.

²¹ Фофанов О. Музыка бунта. М.: Детская литература, 1975.

²² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 3. С. 470–471.

²³ Рок-музыка в СССР. Опыт популярной энциклопедии. М.: Книга, 1990. С. 183–192.

²⁴ Сингл (SP) – это мини-пластинка с одной песней на каждой стороне,

EP – размер между синглом и диском-гигантом, общее его время звучания составляло до 20 мин., на диске-гиганте (LP) общее время звучания обычно составляло до 40 мин.

²⁵ *Гаевский А.Ю.* Рок Восточной Европы: Энциклопедический справочник. Вып. 1. Издательство: «ИП Галина», 2009. С. 49–50, 74–75.

²⁶ В данной энциклопедии указано – Великобритания, но фирма CBS – американская, позже приобретенная японской Sony Music.

²⁷ Там же. С. 187–188, 193–195, 211, 213.

²⁸ Там же. С. 315–323.

²⁹ *Троицкий А.К.* Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е... М.: Искусство, 1991. С. 103.

³⁰ Комсомольская правда. 1991. 22 марта // Рок против террора!

³¹ <http://blog.shulgin.eom/blog.post.eomment/1110/>.

Холодная война и нарушение Гаагской конвенции: военные и политические последствия создания «малоимпульсного боеприпаса»

Колмыков А.Н.

Начиная рассматривать данный вопрос, нельзя не начать со статьи LIZ CHENEY (Лиз Чейни), опубликованной 13 июня 2009 г. в журнале *The Wall Street Journal* (США)¹. В представленной статье ее автором указана дата начала холодной войны и ее итоги.

Как отмечает Лиз Чейни в своей статье, началом холодной войны необходимо считать апрель 1950 г., когда президент США Трумэн подписал документ для Совета Национальной безопасности, известный как NSC-68. Это один из основополагающих документов стратегии холодной войны для Америки. NSC-68 объясняет опасность разоружения Америки. «Никакие люди в истории, – писал Трумэн (Harry S. Truman 1884–1972), – не сохранили свою свободу, кто думал, что, не будучи достаточно сильным, можно защитить себя лишь казавшись безобидными для своих врагов».

Итак, датой начала холодной войны необходимо считать дату подписания NSC-68. Рассматривая военно-политическую обстановку в этот период, нельзя не отметить, что 24 августа 1949 г. после ратификации правительствами стран, присоединившихся к Североатлантическому договору, начал существовать блок НАТО. Была создана международная организационная структура, которой подчинялись огромные военные силы в Европе и по всему миру. Фактически, начиная со своего основания, НАТО был ориентирован на противодействие Советскому Союзу. В связи с этим, рассматривая историю событий, можно утверждать, что подписанный Трумэном документ является программой для НАТО и стратегией на будущее.

25 июня 1950 г. блок НАТО начинает действовать согласованно: начинается Корейская война – северокорейская пехота и танки пересекли 38-ю параллель.

Из статьи Лиз Чейни об окончании холодной войны: «Это было глобальное сражение между тиранией и свободой. Советская «сфера

влияния» была очерчена стенами и колючей проволокой, резервациями с тайной полицией и препятствовала тому, чтобы люди могли свободно выезжать. Америка была непревзойденной светлой, хорошей силой. Советы не были. Холодная война закончилась не потому, что Советы решили, что она должна закончиться, но потому что они не выдержали состязания с силами свободы в противостоянии со свободными нациями, которые и победили Коммунизм».

Оглядываясь назад, по ряду позиций можно и нужно не согласиться. США показывали свою агрессивную внешнюю политику с применением военной силы не только противодействуя коммунизму, а практически везде и всегда по всему миру в течение всего XX века. Все эти тенденции были заранее определены руководством России в начале XX века. Николай II ясно понимал, что необходимо каким-то образом привести в рамки безудержное желание разных стран применять военную силу. Процесс создания подобных рамок занял не один год.

После Крымской войны создается первый договор о праве войны. Договорное право войны, все гуманитарное право началось с 1864 г., когда была подписана Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны. В 1868 г. в Санкт-Петербурге по инициативе Российской империи была принята Санкт-Петербургская Декларация о запрете применения во время войны разрывных снарядов весом менее 400 граммов, ставшая первым международным договором, запрещающим использование определенных видов вооружений.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТМЕНЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВЗРЫВЧАТЫХ И ЗАЖИГАТЕЛЬНЫХ ПУЛЬ (Санкт-Петербург, 29 ноября (11 декабря) 1868 г.)

По предложению Императорского Российского Кабинета, военная международная комиссия была собрана в С.-Петербурге с целью обсудить возможность запрещения употребления во время войны между цивилизованными народами известного рода снарядов, и, по определении этою комиссиею, на основании взаимного соглашения, технических границ, в которых потребности войны должны остановиться перед требованиями человеколюбия, нижеподписавшиеся уполномочены разрешениями их правительств объявить нижеследующее:

Приняв во внимание, что успехи цивилизации должны иметь последствием уменьшение, по возможности, бедствий войны.

Что единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил

неприятеля.

Что для достижения этой цели достаточно выводить из строя небольшое, но возможности, число людей.

Что употребление такого оружия, которое, но нанесении противнику раны, без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает смерть их неизбежной, должно признавать несоответствующим упомянутой цели.

Что употребление подобного оружия было бы противно законам человеколюбия.

Договаривающиеся Стороны обязуются, в случае войны между собой, отказаться взаимно от употребления как сухопутными, так и морскими войсками снарядов, которые, при весе менее 400 граммов, имеют свойство взрывчатости или снаряжены ударным или горючим составом.

И т. д.

Следующим шагом стала

ДЕКЛАРАЦИЯ О НЕУПОТРЕБЛЕНИИ ЛЕГКО РАЗВОРАЧИВАЮЩИХСЯ И СПЛЮЩИВАЮЩИХСЯ ПУЛЬ (Гаага, 29 июля 1899 г.):

Нижеподписавшиеся, уполномоченные Держав, участвовавшие в Международной Конференции Мира в Гааге, получив надлежащее для сего полномочие своих Правительств, вдохновляемые чувствами, нашедшими себе выражение в С.-Петербургской Декларации 29 ноября 1868 года,

Объявляют:

Договаривающиеся Державы обязуются не употреблять пуль, легко разворачивающихся или сплющивающихся в человеческом теле, к каковым относятся оболочечные пули, коих твердая оболочка не покрывает всего сердечника или имеет надрезы.

И т. д.

КОНВЕНЦИЯ О ЗАКОНАХ И ОБЫЧАЯХ СУХОПУТНОЙ ВОЙНЫ (Гаага, 18 октября 1907 г.)

Принимая во внимание, что наряду с изысканием средств к сохранению мира и предупреждению вооруженных столкновений между народами надлежит равным образом иметь в виду и тот случай, когда придется прибегнуть к оружию в силу событий, устранение которых при всем старании оказалось бы невозможным;

желая и в этом крайнем случае служить делу человеколюбия и сообразоваться с постоянно развивающимися требованиями цивилизации;

признавая, что для сего надлежит подвергнуть пересмотру общие законы и обычаи войны как в целях более точного их определения, так и для того, чтобы ввести в них известные ограничения, которые, насколько возможно, смягчили бы их суровость;

признали необходимым восполнить и по некоторым пунктам сделать более точными труды Первой Конференции Мира, которая, одушевляясь но примеру Брюссельской Конференции 1874 года этими началами мудрой и великодушной предусмотрительности, приняла постановления, имеющие предметом определить и установить обычаи сухопутной войны.

Постановления эти, внушенные желанием уменьшить бедствия войны, насколько позволят военные требования, предназначаются, согласно видам Высоких Договаривающихся Сторон, служить общим руководством для поведения воюющих в их отношениях друг к другу и к населению.

В настоящее время оказалось, однако, невозможным прийти к соглашению относительно постановлений, которые обнимали бы все возникающие на деле случаи.

С другой стороны, в намерения Высоких Договаривающихся Держав не могло входить, чтобы непредвиденные случаи, за отсутствием письменных постановлений, были предоставлены на произвольное усмотрение военноподчиненных.

Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания.

И т. д.

Гаагская конференция была созвана по инициативе России, участвовали 27 государств и далее 44 государства. Николай II выступил с предложением ко всем правительствам о сокращении вооружений. Инициатором созыва конференции стал министр иностранных дел России граф Михаил Николаевич Муравьев, обратившийся к державам мира с нотой, содержащей предложение о сокращении вооружений. Приняты конвенции: «О мирном решении международных столкновений», «О законах и обычаях сухопутной войны», «О применении к морской войне

начал Женевской конвенции 1864», «О раненых и больных». Кроме этого, были приняты три декларации: «О запрете применения удушающих газов», «О неупотреблении легко разворачивающихся и сплюсчивающихся пуль», «О запрете сбрасывания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров». Была предпринята попытка признать пулеметы оружием массового уничтожения и их запрета.

Вот как описывается церемония закрытия Гаагской конференции в газете «Нью-Йорк тайме»:

ГААГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1907 г.

Закрытие

ГААГА, 18 октября. Зал Рыцарей представил зрелище сегодня на заключительной сессии интернациональной мирной Конференции.

Зал и стулья, специально установленные для этого случая, были переполнены членами кабинета министров, дипломатами и другими государственными деятелями и их женами в самых привлекательных костюмах.

Президент, М. Нелидов (Россия), сказал длинную речь. Он заметил, что пессимисты забыли, что делегатов не посылали в Гаагу, чтобы найти идеальные решения различных проблем обсуждениями, но выполнить Инструкции, полученные от их Правительств. Превосходные рассуждения о человечестве вообще, должны, несомненно, вести делегаты на такой конференции. Но они должны также держать в поле зрения интересы и тех, кто управляет Правительствами, интересы которых часто диаметрально противоположны интересам других стран. Усилиями конференции сформировалась тенденция но согласованию этих интересов.

Приложены усилия создать Международный Высокий суд Правосудия и Обязательный Арбитраж. Нелидов сказал, что это было результатом теоретических комбинаций, которые терпели неудачу, потому что были фактически непреодолимые трудности на их пути. Вместо «Международного Суда Приза» был бы одним из длительных памятников конференции, и когда-то применялся. Это косвенно предотвратит большее расширение войны. Но самое большое значение существующей конференции было собранием представителей целого мира. Присутствие латиноамериканских делегаций увеличило взаимное понимание между странами; европейским и американским континентами.

М. Нелидов предложил зачитать благодарственную телеграмму Королевы Вилгельмины:

«В одном из наших недавних заседаний благодарность была выражена

августейшему инициатору этих двух конференций, его Величеству Императору России.

Конференция, я надеюсь, сегодня отдаст и дань уважения президенту Соединенных Штатов, который сначала предложил встречу второй конференции, уполномочивая меня послать ему следующую телеграмму:

«Делегаты второй Мирной Конференции, закончив работу, помнят начальные позиции, ставшие основанием для президента Соединенных Штатов для всеобщего собрания, за что все передают ему почтительное уважение. Это действие было одобрено конференцией.

Аргентинская делегация настаивала, чтобы поддерживался принцип равенства государств – приветствие нужно послать Королю Альфонсо Испании, так же как президенту Рузвельту, оба из которых от себя направляли приглашение Аргентине, чтобы та участвовала в конференции. Предложение тепло приветствовали.

Различные другие делегаты так же произнесли дружественные речи.

Джозеф Х. Чоат, глава американской делегации, этим утром подписал заключительный акт конференции и принятых соглашений, ко всем из них он также приложил свою личную печать. Подписание осуществлялось в алфавитном порядке.

Г. Чоат приехал немедленно после Барона Маршала фон Биберстайна (главы немецкой делегации), которая на французском языке по алфавиту числилась первой.

Дэвид Дж. Холм и Контр-адмирал Чарльз С. Сперрай из американской делегации также подписали акт и соглашения, в то время как Генерал Хорас Портер, У. М. и Уильям I. Бьюкенен, а также другие американские делегаты подпишутся завтра².

Архиепископ Иоанн (Максимович), даты жизни: 4 июня 1896, село Адамовка Харьковской губернии – 2 июля 1966, Сиэтл, США, 2.07.1994 РПЦЗ причислила его к лику святых, епископ Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), архиепископ Западно-Американский и Сан-Францисский получал образование в Белграде, куда эмигрировал цвет русской армии и профессуры после захвата власти большевиками в 1917 г. Вот что Иоанн писал о Николае II: «Россия знала Александра II, Освободителя, но Царь Николай II освободил еще больше народа из братского славянского племени. Россия знала Александра III, Миротворца, а Государь Николай II не ограничивался только попечением о мире в свои дни, но сделал крупный шаг к тому, чтобы все народы Европы и всего мира жили миролюбиво и разрешали свои недоразумения мирным путем. С этой целью, по бескорыстному и благородному личному почину его, была созвана

Гаагская конференция»².

Николай II принял мученическую смерть, погибла и его семья. Убиты были пулями. Что совершенно невероятно, но фактически именно Николай II ввел «стандарты» для стрелкового оружия, которые мы и сегодня обязаны выполнять. Цель стандартов – понизить гибель людей в войне, сместить соотношение убитых и раненых в сторону раненых.

Учитывая вышеперечисленную информацию, необходимо сделать вывод о том, что в конце XIX и в начале XX века Россия была основоположником и инициатором создания базы гуманитарного права, которая сегодня используется всем миром. Все это естественно отразилось и в технических заданиях в области вооружений, и в России в первую очередь.

В начале XX века в России принята на вооружение винтовка Мосина (1891/30 г.) под винтовочный патрон калибра 7,62 мм и револьвер системы «Наган» под патрон калибра 7,62 мм, которые стали самым массовым ручным стрелковым оружием в тот период истории.

Характеристики по «дульной энергии» (Дж/м/с): наган – 294/347, винтовка Мосина (обр. 1891/30 г.), патрон 7,62x54R – 4466/870.

Для разъяснения смысла данных характеристик приведу определения.

Определения действия пули:

Убойное действие пули – количество кинетической энергии, затраченное пулей в теле человека (зверя). Кинетическая энергия складывается из поступательного и вращательного движения пули.

(Пуля совершает работу – убойное действие. Убойное действие (работа) измеряется в джоулях.)

Относительное убойное действие пули – количество кинетической энергии, затраченное пулей в теле человека (зверя) на единицу длины раневого канала.

Останавливающее действие пули – импульс, переданный пулей телу человека. Под останавливающим действием необходимо понимать удар, который наносит пуля, что в рукопашном бою достаточно для «пропуска шага» и перехода инициативы. «Пропуска шага, одного темпа» достаточно для победы в фехтовальном поединке, боксе, борьбе.

Для оружия военного назначения останавливающее действие принято рассчитывать только для пули pistolетного патрона.

Т.е. задача винтовочного патрона военного назначения заключается в преодолении преград и пробитии цели – человека – навывлет. При этом потери кинетической энергии составят примерно 250–300 Дж. Это также совпадает с кинетической энергией pistolетного патрона револьвера

системы «Наган», задача которого отдать максимально энергию в теле человека – передать импульс.

Приведенные характеристики и определения наглядно показывают, что уже к концу XIX века в первую очередь в России и в мире в целом сформировалось единое техническое задание для патрона стрелкового оружия. Это сложилось в результате понимания и негласного соглашения о таком подходе между оружейниками многих стран. Концептуально такое понимание закреплено Конвенцией. Фактически Россия уже вошла в XX век со стрелковым оружием, отвечающим требованиям Конвенции.

Рис. 1. Colt M1911, Colt M1911A1

А в это самое время, в 1906 г., в США проходят работы над новым

пистолетным патроном калибра.45 (11,43 мм), и его испытывают на крупном рогатом скоте. Характеристики: Дж/м/с 474/260. Большой калибр позволяет максимально затратить кинетическую энергию пули на разрушение тела человека. По расходу кинетической энергии это почти в полтора раза больше, чем у пули патрона револьвера системы «Наган» и пуль других пистолетных патронов европейских стран того периода. Далее, под пистолетный патрон калибра.45 на вооружение был принят пистолет Colt M1911 (M1911A1), который простоял на вооружении 80 лет. Автор статьи указывает на явное концептуальное различие в понимании и применении норм международного права со стороны США сразу в момент принятия Конвенции.

Отмечены и конфликты в отношениях между оружейниками России и США. John Moses Browning (23 января 1855 – 26 ноября 1926) был в России. Известно, что Браунинг написал о России: *«Только в одной стране мне намекнули, что изобретать вредно для здоровья!»*⁴

Как версию можно привести то, что именно Браунинг начал широко производить пулеметы, в то время как Россия изначально пыталась их запретить как оружие массового уничтожения. Именно Браунинг автор пистолета Colt M1911.

Рис. 2. Stg 44

Рис. 3. Stg 44 в разрезе

Для того чтобы показать, насколько было важно в тот период определить стандарты и подходы, необходимо знать, что при ведении боевых действий в начале XX века поражение личного состава

осуществлялось практически на 90 % процентов за счет применения стрелкового оружия.

Сегодня это порядка 50–60 % потерь, тема и сейчас очень актуальна.

После подписания Декларации 1899 г. и Конвенции 1907 г. в практику ведения боевых действий в Первой Мировой вошли такие нормы, как «не брать пленных, если противник применяет экспансивные пули, изменяющие форму при попадании в тело человека» («дум-дум», «разрывные»).

Качество патронов проверялось выстрелом в бревно. Пуля должна пробивать бревно, не теряя оболочки. Это простое испытание в России проходят патроны и сегодня. Пули проверяют выстрелом в сухой сосновый блок толщиной 20 см.

Рис. 4. АК-47

С начала XX века теоретически известно, что пуля диаметром примерно 6 мм потеряет в теле человека не более 250–300 Дж (во исполнение Конвенции), и с технической точки зрения нет смысла делать пулю больше, а патрон мощнее. Данное положение нашло свое отражение в деятельности русского конструктора В.Г. Федорова, который разрабатывает оружие под патрон 6,5 мм, взяв за основу японский боеприпас. События 1917 г. не дали в тот момент провести перевооружение, но в истории информация осталась.

В период Второй Мировой войны неизвестны случаи применения экспансивных пуль. Тем не менее обращают на себя внимание факты массового нарушения Конвенции со стороны США в ходе ведения боевых действий против Японии. Гарнизоны островов практически не брались в плен, а уничтожались почти на 100 %. Логичным завершением массовых нарушений конвенции стала ядерная бомбардировка городов Хиросимы и Нагасаки.

Непосредственно перед Второй Мировой войной Германия принимает на вооружение переходный патрон, «ополовинив» винтовочный патрон 7,92 мм и сделав патрон для карабина («переходный»).

Примечание: винтовка имеет длину ствола примерно 70 калибров, а карабин – 40–50 калибров.

Немецкие специалисты создают патрон с пулей, которая разгоняется на длине ствола меньше чем у винтовки до скорости примерно 700 м/с, и это считается достаточным. Во время войны Hugo Schmeisser (1884–1953) под этот патрон создает автоматический карабин Stg-44, который принимается на вооружение в Германии. Конструкторы СССР сразу увидели данный патрон и по достоинству оценили противника – фактически конструкторы СССР осуществили копирование патрона, и он известен теперь как патрон 7,62 мм образца 1943 года. Изменился калибр под традиционную российскую оснастку и изменена форма гильзы для улучшения условий подачи патрона.

После окончания Второй Мировой войны, в октябре 1946 г., Хуго Шмайссеру как специалисту по оружию предлагают поехать на несколько лет на Урал в Советский Союз. Это распоряжение касается многих известных конструкторов в Германии. Разрешалось взять с собой семьи. Немецкие специалисты прибыли 24.10.1946 г. на особом поезде в Ижевск. Из публикаций в газетах примерно за 1990 г. известно, что Хуго жил в Ижевске в д. 133 (или 33) на ул. Красной. После прибытия Хуго в КБ ижевского завода «Ижмаш» там была завершена разработка АК-47. Уже в 1946 г. в Ижевске были представлены первые три образца автомата.

Директор Музея Калашникова, Н. Вечтомова, подтвердила автору статьи, что Hugo Schmeisser был на заводе с 1946 г., а *«М. Калашников появился на заводе только в 49-м году, когда автомат уже пошел в серийное производство»*⁵. В серийное производство была запущена модель АК-47.

Практически одновременно с принятием на вооружение АК-47 в СССР приняли на вооружение пистолет Макарова, который был сделан на базе немецкого полицейского пистолета «Вальтер РРК» калибра 9 мм. Здесь необходимо отметить такой факт, что конструктор Николай Федорович Макаров (21.05.1914 – 14.05.1988) так и не вступил в КПСС. Принятый на вооружение пистолет имеет следующие характеристики патрона: Дж/м/с, ПМ – 304/339.

В «холодную войну» СССР вошел с винтовочным патроном 7,62 мм (7.62 × 54R), патроном 7,62 мм обр. 43-го года (7,62 × 39) и пистолетным патроном 9 мм для ПМ, что в целом отвечало требованиям Конвенции

1907 г.

США и блок НАТО входят в холодную войну с винтовочным патроном 7,62 мм НАТО.

Таблица 1

Обозначение патрона	Вес пули	Скорость пули	Энергия пули
5,56×45, НАТО	3,95–5,18 г	772–945 м/с	1700–1830 Дж
7,62×39, СССР	6,61–12,50 г	710 м/с	1991 Дж
7,62×51, НАТО	9,33 г	838 м/с	3275 Дж
7.62×54R, СССР	9,7 г	860 м/с	3587 Дж

В таблице 1 представлены общепринятые значения, но надо учитывать расхождения в зависимости от модели патронов. Представлены данные, которые позволяют вынести суждение. Как видно по данным в таблице 1, в НАТО приняли на вооружение винтовочный патрон «слабее русского».

Начинается холодная война. В конце 1950-х в США разрабатывается новый патрон 5,56 × 45 мм, который принят на вооружение странами НАТО. Предыдущим стандартным патроном НАТО был 7,62 × 51 мм, созданный на основе ружейного патрона 300 Savage и заменивший американский 30–06 Springfield. Патрон калибра 7,62 критиковался как «слишком мощный» для современных винтовок и «излишне тяжелый», из-за чего носимый боезапас был «недостаточным» для ведения боя в изменившихся условиях войны. Такими доводами оружейники США склонили свое министерство обороны к созданию патрона с диаметром пули примерно 6 мм – 5,56 мм.

Под этот патрон разрабатывается и принимается на вооружение автоматическая винтовка M-16 с целой серией модификаций.

Для разъяснения ситуации автор статьи считает необходимым остановиться в последовательности изложения и показать тенденции в развитии личного оружия солдат воюющих сторон.

Сравнительное исследование STG-44 и АК-47.

STG-44 имеет длину ствола примерно 50 калибров. Из этого можно сделать вывод, что перед нами карабин. Он способен вести автоматический огонь, и для этого конструкция приспособлена: ось канала ствола совмещена с упором приклада, а подвижные части имеют относительно малую массу. Т. е. это «автоматический карабин».

АК-47 имеет длину ствола примерно 50 калибров, а ось канала ствола не совмещена с упором приклада, подвижные части имеют относительно большую массу. Т. е. оружие не приспособлено для автоматической стрельбы. Его нельзя классифицировать как автоматический карабин.

В связи с выявленными различиями опускаем АК вниз по классификации и получаем «полуавтоматический карабин с возможностью ведения автоматической стрельбы». Несмотря на то, что АК оказался ниже по классификации, чем STG-44, но на тот момент он был лучше принятой в США на вооружение винтовки М-14 (полуавтоматическая винтовка с возможностью ведения автоматической стрельбы).

Анализируя историю стрелкового оружия и его конструкцию, можно сделать вывод, что в своих образцах Хуго Шмайссер объединил свойства личного оружия солдата Второй Мировой – винтовки и пистолета-пулемета. Для стрельбы очередями на длинные дистанции в то время использовался только пулемет (пулемет не является личным оружием).

Скорострельность 600 выстрелов в минуту была нужна для стрельбы автоматическим огнем на малой дистанции, чтобы водить стволом как шлангом и корректировать наведение оружия от выстрела к выстрелу. Стрельба короткими очередями по 2–3 выстрела на больших дистанциях Хуго Шмайссером не проектировалась. Применение такого способа стрельбы из АК является ошибкой, и пытаться тренировать солдат бессмысленно. Для стрельбы короткими очередями на длинные дистанции оружие должно иметь другую конструкцию и темп стрельбы (см. автоматическую винтовку М-16, США).

Учитывая выявленные конструктивные различия, эффективная дальность стрельбы автоматическим огнем у АК будет меньше, чем у STG-44. Тем не менее, несмотря на имеющиеся различия и незначительные преимущества одного оружия над другим, сегодня целесообразно пересмотреть все образцы, которые произошли от STG-44 («СЕТМЕ», Испания; FN, Бельгия; G-3, Германия; АК, СССР), и классифицировать их как «полуавтоматическое оружие с возможностью ведения автоматической стрельбы». Сегодня автоматическими винтовками и карабинами необходимо признавать только современные образцы – винтовка М-16 и другие более поздние образцы автоматических винтовок.

Возвращаемся к Вьетнамской войне. Впервые в войне появляется полноценная автоматическая винтовка – новый современный класс стрелкового оружия. Она сделана под патрон с пулей 5,56 мм и теоретически должна отвечать нормам международного права – Конвенции 1907 г. Но этого не произошло. В войска массово пошли патроны с браком

в серийном производстве: слабая оболочка пули и порох низкого качества, который забивал газоотвод винтовки М-16. Версия событий: производители стали утверждать, что разрушение пули 5,56 мм это хорошо – тяжесть ранений увеличивается, и безвозвратные потери противника резко возрастают. Низкое качество пороха производители оправдать не смогли, и их заставили его поменять.

В поддержку данной версии необходимо учитывать, что в военном ведомстве США произошли серьезные изменения в идеологии ведения войны. Случилось это еще в ходе Второй Мировой войны после ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. В период, когда в военное ведомство США пришло большое количество людей по призыву «с гражданки», что сильно разбавило кадровый корпус офицеров армии США. Они не имели классического военного образования и не помнили о Конвенции. Занятие людьми без специального образования высоких военных постов сильно деформировало этику ведения боевых действий. Наиболее ярким представителем военных той волны можно считать Robert Strange McNamara (9 июня 1916 – 6 июля 2009). Макнамара являлся вице-президентом «Ford Motor Company». Он доработал до первого руководителем концерна и на посту руководителя компании проработал 5 недель, а затем по предложению John Fitzgerald Kennedy (20 января 1961 – 22 ноября 1963) перешел на работу в правительство, заняв пост министра обороны. В бытность министром обороны США он и стал главным идеологом войны во Вьетнаме⁶.

Robert Strange McNamara прославился тем, что подходил к войне как к производству или экономике. В армии США во время войны применялись поощрения за наибольшее количество трупов врага, что прямо нарушает Конвенцию. Аналогично он предлагал победить СССР, сбросив на его города тысячи ядерных бомб. В такую логику разрушение пули патрона 5,56 мм НАТО винтовки М-16 укладывалось полностью.

Тем не менее не винтовка М-16 прославилась в той войне, а именно АК-47. Не только выход из строя автоматике М-16 создал ей негативную оценку, но и разрушение пули снижало эффективность ведения огня. Представьте американского солдата в джунглях Вьетнама. Американец стреляет, а пули плющит и разрушает о стволы деревьев, противника огонь стрелкового оружия не достает. Вьетнамцы на этой же дистанции уничтожали американцев в ответной перестрелке патронами 7,62 мм обр. 43-го года (АК-47).

В США гражданам широко продается стрелковое оружие – винтовки, карабины, пистолеты и револьверы. Для всех образцов предлагаются

патроны с экспансивными пулями, которые изменяют свою форму при попадании в тело человека («дум-дум»). Общество к этому относится совершенно спокойно. Такое же отношение переходит и к оружию военного назначения. В полиции США считают нормальным стрелять в своих граждан такими пулями, а уж по противнику на войне это тем более этично, с их точки зрения.

Сегодня разрушение оболочки пули даже при ударе о воду фиксируется практически у всех патронов стрелкового оружия НАТО, что требует рассмотрения в международном суде. Пули СССР и России не разрушаются при попадании в человека (в воду).

Возвращаясь к СССР и холодной войне, необходимо отметить, что логику конструкторов США поняли и конструкторы СССР. В США была попытка принять на вооружение патрон с диаметром пули примерно 6 мм для исполнения Конвенции 1907 года, и это же постарались сделать в СССР. Сегодня известен патрон, который называется «автоматный патрон 5,45³⁹». В данном случае неправильно само название патрона. Пуля разгоняется на длине ствола примерно 70 калибров, и технически правильно его надо называть «винтовочный патрон 5,45 × 39». Аналогично у США – «винтовочный патрон 5,56 × 45». Отечественный патрон по диаметру пули практически не имеет отличий от патрона США, т. к. различается не диаметр пули, а методика измерения калибра. Отечественный патрон имеет более короткую гильзу, он и слабее, чем аналогичный патрон США. Общим недостатком двух сравниваемых малокалиберных патронов США и СССР (России) является низкая устойчивость пули при движении в раневом канале. Происходит опрокидывание, что, как следует из Декларации 1899 г., считается недопустимым. Именно низкая устойчивость пули патрона калибра 5,45 мм и стала причиной появления мифов о патронах «со смещенным центром тяжести».

При проектировании патронов стрелкового оружия принято обеспечивать запас по устойчивости пули в 40 % – в расчетах применяется коэффициент 1,4. Рассматриваемые боеприпасы – малокалиберные патроны – не обеспечивают запас устойчивости и потому должны быть сняты с вооружения как в НАТО, так и в других странах. На смену данным патронам неизбежно придут другие патроны большего калибра, расчет которых будет выполнен с использованием современных вычислительных средств и методов математического моделирования. Автор статьи считает, что, учитывая авторство России в основах гуманитарного права, инициатором снятия с вооружения патронов и оружия калибра 5,45 мм

(Россия) и 5,56 мм (НАТО) должна стать Россия.

Подводя итог истории холодной войны, мы можем прийти к выводу о том, что в США произошло разрушение концепции ограничения в поражении живой силы противника на принципах разумной достаточности, которую старались соблюдать последние 100 лет ведущие конструкторы и производители огнестрельного оружия. Появление экспансивных пуль для огнестрельного оружия охотничьего назначения необходимо рассматривать как последствия гуманитарной катастрофы, и ни в коем случае не считать это нормой. Нельзя населению разрешать ношение и хранение боевого и охотничьего оружия для самообороны. Необходимо запретить использование охотничьего оружия для охраны объектов. Необходимо разрабатывать специальное оружие для этих целей.

Подводя итог деятельности инженеров-оружейников в XX веке, необходимо отметить подвиг Хуго Шмайссера, Н.Ф. Макарова, офицеров ГАУ МО СССР (ГРАУ) и других, кто в условиях страшнейших человеконенавистнических режимов (коммунистического и антикоммунистического) смогли удержать производство стрелкового оружия в рамках Конвенции 1907 г. и Декларации 1899 г., не объясняя истинных причин своим правительствам. Имеющиеся недостатки требуют исправления, они есть лишь результат условий, в которых работали конструкторы (исполнители и заказчики) во всех странах.

Из холодной войны США вышли с разрушением норм нравственности и морали. При ведении боевых действий США считают нормальным осуществлять массовое уничтожение людей. Против США можно и нужно начинать судебный процесс по аналогии с Нюрнбергским не только за нарушение Декларации 1899 г., но и за явные нарушения Конвенции 1907 г. в XX веке и позже.

СССР перестал существовать и вышел с сильным отставанием в области производства стрелкового оружия. Германия в 1944–1945 гг. имела большое количество автоматических карабинов, а Россия в 2011-м – не имеет. Находящийся на вооружении автомат Калашникова калибра 5,45 мм на класс ниже, чем М-16 США. АК-74 является «полуавтоматической винтовкой с возможностью ведения автоматической стрельбы», а М16 – «автоматической винтовкой».

Примечания

<http://online.wsj.com/article/SB124744075427029805.html>.

² New York Times, 19 October, 1907.

³ «Слово, произнесенное перед богослужением об упокоении душ Государя Николая II и с ним убиенных». Архиепископ Иоанн (Максимович). Митрофорный протоиерей Валерий (Захаров), «Никольский Благовест». № 317. По благословению Мефодия, митрополита Астанайского и Алматинского, № 13 (317), 2006 г.

⁴ <http://www.sniper.ru/doc/read.php7icK215>.

⁵ Дискуссия на сайте «Известий», всероссийский конкурс «Чудо России», <http://www.ruschudo.ru/miracles/17/comments/>.

⁶ Neue Ztircher Zeitung. Architekt des Vietnamkriegs. 2009, Juli.

⁷ [http://en.wikipedia.org/wiki/File: RussianWP.jpg](http://en.wikipedia.org/wiki/File:RussianWP.jpg)

Иллюстрации приведены из:

Рис. 1. Лидшун Р, Воллерт Г. Стрелковое оружие вчера / Пер. с нем. Минск, 2003. С. 400.

Рис. 2. Там же. С. 220.

Рис. 3. Там же. С. 222.

Рис. 4. Лидшун Р, Воллерт Г., Копенхаген В. Стрелковое оружие сегодня / Пер. с нем. Минск, 2003. С. 263.

Когда СССР проиграл холодную войну?

Мухин М.Ю.

Холодная война представляет собой сложный многоаспектный феномен, изучению которого посвящены и скорее всего еще будут посвящены многочисленные объемные исследования. Мы же в этом кратком сообщении попытаемся приблизиться к решению узкой задачи – определение рокового момента, после которого для СССР победа в геостратегической борьбе с США была уже невозможна.

Первое, из чего мы обязаны исходить, это признание того очевидного факта, что США имели ряд заведомых преимуществ в соперничестве с СССР.

Одной из важнейших форм противостояния Советского Союза и США было поддержание военно-стратегического паритета. Однако в этом состязании США имели ряд стратегических, практически некомпенсируемых бонусов. Во-первых, объем ВВП США на тот момент превосходил аналогичный показатель СССР, по разным оценкам, в 6–8 раз. Во-вторых, США обладали намного менее протяженной сухопутной границей, да и соседствовали они со странами, которые заведомо не могли угрожать безопасности Соединенных Штатов. В-третьих, в этом противостоянии США могли опереться на военный и экономический потенциал своих союзников по НАТО, в то время как возможности СССР получить соответствующую поддержку со стороны партнеров по ОВД были существенно ниже. В результате, пытаясь удержать баланс, СССР был вынужден пойти на существенные перекосы как в экономическом развитии, так и в научных разработках, выделяя все больше средств именно на «гонку вооружений», которая в относительных величинах была для Советского Союза намного более разорительна, чем для США и его союзников.

В этой ситуации СССР был обязан постоянно навязывать геостратегическому противнику свою инициативу, вынуждая США парировать советские вызовы. Любая другая стратегия противостояния вела к безусловному поражению. Разумеется, стратегия «наступления» также не гарантировала победы, но по крайней мере в этом случае сохранялись шансы на успех. В этом смысле СССР блестяще провел геостратегическую кампанию 1960-х гг. Отказавшись от явно

бесперспективного состязания с США в количестве авианосцев и стратегических бомбардировщиков, советское руководство сделало ставку на ракетную технику – и не прогадало. В политической сфере это было время достаточно агрессивной советской дипломатии, которая сумела в известной мере оседлать антиколониальное и антивоенное движение на Западе. В ходе Карибского кризиса СССР впервые недвусмысленно угрожал перенести военные действия непосредственно на территорию США. Позволив США совершить стратегическую ошибку с ввязыванием во Вьетнамскую войну, советское руководство достаточно грамотно использовало этот промах Вашингтона как в экономическом, так и в пропагандистском аспектах. Однако с 1970 г. начинается «эпоха разрядки», которая в контексте холодной войны означала перемирие, позволившее Западу «перевести дух». В результате на рубеже 1970-1980-х внешнеполитическая конъюнктура резко изменяется не в пользу СССР. Обращает на себя внимание, что именно 1979 г. стал своеобразным рубежом, после которого практически все внешнеполитические тренды приобрели для СССР негативный характер.

Итак, чем роковой 1979-й ударил по интересам СССР?

1. Весной 1979 г. разразилась полномасштабная китайско-вьетнамская война. В ходе этого конфликта СССР однозначно встал на сторону Вьетнама, на Пекин было оказано дипломатическое давление, в Камрань прибыл отряд советских кораблей, в Монголии были проведены крупномасштабные маневры сухопутных войск. После этого отношения СССР с Китаем, и до того не безоблачные, ухудшились еще более. Началось американо-китайское сближение, что объективно ухудшало геостратегическое положение Советского Союза.

2. Тогда же, весной 1979 г. (строго говоря, Хомейни взял власть еще в феврале, но исламской республикой Иран был объявлен 1 апреля), в Иране произошла т. н. «исламская революция». Нельзя сказать, что это немедленно и существенно осложнило положение Советского Союза – отношения Москвы с Ираном шахским также были весьма натянуты, однако именно с этого момента воинствующий исламизм становится фактором международной политики. Пример Тегерана вдохновил аналогичные силы и группировки практически по всему Ближнему Востоку и Центральной Азии. Вероятно, этот момент учитывался советским руководством при принятии решения на ввод войск в Афганистан.

3. Собственно, причины ввода советских войск в Афганистан до сих пор обсуждаются и уточняются. Помимо упоминавшегося выше иранского

фактора следует учитывать, что просоветский режим в Кабуле, установленный как минимум с начала 1978 г., встречал в своей политике все усиливавшееся сопротивление. Причем с лета 1979 г. противники кабульского режима финансировались (напрямую или через пакистанскую разведку) из Вашингтона. Возможно, в Москве опасались установления в Афганистане не исламского, а прозападного влияния. Как бы там ни было, в конце 1979 г. советские войска вступили на территорию Афганистана. Надо признать, это была очень серьезная ошибка советского руководства. США получили еще одну великолепную возможность дополнительно ослабить положение стратегического противника, оказывая массивную финансовую и военно-техническую поддержку антикармалевским (а по сути – антисоветским) силам. Причем в плане финансирования деятельности «душманов» к Вашингтону сравнительно быстро подключились Саудовская Аравия и Пакистан. На и без того не шикующую советскую экономику было возложено еще и бремя военных расходов (приблизительно 3–4 млрд долларов в год). Хотя потери в живой силе в ходе войны в Афганистане были мизерны (13 тысяч за 10 лет войны – т. е. потери от войны в Афганистане в год были сопоставимы с числом погибших в тот же год в ДТП), нельзя недооценивать грандиозный по масштабам и негативный по заряду идеологический эффект, который дал проекцию как на настроения советского общества, так и на международный имидж СССР. Образно говоря, Советский Союз получил «советский Вьетнам» и «анти-Гагарина» одновременно.

4. Между тем в этот же период обозначилось «слабое звено» социалистического лагеря – Польша. На рубеже 1970-1980-х гг. страну постиг социально-экономический кризис, который закономерно перерос в кризис политический. Погнавшись за ростом потребления, Польская Народная Республика оказалась полностью зависимой от иностранных финансовых вливаний. В начале 1981 г. Варшава должна была уплатить 3,5 млрд долларов по процентам и еще 7 млрд – в счет погашения кредитов. Причем отказ от платежей гарантированно вел к отказу в новых кредитах, а значит – к коллапсу экономики страны. Пытаясь спасти союзника, СССР «в порядке интернациональной помощи» перечислил Варшаве 4,5 млрд долларов и поставил в кредит значительные объемы нефти, газа и хлопка. В этой ситуации администрация Рейгана решила выжать из выигрышного положения все возможное. На американские банки было оказано давление с целью не допустить реструктуризации задолженности ПНР, одновременно Польша была исключена из круга стран, пользовавшихся «режимом наибольшего благоприятствования». В результате пошлины на

польские товары взлетели на 300–400 %, а приток валюты в ПНР закономерно сократился. США не возражали против возобновления экономического сотрудничества, но теперь помощь в сфере экономики жестко увязывалась с реформами как в области экономических отношений, так и политической системы. Одновременно была оказана техническая и финансовая помощь антисоциалистической оппозиции, ведущее место в которой занимала профсоюзная коалиция «Солидарность». К середине 1980-х экономический крах ПНР стал очевидным фактом. Так как основная масса польского населения традиционно возлагала на СССР ответственность за все, происходящее с Польшей (и уж заведомо – за все действия промосковских властей в Варшаве), это привело к резкому росту антикоммунистических и антисоветских настроений в стране. Что касается СССР, то он вынужден был, с одной стороны, затрачивать огромные средства на поддержание на плаву режима ПОРП, а с другой – наблюдать за нарастанием влияния антисоветских сил в спонсируемой из советского бюджета стране.

5. Надо сказать, что все вышеотмеченные «дополнительные» статьи расходов – на боевые действия в Афганистане и на спонсирование обанкротившейся Варшавы – пришлось на период общего снижения валютных поступлений в советский бюджет. Руководство Советского Союза рассчитывало на существенный прирост валютной выручки за счет ввода в эксплуатацию газопровода Уренгой – Помары – Ужгород – Западная Европа. При этом финансовое и техническое обеспечение на себя брали западные партнеры, а СССР обязывался расплатиться с задолженностью газом в течение 25 лет. В случае успешного осуществления проекта СССР мог рассчитывать на 15–30 млрд долларов в год дополнительно. Однако США оказали беспрецедентное давление на своих европейских партнеров, в результате чего участие западных стран в проекте было резко сокращено – были уменьшены поставки оборудования, сокращены заказы советского газа, уменьшено финансирование проекта в целом. В конце концов, с опозданием в 2 года против первоначального проекта, в эксплуатацию ввели 1 «нитку» газопровода (изначально планировали 2 «нитки»). Разумеется, все это не способствовало наполнению золотовалютных запасов страны. Одновременно США удалось достичь договоренности с ОПЕК о кардинальном снижении цен на нефть. Вероятно, в данном случае американские представители в первую очередь преследовали задачу улучшить положение американской же экономики. Ну а то, что попутно они в очередной раз прорезали лишнюю дырку в кошельке СССР, стало приятным дополнением. Баррель нефти, стоивший в 1985 г. 30 долларов, к

1986 г. подешевел до 12, что означало сокращение доходов СССР на 10 млрд долларов в год.

6. И наконец, именно в эти роковые 3–4 года, пришедшиеся на рубеж десятилетий, гонка вооружений вышла на новый уровень. США демонстративно сделали ставку на достижение не количественного, а качественного превосходства в стратегических ядерных вооружениях. Советский Союз вынуждали состязаться в наиболее провальном для СССР сегменте оборонных разработок – микроэлектронике и компьютерных технологиях. Логичным было в максимальной степени отсечь СССР от высокотехнологичного экспорта – и это было сделано. В результате резкого ужесточения деятельности КОКОМ доля высокотехнологических изделий в импорте СССР снизилась с 33 % в 1975 г. до 5 % в 1983 г. В том же 1983 г. США официально объявили о старте разработки программы Стратегической Оборонной Инициативы.

Итак, на рубеже 1970-1980-х гг. внешнеполитическое положение СССР резко ухудшилось, причем сразу по нескольким векторам. Этот факт постоянно надо держать в уме при рассмотрении событий середины – второй половины 1980-х. Вся «перестройка» развивалась на фоне уже понесенного внешнеполитического и дипломатического поражения, и этот провал во внешней политике чем дальше, тем большую тень отбрасывал и на внутривнутриполитическую сферу. Поэтому мы позволим себе предположить, что именно 1979 г. стал моментом, обозначившим стратегический проигрыш Советским Союзом холодной войны.

Хотелось бы отметить и еще один момент. В определенных кругах широко распространилось мнение, что СССР не столько развалился, сколько его развалили извне. Доля истины в этом рассуждении есть. По мере возможности мы пытались показать, что почти во всех шести аспектах внешнеполитического кризиса не обошлось без заокеанского следа. Однако, не следует рассматривать Советский Союз как безответный объект манипуляций. Логика холодной войны подразумевала, что обе сверхдержавы, состязаясь за мировую гегемонию, по мере сил будут стремиться ослабить неприятеля и всячески снизить геостратегическую мощь противника. Таким образом, речь идет не столько о том, что Вашингтон плел коварные замыслы по всяческому ущемлению и ослаблению СССР, а о том, что Кремль оказался не в состоянии эти замыслы развеять и, в свою очередь, максимально ослабить США. Сработал известный футбольный принцип «не забиваешь ты – забивают тебе». Иными словами, рубеж 1970-1980-х гг. ознаменовался чередой ошибок советской внешней политики, которые кардинально ухудшили

положение СССР в геостратегическом плане.

Запрет Коммунистической партии Германии в ФРГ в 1956 г.: правовые и политические аспекты

Платошкин Н.Н.

В современной германской историографии много трудов, посвященных преследованию инакомыслия в ГДР. В то же время такие же процессы в ФРГ подробно не анализируются. Между тем именно ФРГ осуществила в 1956 г. запрет Коммунистической партии Германии – единственной политической силы страны, активно борющейся с нацистским режимом.

Столпами идеологии созданного в 1949 г. сепаратного западногерманского государства были жесткий антикоммунизм и более чем мягкое отношение к 12-летнему периоду гитлеровского «тысячелетнего» рейха. Причем, как будет показано ниже, эти столпы как бы поддерживали друг друга, что было более чем естественно.

Антикоммунизм в начале и середине 1950-х гг. был явлением абсолютно нормальным для большинства капиталистических стран. В эти годы холодной войны правительства западных государств не жалели средств для дискредитации своего основного идеологического врага. В США действовал сенатор Маккарти, выискивавший «подрывные коммунистические элементы» в государственных структурах. Соратников Рузвельта заставляли каяться в не совершенных ими преступлениях. Людей доводили до инфарктов и самоубийств. Апогеем «охоты на ведьм» стала казнь в 1953 г. супругов Розенберг, обвиненных в шпионаже в пользу СССР. Массовые протесты во всем мире не помешали казнить на электрическом стуле женщину, не пожелавшую расстаться со своими политическими убеждениями.

ФРГ, естественно, не желала отставать от «старшего брата». Антикоммунизм в Западной Германии усиливался двумя факторами. Во-первых, стремлением дискредитировать ГДР – государство, которое, по мнению правящей в ФРГ партии ХДС, вообще не должно было существовать; во-вторых, бывшие члены НСДАП и просто враги «социалистов, евреев и масонов», которых всегда было более чем достаточно среди немецких чиновников, желали взять реванш за свой

испуг 1945 г. Ведь тогда выходившие из тюрем и концлагерей коммунисты имели высокий моральный авторитет. Им трудно было смотреть в глаза, особенно если вспомнить собственный бесславный «трудовой путь» подавляющего большинства немецких госслужащих во времена национал-социализма.

23 ноября 1951 г. правительство ФРГ возбудило в Федеральном конституционном суде страны ходатайство о запрете Коммунистической партии Германии как «антиконституционной». При этом кабинет канцлера Аденауэра ссылаясь на 21-ю статью Основного закона (конституции) ФРГ, второй параграф которой гласил: «Партии, которые по своим целям или по поведению своих сторонников стремятся к тому, чтобы нанести ущерб свободному демократическому правопорядку или устранить его, или угрожать существованию Федеративной республики, являются антиконституционными. Решение об антиконституционности выносится Федеральным конституционным судом». Обращает на себя внимание «резинковая» формулировка западногерманской конституции: речь в ней шла даже не о поведении членов партии, а о неких «сторонниках». То есть достаточно было кому-нибудь громко заявить о симпатиях к КПГ и швырнуть камень в полицейского, чтобы дать повод для запрета партии.

В качестве средства юридической расправы с коммунистами правительство Западной Германии использовало Федеральный конституционный суд, наделенный Основным законом ФРГ очень широкими полномочиями. Суд мог толковать любой закон страны на предмет соответствия конституции, и если он признавал какой-либо нормативный акт неконституционным, то это означало его автоматическую недействительность.

В 1950-е гг. конституционный суд ФРГ еще не обладал авторитетом беспристрастного арбитра, который он приобрел начиная с 1970-х гг. Дело было в персональном составе этого органа. Суд состоял из двух сенатов (т. е. судебных палат), члены которых избирались бундестагом (парламентом) и бундесратом (палатой земель) из списков, составленных правительством. Много писали о «надпартийности» суда, что было абсолютно неверно. 8 из 11 членов первого сената, занимавшегося «делом» КПГ, ранее служили в госаппарате правительства Аденауэра. Председатель конституционного суда Винтрих в прошлом был кандидатом от ХСС¹ на выборах в Баварии. Во времена «третьего рейха» Винтрих служил судьей и в 1940 г. был рекомендован на пост члена верховного земельного суда. В представлении говорилось, что «национал-социалистические убеждения

господин доктор Винтриха не вызывают никаких сомнений»².

Еще более «колоритной» фигурой был министр внутренних дел ФРГ Роберт Лер, ведомство которого и подготовило ходатайство о запрете КПГ. В январе 1951 г. во время дебатов в бундестаге один из представителей фракции компартии обвинил Лера в том, что он помогал Гитлеру прийти к власти. Лер заявил в ответ, что готов сделать это еще раз³. Будучи в 1933 г. бургомистром Дюссельдорфа, Лер принял решение о расторжении городскими властями всех контрактов с магазинами и другими торговыми предприятиями, принадлежавшими евреям. Когда в ноябре 1950 г. правительство Аденауэра издало распоряжение об удалении с государственной службы членов компартии и других «подрывных» организаций (например, Общества германо-советской дружбы и Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме), Лер так обосновал этот шаг: «Я надеюсь, что судебная практика постепенно будет равняться на выполнение того, чего мы действительно хотим... Кто ест наш хлеб и нам служит, должен быть нашим душой и телом. Кому это не подходит, пусть ищет других путей»⁴.

Того же «коричневого поля ягодой» был и глава делегации правительства ФРГ на процессе против КПГ статс-секретарь МВД Ганс фон Леке. Выступая в 1933 г. в рейхстаге во время дебатов о предоставлении правительству Гитлера чрезвычайных полномочий (что означало конец Веймарской республики), Леке говорил о готовности «действенно сотрудничать (с нацистами – *Примеч. автора*) в деле национального восстановления». Это «восстановление» началось с поджога гитлеровцами рейхстага, и пока Леке объяснялся НСДАП в любви, в тюрьмах и «диких» концлагерях СА и СС уже пытали несколько тысяч арестованных коммунистов и социал-демократов.

Таким образом, ответ на вопрос «А судьи кто?» был вполне ясен. Конституционный суд ФРГ в 1952 г. уже доказал на практике свою «беспристрастность». 31 января и 7 июля 1952 г. СДПГ обратилась в конституционный суд с требованием признать не соответствующим Основному закону обсуждавшийся в бундестаге Договор о Европейском оборонительном сообществе (ЕОС). По мнению социал-демократов, договор означал создание в ФРГ собственной армии, что было тогда запрещено конституцией. Суд не нашел ничего лучшего, чем отвергнуть социал-демократическое ходатайство на том основании, что он-де не может давать оценку еще не принятым окончательно нормативным актам. Но тут неожиданно для канцлера Аденауэра в дело вмешался президент ФРГ Хойе,

обратившийся в Карлсруэ (там была резиденция конституционного суда) с требованием дать правовое заключение по данному вопросу. Формально правовое заключение не имело обязательного характера, но предопределяло решение суда в будущем. Суд молчал, и за это время Аденауэр и американские оккупационные власти заставили Хойса забрать свой запрос обратно. Канцлер не забыл этого скандала, и положение о правовом заключении исчезло из новой редакции закона о конституционном суде в 1956 г.

Ходатайство правительства ФРГ о запрещении КППГ не отличалось особой юридической изощренностью. Партию предлагалось признать антиконституционной потому, что она была марксистско-ленинской и выступала за построение социализма. КППГ должна была ответить и за «несовместимость законов, осуществляемых в советской оккупационной зоне (т. е. ГДР. – *Примеч. автора*), с конституционными принципами Федеративной республики»⁵. В качестве «тяжелейшего покушения» на существование ФРГ рассматривался и народный опрос против ремилитаризации и за воссоединение Германии, организованный КППГ. Народное движение против ремилитаризации (в котором помимо коммунистов участвовали социал-демократы, представители протестантской церкви и просто беспартийные) называлось в ходатайстве правительства ФРГ «агрессивным».

КППГ предлагалось «ответить» за высказывания Маркса, Ленина и Сталина о диктатуре пролетариата, за Конституцию СССР 1936 г. и Устав КПСС, а также за политику Коминтерна, распущенного в 1943 г. В качестве «судебного доказательства № 32» правительство ФРГ приводило цитату из коммунистической печати, в которой критиковалось назначение высокой государственной пенсии вдове главы Главного имперского управления безопасности (РСХА) и палача чешского народа Рейнгарда Гейдриха⁶. То есть кабинет Аденауэра считал критику пенсионного обеспечения бывших нацистов и их родственников несовместимой с конституцией ФРГ

Процесс против КППГ с самого начала имел слишком явный политический подтекст. Многие СМИ, причем отнюдь не только в странах социализма, справедливо сравнивали его с судом против Георгия Димитрова в 1933 г., когда болгарского коммуниста обвинили в поджоге рейхстага. Но тогда нацистская юстиция формально расследовала хотя бы конкретное уголовное дело – пожар в парламенте страны. В 1951 г. (когда правительство ФРГ обратилось в суд с целью запрета компартии) КППГ не смогли предъявить ни одного действительно уголовно наказуемого деяния.

Ни члены компартии, ни даже ее «сторонники» ничего не поджигали и не взрывали. Не было обнаружено и подпольных складов оружия или планов вооруженного восстания.

Понимая шаткость своих правовых позиций, правительство ФРГ решило «помочь» Федеральному конституционному суду простым, но действенным способом. 31 января 1952 г. на рассвете полиция захватила на всей территории Западной Германии помещения КПГ и обыскала квартиры ведущих партийных функционеров. Тоннами изымались материалы, которые должны были служить доказательствами в суде. Были немедленно арестованы и представители КПГ на процессе, которых приводили на заседания конституционного суда из тюрьмы. Причем эти люди были знакомы с тюрьмами не понаслышке: они уже сидели там при Гитлере.

Но даже после подобных мер конституционный суд ФРГ не мог инкриминировать КПГ что-либо серьезное. Поэтому, решив 24 января 1952 г. открыть слушания, суд попросту отложил дело в долгий ящик.

Но «процесс пошел» сразу же после визита к Аденауэру в сентябре 1954 г. посла США Мэрфи и посещения Бонна госсекретарем Дж. Ф. Даллесом. Через четыре дня после последнего события конституционный суд все-таки назначил начало процесса на 23 ноября 1954 г. Американцы готовились к первому после 1945 г. совещанию четырех держав-победительниц (СССР, США, Великобритании и Франции), намеченному на июнь – июль 1955 г. в Женеве. А там Даллес собирался поставить вопрос о происках мирового коммунизма. Задачей ФРГ в этом смысле была подготовка соответствующих доказательств. С целью помощи западногерманским борцам против коммунизма на немецком языке был срочно издан отчет комиссии сената США по борьбе с подрывной «антиамериканской» деятельностью (комиссию вместо спившегося сенатора Маккарти возглавил сенатор

Маккарэн). Многие пассажи этого документа были затем использованы в обвинительных материалах правительства ФРГ (например, следующие «обвинения»: «Коммунистическая партия США верна марксизму-ленинизму» и «партия должна быть теснейшим образом связана с массами»). Офицер американской разведки присутствовал на процессе против КПГ под видом немца-эксперта. СМИ США открыто указывали на «образцово-показательный» характер суда над компартией, который надлежало повторить и в других странах.

Начавшийся в ноябре 1954 г. в Карлсруэ процесс сразу же едва не оказался в тупике. Ведь компартия Германии была официально разрешена всеми союзниками (в т. ч. и США) после 1945 г. как демократическая

антифашистская партия. А ведь и тогда она была марксистско-ленинской. Конституционный суд, проявив чудеса казуистики, установил, что союзники, оказывается, дали в 1945 г. лишь «негативное» определение демократии – «антифашистская». А Основной закон ФРГ, дескать, превратил «негативную» дефиницию в «позитивную». Представитель правительства ФРГ эксперт МИД ФРГ Кауфман был еще более откровенен. Он назвал Потсдамские соглашения четырех держав «интервенционистскими мероприятиями» союзников, которые противоречат международному праву⁷. Излишне даже говорить о том, в какой партии Кауфман состоял до 1945 г. – естественно, в НСДАП.

Первоначально суд в Карлсруэ был вынужден признать, что само по себе несогласие какой-либо партии с принципами общественного строя ФРГ не является достаточным доказательством ее антиконституционности. Необходимо еще и наличие «активной боевой и агрессивной позиции по отношению к существующему строю».⁸ Но суд быстро «подправили», и вскоре он уже говорил о достаточности общего политического курса КПП для ее запрета.

В своей защите компартия ссылалась и на так называемое «право на сопротивление», закрепленное, кстати, в конституциях ряда земель ФРГ, в т. ч. Бремена и Гессена. КПП приводила многочисленные примеры нарушения конституционных прав и свобод в стране, что давало населению право на противодействие. Тем более что это противодействие осуществлялось в законных и ненасильственных формах (демонстрации, забастовки). Следует отметить, что «право на сопротивление» действиям органов государственной власти появилось в ФРГ как реакция на произвол нацистов, которые формально после 1933 г. придерживались законов Веймарской республики.

Применив на деле поговорку «закон что дышло...», конституционный суд дал свою трактовку «права на сопротивление» в «консервативном» смысле. Получалось, что прибегать к забастовкам и демонстрациям можно было только после того, как были бы исчерпаны судебные методы отстаивания своих прав. Такие юридические «новации» вызвали законное возмущение западно-германских профсоюзов.

КПП представила суду детальные доказательства своих тезисов о том, что в кабинете Аденауэра много реваншистов, представителей бывшей НСДАП и союзов предпринимателей (именно эти утверждения коммунистов им же и инкриминировались в качестве образцов подрывной деятельности). Так, например, министр по общегерманским вопросам

правительства ФРГ Якоб Кайзер говорил, что под германским единством он понимает не только присоединение ГДР, но и Австрии, части Швейцарии и Эльзаса-Лотарингии. Другой министр, Вальдемар Крафт, назвал «глупцами» тех, кто требовал восстановления Германии в границах 1937 г. Оказывается, помимо этого следовало отстаивать права на Данциг (Гданьск), Судеты и Мемель (Клайпеду). Разоблаченный позднее как военный преступник министр Теодор Оберлендер публично «обиделся», когда его упрекнули в том, что он еще недавно желал для Германии колоний на Востоке. «Я желаю их еще и сегодня», – «подкорректировал» своих критиков Оберлендер. Впрочем, этот человек всего лишь был последовательным в своих убеждениях. Он командовал в 1941 г. батальоном украинских националистов «Нахтигаль», «прославившимся» массовыми расстрелами евреев, русских и поляков на оккупированной территории Советской Украины⁹.

Процесс против КППГ шел все же не так гладко, как задумывали его в Бонне и Вашингтоне. Суд постоянно исключал пункты обвинений, которые нельзя было аргументированно доказать. Причем коммунисты выступали за то, чтобы оставить эти пункты (например, проблематику достижения единства Германии), так как их абсурдность была очевидна для всех непредвзятых наблюдателей. Да и как можно было признать антиконституционными требования КППГ о проведении на всей территории Германии выборов на основе избирательного закона Веймарской республики 1924 г.? Конституционный суд с «соломоновой» простотой заявил, что возможный запрет КППГ не препятствует допущению партии к участию в будущих общегерманских выборах (!).

21 июня 1955 г. стало известно о приглашении правительства СССР Аденауэру посетить Москву и установить нормальные отношения между обеими странами (сама соответствующая нота правительства Советского Союза была направлена правительству ФРГ 7 июня). В этих условиях конституционный суд поспешно заявил 14 июля 1955 г. о том, что вынесение окончательного приговора в отношении КППГ откладывается на неопределенный срок. Ларчик открывался просто: Аденауэр решил на поездку в Москву и не хотел, чтобы она сорвалась из-за процесса в Карлсруэ.

Но сентябрьский визит Аденауэра в СССР и установление между Москвой и Бонном дипломатических отношений не изменили, по существу, положения дел в Карлсруэ. Кстати, Хрущев во время переговоров с Аденауэром в Кремле 10 сентября 1955 г. в свойственной советскому лидеру грубовато-шутливой манере заявил: «В возникновении коммунизма

виноваты вы. Карл Маркс ваш. Родился в Германии. Энгельс – в подкрепление. Вы заварили кашу, сами и расхлебывайте»¹⁰.

17 августа 1956 г. конституционный суд ФРГ все-таки запретил КПГ. Ведь провал процесса нанес бы ХДС/ХСС и лично Аденауэру громадный политический ущерб. То, что не удалось в 1933 г. государственному обвинителю Герману Герингу, а именно: осудить коммунистическое мировоззрение как таковое, удалось спустя 23 года властям «демократической» ФРГ. Депутат социал-демократической партии Германии (СДПГ) в бундестаге и бывший министр внутренних дел крупнейшей земли Северный Рейн – Вестфалия Вальтер Мендель так прокомментировал процесс: «Тот, кто занимается политической деятельностью в Рурской области, знает, что такую партию, как коммунистическая, никогда не победить штыками или полицейскими дубинками... Вы (т. е. правительство. – *Примеч. автора*) предаетесь иллюзии, когда полагаете, что рабочие, стоящие у доменных печей, или шахтеры, каждый день глядящие смерти в лицо, станут выдавать друг друга полиции за коммунистические высказывания»¹¹.

Процесс против компартии должен был, по мысли Аденауэра и его американских покровителей, служить предостережением всем, кто резко критиковал правительство с левого фланга. Ведь теперь ярлык «коммунистический» был чем-то уголовным и мог запросто привести человека в тюрьму или, во всяком случае, лишить его работы.

На момент запрета в компартии состояло 85 тысяч членов¹². По разным оценкам, после запрета КПГ было возбуждено от 125 до 200 тысяч уголовных дел против членов партии и сочувствующих. За противодействие запрету (оно могло осуществляться, например, в форме продолжения партийных собраний местных организаций компартии) было осуждено около 10 тысяч человек. За такие противоправные деяния устанавливался срок заключения до 6 месяцев. Только в день оглашения вердикта конституционного суда были арестованы 33 коммуниста. Парламентарии от компартии в земельных и местных парламентах были лишены депутатских мандатов. Имущество компартии было конфисковано. Было запрещено 17 партийных газет общим тиражом 150 тысяч экземпляров. Все члены компартии были поставлены под наблюдение западногерманской контрразведки – Ведомства по защите конституции. Часто это ведомство сообщало по месту работы того или иного гражданина о его прошлом членстве в компартии, что, как правило, вело к немедленному увольнению. В 1956–1958 гг. в ФРГ было запрещено еще

более 80 организаций, якобы близко стоявших к распущенной КПП. А всего таких организаций до 1966 г запретили более 200¹³.

Запрет против КПП был фактически отменен только в 1968 г., однако и после этого принадлежность к коммунистической партии была в ФРГ достаточным основанием для увольнения с государственной службы. Думается, что история холодной войны должна исследоваться объективно, что подразумевает и анализ тех сторон политической жизни Запада того времени, которые вряд ли вписываются в сценарий противостояния «тоталитарного» социализма и «демократического» капитализма.

Примечания

¹ Христианско-социальный союз (ХСС) был родственной ХДС по идеологии партией, действовавшей и действующей по сей день в Баварии. ХДС собственной партийной организации в Баварии не имеет.

² Белая книга Коммунистической партии Германии о процессе против КПП в Федеральном конституционном суде в Карлсруэ. М., 1956. С. 63.

³ Там же. С. 60.

⁴ Белая книга Коммунистической партии Германии о процессе против КПП в Федеральном конституционном суде в Карлсруэ. М., 1956. С. 61.

⁵ Белая книга Коммунистической партии Германии о процессе против КПП в Федеральном конституционном суде в Карлсруэ. М., 1956. С. 153.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Белая книга Коммунистической партии Германии о процессе против КПП в Федеральном конституционном суде в Карлсруэ. М., 1956. С. 29.

⁸ Белая книга Коммунистической партии Германии о процессе против КПП в Федеральном конституционном суде в Карлсруэ. М., 1956. С. 29.

⁹ Кстати, командиром карательного батальона «Нахтигаль» был лидер украинских националистов Роман Шухевич, которому указом президента Украины В. Ющенко посмертно присвоено звание героя Украины.

¹⁰ Визит канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955 г. Документы и материалы. М., 2005. С. 79.

¹¹ Белая книга Коммунистической партии Германии о процессе против КПП в Федеральном конституционном суде в Карлсруэ. М., 1956. С. 13–14.

¹² *Kurt. Einleitung: Zu einigen Fragen der Nachkriegsgeschichte der KPD.* In: KPD 1945–1968, Dokumente. S. 83.

¹³ *Roland Meister*. Das Rechtsstaatproblem in der westdeutschen Gegenwart, Staatsverlag derDt. Demokrat. Republik, Berlin. 1966. S. 147.

Развитие отечественных самолетостроительных заводов в условиях холодной войны (1946-1950-е годы)

Подрепный Е.И.

Окончание Великой Отечественной войны и начало холодной войны поставили самолетостроительные заводы СССР в трудное положение. С одной стороны, на заводах, пострадавших от войны, продолжалось восстановление разрушенных производственных площадей. Так, завод № 64 был организован по приказу Наркома авиационной промышленности (НКАП) № 209 от 12 апреля 1943 г. на базе завода № 18 в г. Воронеже как самолеторемонтный завод. Все производственные, вспомогательные, а также бытовые помещения были разрушены. Не осталось никакого оборудования¹.

23 августа 1943 г. г. Харьков был освобожден, а 29 августа уже прибыла из Москвы группа кадровых работников этого завода, приступившая к расчистке развалин и организации на этой территории ремонта самолетов воинских частей. Восстановление завода осуществлялось хозяйственным способом по очередям, обеспечивающим комплексное развитие. Постановлением Государственного Комитета Обороны № 4290 от 8 октября 1943 г. и приказом НКАП № 65с от 5 ноября 1943 г. заводу присвоен его прежний номер № 135 с отнесением к предприятиям 2-й категории². В декабре 1943 г. было собрано и передано воинским частям 150 самолетов Як-9 и в 1944 г. – 1870 самолетов³. После войны, в сентябре 1946 г., значительная часть производственных площадей (11 244 кв. м) по приказу НКАП № 512с от 9 апреля 1946 г. была передана реэвакуированному в г. Харьков заводу № 296⁴.

Вопрос о развитии производственного потенциала самолетостроительных заводов был тесно связан с развитием авиационной техники и гонкой авиационно-ядерных вооружений. Так, 26 июня 1945 г. вышел приказ НКАП об организации на Казанском авиационном заводе № 22 производства самолетов Ту-4⁵. В течение 1946 г. была проведена коренная реконструкция всех цехов завода. Придавая особо важное значение перестройке завода, директор В.А. Окулов предоставил

начальнику отдела реконструкции Н.С. Бутаеву права заместителя директора завода. В результате реконструкции за короткий срок было создано три цеха, в том числе плазово-шаблонный, оборудовано семь механических и инструментальных и шесть агрегатных цехов, вошли в строй новые поточные линии, было построено 14 490 кв. м складских помещений; перемещено 220 единиц оборудования и смонтировано 404 единицы нового. В цехах было заасфальтировано 60 247 кв. м полов, уложено 1400 куб. м бетона и 182 000 штук кирпича, проложено подкранных и наземных путей сообщения длиной 1200 м, уложено труб для пневмосети, водо- и паропроводов общей длиной 50 000 м, уложено вновь или перенесено около 12 000 м кабеля и 158 км электропровода⁶.

Постановлением Совета Министров (ПСМ) СССР № 5223-1994сс от 14 ноября 1949 г. и приказом Министерства авиационной промышленности (МАП) № 913сс от 17 ноября 1949 г. Воронежский завод № 64 был переведен на производство самолетов Ил-28 и в разряд самолетостроительных заводов первой категории. В 1950 г. была восстановлена производственная площадь и организован цех № 45 магниевого литья, восстановлена и введена в эксплуатацию вторая очередь малярного отделения, помещения корпуса Лётно-испытательной станции⁷. В течение 1953 г. была проделана работа по окончательному восстановлению главного корпуса; в 1954 г. были восстановлены южные бытовки главного корпуса и главная контора⁸.

В то же время заводы передавали соответствующим организациям помещения, полученные во временное пользование в годы войны. Например, в 1941 г. заводу № 153 в Новосибирске были переданы бывшая мебельная фабрика «Стандарт» и «ДОК» общей площадью 12 560 кв. м. В 1948 г. «ДОК» был возвращен Сибирскому военному округу⁹.

В концентрированном виде трудности послевоенного времени проявились на Ташкентском заводе № 84, выпускавшем самолеты Ли-2. В августе 1945 г. завод получил от НКАП указание не выпускать самолеты без проведения ряда изменений, связанных с заменой отдельных деревянных конструкций (двери, панели) на металлические, улучшением комфортабельности грузовых машин (оснащение туалетной комнатой, багажниками и т. п.) и устранением ряда ранее пропускавшихся мелких дефектов¹⁰. Недостаточные по мощности цехи подготовки производства не справились с обеспечением оснасткой вновь вводимых изменений и параллельным поддержанием в должном состоянии действующей оснастки. Трудоемкость транспортного самолета возросла на 30 %, в то же

время количество рабочих снизилось на 22 % при снижении отдачи в связи с резким сокращением сверхурочных работ и введением отпусков. В связи с этим выпуск самолетов снизился. Завод значительно улучшил качество самолетов, доведя его до уровня довоенного времени. Однако важные вопросы по обеспечению нормальных условий для технологического процесса, связанных со строительством и организацией завода, не были решены. В июне 1945 г. завод № 84 доложил народному комиссару о мероприятиях, необходимых для выпуска гражданских самолетов высокого качества (малярный цех, цех покрытий, кузнечно-прессовый цех, оборудование аэродрома, перевод части производства с территории «А» на территорию «Б», жилищно-культурно-бытовое строительство, мероприятия по закреплению кадров и т. д.). Специальная комиссия НКАП обследовала завод, после чего в конце года было организовано Строительно-монтажное управление № 30 с задачей развертывания жилищного строительства и дальнейшей достройкой завода. В 1945 г. объем капиталовложений составил по промышленному строительству 7 млн рублей, по жилищному строительству – 1,6 млн рублей¹¹. По докладу завода в феврале 1946 г. НКАП был издан приказ о разработке генплана завода № 84, расширении строительства и укреплении завода. Однако СМУ-30 оставалось маломощной организацией без необходимого количества средств механизации, транспорта, материалов, рабочей силы. Объем капиталовложений в 1946 г. оставался на уровне 1945 г. и составил по промышленному строительству 5,5 млн. рублей и жилищному строительству 3,2 млн. рублей. Годовой план жилищного строительства не был выполнен, а жилищные условия рабочих завода не были улучшены. Утечка рабочей силы в 1946 г. продолжалась. Пополнения рабочей силы, предусмотренного приказом НКАП, завод не получил. Количество производственных рабочих уменьшилось за год на 23 %. Пополнение оборудованием было произведено некомплектно за счет направленных на завод двух транспортов трофейного оборудования. Выпуск самолетов в 1946 г. составил 163 машины против 454 в 1945-м¹². В 1949 г. началось усиленное возвращение местным организациям занятых в военное время площадей. Было возвращено 12 зданий с общей площадью 5900 кв. м. В связи с этим, а также тяжелым состоянием с жильем вообще, началось усиленное жилищное строительство, в которое было вложено 10,6 из 18,7 млн. рублей капиталовложений по заводу¹³. В 1950 г. УКС завода № 84 с помощью коллективов цехов и отделов построил 8140 кв. м жилплощади. В то же время, по решению союзного правительства, завод возвратил местным

организациям 5142 кв. м жилой площади, арендованной в период Великой Отечественной войны. Вследствие этого жилищный кризис на заводе не смягчался¹⁴.

В 1945 г. резко сократился выпуск боевых самолетов, а номенклатура государственных заказов часто менялась. Так, Харьковский авиационный завод № 135 в соответствии с приказом НКАП № 208с от 14 мая 1945 г. приступил к подготовке производства двухмоторного самолета Як-8 с моторами М-11Ф, но вскоре оно было отменено¹⁵. 1945–1946 гг. были характерны тем, что производственные задания заводу изменялись. Законченные освоением и налаживанием серийного выпуска изделия снимались с производства – отмечается в паспорте завода за 1958 г.¹⁶ Приказом Министерства авиационной промышленности (МАП) № 76с от 26 ноября 1947 г. перед заводом № 135 была поставлена задача организации производства учебно-тренировочных самолетов Як-18. В 1948 г. завод успешно освоил серийное производство самолетов Як-18 и обеспечил планомерный выпуск этих машин. К концу 1949 г. завод достиг выпуска 2–3 самолетов в сутки. Приказом МАП № 1019сс от 29 декабря 1949 г. перед заводом была поставлена задача проведения подготовки производства и освоения реактивного самолета УТИ МиГ-15 с началом выпуска этого изделия в III квартале 1950 г. Согласно приказу МАП № 591сс от 1 июля 1950 г. в соответствии с постановлением Совета Министров (ПСМ) СССР от 14 июля того же года в связи с переходом на производство двухместных учебно-тренировочных истребителей завод № 135 был переведен в первую категорию¹⁷. В 1952 г. было выпущено 85 самолетов УТИ МиГ-15, в 1953-м – 158 самолетов, в 1954 г. – 212, завод в последнем квартале 1954 г. достиг выпуска по сборке одного самолета в сутки. Постановлением Совета Министров СССР № 1172-51 бес от 11 июля 1954 г. «О создании скоростного пассажирского самолета конструкции Туполева» на завод № 135 было возложено новое задание – приступить в 1954 г. к подготовке производства и организовать серийный выпуск этих самолетов в IV квартале 1955 г. в количестве трех машин. Переход производства от выпуска машин типа истребителя к тяжелым пассажирским самолетам потребовал *полной реконструкции завода* (курсив мой. – Е.П.)¹⁸.

В то же время имели место и обратные процессы. Так, в 1950 г., во исполнение ПСМ СССР № 1718-668сс от 25 апреля 1950 г. Горьковский авиазавод № 21 им. С. Орджоникидзе наряду с выпуском в нарастающем темпе самолетов МиГ-15 должен был в III квартале восстановить производство истребителей Ла-11 с поршневым двигателем АШ-82ФН,

которые выпускались здесь в 1948–1949 гг. Размещать производство обеих машин пришлось на исключительно сжатых производственных площадях. Эта задача решалась путем дальнейшего уплотнения производственных участков и перепланировки производственных площадей отдельных цехов с выносом ряда мастерских на территории других цехов¹⁹. Если в 1949 г. завод № 21 выпускал с каждых 100 кв. м производственной площади 0,69 штуки самолетов, то в 1950 г. стал выпускать 0,91 штуки. По съему продукции завод добился лучшего использования производственных площадей, которые к тому же в 1950 г. сократились на 460 кв. м²⁰.

Наряду со строительством новых производственных площадей уделялось внимание и благоустройству территории авиастроительных заводов. Примером может служить Омский завод № 166, где эту проблему стали активно решать с 1950 г. Площадки были спланированы, разбиты под зеленые насаждения и озеленены настолько, что завод превратился в завод-сад и в 1956 г. стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки²¹.

Освоение новых самолетов потребовало и нового станочного парка. В декабре 1945 г. был издан приказ о передаче Казанскому авиазаводу № 22 им.

С.П. Горбунова 300 единиц крупного металлообрабатывающего оборудования из Германии. И с января 1946 г на завод стало поступать трофейное оборудование: гидропресс мощностью 8 тыс. тонн с завода «Хейнкель», два мощных продольно-фрезерных станка с завода «Юнкере», передвижные рентгеновские установки и др., в которых завод испытывал острую нужду. В июле 1946 г. Совет Министров СССР обязал Министерство внешней торговли закупить в США для производства нового самолета Ту-4 47 наименований станков и оборудования; 60 наименований приборов²².

А.А. Белянский, бывший директор завода № 30, впоследствии заместитель министра авиационной промышленности СССР (1906–1981), писал: «В это время, когда мы делали Ил-28, целая гамма станков понадобилась для обработки литья фонарей этого самолета. Массовое производство нужно было готовить. Целая серия, я уже не помню, по моему, что-то порядка 8–7 станков специально только для обработки этого фонаря сделали»²³.

Внедрение новых типов самолетов, особенно реактивных, находилось под неослабным вниманием властных структур СССР того времени. Примером может служить письмо министра авиационной промышленности

М.В. Хруничева заместителю Председателя Совета Министров СССР

В.М. Молотову № М-15/6492 от 29 октября 1947 г., в котором, в частности, говорилось: «Заводом № 22 закончено производство и передано на аэродром для летных испытаний двенадцать самолетов Ту-4.

В сборочном цехе завода находятся три самолета... на которых заканчивается монтаж оборудования и вооружения. Устанавливаются следующие сроки передачи самолетов на аэродром:

№ 13–24 октября

№ 14–27 октября

№ 15–31 октября

Агрегаты для сборки самолетов заводом изготовлены на 20 машин, а по некоторым основным агрегатам изготовлено на 25 самолетов²⁴.<...>

Основной причиной задержки сроков передачи самолетов на Государственные испытания является то, что большинство приборов и готовых изделий впервые поступило в эксплуатацию. В процессе эксплуатации выявился ряд недостатков некоторых изделий, как, например, регуляторов оборотов винта, магнето, автоматов регулирования температуры масла и др., потребовавших значительных затрат времени на улучшение конструкции и доводку изделий в ходе летных испытаний самолетов.

Кроме того, выявился дефект по заклиниванию подшипника главного шатуна задней звезды на шейке кривошипа коленчатого вала мотора АШ-73, из-за чего полеты были временно приостановлены.

Причиной задержки передачи самолетов ГК НИИ ВВС также явилась необходимость организации дальних перелетов, что программой заводских испытаний не предусматривалось»²⁵.

О том, как проходили испытания новых боевых самолетов, пишет заместитель главного конструктора С.В. Ильюшина В.Н. Бугайский:

«Самолет Ил-28 успешно проходил Государственные испытания. И.В. Сталин лично следил за ходом работ по этому самолету. Он возлагал на него особые надежды, поэтому П.В. Дементьев (заместитель министра авиапромышленности СССР. – Е.П.) и С.В. Ильюшин освободили меня от всех других работ и поручили мне техническое и организационное руководство работами по этому самолету. <...>

Я руководил его изготовлением, проведением наземных и заводских летных испытаний. Как первый заместитель С.В. Ильюшина я обладал на заводе и в ОКБ большой властью, мои указания выполнялись

бесспорно, поэтому работы на самолете шли в ускоренном темпе.

Бригада по подготовке к полетам самолета Ил-28 во время Государственных испытаний была укомплектована лучшими специалистами. Работы на аэродроме начинались с рассветом, и в 8 часов утра самолет был готов к полетам. В это время обязательно появлялся генерал В.И. Кобликов – заместитель начальника НИИ ВВС. Все работы по самолету велись под его наблюдением. От института была выделена бригада высококвалифицированных специалистов: В.А. Шубраков, М.П. Субботин, Ф.М. Попцов, С.А. Рычков и К.В. Фидоненко»²⁶.

Процесс освоения новой техники на серийных заводах поощрялся материально. Так, во время перехода завода № 21 им. С. Орджоникидзе на новый цельнометаллический истребитель Л а-9 (тип 48) была введена особая система оплаты и нормирование «по машине тип 48»²⁷. В целях быстрой подготовки и разработки технической документации (разработка чертежей на машину и оснастку, разработка технологии и т. д.) конструкторы и технологи были переведены на сдельную оплату. Нормирование работ было централизовано – выделен специальный технолог-нормировщик. Разработаны были следующие специальные положения: 1) спецположение для ИТР конструкторского отдела № 22; 2) для отдела 3 (серийно-конструкторский отдел); 3) для работников отдела 10 и технологов цехов (технологи, начальники бюро, начальники отделов); 4) для конструкторов шаблонного цеха 65. Для ИТР цехов №№ 61, 63, 64, 65, 11 было введено премирование в размерах от 0,5 до 1,0 оклада²⁸. В целях быстрого и качественного изготовления оснастки для рабочих вышечисленных цехов филиала № 1 было введено спецпремирование в размерах до 100 % к сдельной расценке²⁹. На премирование ИТР цехов за качественное изготовление и выпуск первой машины в сроки по графику было выделено 185 000 рублей; на премирование ИТР цехов и отделов за качественное изготовление и выпуск первой серии (10 машин) в установленные сроки было выделено 35 тыс. рублей. Данное положение действовало в период с 1 января по 1 мая 1946 г.³⁰

Результаты чрезвычайных мер по укреплению серийных самолетостроительных заводов сказались довольно быстро, что видно на примере состояния и истребительной авиации ПВО страны. К концу 1946 г. в истребительной авиации (ИА) войск ПВО, которая насчитывала 3435 самолетов, образовался значительный некомплект самолетного парка, который по боевым самолетам насчитывал 28,5 %, а по учебно-боевым – 54,8 %. На вооружении ИА ПВО состояло значительное количество

самолетов иностранного производства, до 60 % истребителей находилось в эксплуатации более двух лет, были изношены, требовали частого ремонта³¹. На 1 января 1951 г. в истребительной авиации имелось 1517 реактивных самолетов-истребителей, что составляло 50,5 % их общего количества, а к концу 1952 г. их было 85,5 %³². К началу 1954 г. истребительная авиация была полностью перевооружена на реактивные самолеты, в войсках ПВО страны их насчитывалось 3593, причем $\frac{2}{3}$ составляли самолеты МиГ-15бис и МиГ-17. Советские истребители ничем не уступали истребителям вероятного противника и были способны вести успешную борьбу с его бомбардировщиками³³.

24 августа 1953 г. было вновь образовано министерство авиационной промышленности, которое возглавил Петр Васильевич Дементьев³⁴. О стиле работы П.В. Дементьева пишет В.Н. Бугайский (речь идет о посещении авиазавода № 39 в Иркутске. – *Е.П.*) «С аэродрома направились на завод, прошли основными цехами. Петр Васильевич дотошно интересовался ходом освоения нового самолета. По ходу принимал решения, давал указания. После осмотра завода в кабинете директора устроил разборку состояния дел: он четко и лаконично сформулировал оценку и дал указания подготовить и направить в Министерство предложения завода по «расшивке» узких мест»³⁵. А.А. Белянский дает следующую оценку деятельности П.В. Дементьева: «...достоинство Дементьева при всей этой дикой бедности держать авиационную промышленность не на плохом (так в тесте – *Е.П.*) уровне»³⁶. В качестве комментария приведем следующие данные: по состоянию на май 1956 г. в г. Новосибирске обеспеченность жилой площадью всех работающих и их семей составляла в среднем на предприятиях авиационной промышленности – 2,0 кв. м³⁷.

Гонка вооружений продолжалась, на конвейерах менялись модели самолетов, что требовало непрерывных организационно-технических мероприятий. Так, в соответствии с приказом МАП № 33сс от 24 мая 1954 г. на Воронежском авиазаводе № 64 при подготовке производства самолетов Ту-16 была проведена перепланировка всех цехов³⁸. Новые машины потребовали большого количества оснастки: в течение 1956 г. на заводе № 64 было подготовлено оснастки³⁹:

	Ту-16	Ан-10
Шаблоны	5 583	39 207
Плазы	12	1 865
Пескослепки и болванки	149	1 465
Формблоки	797	5 672
Прессформы	103	394

В процессе серийного производства менялась трудоемкость выпускаемых самолетов. Если на 1 января 1950 г. трудоемкость бомбардировщика Ил-28 на заводе № 166 в Омске составляла 178,0 тыс. человеко-часов и 32,0 тыс. станко-часов, то на 1 июля 1955 г. соответственно 19,0 человеко-часов и 5,8 тыс. станко-часов⁴⁰. Трудоемкость пассажирского Ту-104 уменьшилась за три года (с июля 1955 г. по январь 1958-го) с 194 896 человеко-часов до 189 543 человеко-часов⁴¹.

Много внимания уделялось проблеме качества продукции. В основу работы по повышению качества на Саратовском заводе № 292 была положена система, главным содержанием которой явилось составление цехами ежемесячных планов организационно-технических мероприятий по изжитию конструктивных, технологических и производственных недостатков и контроль эффективности этих мероприятий на совещаниях по качеству продукции у директора завода. Кроме того, дополнительно широко практиковался дублирующий контроль со стороны Бюро цехового контроля (БЦК) потребителя на агрегаты, принятые БЦК, – цеха поставщика, а также летучий контроль качества продукции контрольными мастерами с доведением выявленных при этом дефектов до непосредственно исполнителей (рабочих, мастеров, контролеров). Результаты сказались довольно быстро. Во время производства истребителя-перехватчика Як-25 в 1955 г. представитель заказчика выставлял по цеху сборки по всем службам (самолет, электро-, специальное оборудование и вооружение) в среднем на одну машину 1200 дефектов, на устранение которых тратилось от 12 до 15 суток. При освоении самолета Як-27 в 1957 г. заказчиком выставлялось в среднем на одну машину около 90 недостатков, которые устранялись в течение 10–12 часов. Резко изменился и характер выявляемых недостатков. В 1958 г. наиболее характерными недостатками являлись повреждение монтажей, помятости трубок, и, как правило, были очень редки недостатки самого производственного выполнения⁴².

Введенная на заводе № 292 система контроля качества позволила сократить в течение 1956–1957 гг. количественный состав ОТК на 7 %. За это же время по заводу было выдано передовым рабочим 235 личных клейм. В 1957 г. из полученных заводом № 292 рекламаций по самолетам Як-25М только 2,5 % было по вине завода. Проведенная в 1957 г. работа по коренному улучшению качества выпускаемой продукции позволила ликвидировать аэродромный цех, передав оставшийся объем работы цеху окончательной сборки⁴³.

В рассматриваемый период советская авиационная техника начала широко экспортироваться, в том числе в капиталистические страны. К этой продукции предъявлялись свои требования. Так, согласно приказу директора по заводу № 21 от 29 января 1962 г., на самолеты-истребители МиГ-21, отправляемые по заказам в страны народной демократии, устанавливался гарантийный срок эксплуатации 200 летных часов в течение 2 лет. Гарантийные сроки на готовые изделия устанавливались в пределах гарантийных сроков заводов-поставщиков. На самолеты МиГ-21, изготавливаемые по заказам для капиталистических стран, устанавливался гарантийный срок эксплуатации 200 летных часов в течение 1 года⁴⁴.

Большое внимание традиционно уделялось обучению и переподготовке кадров, что было характерно для авиационной промышленности и в годы Великой Отечественной войны. Так, на Новосибирском заводе № 153 за военное время было обучено и повышено в квалификации 34 570 человек⁴⁵. Совершенствовались формы и методы обучения. Например, на заводе № 1 в Куйбышеве при запуске в производство самолета Ту-16 впервые в практике завода обучение рабочих основных профессий изготовлению новых ответственных деталей и работе на новом оборудовании было проведено на ведущем заводе по специальным программам, включающим самостоятельное изготовление рабочим изучаемых деталей, с выдачей рабочим специального свидетельства, дающего право рабочим изготавливать детали на заводе № 1⁴⁶. В IV квартале 1957 г. на заводе № 292 в целях резкого сокращения цикла технологической подготовки в освоении новых изделий было организовано 5 групп из числа главным образом молодых специалистов, работающих по рабочей сетке, по изучению второй профессии – конструктора (конструктора сборочной оснастки, станочных приспособлений, штампов, инструмента, наземного оборудования), и группа слесарей-разметчиков по освоению специальности конструктора плазово-шаблонного цеха. С этой же целью из числа работников цехов и отделов была организована группа

по освоению копировальных работ. О масштабах обучения говорят цифры охвата стационарным обучением на заводе № 292 в 1957 г.: всего охвачено учебой – 1303 человека, в том числе в заочных институтах – 147, в вечерних институтах – 330, в вечернем техникуме – 378, в технической школе мастеров – 80 и в школе рабочей молодежи – 368 человек⁴⁷. Тем не менее потребность в кадрах, особенно с высшим образованием, была велика. Так, опытному заводу № 51 (главный конструктор П.О. Сухой) в 1958–1959 гг. было необходимо 180 человек молодых специалистов из МАИ, МГУ, МВТУ, МАТИ, МЭИ и других вузов в области аэродинамики, математики, физики, электромеханики⁴⁸. Нерешенными проблемами самолетостроительных заводов были стандартизация и унификация выпускавшихся агрегатов и узлов изделий⁴⁹. Наиболее острым оставался жилищный вопрос. Так, даже на Куйбышевском авиационном заводе № 18, где выпускались стратегические бомбардировщики Ту-95, для удовлетворения работающих жилой площадью по минимальной норме на 1 января 1958 г. не хватало 217764 кв. м жилья. Средняя жилая площадь на одного человека составляла 4,66 кв. м⁵⁰. На заводе № 135 степень обеспеченности жильем на ту же дату составляла 50,5 %. Недоставало жилой площади 26 720 кв. м⁵¹. Список можно продолжать долго. Решение жилищной проблемы авиапрома наметилось только в конце 1970-х годов.

Таковы некоторые особенности развития самолетостроительных заводов СССР в период разгара холодной войны.

Примечания

¹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 8044. оп. 2. Д. 2856. Л. 87.

² Там же. Д. 2882. Л. 127.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 129.

⁵ Завод стратегического назначения. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. – Казань: Издательство «Вертолет», 2007. С. 119.

⁶ Там же. С. 123.

⁷ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 2. Д. 2856. Л. 89.

⁸ Там же. Л. 90–91.

⁹ Там же. Д. 2886. Л. 90.

- ¹⁰ Там же. Д. 2860. Л. 82.
- ¹¹ Там же. Л. 83.
- ¹² Там же. Л. 84.
- ¹³ Там же. Л. 85.
- ¹⁴ Там же. Л. 86.
- ¹⁵ Там же. Д. 2882. Л. 129.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 128–129.
- ¹⁸ Там же. Л. 129.
- ¹⁹ Государственное учреждение Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2066. О. 5. Д. 62. Л. 68–69.
- ²⁰ Там же. Оп. 11. Д. 18. Л. 27–28.
- ²¹ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 2. Д. 2897. Л. 125.
- ²² Завод стратегического назначения. С. 122.
- ²³ РГАЭ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 30. Л. 95.
- ²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГА-СПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 545. Л. 92.
- ²⁵ Там же. Л. 93.
- ²⁶ Бугайский В.Н. Эпизоды из жизни главного конструктора самолетов и ракетно-космических систем В.Н. Бугайский. – М.: Хоружевский А.И., 2000. С. 33. (Прим, автора: так в названии книги: издательство – частное).
- ²⁷ См.: Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 5859. Л. 13–17.
- ²⁸ Там же. Л. 13–14.
- ²⁹ Там же. Л. 14.
- ³⁰ Там же. Л. 15.
- ³¹ Противовоздушная оборона страны (1914–1995 гг.). Военно-научный труд. – М., 1998. С. 248.
- ³² Там же. С. 251.
- ³³ Там же. С. 252.
- ³⁴ Остапенко Ю.А. Петр Дементьев: преодоление невозможного. – М.: Изд-во «АЭРОСФЕРА», 2008. С. 188.
- ³⁵ Бугайский В.Н. Указ. соч. С. 50.
- ³⁶ РГАЭ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 30. Л. 12.
- ³⁷ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 21. Д. 5. Л. 3.

- ³⁸ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 2. Д. 2856. Л. 92.
- ³⁹ Там же. Л. 93.
- ⁴⁰ Там же. Д. 2897. Л. 126.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. Д. 2921. Л. 120–121.
- ⁴³ Там же. Л. 122.
- ⁴⁴ ЦАНО. Ф. 2066. Оп. 11. Д. 532с. Л. 7.
- ⁴⁵ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 2. Д. 2886. Л. 92.
- ⁴⁶ Там же. Д. 2829. Л. 119.
- ⁴⁷ Там же. Д. 2921. Л. 124.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 2. Д. 2854. Л. 48.
- ⁴⁹ Остапенко Ю.А. Указ. соч. С. 300–303.
- ⁵⁰ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 2. Д. 2831. Л. 222.
- ⁵¹ Там же. Д. 2882. Л. 124.

Некоторые аспекты развития отечественных спецслужб в начале 1950-х гг

Пожаров А.И.

История отечественных органов госбезопасности послевоенного периода претерпевает новое осмысление в современных условиях. Более тщательное изучение архивных материалов дает основание менять устоявшиеся представления о завершающем этапе правления Сталина, ломать сложившиеся стереотипы о взаимоотношениях власти и спецслужб, о роли МГБ в механизме советского государства периода наивысшего подъема в культе личности «вождя всех времен и народов».

Некоторые ученые стремятся обосновать полную преемственность политического курса сталинского и постсталинского руководства страны, анализируя лишь те факты, которые на первый взгляд подтверждают логическое единство партийно-государственной линии в послевоенной истории¹. Такое толкование эволюции советской политической системы является достаточно упрощенным и не отражает всей полноты периодизации и исторической картины в целом. Несмотря на то что в своей основе режим личной власти в СССР действительно остался непоколебим после смерти Сталина, в то же время было бы ошибкой утверждать, что этот режим совсем не претерпел изменений с приходом новых руководителей в партии и правительстве. Март 1953 г. в этом смысле стал рубежной точкой отсчета в истории нашей страны и, по существу, положил начало новой эпохе в развитии Советского государства. Этот тезис находит свое подтверждение и в истории органов госбезопасности первых послевоенных лет. Начавшиеся полвека назад изменения в советских спецслужбах свидетельствуют, с одной стороны, о преемственности в работе МГБ и возникшем позже КГБ, а с другой – о кардинальном различии между сталинской реорганизацией системы госбезопасности и преобразованиями, которые проходили в период «хрущевской оттепели».

Преобразование и чистка министерства государственной безопасности, начатые Сталиным в середине прошлого века, вполне соответствовали его представлениям об изменившейся ситуации в стране и

за рубежом, когда борьба противоборствующих систем в холодной войне все больше обострялась. Инициированная им перестройка МГБ продолжалась и после марта 1953 г. Однако смысл и суть перемен, которые привнесли в органы госбезопасности новые руководители государства – Берия Л.П., Маленков Г.М. и Хрущев Н.С. – были другие. Преследовали же эти перемены такие цели, о которых Сталин и не подозревал за полтора года до своей кончины. Новому «коллективному руководству» пришлось решать иные задачи в новой внутривластной обстановке и, следовательно, изменять направление реорганизации в советских спецслужбах в зависимости от тех или иных факторов в ходе развернувшейся борьбы за власть. Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что прерванная в марте 1953 г. сталинская реорганизация МГБ все же оставила свой след и нашла свое отражение в последующей эволюции системы госбезопасности. Некоторые задумки Сталина воплощались и после его смерти. Это касается прежде всего тенденции к сокращению кадрового и агентурного аппарата, обновлению руководящего чекистского звена за счет партийных функционеров и восстановлению так называемой «руководящей линии партии».

Характерной чертой сталинской политики являлось особое отношение лидера страны к отечественным спецслужбам, выразившееся в его пристальном внимании к работе НКВД-МГБ и постоянном контроле за деятельностью этого ведомства.

На закате своей эпохи стареющий диктатор в очередной раз попытался с помощью репрессий обновить партийный и советский кадровый аппарат, в том числе и свое ближайшее окружение. Используя опыт предвоенных лет, ужесточая внутривластный курс, Сталин стремился дать новый импульс развитию первого социалистического государства. Органам госбезопасности в этих планах вождя отводилась ведущая и ключевая роль. Связывая перспективы своей политики со структурами МГБ, Сталин в первую очередь начал подвергать их серьезной чистке и реорганизации.

Другие силовые ведомства на данном этапе интересовали вождя в меньшей степени. Достаточно отметить тот факт, что на протяжении всех послевоенных лет им ни разу не был принят Генеральный прокурор СССР, а руководители МГБ и даже простые следователи неоднократно встречались с ним, а в последние месяцы жизни такие встречи проходили почти еженедельно².

Преобразования в министерстве госбезопасности начала 1950-х гг. свидетельствуют о новой партийно-государственной линии, которая должна была по замыслу Сталина переориентировать на более

репрессивный курс деятельности советских спецслужб. В этой связи арест министра госбезопасности СССР генерал-полковника Абакумова В.С. в июле 1951 г. можно считать началом крупных кадровых перестановок, а затем и реорганизаций в МГБ СССР. Письмо Сталину от рядового следователя следчасти по особо важным делам МГБ СССР подполковника Рюмина М.Д. о якобы имеющем место на Лубянке сокрытии данных о вражеском заговоре врачей-сионистов стало сигналом для продолжительных и глубоких перемен в отечественных спецслужбах. Последовавший за этим арест министра и еще двадцати высокопоставленных сотрудников МГБ привел к широкомасштабным проверкам и чисткам аппарата госбезопасности в центре и на местах. Июльское (1951 г.) Постановление ЦК ВКП(б) «О неблагоприятном положении в МГБ», а затем и закрытое письмо ЦК КПСС в адрес первичных партийных организаций констатировали неудовлетворительную деятельность министерства госбезопасности СССР по реализации внутривластного курса сталинского руководства³. Сразу же было принято решение ЦК партии созвать в июле 1951 г. совещание руководящих работников органов МГБ СССР, на котором от имени Сталина и ЦК ВКП(б) было поручено выступить второму человеку в партийно-правительственной иерархии – Маленкову Г.М. В ситуации, когда руководители МГБ СССР оказались «вражеской группой», будущий преемник вождя призвал чекистов сплотиться вокруг Коллегии МГБ СССР и руководствоваться в своей работе партийными установками, повышая руководящую роль партии. «Коллегия должна стать в МГБ сплоченным руководящим коллективом коммунистов, поставленных партией на особо доверенную работу в органы госбезопасности, коллективом, ответственным перед ЦК партии и Правительством за работу МГБ». Далее Маленков Г.М. в своей речи обозначил политические приоритеты в деятельности органов госбезопасности. «Партийная дисциплина, – особо подчеркнул он, – должна стать на деле выше ведомственной дисциплины. Прочная повседневная связь с партийными органами, обеспечение подлинного руководства со стороны партийных органов является важнейшим условием успехов в работе органов МГБ. Это надо понять по существу и не допускать, чтобы ведомственное начало господствовало в работе того или иного органа МГБ»⁴.

По выражению бывшего заместителя министра госбезопасности СССР Гоглидзе С.А., «установилось определенное представление, что чекисты потеряли доверие партии и правительства, и что прежде всего товарищ

Сталин считал, что большая группа работников МГБ утратила политическое чутье, и что среди чекистов было много карьеристов, шкурников, бездельников...»⁵.

После ареста руководителей МГБ СССР в июле 1951 г. Сталин стал осуществлять не только концептуальное руководство основным силовым ведомством, но и, по существу, ведать непосредственным управлением министерства госбезопасности. Порой он даже начинал выполнять функции министра МГБ, решая за него вопросы о возбуждении следственных дел и корректируя протоколы допросов арестованных, инструктируя следователей и непосредственных руководителей отдельных подразделений. Назначенный после ареста Абакумова В.С. новый министр госбезопасности Игнатъев С.Д. вынужден был уже по ходу вникать в решение задач, поставленных Сталиным, делая все в точности как он прикажет и докладывая ему о выполнении. Бывший партаппаратчик, не имеющий опыта оперативной работы, Игнатъев С.Д. был вызван в октябре 1951 г. на дачу к Сталину в г. Сочи и озадачен «со всей политической остротой подойти к выявлению и разоблачению вражеской группы врачей и вскрыть ее корни», а также провести обновление кадров за счет привлечения в органы госбезопасности партийных функционеров. «Имейте в виду, – говорил Сталин Игнатъеву С.Д., – старым работникам МГБ я не очень доверяю»⁶. После того как в октябре 1951 г. старший следователь Рюмин М.Д. написал второе письмо Сталину, в котором указал на «неблагополучное» положение уже в оперативной работе МГБ, Сталин распорядился арестовать еще ряд ответственных руководящих работников министерства госбезопасности СССР, в их числе генерал-лейтенанта Райхмана Л.Ф., генерал-майора Питовранова Е.П., генерал-майора Шубнякова Ф.Г., генерал-майора Эйтингона Н.И. и других. После чего подполковник Рюмин М.Д. с должности старшего следователя был назначен на должность заместителя министра госбезопасности СССР (одновременно возглавляя следственную часть по особо важным делам МГБ СССР). Увольнения и аресты прокатились по всему центральному аппарату МГБ и периферийным подразделениям. По существу, началось избиение кадров. За период с июля 1951 г. по июль 1952 г. были освобождены от руководящей работы в органах МГБ «как не справившиеся» более полутора тысяч человек, уволено всего около трех тысяч человек, из них 287 человек по номенклатуре ЦК ВКП(б), то есть самые ответственные работники советских спецслужб⁷.

Новые резервы министерство госбезопасности черпало из партийных

структур. В сентябре 1952 г. штаты МГБ СССР и его местных органов по указанию ЦК партии вновь были сокращены примерно на 25 % личного состава (сокращениям подвергся прежде всего контрразведывательный аппарат МГБ СССР)⁸.

В это же время Сталин распорядился сократить денежное содержание значительной части работников МГБ СССР. В октябре 1951 г. и в августе 1952 г. вышли постановления Совмина СССР, которые ввели специальные звания для офицерского состава органов госбезопасности и, таким образом, лишили права получения денежных надбавок за воинские звания чекистов-офицеров. Произведенная отмена денежной выплаты за звание оперативному составу органов госбезопасности привела к сокращению зарплаты оперработников в среднем на 25–30 %, что, естественно, вызывало недовольство у сотрудников МГБ. (Армейские воинские звания и, следовательно, денежные выплаты сохранялись только в военной контрразведке, пограничных войсках, военностроительных частях и войсках внутренней охраны.)⁹

С осени 1951 г. подверглась реорганизации и внешнеполитическая разведка страны. 2 ноября 1951 г. разведывательные функции государства были переданы из Комитета информации при МИДе СССР в МГБ СССР. Структуры этого комитета соединились с Первым управлением МГБ (внешняя контрразведка), и таким образом было воссоздано Первое Главное управление МГБ (руководителем этой структуры остался генерал-лейтенант Савченко С.Р.). Решение Политбюро в декабре 1951 г. закрепило передачу функций внешней разведывательной работы в полном масштабе в ведение МГБ СССР¹⁰.

В 1952 г. реорганизации и сокращению подверглась административно-хозяйственная служба МГБ СССР. В феврале вышло постановление Совета Министров СССР «О реорганизации административно-хозяйственного аппарата МГБ СССР», в соответствии с которым объединялось Управление делами и Хозяйственное управление министерства госбезопасности в единое Административно-хозяйственное управление, при этом численность штатов сокращалась на 800 единиц. В мае 1952 г. в результате проверки, произведенной комиссией Политбюро ЦК партии, выяснилось неблагоприятное положение дел в Главном Управлении охраны МГБ СССР. По данным комиссии ЦК ВКП(б), руководители этого подразделения незаконно обогащались за счет казенных средств и долгие годы присваивали государственное имущество. Начальник Главного Управления охраны МГБ СССР генерал-лейтенант Власик Н.С. был снят с работы и

исключен из рядов ВКП(б), а позже, в декабре 1952 г., арестован как человек, который «стал слепым орудием в руках вражеской группы врачей-вредителей»¹¹. К ответственности также были привлечены еще семь высокопоставленных руководителей ГУО МГБ СССР. Руководителем этого подразделения Сталин назначил по совместительству самого Игнатъева С.Д.

В 1952 г. серьезным реорганизациям подвергся агентурно-осведомительный аппарат органов МГБ и оперативные учеты. В январе 1952 г. ЦК партии утвердил Постановление СМ СССР «О мерах улучшения агентурно-оперативной работы в органах МГБ СССР», и в это же время с целью очищения и упорядочения оперативных учетов была одобрена новая «Инструкция по оперативному учету в органах МГБ СССР». В соответствии с ней начал наводиться порядок в центральной оперативно-справочной и дактилоскопической картотеках. Вскоре ЦК партии принял решение полностью исключить из состава агентурно-оперативной сети работников партийного аппарата, руководящих работников советских, профсоюзных и комсомольских органов. Появляется новая категория агентуры – спецагенты. О том, как изменился основной инструмент деятельности отечественных спецслужб – агентурная сеть, – можно судить по следующему факту: практически за год с января 1952 г. по январь 1953 г. агентурная сеть органов МГБ СССР в целом сократилась более чем в четыре раза¹².

В конце 1952 г. перемены в МГБ СССР приобрели еще больший размах. Сталин почти еженедельно принимал кардинальные решения по министерству, открыто выражая свое явное недовольство ходом оперативной и следственной работы по основным интересующим его делам, он с бранью встречал и провожал руководителей МГБ у себя на ближней даче в Кунцево и в Кремле. 13 ноября 1952 г., окончательно разочаровавшись в деятельности своего выдвиженца Рюмина М.Д., он распорядился снять его с должности начальника следчасти по особо важным делам – заместителя министра госбезопасности, и в то же время Сталин приказал освободить из-под стражи некоторых генералов, которые были опорочены Рюминым М.Д. После этого Сталин поручил Игнатъеву С.Д. лично проследить за ходом расследования по делам Абакумова – Шварцмана и врачей из Лечсанупра, пригрозив министру напоследок: «Если вы не вскроете террористов, американских агентов среди врачей, то будете там же, где и Абакумов!»¹³ Сталин предписывал Игнатъеву

С.Д. в категоричной форме применение физических мер воздействия к

подследственным, «требуя, – по выражению Гоглидзе С.А., – их бить, бить, смертным боем бить»¹⁴. Отработав в должности министра госбезопасности чуть более года, Семен Денисович пришел к выводу о том, что следственная работа протекает в ненормальной обстановке. По воспоминаниям своих коллег, Игнатъев С.Д. чувствовал, что предстоящие репрессии могут затронуть и его. После визитов в Кремль или на ближнюю дачу, когда Сталин отчитывал министра за медлительность и непрофессионализм, заявляя, что «вы, Игнатъев, ни черта не понимаете в чекистском деле и в следствии особенно...»¹⁵, сотрудники МГБ отмечали крайне подавленное моральное состояние своего шефа. В конце ноября 1952 г. Игнатъев С.Д. почти на два месяца заболел и слег в больницу.

После выздоровления Игнатъева С.Д. Сталин и вовсе стал его игнорировать¹⁶. По существу, в последние месяцы жизни вождя вся тяжесть ответственности за реорганизацию МГБ СССР легла на плечи первых заместителей министра госбезопасности, которых 20 ноября 1952 г. Сталин назначил своим решением на эти должности. Это были генерал-лейтенант Огольцов С.И. (по разведывательным делам) и генерал-полковник Гоглидзе С.А. (по остальным делам). Прежде всего, Сталин поручил им проведение кардинальной реформы в МГБ СССР на завершающем этапе своего правления.

Декабрьские (1952 г.) постановления ЦК партии – «О положении в МГБ», «О вредительстве в лечебном деле», «О Главном разведывательном управлении МГБ СССР» и «О службе наружного наблюдения» – свидетельствуют о сталинских планах значительных изменений и переориентации деятельности МГБ СССР в русло репрессивной политики. В этих документах констатируется, что в органах госбезопасности СССР «имеют место серьезные провалы и недостатки в разведывательной, контрразведывательной, следственной работе в борьбе с националистическим подпольем... в охране границ Советского Союза». В постановлениях ЦК партии было указано, что «МГБ СССР допустило грубейшие извращения в постановке разведывательной работы за границей, отказавшись от активных наступательных методов борьбы с противником – осуществлением диверсионных и террористических операций..», а «контрразведывательная работа по борьбе с агентурой капиталистических разведок внутри страны находится на низком уровне и ведется неумело»¹⁷. По существу, Сталин в этих установках открыто призвал сотрудников госбезопасности к ужесточению в своей работе и усилению карательных мер в процессе разоблачения вражеской агентуры. «Некоторые горе-

чекисты, – отмечалось в постановлениях ЦК КПСС, – ведут гнилые и вредные рассуждения о якобы несовместимости с марксизмом-ленинизмом диверсий и террора против классовых врагов... с озверевшим классовым врагом нельзя бороться в белых перчатках, оставаться «чистенькими», не применяя активных наступательных средств борьбы в интересах социалистического государства... Они забыли указания Ленина о том, что классовая борьба – это жестокая борьба, а не пустая болтовня»¹⁸.

На уровне бесед с руководителями МГБ СССР Сталин вел себя раздраженно и грубо, обещая устроить для чекистов «всенародную чистку от вельмож, бездельников, перерожденцев...». А Игнатьеву С.Д. он открыто и с недовольством заявил: «Я не проситель у МГБ. Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут выполняться мои требования»¹⁹.

В конце декабря 1952 г. – начале января 1953 г. по решению ЦК партии два Главных управления МГБ – Первое (разведка) и Второе (контрразведка) – объединились в единое Главное разведывательное управление (ГРУ МГБ СССР). Начальником этого управления был назначен генерал-лейтенант Огольцов С.И., при этом вновь начали сокращать штаты (на 25 %), поскольку ЦК КПСС в своих указаниях констатировало: «... аппарат разведки за границей и внутри страны разбух, стал неповоротливым, бюрократическим...» Далее отмечалось: «Необходимо освободить органы МГБ от работников, утративших политическое чутье, карьеристов, шкурников, бездельников, мало приносящих пользы Советскому государству, ставящих свое личное благополучие выше государственных интересов, болтунов, обленившихся и не работающих над собой в области совершенствования методов чекистской работы»²⁰.

В то же время гласные и негласные штаты Бюро № 1 МГБ СССР (осуществление диверсионных и террористических и других специальных мероприятий в капиталистических странах) во главе с генерал-лейтенантом Судоплатовым П.А. увеличились²¹. Бюро № 2 (выполнение специальных заданий внутри страны по пресечению особыми способами вражеской деятельности, проводимой отдельными лицами) во главе с генерал-майором Дроздовым В.А. не претерпело каких-либо существенных изменений.

Серьезной реорганизации планировалось подвергнуть службу наружного наблюдения, рассредоточив большую часть оперативных сил этой службы во Втором и Третьем Главных управлениях и Управлении МГБ по Московской области.

Из письма Игнатьева С.Д. в адрес Сталина, после того как министр МГБ, преодолевший последствия болезни, приступил к работе в конце января 1953 г., можно узнать, какие задачи ставил перед собой руководитель министерства госбезопасности и какие приоритеты он видел в деятельности своего министерства. Главное, по выражению Игнатьева С.Д., это «навести порядок в работе органов МГБ, повысить их активность, покончить с благодушием, ротозейством, трусостью... настойчиво продолжать работу по выявлению и ликвидации американо-английских и иных шпионов, террористов и диверсантов из числа врачей, еврейских националистов и других врагов нашей партии и Советского государства»²².

Указания Сталина руководители МГБ СССР начали энергично выполнять. ГРУ МГБ СССР сумело провести ряд активных мероприятий за рубежом, в том числе физическое устранение видных антисоветчиков, похищение кадровых разведчиков и организаторов резидентур, осуществить вербовку ценных агентов в спецслужбах противника. Полным ходом началась подготовка к ликвидации видных политических деятелей, которые считались врагами Советского государства. Кроме этого, нужно отметить, что во вражеский антисоветский лагерь была включена и Югославия, руководители которой не смогли найти общий язык с «великим продолжателем дела Маркса – Энгельса – Ленина».

Внутри страны волна новых репрессий заметно усиливалась. Репрессии начинали принимать ярко выраженный антисемитский характер. Особенно это было заметно по «делу врачей». По этому делу к февралю 1953 г. было арестовано около 40 видных медицинских работников и членов их семей. В русле борьбы с «еврейским националистическим подпольем» фабриковались дела на бывшего посла СССР в Великобритании Майского И.М., бывшего помощника Генерального секретаря ООН Зинченко К.Е., художника Стенберга В.А. и других²³.

Приобретало размах и «мингрельское дело» (арестованы 37 человек из руководства Грузинской ССР, в том числе 6 депутатов Верховного Совета СССР, 17 депутатов Верховного Совета Грузинской ССР, 8 Героев Социалистического труда). Скрытые нити этого дела были направлены против одного из руководителей страны маршала Советского Союза Берии Л.П.²⁴ Насколько серьезная опасность нависла над его головой, можно судить по следующему факту: оперативная техника по заданию Сталина была установлена на квартире у матери Берии²⁵.

К февралю 1953 г. было завершено следствие по так называемой «группе преступников Абакумова – Шварцмана». Дело на бывшего

министра госбезопасности шло параллельно с «делом врачей-вредителей» и с самых первых дней приобрело антисемитскую окраску, поскольку многие из арестованных являлись евреями. Этому способствовал и постепенно сформировавшийся общественно-политический фон в стране о нарастающих угрозах «еврейского националистического подполья, являющегося англо-американской агентурой».

Соответствующее влияние на внутривнутриполитическую обстановку в СССР оказывала и пресса. Так, например, 13 января 1953 г. в «Правде» была опубликована статья «Подлые шпионы-убийцы под маской профессоров-врачей». Само название красноречиво свидетельствовало, о чем здесь шла речь.

По версии Сталина, бывший министр госбезопасности Абакумов В.С. якобы окружил себя чекистами-евреями и в то же время скрывал преступную деятельность врачей-евреев, все это Сталин рассматривал звеньями одной цепи и пытался найти взаимосвязь дела «еврейского антифашистского комитета», «дела врачей-вредителей» и «вражеской группы из руководства МГБ».

Только лишь смерть Сталина прервала его грандиозные планы по перестройке органов госбезопасности и проведению репрессий. Уход с политической арены вождя отсрочил расстрел Абакумова и еще 10 человек на полтора года, которых расстреляли уже как участников так называемой «банды Берии» совершенно по иным обвинениям в декабре 1954 г.

Таким образом, сгущение красок в оценках деятельности МГБ СССР и неоправданные упреки в адрес сотрудников госбезопасности нужны были Сталину прежде всего для переориентации работы отечественных спецслужб на репрессивный курс. Острая сталинская критика чекистов, а иногда огульные обвинения были неадекватны их деятельности. Наши разведчики предприняли героические усилия в деле создания ядерного оружия СССР, имели неплохие агентурные позиции за рубежом и в том числе в разведывательных центрах стран НАТО, добывали важнейшую информацию о планах потенциальных противников Советского Союза. Вербовочная база для работы нашей разведки была стабильной и имела высокий идеологический потенциал, что, безусловно, облегчало приобретение новых источников информации.

Советская контрразведка имела на связи ценных агентов в посольствах капиталистических стран в Москве, пресекала деятельность шпионов, заброшенных в СССР, имела высокие результаты в оперативно-технической деятельности и в целом обеспечивала безопасность функционирования Советского государства. Борьба с бандами националистов на Украине и в

Прибалтике шла к завершению. Крупных провалов МГБ СССР на тот период не знало. Внутриполитическая ситуация была стабильной и находилась под контролем спецслужб государства.

Настрой в органах госбезопасности на решительную борьбу с «озверевшим классовым врагом», в ходе которой нужно было «снять белые перчатки», был дан Сталиным с достаточно определенным прицелом. Реорганизация, обновление кадрового аппарата и другие изменения в МГБ СССР, которые он инициировал и попытался осуществить в конце своей жизни преследовали только одну цель – развязывание новых репрессий в стране и ужесточение борьбы с «врагами народа». По сути дела, в своей внутренней политике Сталин вернулся к традициям середины 1930-х гг. с целью обновить партаппарат и свое окружение, а во внешнеполитическом курсе, принимая вызов западных стран, он открыто встал на путь конфронтации и усиления противостояния с империалистическим блоком.

По-видимому, страна заходила в тупик в своем поиске оптимального пути развития, исчерпав ресурс «мирных методов» строительства коммунизма. Советский Союз в очередной раз оказался на пороге грандиозных чисток, которые готовил Сталин. И лишь его смерть дала совершенно иной импульс во внутренней и внешней политике партийно-государственного руководства, связанный с наступившей «оттепелью» Берия – Маленкова – Хрущева.

Примечания

¹ См. подробнее: *Пыжиков А.В.* Исторический опыт политического реформирования Советского общества в 50-60-е годы. Дисс. д-ра ист. наук. М.: МИГУ, 1999.

² *Коротков А.В., Чернев А.Д., Чернобаев А.А.* Посетители кремлевского кабинета И.В Сталина (1924–1953) // Исторический архив. 1994. № 6. С. 4–44; 1995, № 2. С. 128–200; № 3. С. 119–177; 1996. № 2. С. 3–72; № 3. С. 3–86; № 4. С. 66–131; № 5/6. С. 3–61; 1997. № 1. С. 3–39; 1998, № 4 – именной алфавитный указатель.

³ *Алидин В.И.* Государственная безопасность и время. М.: «Ветеран МП», 1997. С. 63–64.

⁴ Центральный архив ФСБ РФ (Далее – ЦА ФСБ РФ). Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 35. Л. 53–67.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 317.

- ⁶ Там же. Л. 310.
- ⁷ Протокол заседания Президиума ЦК КПСС № 2 от 1 декабря 1952 г., пункт 2.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Постановления СМ СССР № 4229–1928 от 31 октября 1951 г. и № 3838–1532 от 21 августа 1952 г., Указ Президиума Верховного Совета СССР № 120/62 от 21 августа 1952 г.
- ¹⁰ Независимое военное обозрение. 2001. № 40. С. 7.
- ¹¹ Постановление ЦК КПСС № ПЗ6 от 4 декабря 1952 г.
- ¹² ЦА ФСБ РФ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 35. Л. 29.
- ¹³ Там же. Д. 1. Л. 309.
- ¹⁴ Там же. Л. 320.
- ¹⁵ Там же. Л. 311.
- ¹⁶ *Алидин В.И.* Государственная безопасность и время. М.: «Ветеран МП», 1997. С. 100.
- ¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 35. Л. 1, 84, 100.
- ¹⁸ Там же. Л. 59.
- ¹⁹ Там же. Д. 1. Л. 308.
- ²⁰ Там же. Д. 35. Л. 75.
- ²¹ Там же. Д. 30. Л. 45-157.
- ²² Там же. Д. 30. Л. 255.
- ²³ Протокол заседания Президиума ЦК КПСС № 3 от 3 апреля 1953 г., пункт 1.
- ²⁴ Протокол заседания Президиума ЦК КПСС № 5 от 10 апреля 1953 г., пункт 1.
- ²⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 35. Л. 160.

КГБ СССР в разрешении политического конфликта в Афганистане (1979–1989 г.)

Рац С.В.

Афганистан с его географическим положением, природными ресурсами всегда был объектом устремлений ведущих держав мира. Народы Афганистана наблюдали колонны Александра Македонского, орды Чингисхана, Великих Моголов, англичане трижды предприняли попытки контролировать его территорию. С 1979 по 1989 г. советские войска в составе 40-й армии по просьбе правительства ДРА находились в Афганистане, оказывали активную помощь в становлении молодой республики.

В 1919 г. Афганистан был первой страной, признавшей независимость республики Советов. В 1921 г. был подписан мирный договор между РСФСР и Афганистаном о дружбе и военном сотрудничестве. Он, в частности, предусматривал оказание военной помощи. Вплоть до конца 1991 г. в рамках данного договора СССР оказывал Афганистану военную и экономическую помощь. После прихода к власти в 1992 г. ставленников моджахедов, а позже, в 1996 г., – движения Талибан, добрососедские отношения были прерваны. Талибы, исповедующие ортодоксальный ислам, ввергли страну в еще более кровопролитную гражданскую войну, расколов Афганистан на два непримиримых лагеря по этническому и конфессиональному признаку (на пуштунов и представителей других национальностей, с одной стороны, и соответственно на суннитов и шиитов – с другой).

Северный Альянс Афганистана при поддержке России, Индии, Ирана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии (Туркмения сохранила нейтралитет) активно противостоял движению Талибан¹. 19 января 2000 г. Совет Безопасности ООН принимает резолюцию № 1333, вводящую санкции только против Талибана и запрещающую поставки оружия талибам.

После воздушной атаки Всемирного торгового центра в Нью-Йорке смертниками Аль-Каиды 11 сентября 2001 г. США предприняли крупномасштабную операцию по уничтожению очага мирового терроризма на территории Афганистана. В январе 2002 г. первые отряды Международных сил содействия из 15 стран во главе с США и

Великобританией прибывают в Кабул. Мировое сообщество попыталось повлиять на разрешение конфликта.

Несмотря на увеличение группировки корпуса быстрого реагирования, количество отрядов борцов за веру с каждым днем росло. Смертники Аль-Каиды по-прежнему совершают террористические акты, а с территории Афганистана в другие страны движется неиссякаемый поток героина. Опыт СССР не был взят на вооружение политиками стран НАТО. Сегодня «груз 200»² направляется в страны Западной Европы и США. Под предлогом борьбы с терроризмом страны Запада предпринимают попытку втянуть Россию в новую игру, где нам отведена роль явно не «первой скрипки».

Истекло более двадцати лет гражданской войны и десяти лет борьбы афганского народа за свою независимость. И пока нет конца этой истории.

Все-таки хотелось бы вернуться к истокам этой масштабной операции (вводу 40-й армии в Афганистан) и понять роль КГБ СССР в защите наших национальных интересов на юге страны в разрешении политического конфликта в Центральной Азии.

Период с 1979 по 1989 г. был наиболее противоречивым в отношениях с нашим южным соседом. Вооруженные силы СССР были втянуты в изнурительную гражданскую войну. Фактически ввод 40-й армии вооруженных сил СССР на территорию суверенного государства дал толчок к консолидации всех антисоветских сил во главе с США и Великобританией. «Новая большая игра» вокруг Афганистана продолжалась. Великобритания уступила место США. Для России стратегические интересы в Центральной Азии не изменились: СССР как преемник политики царской империи в рамках договора о дружбе и военном сотрудничестве (1921 г.) только укрепил свои позиции, оказав в 70-е гг. значительную экономическую и военную помощь Афганистану. В 1956–1978 гг. размер экономической помощи Советского Союза Афганистану составил 1,26 млрд долларов, а военной помощи – 1,25 млрд. За это же время США оказали Афганистану помощь всего на 533 млн долларов, и то в основном в 50-е гг., после чего они потеряли интерес к Афганистану³. Так было до апреля 1978 г., то есть до государственного переворота, совершенного группой офицеров, поклонников марксизма, прошедших подготовку в Крыму на базе Учебно-террористического центра УЦ-165⁴.

В дальнейшем в советской литературе данное событие было названо Апрельской революцией. К весне 1980 г. Афганистан стал ключевым пунктом в холодной войне между США и СССР, а моджахеды⁵

превратились в ударные отряды всех антисоветских сил, включавших в себя США, Великобританию, Пакистан, страны Арабского Востока, Египет, Китай.

К сожалению, мы поддержали правительство, которое не имело опоры в широких народных массах и, несмотря на нашу военную и экономическую помощь, не сумело удержать завоевания Апрельской революции, читайте – переворота. Лидеры народно-демократической партии Афганистана дискредитировали идеи революции массовыми репрессиями (особенно религиозных деятелей), акциями геноцида по этническому признаку (бомбежки мест проживания хорезмийцев, нуристанцев) и бесконечной внутривластной борьбой за власть, оттолкнули от себя большую часть населения. Реформы по распределению водных и земельных ресурсов натолкнулись на активное сопротивление вождей племен. Руководители партии и правительства были оторваны от народных масс, не учитывали особенности родоплеменных отношений, влияния духовных лидеров мусульман на безграмотное население. Руководство ДРА столкнулось с массовым дезертирством в армии.

В этой связи характерны события в Герате, происшедшие в марте 1979 г. Жители города, подстрекаемые муллами, подняли восстание против центральной власти. На сторону моджахедов перешел местный гарнизон. Духовными лидерами и вождями местных племен объявлен джихад (война с неверными). Уже тогда, за девять месяцев до ввода советских войск в Афганистан, советников и специалистов из СССР приравнили к лидерам НДПА. Слово «шурави» (советский), являвшееся синонимом старшего уважаемого брата, в одночасье стало символизировать врага афганского народа. За несколько часов вакханалии, происшедшей в Герате, разъяренной толпой фанатиков были убиты десятки военных советников, специалистов и членов их семей.

Ахмед Рашид, пакистанский журналист-международник, автор книги «Талибан», так дает описание 15 марта 1979 г.: «В то время как жители убивали советских офицеров, советников и их семьи, Исмаил Хан устроил переворот в местном гарнизоне, перебив советских офицеров и афганских коммунистов, вооружил народ. Сотни русских были убиты. Москва, опасаясь подобных восстаний, бросила 300 танков из советской Туркмении на усмирение мятежа и начала сплошную бомбардировку одного из старейших городов мира. Более 20 000 гератцев были убиты в течение нескольких дней. Исмаил Хан укрылся в сельской местности, возглавив партизанскую армию, а десятки тысяч гражданских лиц бежали в Иран»⁶.

Вот что рассказывает участник событий 15 марта 1979 г. В.В.

Малеванный, бывший сотрудник ГРУ МО СССР: «И когда в Герате вспыхнул антиправительственный мятеж, часть гарнизона приняла сторону мятежников. Были убиты двадцать наших военных советников и более пятидесяти советских специалистов, работавших на различных контрактах, причем моджахеды расстреливали их вместе с семьями. Погибли двадцать детей разного возраста... Получив от нас сигнал, что в городе совсем не осталось советских специалистов и военных советников, начальник Главного Разведывательного управления Генштаба СССР приказал поднять в воздух две эскадрильи тяжелых бомбардировщиков с авиабазы в Душанбе... Восстание в Герате было подавлено советскими бомбами»⁷.

На территории Пакистана и Ирана появились сотни тысяч беженцев. При активном участии спецслужб ведущих стран НАТО, а также Пакистана, Ирана, Китая, были созданы сотни лагерей по подготовке моджахедов. Согласно данным В.И. Ютова, которые он приводит в книге «“Каскад” и “Омега”», душманы проходили обучение в 124 центрах подготовки в Пакистане и в 18 на территории Ирана. В Пакистане этой подготовкой занимались 10 бывших генералов, 40 полковников, 100 офицеров рангом ниже⁸.

Если СССР на своей территории готовил в различных училищах и школах до 50 тыс. афганских специалистов ежегодно, то у противника эта цифра была в 3–4 раза выше⁹.

Следует прямо сказать, что религиозная оппозиция в лице таких партий, как Исламская партия Афганистана, Исламское общество Афганистана, Национальный фронт исламской революции Афганистана, взяла на вооружение крайние формы политической борьбы – терроризм. С весны 1980 г. началось массовое проникновение на территорию Афганистана групп моджахедов для совершения диверсионных и террористических акций. Так, бывший сотрудник КГБ СССР полковник в отставке В.Г. Алиев вспоминает: «25 мая 1981 г. в местечке Джоузджане моджахедами была захвачена машина с продовольствием, предназначенным советским специалистам. Сопровождавшие ее специалисты Арбузов и Сухова были убиты. Я думаю, что после этого случая разведцентры Запада руками бандитов развернули полномасштабную войну на дорогах против присутствия в республике советского контингента»¹⁰.

Лидерами моджахедов стали: Гольбуддин Хекматъяр, Бурхануддин Раббани, Ахмад Шах Масуд. Каждый из них создал свою партию, имел своих сторонников на территории Афганистана и через исламские

комитеты и группы моджахедов контролировал те или иные области республики. Каждая партия имела свои лагеря по подготовке террористов, печатные органы, медресе. В подборе рекрутов для обучения диверсионным навыкам проблемы не было: только в первые месяцы после ввода войск СССР в Афганистан в декабре 1979 г. границу Пакистана и Ирана перешло около миллиона афганских беженцев. Активно работала пропаганда исламистов.

Под неусыпным контролем ЦРУ разведке Пакистана ISI была отведена роль структуры по распределению денежных потоков, оружия, боеприпасов, продовольствия, медикаментов для той партии, представители которой проявляли на территории Афганистана большую активность.

Силы мятежников по различным оценкам насчитывали от 150 до 200 тыс. моджахедов. Активная часть составляла около 70 тыс. человек, объединенных приблизительно в 1500 бандгрупп.

В начале 1979 г. произошли антиправительственные выступления в городе Герате, Нуристане, Белуджистане. С каждым днем волна протеста населения возрастала. Джихад набирал все новую и новую силу. В этой связи лидеры НДПА неоднократно обращались в Политбюро ЦК КПСС за военной помощью. Как известно, решение о вводе войск в Афганистан было принято не сразу. Опытные политики, какими были Л.И. Брежнев, А.А. Громыко, Д.Ф. Устинов, Ю.В. Андропов, естественно, просчитывали последствия такой операции. Следует заметить, что Политбюро по данному вопросу заслушало доклад начальника Генерального Штаба МО СССР маршала Н.В. Огаркова. Опытный стратег аргументированно доказывал пагубные последствия такого шага и предостерегал о негативном резонансе мирового сообщества, о возможных потерях личного состава, растрате финансовых и военных ресурсов страны. Однако в конечном итоге возобладала точка зрения председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова. Свою позицию он обосновал имеющимися материалами об активизации спецслужб Запада в данном регионе с целью ослабления влияния СССР в данном геополитическом пространстве.

Что же так привлекало лидеров СССР в Афганистане, чтобы решиться принять такое судьбоносное и трагичное решение? Другими словами, что же было предметом конфликта?

Бытует легенда о том как тяжело перенес Л.И. Брежнев известие об убийстве Н. Тараки подручными Х. Амина. После чего Генеральный секретарь КПСС якобы дал Ю.В. Андропову указание о штурме дворца Тадж-Бека и ликвидации Х. Амина.

Полагаю, что на принятие решения о вводе войск в Афганистан, с одной стороны, повлияла информация резидентуры КГБ СССР в Кабуле о том, что со стороны ЦРУ готовится активная акция по смене власти. Как следствие на южной границе СССР могли появиться американские радары и ракеты среднего радиуса действия.

Думаю, определяющим фактором была опасность и боязнь руководителей СССР потерять Афганистан, в который были вложены значительные средства для развития его экономики. На севере Афганистана в районе Мазари-Шарифа, например, успешно действовал завод по производству азотных удобрений. По данным советских геологов, именно в северных районах были обнаружены месторождения нефти, газа, урана. «Голубой поток», шедший из Афганистана, пополнял энергоемкость республик Средней Азии.

Безусловно, учитывался фактор нарастающего движения ваххабитов¹¹, необходимость защиты южных рубежей от проникновения на территорию СССР наркотиков, наличие на территории Афганистана группы советских специалистов (5–6 тыс. человек), которые в условиях гражданской войны нуждались в защите, стратегическое положение страны.

Афганистан казался лидерам КПСС той фигурой, лишиться которой в «Новой большой игре» было невозможно даже ценой очень больших потерь. А в период принятия решения потери эти казались не столь значительными.

После вторжения советских войск ситуация изменилась.

25 декабря 1979 г. 40-я армия «ограниченного контингента» советских войск пересекла границу Афганистана по трем направлениям: Кушка – Кандагар, Термез – Кундуз – Кабул, Хорог – Файзабад и имела в своем составе до 40 тыс. человек. В дальнейшем ее численность увеличилась до 120 тыс. человек. 27 декабря силами спецназа КГБ СССР и ГРУ Генерального штаба Министерства обороны и приданными подразделениями был совершен государственный переворот. Подразделения спецназа захватили основные государственные объекты, в том числе дворец Тадж-Бек. Во время штурма был ликвидирован лидер партии НДПА и глава государства Хафизулла Амин. Главой государства и лидером партии стал Бабрак Кармаль, выдвигенец ПГУ КГБ СССР¹².

Предполагалась, что 40-я армия займет стратегические пункты Афганистана, встанет гарнизонами и не примет участия в нарастающей гражданской войне, но уже во второй половине января 1980 г. по настойчивой просьбе Б. Кармаля советские десантники участвовали в

операции по подавлению очередного мятежа.

В этой связи хотелось еще раз обратить внимание на позицию военачальников 40-й армии МО СССР.

В мае 1980 г. на имя министра обороны маршала СССР Д.Ф. Устинова было написано ими письмо, в котором был дан анализ и перспективы развития политической обстановки в республике. Авторы письма единодушно высказались за то, что дальнейшее нахождение советских войск в Афганистане может привести к непредсказуемым последствиям. Позвольте привести выдержку из этого документа. «На 1 августа 1980 г. правительством ДРА контролировалось только 134 уезда и волости из 286 (47 %), [...] в результате боевых действий и проведенной работы по организации органов власти на местах на 1 мая с.г. правительством ДРА контролируется 184 уезда и волости из 286 (64 %), то есть жизненно важные районы страны. Однако в большинстве уездов и волостей, которые контролируются правительством, по-прежнему сохраняется влияние мятежников. Вместе с тем мы считаем, что в сложной военно-политической обстановке в Афганистане, в данное время и в будущем, решить задачу разгрома контрреволюции и установления народно-демократической власти во всей стране только военными усилиями 40 Армии и ВС ДРА крайне затруднительно, более того – бесперспективно». Докладную записку подписали: генерал армии М. Майоров, генерал-лейтенант В. Самойленко, генерал-лейтенант В. Черемных¹³.

В январе 1980 г. группой академиков во главе с О. Богомоловым была подготовлена записка на имя генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. В ней с тревогой отмечалось, что к двум фронтам противостояния: против в НАТО в Европе и против Китая в Восточной Азии – для нас прибавился третий опасный очаг военно-политической напряженности, проходящей по южной окраине СССР. Говорилось, что именно здесь, причем в невыгодных географических условиях, нам придется иметь дело «с объединенными ресурсами США и других стран НАТО, Китая, мусульманских государств, повстанческих армий афганцев». Отмечалось, что «Афганистан может стать Вьетнамом Москвы»¹⁴.

К сожалению, не осталось следа о реакции руководителей КПСС на письма военных и ученых.

Кроме того, известно обращение А. А. Марейчева (советника в Афганистане, генерал-майора КГБ СССР в 1983 г.) на имя председателя КГБ СССР. Вот как автор рассказывает об этом факте:

«Примерно в октябре 1979 г. я написал письмо на имя председателя

КГБ СССР Ю.В. Андропова, в котором объективно изложил ситуацию в войсках, факты массовых необоснованных репрессий в отношении граждан республики. Высказал свое мнение на развитие событий, в том числе о возможном росте повстанческого движения. Мое письмо вызвало резонанс, но по большому счету не повлияло на решение о вводе войск в Афганистан. Гигантский механизм государственной машины, в котором участвовало более ста тысяч человек, был запущен. Считаю, что мой вызов в Москву не принес ожидаемых результатов. Было, видимо, не до моего мнения. Госбезопасность и Министерство обороны в то время нацелили свои ресурсы на свержение власти Х. Амина. Оставалось четыре месяца до ввода советских войск в Афганистан»¹⁵.

Несколько слов об Афганской армии. Она была вооружена современной советской техникой и в своем составе имела от 180 до 200 тыс. человек. Офицерский корпус состоял в основном из пуштунов, прошедших подготовку в СССР. На руководящие должности офицер выдвигался только по партийному принципу: в зависимости от того, к какой фракции он относился – «Парчам» или «Хальк». Закон о всеобщей воинской обязанности 1980 г. оттолкнул от центрального правительства многие племена, которые исторически были освобождены от мобилизации, например: хорезмийцы, белуджи (в силу образа жизни первые проживают в недоступных горах, вторые сезонно кочуют). В 1980 г. армия была укомплектована на 60 %, подразделения МВД – на 32 %, факты дезертирства и хищения оружия, переход на сторону моджахедов были нормой¹⁶.

За короткий срок советниками ПГУ КГБ СССР была создана разветвленная структура безопасности республики по точной копии управлений КГБ СССР. В 1980 г. в каждой провинции было создано Управление службы государственной безопасности (ХАД). В нем в зависимости от обстановки осуществляли свою деятельность десятки оперативных работников – афганцев разных национальностей, большая часть из которых владела русским языком. Ими руководили советники – сотрудники КГБ СССР, прибывшие в Афганистан по линии ПГУ КГБ СССР. В афганской армии была создана структура безопасности, идентичная особым отделам в Советской армии.

Вот что рассказывает об этом советник по вопросам организации военной контрразведки в подразделениях афганской армии А.А. Марейчев (генерал-майор КГБ СССР в 1983 г.): «Совместно с полковником Абдул Хаком Самади, исполнявшим обязанности начальника военной

контрразведки Афганской армии, было подготовлено положение и структура органов безопасности в войсках ДРА. Положение было согласовано с министром обороны Хафизуллой Амином. В короткие сроки подобраны руководители и оперативные сотрудники (около ста человек) для формируемых отделов военной контрразведки Афганской армии, с которыми мне пришлось провести месячные учебные сборы.

В начале 1979 г. в Афганистан прибыла первая группа советских военных контрразведчиков. В 1978–1979 гг. афганскими сотрудниками под руководством наших советников были выявлены и разоблачены более двадцати засланных в войска агентов бандформирований, два агента пакистанской разведки, предотвращено 11 попыток антиправительственных выступлений»¹⁷.

В.А. Жаворонков, бывший советник КГБ СССР, дает следующую характеристику ХАД и его задачам: «Оперативная группа советников представительства КГБ СССР в провинции Кунар состояла из пяти офицеров. Ей была придана группа солдат погранвойск КГБ СССР.

Управление ХАД в провинции Кунар насчитывало сорок пять оперативных сотрудников. Оно имело структуру по типу территориального управления КГБ советского образца и располагало более чем тремястами источниками информации, из них большинство находились в бандгруппах, племенах, органах государственного управления.

Основными задачами ХАД, продиктованными военным временем, были выявление, пресечение агентурной деятельности противника, борьба с бандформированиями, уничтожение их главарей, проведение спецакций, работа с договорными бандами, поддержка политики национального примирения»¹⁸. В.А. Жаворонков находился в Афганистане с 1985 по 1987 г.

В 1980 г. в Афганистане активно действовал спецназ КГБ СССР в составе подразделений «Каскад»-1 (более 1000 человек), а также переданный в его оперативное подчинение отряд спецназначения МВД «Кобальт» (600 человек)¹⁹. Вся система безопасности, созданная профессионалами-сотрудниками КГБ СССР, была ориентирована на подготовку кадров, получение упреждающей информации о формированиях моджахедов, пресечение террористической деятельности, борьбу с подпольем.

Отряды специального назначения КГБ СССР проводили разведывательные операции, оперативно-боевые мероприятия и специальные акции, создавали ложные банды для ликвидации особо

опасных главарей бандитов.

С августа 1979-го по февраль 1989 г. на территории Афганистана действовали отряды специального назначения следующего состава: «Зенит»-1, 2, «Гром» (из сотрудников «Альфы»), «Каскад»-1,2, 3,4, «Омега», последние два являлись кодовым названием секретного штатного отряда «Вымпел», имевшего в ДРА особые задачи, отряды пограничных войск.

Кроме отрядов специального назначения КГБ СССР, в ДРА результативно действовал спецназ ГРУ генерального штаба Министерства обороны, МВД СССР. Отдельные задачи выполняла резидентура КГБ СССР в Афганистане.

Так, бывший сотрудник отряда «Каскад» подполковник запаса ФСБ России Ю.В. Мамедов вспоминает: «В Афганистане «Омега» участвовала в подготовке и проведении 12 крупномасштабных войсковых и более 300 локальных оперативно-войсковых операций. По разведанным отрядом нанесено 1500 авиаударов по местам дислокации бандформирований и проведен ряд спецмероприятий по ликвидации наиболее непримиримых бандглаварей. Кроме того, офицеры со знанием местных языков использовались для проведения активных мероприятий по разложению банддвижения в Афганистане»²⁰.

Н.М. Калугин, полковник запаса ФСБ России, бывший сотрудник представительства КГБ СССР в Кабуле, дает следующую оценку состояния экономики Афганистана в 1983 г.: «Из-за сложной военно-политической обстановки в ДРА разработка всех основных месторождений природных ресурсов была законсервирована, так как они находились на территории, контролируемой моджахедами. По этой причине для обеспечения нужд национальной экономики от границы СССР до Кабула были протянуты нефте- и газопроводы, которые требовали особо надежной защиты с использованием всех имеющихся сил и средств. Для этого советниками центрального аппарата и территориальных аппаратов МГБ Афганистана был разработан и реализован соответствующий комплекс мероприятий, позволивший надежно оградить эти жизненно важные артерии от враждебных посягательств противника»²¹.

Советники по линии КГБ СССР в составе небольшой группы находились в Афганистане вплоть до конца 1991 г. и выполняли специальные задачи ПГУ КГБ СССР по предотвращению проникновения агентуры моджахедов на территорию республик советской Средней Азии, пресечению террористических акций.

Советские спецслужбы за десять лет гражданской войны создали в Афганистане крайне эффективную структуру государственной безопасности, которая во многом содействовала укреплению власти НДПА. КГБ СССР за эти годы получил объективную и своевременную информацию о наших противниках, отшлифовал методы антитеррористической борьбы, создал неуязвимые оперативные позиции, подготовил плеяду профессионалов оперработников-афганцев. Несмотря на мощное сопротивление оппозиции, после вывода советской армии режим НДПА продержался в течение трех лет и в конечном счете пал под ударами отрядов моджахедов только в 1992 г. Одной из причин поражения правительства ДРА было прекращение экономической и военной помощи со стороны России.

Экономическую и военную помощь СССР, по разным источникам, можно было примерно оценить до 15 млрд долларов в год. Бывший посол СССР в Кабуле Н.Г. Егорычев так рассказывает об объемах помощи СССР Афганистану в 1990 г.: «После начала горбачевской чехарды в экономике это стало для нашей страны слишком тяжелым бременем. Помощь Афганистану нам стоила ежегодно 10 млрд инвалютных рублей. В долларах это еще больше – 15–16 млрд. Мы еженедельно получали телеграммы: сообщите Наджибулле, что его просьба о поставке того-то и того-то в кредит на десять лет удовлетворена.

Конечно, эти кредиты возвращать никто не собирался. Эта цена стала для нас непомерной».²²

Промышленные объекты, построенные в первую очередь при содействии СССР, в большей степени были уничтожены или пришли в негодность, ирригационные системы разрушены. Опийный мак стал единственной культурой, которую выращивали крестьяне, чтобы не погибнуть с голоду.

За десять лет участия в гражданской войне в Афганистане СССР потерял 15 тыс. солдат и офицеров, в том числе более пятисот сотрудников государственной безопасности, и более сорока пяти тысяч получили ранения. Внешняя политика СССР перенесла очередной провал, советский народ испытал тяжелый моральный ущерб, экономика, не выдержав десятилетней работы на войну, подтолкнула СССР к краху и полному политическому банкротству.

Один из известных специалистов по проблемам Центральной Азии Ахмед Рашид дает следующую оценку войне в Афганистане и роли СССР:

«Для афганцев советское вторжение было лишь очередной попыткой иностранцев покорить их и заменить испытанную временем религию и

общество на чужую идеологию и социальную структуру. Джихад разгорался с новой силой по мере того, как США, Китай и арабские страны давали все больше денег и оружия моджахедам. Эта война, унесшая жизни 1,5 млн афганцев, породит второе поколение моджахедов, которые назовут себя талибами или «студентами, изучающими ислам»²³.

Невольно наталкиваешься на мысль: защищая национальные интересы российского государства, нужно бережно и деликатно относиться к традициям и особенностям развития народов (в первую очередь – к исторически являющимся нашими соседями).

Сегодня Афганистан по-прежнему является «гордиевым узлом» Центральной Азии, очагом терроризма и наркоэпидемии. С другой стороны, он остается объектом геополитических интересов ведущих стран мира, а его недра и стратегическое положение будут предметом острых противоречий в ближайшие десятилетия в первую очередь между США и Китаем. Вероятно, от доброй воли мирового сообщества будет зависеть, в каком русле станут развиваться государственность и политическая стабильность в республике Афганистан.

Примечания

¹ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть, и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 41. Талиб – ученик, студент, тот, кто ищет знание. Талибан – множественное число от талиб.

² «Груз-200» – условное название гробов с телами погибших советских солдат и офицеров.

³ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть, и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 31.

⁴ Малеваний В.В. Советский спецназ в Афганистане. М.: Кучково поле. 2009. С. 95.

⁵ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть, и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 40–41. Моджахед – борец за веру.

⁶ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть, и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 58.

⁷ Малеваний В.В. Советский спецназ в Афганистане. М.: Кучково поле. 2009. С. 96.

⁸ Ютов В.И. «Каскад» и «Омега». Изд. «X-HISTORI». М., 2003. С. 11.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ Чекисты Ленинграда в Афганистане. Изд. С-П., «Центр переводов». 2009. С. 87.

¹¹ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть, и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 121. Среди суннитов были ваххабиты, последователи суровой секты из Саудовской Аравии.

¹² Чекисты Ленинграда в Афганистане. Изд. С-П., «Центр переводов». 2009. С. 16.

¹³ Черемных В.П. Не по сценарию Москвы. Изд. «Клинт». С-П., 1995. С. 275.

¹⁴ Савинкин А.Е. Афганские уроки. М., Изд. «Русский путь». 2003. С. 735–736.

¹⁵ Чекисты Ленинграда в Афганистане, Изд. С-П., «Центр переводов». 2009. С. 15.

¹⁶ Черемных В.П. Не по сценарию Москвы. Изд. «Клинт». С-П. 1995. С. 281.

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 257–258.

¹⁹ Ютов В.И. «Каскад» и «Омега». Изд. «X-HISTORI». М., 2003. С. 9.

²⁰ Чекисты Ленинграда в Афганистане. Изд. С-П., «Центр переводов». 2009. С. 79.

²¹ Там же. С. 226.

²² «Афганистан стоил нам 15 миллиардов долларов в год». «Коммерсант-власть», 2002, № 46. С. 77–78.

²³ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть, и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 32.

Геополитика, национальные интересы и идеология коммунистического строительства

Романенко С.А.

Причины и характер советско-югославского партийно-государственного конфликта на фоне холодной войны. 1945–1948.

В результате Второй Мировой войны СССР оказался среди победителей. Почти сразу после Победы началась холодная война (о причинах и ответственности за ее возникновение до сих пор спорят историки), и мир был разделен на сферы влияния. «Протянувшись через весь континент от Штеттина на Балтийском море и до Триеста на Адриатическом море, на Европу опустился железный занавес» – эти слова Уинстона Черчилля, произнесенные в Вестминстерском колледже в американском городке Фултон 5 марта 1946 года, стали символом начала холодной войны и определили ее суть¹.

Но еще прежде этого на Балканах СССР, если и не оказался побежденным, то во всяком случае и на этот раз не достиг своих целей. Победителем вышел лучший ученик И.В. Сталина, «славянский брат», «последовательный и стойкий» Иосип Броз Тито. Победив в глобальном конфликте с «державами Оси», СССР не сумел полностью воспользоваться плодами победы в регионе Юго-Восточной Европы. Москва вновь оказалась в значительной мере вытесненной с Балкан.

Без военной и политической поддержки СССР Тито вряд ли смог бы одержать победу над своими противниками и утвердиться у власти². Но результатом этого стало, как и после русско-турецкой войны 1877–1878 годов, резкое ухудшение отношений нового независимого государства с державой, сыгравшей значительную роль в освобождении его народов и его собственном воссоздании.

Национально-государственные интересы Югославии (Демократическая Федеративная Югославия,ДФЮ – 1945, Федеративная Народная Республика Югославия,ФНРЮ – 1945–1963, Социалистическая Федеративная Республика Югославия,СФРЮ – 1963–1992) формировались как некая сумма исторически сложившихся принципов и этнополитических

претензий национальных движений югославянских народов к соседним народам и государствам под лозунгом полного объединения этнических территорий и национального самоопределения³. А эти интересы объективно зачастую не только не совпадали с интересами и целями Российской империи или СССР, но и прямо противоречили им. Новая Югославия и ее заново формировавшийся политический класс – «аппарат» объективно стали наследниками проблем и геополитических идей относительно их решения, выдвигавшихся как королевским правительством, так и КПЮ в 1920-1930-е годы. Идеологические, политические иллюзии, предрассудки и мифы, стереотипы взаимного восприятия и поведения, «фобии» и «филии» были унаследованы новой Югославией.

Опираясь на легитимность победителя в войне, КПЮ и югославское государство стали наследниками и выразителями этих этнотерриториальных претензий в максималистской форме. Требования отдельных народов также далеко не всегда совпадали с геополитическими представлениями и государственными интересами Москвы, пытавшейся добиться обеспечения национальной безопасности в рамках, очерченных еще в начале XX века. Вероятно, Иосипа Броза, превратившегося из Вальтера в Тито, помимо И.В. Сталина вдохновлял и пример генерала Шарля де Голля, добившегося для Франции статуса державы-победительницы.

Кроме того, этнонациональные компоненты югославского политического сознания соединялись и объединялись региональной формой полиэтнического национализма (славянской идеи) – югославизма. Формально провозглашенный коммунистический интернационализм не смог победить этнический национализм; наоборот, он стал его наиболее агрессивным выражением, опирающимся на силу государства. Это стало результатом совпадения социальной и национальной революций – национальное объединение и восстановление югославского государства воспринималось в неразрывной связи не только с долгожданным национальным освобождением, но и с новым обществом «социальной справедливости». Поэтому причины конфликта, среди прочего, были обусловлены объективным внутренним развитием самого югославского государства.

Чуть ли не каждый национально-коммунистический режим в Средней (Центральной и Юго-Восточной) Европе после Второй Мировой войны стремился представить в Кремле свои национальные интересы и претензии и как соответствующие интересам Москвы, и как способ «расширить

фронт социализма», то есть установить во все новых странах соответствующий социальный и политический строй, сделать их своими послушными союзниками. Реальность была такова, что в известном смысле только жесткая система, навязанная СССР в своих интересах, и могла после Второй Мировой войны удержать от столкновений национально-коммунистические режимы в странах Средней Европы. Тито и ФНРЮ первоначально не были исключением среди стран региона; они вели традиционную политику, обусловленную стратегическим и политическим положением одновременно и воссозданного, и нового государства. Более того, вместе с СССР Югославия «проводила скоординированную политику в решении послевоенного устройства Европы»⁴. Однако впоследствии в силу разных обстоятельств Белград позволил себе, по сравнению со своими «товарищами», больше независимости от СССР.

Германский канцлер Отто фон Бисмарк оказался прав: «став свободными», балканские и южнославянские народы «не проявили никакой склонности принять в качестве преемника султана» не только царя, но и генерального секретаря⁵.

Постепенно назревавший еще в ходе войны и разразившийся в 1948 году «конфликт Сталин – Тито» был обусловлен не только психологическим столкновением двух похожих личностей, не только разногласиями вершук двух партий относительно «путей строительства социализма» – они выявились позднее. Это был и конфликт нескольких традиционных вариантов славянской идеи (русского, средневропейского и южнославянского – балканского). Большую роль сыграли и присущие сознанию Сталина (или используемые им в «прагматических целях») идеология и психология великорусского национализма и централизма вкупе с этноконфессиональными («деформированное православие», «восточнославянское язычество» и «славянское братство») элементами русской духовной культуры и антисемитизмом⁶. Вероятно, Сталину оказались близки идеи Я.К. Грота относительно сходства славянофильства и социализма.

Это было по характеру «геокоммунистическое» столкновение двух партий, претендовавших на главенство в международном коммунистическом движении, и отражение регионального этнополитического кризиса на Балканах и в Центральной Европе, вызванного неурегулированностью этнотерриториальных проблем в ходе формирования в Европе новых границ после Второй Мировой войны. Как заметил биограф Сталина Исаак Дойчер, в отличие от Ленина и Троцкого,

возлагавших свои надежды на «немецкий, английский и французский рабочий класс», «вождь всех времен и народов» «в основном обращал внимание на революции в Варшаве, Бухаресте, Белграде и Праге. Для него социализм в одной зоне, советской зоне, стал ведущей задачей в политической стратегии целой исторической эпохи»⁷. Балканское направление привлекало Сталина еще с начала 1920-х годов.

Это было и исторически неизбежное противоречие между интересами двух государств, каждое из которых по-своему рассматривало Балканы как зону своего влияния в глобальном или региональном контекстах и стремилось к полному господству в данном регионе. Вторая Мировая война сформировала новую и относительно устойчивую систему глобального противостояния; проблемы же этнополитических отношений на Балканах и последствия Версальской системы оставались нерешенными и играли дестабилизирующую роль⁸.

Этнопсихологические, политические и социальные корни свойственных многим южным славянам симпатий к России и СССР, которые играли существенную роль в отношениях СССР и Югославии, ВКП(б) и КПЮ, Велебит описал следующим образом: «Предстоящее поражение Германии после падения империи Муссолини грозило оставить политические пустоты. <...> В этом смысле северные Балканы были особенно опасны. Там проживает словенский народ, который издавна воспитан на симпатиях к своему великому брату на северо-востоке. Огромные размеры России воодушевили и придали уверенности в себе малым южнославянским народам. Их, по крайней мере частично, связывали общая религия и воспоминания о роли защитника, которую играла Российская империя, конечно, из эгоистических соображений, но демонстративно защищавшая своих малых родственников от турецкого насилия. Историческая близость с русским православием создавала опасную возможность для проникновения современных безбожных идей коммунизма в югославянские земли, где общественные вопросы были полностью не решены и где огромное большинство населения, эксплуатируемых рабочих и безземельных крестьян ожидало указаний, как выйти из невыносимой бедности»⁹.

Сталин, ВКП(б) и СССР в тех исторических условиях не могли и не хотели примириться с возникновением на Балканах сильного государства, тем более социально одностипного, которое могло бы стать противовесом СССР и объединить вокруг себя другие государства Центральной и Юго-Восточной Европы. Готовясь к переустройству Балканского полуострова в

интересах СССР, Сталин вряд ли мог не знать уже упоминавшееся выше мнение русского дипломата И.А. Зиновьева о Балканах: «Всякое государство более значительное и независимое стало бы нашим врагом»¹⁰. Этим объясняется и отказ СССР от первоначальной поддержки идеи создания Балканской федерации, состоящей из ФНРЮ и Болгарии. Советско-югославский конфликт был, по-видимому, также отражением внутривластной борьбы как в советском, так и в югославском руководстве¹¹. Если Тито в борьбе за территории объективно оказался наследником сербских националистов начала XX века¹², то Сталин в своем стремлении превратить «всеславянскую вольную федерацию <...> в панславистское единое и самодержавное государство, разумеется под его железным скипетром» (слова М.А. Бакунина о политике Николая I)¹³, стал наследником российского императора. В новой исторической обстановке вновь столкнулись югославизм как специфическая форма национализма южных славян и русский национализм, государственные и внешнеполитические интересы двух стран и идеологии захвативших в них власть партий.

Все эти явления и процессы находились в тесной связи с внутренней борьбой в советской партийно-государственной верхушке, даже определялись ею. Эта борьба началась еще во время войны и была связана не только с личными амбициями «выдающихся деятелей партии и государства», но и с концептуальным видением внешней и внутренней политики. «Сталинский режим в интересах самовыживания в критический для него (во время Великой Отечественной войны. – С.Р.) период вынужден был поощрять и направлять в конструктивное русло здоровый патриотизм народа, который инстинктивно проявился в тяжкую годину, – пишет современный российский исследователь Г. Костырченко. – Но поскольку социально-политическая природа режима оставалась неизменной, параллельно он прибегал и к спекуляциям на патриотических идеалах, в том числе и для прикрытия все более усиливавшейся внутриаппаратной борьбы. Ведь высшая номенклатура не была некой аморфной безликой массой, слепым орудием вождя. За внешним идиллическим единством верхнего слоя партийно-государственной бюрократии была скрыта перманентная борьба существовавших в нем группировок, имевших свои специфические интересы. И Сталин не только не препятствовал этой внутринаменклатурной грызне, а, наоборот, в интересах укрепления собственного единовластия постоянно стравливал своих придворных, чтобы в решающий момент, поддержав ту или иную сторону в очередной

подковерной схватке, определить победителей и покорить побежденных. Начало нового раунда закулисной борьбы в сталинском окружении пришлось на лето 1942 года. В сфере идеологии эту борьбу с переменным успехом вели еще с довоенного времени «ленинградская» умеренно-патриотическая группировка, возглавлявшаяся [А.А.] Ждановым, и стоявшие на более жестких позициях (порой явно шовинистических) партаппаратчики во главе с [А.С.] Щербаковым, поддерживаемым Маленковым»¹⁴. После смерти Щербакова в 1945 году в аппарате разворачивается соперничество между группировками Маленкова и Л.П. Берии, с одной стороны, и «ленинградцами» Ждановым и А.А. Кузнецовым – с другой. Известный исследователь советского строя А. Авторханов следующим образом сформулировал выбор, перед которым стоял СССР в своей политике по отношению к странам Центральной и Юго-Восточной Европы: «национальнокоммунистический суверенитет» или «поглощение». При этом оба варианта были не целью, а средством этой политики. Выразителем первой тенденции он называет Жданова, стремившегося к «десателлизации под лозунгом укрепления суверенитета восточноевропейских стран по отношению к Западу», «от колоний через доминионы к независимым государствам». Однако «скоро выяснилось, что такая политика бьет рикошетом по СССР», ведет к «росту центробежных сил в Восточной Европе». Поэтому победу в борьбе в Кремле одержали Маленков и Берия, предложившие «вождю» по отношению к «странам народной демократии» путь от «независимых государств к коммунистическим доминионам, потом к колониям»¹⁵.

Несмотря на казавшиеся искренними дружбу и взаимопонимание, в отношениях между Москвой и Белградом, Сталиным и Тито «скрытые трения продолжались непрерывно». Они касались и принципиальных вопросов общей политики коммунистических партий (аграрный вопрос), и контактов Югославии со странами и партиями в Восточной Европе, минуя Москву (проблемы объединения Югославии и Албании и создания федерации Югославии и Болгарии), и политики территориального урегулирования после Второй Мировой войны на фоне начала холодной войны (Триест), и двусторонних отношений (отношение Москвы к необходимости реформ в югославской армии), и ситуации в Греции, где шла гражданская война между коммунистическим и антикоммунистическим движением, и ряда других проблем¹⁶.

Разногласия возникали постоянно, но до поры до времени они быстро разрешались и не предавались огласке. Например, югославская сторона в

январе 1945 года поставила вопрос о том, что Югославия «не только рассчитывает получить с Германии репарации, но и намеревается участвовать в оккупации отдельных германских районов». Тито считал, что Красная Армия должна оставить югославам все захваченное в Югославии. Однако Сталин не поддержал эту позицию¹⁷.

Сердечно обсуждая в Москве в мае-июне 1946 года планы проведения послевоенных границ на Балканах, вожди даже не могли предположить, что эта встреча окажется для них последней¹⁸.

В период мирного урегулирования после Второй Мировой войны, как и после Первой, вновь приобрели свою актуальность этнотерриториальные планы национальных движений каждого из югославянских народов, выдвигавшиеся теперь уже от имени общего государства. Вновь стала актуальной формула российского дипломата Е.П. Демидова, касавшаяся не только Югославии, но и других стран, о «стремлении к аннексиям, основанным на принципе самоопределения народностей»¹⁹. Впрочем, территориальные претензии в рамках послевоенного урегулирования основывались не только на принципе национального самоопределения и воссоединения этнических территорий, но и на чисто экономических интересах, в том числе и на заинтересованности в возмещении ущерба победителям со стороны побежденных. Как и в 1917 году, в 1945-м страны и народы «запаздывающего развития» пытались использовать как саму Вторую Мировую войну, так и ее итоги для решения проблемы собственного национального самоопределения.

Обосновывая требования о воссоединении в границах Югославии – Истрии, Каринтии и Словенского приморья, Тито почти дословно повторил слова югославистов, вышедших в 1917 году из состава Сербского добровольческого корпуса в России: «Мы чужого не хотим, но и своего не отдадим»²⁰. Тито настаивал, чтобы Югославия имела такой же статус, как и СССР, Великобритания и США, и «получала право оккупировать Каринтию»²¹, как это делают союзники – Англия и Америка». Это требование он обосновывал тем, что «Югославская армия как одна из союзных армий имеет равное с остальными союзными армиями право оставаться на территории, которую она освободила в ходе ожесточенных боев против общего врага»²².

Югославия выдвинула территориальные претензии к Италии, потребовав, в частности, на основе этнографического принципа и восстановления справедливости присоединения Истрии с портами Триест, Пула (Пола) и Риека (Фиуме). Во взаимоотношениях с Австрией речь также

шла об изменении границ – результатов плебисцита 1920 года в Каринтии (Корошке). Для наглядности Андрия Хебранг (секретарь ЦК КП Хорватии до 1944 года, министр промышленности в правительстве Тито – Шубашич) продемонстрировал в Кремле этнографическую карту этих районов и карту с нанесенными границами, которых требуют югославы. (В 1915 году российский дипломат в Риме показывал скульптору и политику Ивану Мештровичу российский план разграничения югославянских земель, а позднее Россия поставила Югославянский комитет и правительство Сербии перед фактом подписания Лондонского договора²³; скорее всего, Тито знал об этом.) Но Сталин не поддержал эти требования, сказав, что необходимо, чтобы сами эти области требовали своего присоединения к Югославии. То же самое он повторил и относительно планов присоединения к Югославии входившего в состав Румынии района Тимишоара (Темишвар), включая город Тимишоар (он был заселен преимущественно немцами и теперь, по мнению югославских руководителей, мог быть передан Югославии), и районов городов Печ и Байа, принадлежавших Венгрии. «Надо, чтобы сербы, проживавшие в этом районе, ставили вопрос о присоединении к Югославии» – подчеркнул Сталин, подсказывая способ добиться желаемого²⁴.

Позднее, на переговорах с Молотовым, министр иностранных дел первого правительства воссозданной Югославии Иван Шубашич вновь подчеркнул, что границы Югославии должны исправляться при строгом соблюдении национальных, этнографических принципов. Он обещал прислать Молотову меморандум с подробной характеристикой югославских территориальных претензий и с географической картой. В этих вопросах все южнославянские политики, становившиеся югославскими, были едины, несмотря на существовавшие между ними расхождения. Однако каждый из них имел в виду увеличение территории своего народа в качестве территории общего югославского государства²⁵.

Вместе с тем в Москве с трудом понимали психологию, чаяния и требования народов Средней Европы, а также их взаимоотношения. Например, на переговорах с Молотовым один из ближайших соратников Тито, член Политбюро ЦПЮ, заместитель председателя правительства Э. Кард ель (словенец по национальности) поставил вопрос о том, что «словенский народ вновь окажется отрезанным от своего моря», то есть от Адриатики. На что услышал высокомерный и грубый ответ, прямо оскорблявший национальные чувства (независимо от степени обоснованности претензий как югославского государства, так и

словенского национального движения): «Неужели вы думаете, что каждый уезд должен иметь свой выход к морю?»²⁶ В то же время сам Молотов вместе со Сталиным были заняты исключительно приращением советских территорий и расширением советской «сферы влияния»²⁷.

Постепенно между СССР и Югославией стали проявляться разногласия в вопросе о создании этнорегиональной федерации на Балканах, что было попыткой осуществления идей еще начала века и после войны могло бы рассматриваться не только как средство разрешения национальных противоречий на Балканах, но и как альтернатива королевской Югославии. Эта перспектива начала активно обсуждаться югославскими и болгарскими коммунистами, которые не в последнюю очередь пытались решить и спорный македонский вопрос²⁸. В разных источниках и на разных этапах название предполагавшейся федерации было различным: этническое – «югославская», «болгаро-югославская», «южнославянская» и региональное – «балканская». Каждое название изначально предполагало не только разные принципы, но и разные территории и границы. Балканская федерация могла включать в себя и Албанию, и Грецию.

В январе 1946 года Сталин, ознакомившись с проектом договора о создании федерации, вынес вердикт: он никуда не годится. По его мнению, Болгария и Югославия – два государства, которые могли бы войти в конфедерацию с перспективой дальнейшего объединения, основанного на принципе дуализма, а не присоединения одной страны к другой. «Вождь» сказал, что «в основу объединения стоило бы принять принцип дуализма, создавая двуединое государство по типу Австро-Венгрии, но при этом можно обойтись без многочисленных отрицательных сторон, которые имела старая Австро-Венгрия»²⁹. Интересно в этой связи упомянуть, что Тито положительно отзывался об Австро-Венгрии: «Хорошее, налаженное было государство»³⁰.

Вместе с тем, у югославской стороны был свой план федерации – Болгария должна была стать седьмой республикой ФНРЮ. На такой вариант, означавший практически полную утрату суверенитета, болгарское руководство и болгарский народ согласиться не могли. Не повтор ли?

Молотов обратил внимание на возможные международные последствия подписания такого договора, заявив, что, по разным причинам, даже договор о дружбе между Югославией и Болгарией испугает турок, греков, румын, и «наступит сумятица в Европе». «Не испугается только один Советский Союз», – пошутил Сталин. (Через три года, в 1948 году

«испугался» в первую очередь Советский Союз и лично именно он, Сталин!) В Чехословакии, продолжил Молотов, не «должны испугаться, поскольку поддерживают принцип славянской солидарности, но их испугает то, что это будет левославянское объединение». Но в этой стране могла возникнуть иная «опасность» – словаки могут потребовать проведения подобного мероприятия и внутри Чехословакии³¹.

Дополнительную сложность этой этнотерриториальной проблеме придавало еще и то обстоятельство, что, по выражению Молотова, в войне «Югославия является союзницей Советского Союза, а Болгария – другом врагов Советского Союза». На это М. Джилас, также член Политбюро КПЮ, заметил (переговоры проходили в апреле 1944 года): «Македонцы увидят, с кем идти: с народами Сербии и Хорватии, которые борются против немцев, или с другими народами»³².

На упоминавшихся выше переговорах советского и югославского руководителей в мае 1946 года затронули вопрос о «включении Болгарии в федерацию». Согласно советской версии, «Тито ответил, что с федерацией ничего не выйдет. Тов. Сталин бросил реплику: “Это нужно сделать”»³³. В югославском варианте записи содержится более развернутое обоснование позиции Тито: «Сейчас не время. Ибо у них со многими вещами дело не доведено до конца: армия, буржуазные партии, монархия и положение Болгарии до заключения мирного договора». Реплика Сталина в югославской записи не зафиксирована³⁴.

В июне 1946 года Сталин, Тито и руководитель Болгарии коммунист Георгий Димитров договорились о самом тесном сотрудничестве между Болгарией и Югославией, однако союзный договор между двумя странами было решено заключить только после подписания мирного договора с Болгарией, участвовавшей в войне на стороне держав «Оси».

Несмотря на это, 14 ноября 1946 года орган КПЮ «Борба» обвинила болгарское правительство в «ущемлении национальных прав македонского народа», утверждая, что «такая установка... не имеет ничего общего с истинно демократическим решением национального вопроса, с правом всякого народа на самоопределение и национальное объединение», а также в том, что «руководство БКП пытается претендовать на руководящую роль на Балканах»³⁵. В новых условиях продолжалась прикрытая коммунистической, интернационалистской и этнополитической славянской фразеологией традиционная борьба за господствующее положение в регионе и территориальные приращения. Сохранялось традиционное историческое соперничество между Белградом и Софией, и Москве вновь

предстоял нелегкий выбор.

На встрече со Сталиным в апреле 1947 года Кардель заметил: «У нас были небольшие споры с болгарскими товарищами в связи с Македонией», а посол Югославии в СССР В. Попович добавил, что болгары «изъяли из конституции статью, касающуюся Македонии»³⁶.

После подписания в 1947 году мирного договора с Болгарией было устранено важнейшее международно-правовое и политическое препятствие, и идея федерации вновь стала актуальна. Димитров, выдавая желаемое за действительное, заявил, что «в отношениях между новой Болгарией и новой Югославией... устранено все, что так или иначе могло быть использовано врагами наших народов»³⁷.

Все это в конце концов привело к тому, что, когда отношения между Югославией и остальными странами «советского блока» стали ухудшаться, издававшаяся в Югославии газета «Нова Македония» напечатала в апреле 1948 года статью против «великоболгарского шовинизма». Посол Болгарии в Югославии П. Пеловски расценил ее появление как намерение югославской стороны «раздуть македонский вопрос, в то время как по существу решение македонского вопроса должно быть связано с разрешением общего вопроса о болгаро-югославской федерации»³⁸.

В основе идеи Балканской федерации, как и идеи югославизма, лежала иллюзорная попытка разрешить этнотерриториальные противоречия, возникшие между двумя народами и государствами в процессе их национального самоопределения, путем создания одного государства на принципах как этнического родства, так и «пролетарского интернационализма». Невозможность подобного решения сразу же проявилась в спорах о характере планировавшейся федерации. Болгарская сторона видела ее федерацией двух государств, югославская – отводила Болгарии роль одной из семи федеральных единиц в общем государстве. Болгарская версия означала невольное признание этнического единства народов Югославии, а югославская – фактическое присоединение Болгарии к Югославии³⁹. Но в любом своем варианте эта федерация не стала бы демократическим государством. Для этого не было ни внутренних, ни внешних условий.

Нарастали и встречные претензии с советской стороны, носившие как концептуально-политический, так и конкретно-экономический характер. Москва вовсе не испытывала энтузиазма от объединительных усилий Тито и Димитрова.

Уже 27 марта 1948 года Жданов заявил, что «в Югославии

распространяются неправильные концепции. Говорят, например, что Югославия является настоящей революционно-социалистической страной и что путь, по которому идут страны новой демократии, является более верным и более надежным, чем тот путь, по которому пошел Советский Союз»⁴⁰.

В справке для руководителя Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) М.А. Суслова «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики» от 18 марта 1948 года отмечалось, что еще в июне 1947 года Тито сказал болгарским журналистам, что «Балканы наряду с Советским Союзом должны быть маяком, указывающим путь правильного разрешения национального и социального вопроса»⁴¹. Обосновывая подобный подход, а также хотя бы отчасти продолжая упомянутую выше линию Джиласа и Карделя, помощник министра иностранных дел Югославии Алеш Беблер на встрече с послом А.И. Лаврентьевым 21 апреля 1948 года говорил: «Югославия занимает особое географическое положение. Она поэтому имеет и свои особые задачи по внутривосточному преобразованию и по вопросам внешней политики. Если бы Югославия была частью Советского Союза, то, несомненно, все эти особенности и специфические трудности, стоящие перед Югославией, отпали бы. Перед Югославией не стояла бы задача самостоятельно бороться с капитализмом»⁴². Российский исследователь Д.А. Волкогонов полагал, что «балканская федерация, которой поначалу бредил И.В. Сталин, должна была со временем слиться с СССР»⁴³.

По мере нарастания советско-югославских противоречий именно претензии на региональное лидерство становились с советской стороны одним из главных обвинений. В сентябре 1947 года в Информационной записке «О современном экономическом и политическом положении Югославии», подготовленной в ЦК ВКП(б), говорилось: «Нельзя не отметить некоторых тенденций у руководителей компартии в переоценке своих достижений и стремления поставить югославскую компартию в положение своеобразной “руководящей” партии на Балканах. При решении вопросов, связанных с проведением внешней политики, некоторые деятели иногда проявляют национальную узость, не считаясь с интересами других стран и братских компартий»⁴⁴. В упомянутой справке Суслову говорилось о «претензии на руководящую роль [Югославии] на Балканах и в придунайских странах»⁴⁵.

В ряду внутривосточных противоречий после Второй Мировой войны свое место заняла и проблема включения Албании в союз

Югославии и Болгарии. Более того, Тито в один из моментов согласился принять Албанию, но с Болгарией, полагал он, «ничего не выйдет». Однако Сталин сказал: «Это нужно сделать. На первых порах можно ограничиться пактом о дружбе и взаимной помощи, а по существу делать нужно больше»⁴⁶.

Албания была одной из главных целей стратегии руководства новой Югославии. Идея И. Броза Тито состояла в том, чтобы «вырвать Албанию из-под советского влияния и подчинить Югославии»⁴⁷. Именно Югославия 28 апреля 1945 года первой признала временное демократическое правительство Народной Республики Албании. 9 июня 1946 года две стороны подписали договор о дружбе и взаимопомощи. 23 июня – 2 июля 1946 года состоялся визит Энвера Ходжи в Югославию. Тогда Тито, как бы между прочим, и спросил мнение албанского руководителя о создании Балканской федерации. Судя по ответу, Ходжа не проявил энтузиазма: «Правильная идея, но над ней надо много работать». Но, видимо, уже зная позицию Сталина, открыто противиться «федерализации» он не мог. Джилас написал об этом, что «правительства согласились, что Албания должна присоединиться к Югославии, что решило бы вопрос албанского меньшинства в Югославии», то есть вопрос о Косово⁴⁸.

В принципе инициаторы объединения Югославии и Албании попытались применить тот же подход к устранению межнационального конфликта, что и в сербско-хорватских (Югославия) и сербско-болгарских отношениях (Балканская федерация), – для ликвидации этнотерриториальных противоречий предполагалось объединить конфликтующие народы в одно государство. Более того, в известном смысле эта идея восходила к опыту СССР⁴⁹. Так же как и в случае югославско-болгарского объединения, югославской столице отводилась роль «собирателя земель», а Югославии (и, возможно, Сербии) – господствующая роль в новом государстве. По крайней мере, именно так это могли воспринимать болгарские и, в особенности, албанские деятели. Собственно говоря, в Белграде этого и не скрывали. Как заявил в Тиране в ноябре 1947 года представитель ЦК КПЮ при ЦК КПА С. Златич: «По мнению югославского руководства, создаваемый шаг за шагом экономический союз наших стран, включая Болгарию, по существу является центром будущей балканской федерации, ядром которой является Югославия»⁵⁰. По поручению Тито он высказал в столице Албании «удивление и беспокойство тем фактом, что, в то время как другие страны Балканского полуострова и Центральной Европы все теснее спланиваются с

Югославией, наши отношения с вами находятся в (неудовлетворительном) состоянии». Это было сказано после множества соглашений, заключенных между двумя странами, подобных которым Югославия не имела ни с одним государством⁵¹.

При этом выносились за скобки весьма непростые отношения между народами внутри самой Югославии и подразумевалось, что эти народы уже якобы стали одной нацией, по крайней мере по отношению к внешнему миру. Логика и аргументация Тито имела генетическое родство со сталинской логикой и аргументацией. В августе 1947 года он заявил, что Югославия проявляет интерес к Албании, исходя из интересов самого албанского народа, стремясь сохранить независимость Албании. Но Югославия была заинтересована в Албании как в важнейшем географическом и военно-стратегическом пункте⁵².

В первые годы помощь СССР Албании рассматривалась в Белграде не как проявление желания СССР оторвать Албанию от Югославии, а наоборот – как содействие сближению между двумя странами. Естественно, это не могло вызвать энтузиазма у национал-коммунистов в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, только что получивших власть в своих государствах. Если с главенством И.В. Сталина и СССР они еще могли и вынуждены были мириться, то претензии И. Броза Тито выглядели для них неприемлемыми.

Югославско-албанское объединение не раз обсуждалось и в Кремле. Ближайший соратник Тито Кардель в апреле 1947 года информировал Сталина: «У нас на территории Косово и Метохии и сегодня проживает больше албанцев, чем сербов. Мы думаем позднее, когда установим еще более тесные отношения с албанцами, уступить им эти территории». Сталин ответил: «Очень хорошо, правильно» – и сказал, что объединение надо совершить как можно быстрее⁵³.

Вопрос Сталина, заданный им Э. Ходже на их встрече в Москве 16 июля 1947 года, вовсе не был наивным или обусловленным действительным незнанием ситуации, а, скорее, хорошо продуманной провокацией: «Разве вы и ваши товарищи не удовлетворены своими отношениями с Югославией? Это хорошо, что вы имеете дружественную Югославию на своих границах». Видимо, уже тогда вождь стал задумываться о долгосрочных последствиях создания сильной федерации на Балканах под руководством Тито и планировать иную политическую конфигурацию, выстроенную по неизменному принципу «разделяй и властвуй». Не исключено, что при этом он опирался на оценки как Л.Д.

Троцкого и Г.Е. Зиновьева 1910-х годов, так и аналитика Коминтерна В.Л. Хорватского 1933 года и дипломата И.М. Майского 1943 года. Все они отрицательно (хотя по разным причинам и в разной историко-политической ситуации) оценивали возможные региональные объединения в Средней Европе.

Согласно оценке Джиласа, «на фоне этих разногласий между советским и югославским правительствами все заметней становилась тенденция Москвы занять место Югославии в Албании. Югославам казалось это крайне несправедливым, поскольку объединяться с Албанией предстояло не Советскому

Союзу, и к тому же он не был ее непосредственным соседом»⁵⁴. «Расхождения начались во время войны. Но и тогда, а еще восторженнее и сознательнее – после войны, было слияние и [само]отождествление с Советами: различия возникали, нагромождались, множились и исчезали, но суть не менялась – вплоть до начала 1948 года, – писал тот же М. Джилас. – Лишь только оказавшись на нашей освобожденной территории, советские военные миссии начали устанавливать связи с [представителями] нашего аппарата способом, обычным для отношений между государствами, в особенности крупными, но способом, непонятным и недопустимым при нашей открытости по отношению к ним и при совпадении нашей философии и целей с их философией и целями. Они намекали на опасность, [исходящую] с Запада, в особенности от англичан, и “были очень озабочены” единством нашей партии, ссылаясь при этом на свой собственный горький опыт с троцкистами и другими уклонистами-“шпионами”. Панславистские, прорусские тосты и приветствия со стороны попутчиков коммунистов из буржуазных партий вызывали у них улыбку»⁵⁵.

Хотя внешне пока все выглядело по-прежнему. 9 января 1948 года Сталин сказал Джиласу: «У нас нет особых интересов в Албании. Мы согласны с тем, чтобы Югославия объединилась с Албанией, и чем быстрее, тем лучше». Прощаясь, Сталин нарочито подчеркнул: «Между нами нет расхождений»⁵⁶. Однако один из ближайших друзей и соратников Тито Джилас уже тогда почувствовал: «Между Москвой и Белградом что-то происходит, хотя мы точно не знали, что»⁵⁷. Если не знал Джилас (степень достоверности его воспоминаний – особый источниковедческий вопрос), один из ближайших в то время Тито людей, то это «что-то» могло происходить только сугубо лично между Тито и Сталиным.

«Какое-то назревшее неблагоприятное положение в наших отношениях с Тито»

писатель К.М. Симонов почувствовал 1 апреля 1948 года на заседании комиссии по присуждению Сталинских премий. Тогда Сталин рекомендовал не присуждать премии поэту Н.С. Тихонову за книгу стихов «Югославская тетрадь». Размышляя о причинах этого, Симонов, посетивший Югославию осенью 1947 года, не смог припомнить ничего негативного, кроме изменений, произошедших в стиле поведения самого И. Броза Тито по сравнению с их встречей осенью в 1944 году, когда брал у него интервью в качестве военного корреспондента: «Он был уже не таким, как в сорок четвертом году. Другим, чем в первый ноябрьский праздник в освобожденном Белграде. Там он был первым среди товарищей, неоспоримо первым, а здесь была встреча вождя с народом, встреча, требовавшая если не кликов, то шепота восхищения». При этом провожавший делегацию член руководства Югославии и КПЮ Сретен Жуйович вел себя так, «как будто [он] хотел в последнюю минуту что-то нам сказать или что-то дать понять... За этим чувствовалось какое-то не понятное еще нам неблагополучие», – заключил Симонов⁵⁸.

Актриса Татьяна Окуневская, несмотря на то что была далека от политики, во время своих гастролей в Югославии в 1946 году уже тогда интуитивно ощутила: «А ведь Югославия коммунистическая страна не нашему»⁵⁹.

Постепенно Тито во все большей мере стал рассматривать идею Балканской федерации в контексте выработки внешнеполитической концепции нового независимого югославского государства. В ноябре 1947 года, после церемонии подписания в Болгарии Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между двумя странами, Тито заявил иностранным журналистам: «Договор между Югославией и Болгарией исходит не из опасности немецкой агрессии, но из опасности любой другой агрессии, с какой бы стороны она ни исходила... против всех, кто хочет поставить под угрозу нашу независимость. Это – новое в югославско-болгарском договоре. Это будет содержаться во всех будущих договорах, которые мы будем заключать»⁶⁰. Таким образом, коммунисты Югославии и Болгарии возвращались к идеям своих «буржуазных» правительств 1930-х. А югославы – и к концепциям королевского правительства в Лондоне во время войны.

Это вызвало резкую реакцию Сталина, хотя СССР и не был назван. В большей степени эти слова могли отнести к себе Великобритания и США, с которыми в тот момент у Югославии обострились отношения. Сталин же такой реакцией невольно выдал себя и свои намерения. Хотя это

высказывание Тито можно рассматривать как полемику с упоминавшимся выше высказыванием Сталина в апреле 1945 года о необходимости единства славян, в особенности против немцев.

Но идея Балканской федерации в расширенном варианте и создания в Центральной и Юго-Восточной Европе крупного многонационального государства принадлежала не только Тито. Американский журнал «Word Report» в июне 1947 года напечатал высказывание болгарского лидера Димитрова: «Может быть, сначала федерация Югославии, Болгарии, Албании, а потом присоединятся Румыния, Польша, Чехословакия, может быть, Венгрия»⁶¹. По иронии судьбы, осуществление этого плана самыми твердыми последователями и лучшими учениками Сталина могло лишить его плодов победы во Второй Мировой войне. Образование в Центральной и Юго-Восточной Европе крупного независимого государства, подобного СССР, способного конкурировать с ним, выйти из подчинения Москвы и проводить независимую политику, вовсе не входило в планы «лучшего друга славянских народов». Фактически это означало ревизию Ялты изнутри⁶².

Иное дело, что в действительности это государство вряд ли могло образоваться из-за политических реальностей и отнюдь не исчезнувших после окончания войны межэтнических противоречий между народами этого региона.

К геополитическим расчетам у Сталина, вероятно, прибавилась и личная обида: как не без яда писал В. Велебит, после визита Черчилля в Москву «оба государственных деятеля тешили себя иллюзией, что они легко и к взаимному удовольствию решили проблему Балкан»⁶³. (Имелась в виду пресловутая формула Сталина и Черчилля «пятьдесят на пятьдесят» относительно влияния в Югославии.)

Между тем раздражение в Москве воплощением идеи Балканской федерации нарастало. 28 января 1948 года в «Правде» было опубликовано заявление по этому вопросу, авторство которого не вызывало сомнений. Сам Сталин заявил, что, по его мнению, эти страны «нуждаются не в проблематичной и надуманной федерации или конфедерации и не в таможенной унии»⁶⁴, а в укреплении и защите своей независимости и суверенитета путем мобилизации и организации внутренних народно-демократических сил»⁶⁵.

Если совсем недавно Сталин убеждал Джиласа в отсутствии противоречий между СССР и Югославией, то теперь он утверждал, что «между нашими правительствами имеются серьезные разногласия в

понимании взаимоотношений между нашими странами, связанными между собой союзническими отношениями»⁶⁶. 1 февраля 1948 года Тито получил телеграмму Молотова: «СССР не может согласиться, чтобы его поставили перед совершившимся фактом. СССР как союзник Югославии не может нести ответственность за последствия такого рода действий, совершаемых югославским правительством без консультаций и даже без ведома советского правительства». И. Броз Тито пытался найти компромисс. В беседе с послом СССР А.И. Лаврентьевым он признал допущенные ошибки и сказал, что ответственность лежит на нем, а не на правительстве. В то же время Тито не согласился, что между двумя странами имеются серьезные разногласия⁶⁷.

Решающая встреча состоялась в Москве 10 февраля 1948 года. На ней присутствовали Сталин, Молотов, Маленков, Жданов, Сулов и В.А. Зорин (заместитель министра иностранных дел СССР). Тито, памятуя о московских порядках и нравах, знакомых ему еще со времен Коминтерна, сам не поехал, чтобы не стать заложником или «случайной» жертвой.

Хотя югославы пытались оправдаться, запись этих переговоров не оставляет сомнений, что в Москве решение уже было принято заранее. Сталин еще раз подчеркнул наличие серьезных разногласий, касавшихся как самой идеи ставшей ему уже ненужной федерации, так и стиля политики югославского руководства, которое, по его мнению, принципиально перестало советоваться с Москвой. Г. Димитров, пытаясь защитить общую позицию, сказал, что о федерации они с Тито договорились лишь в общих чертах. Васил Коларов добавил, что «только три федерации возможны и естественны: 1) Югославия и Болгария; 2) Румыния и Венгрия; 3) Польша и Чехословакия. Конфедерация между ними является чем-то надуманным»⁶⁸. Согласно воспоминаниям Джиласа, именно Сталин заговорил об этих федерациях. При этом, согласно воспоминаниям Джиласа и Э. Карделя, судя «по намекам советских дипломатов», планировалась даже перестройка СССР – «слияние Украины с Венгрией и Румынией, а Белоруссии с Польшей и Чехословакией, в то время как Балканские страны объединились бы с Россией!»⁶⁹. Сталин и Молотов подчеркнули, что Югославия и Болгария договорились о таможенном союзе, а таможенный союз и согласование промышленных планов есть не что иное, как создание одного государства⁷⁰. Между официальными документами и воспоминаниями об этой встрече существуют значительные разночтения. Для нас в данном случае важно, что лозунгом федерации манипулировали все стороны, преследуя при этом

как интересы своих группировок, так и национально-государственные интересы, основанные на традициях национальных движений и взаимоотношений между государствами в межвоенный период. Каждая сторона стремилась добиться наиболее выгодной для себя конфигурации границ и возможности определять свою собственную политику, сохраняя максимальную независимость от соседа и «брата».

Приговор Тито и всему югославскому руководству был вынесен. При этом, как писал Джилас, Сталин пытался предложить ему встать во главе КПЮ вместо Тито. Был вынесен приговор и идеям славянского братства и балканской федерации, которые были лишь средством для достижения определенных политических целей и оказались отвергнутыми за ненадобность. В Москве, согласно воспоминаниям Н.С. Хрущева, начали получать донесения из Белграда, в которых содержались сведения о том, что югославы «поносили советских граждан, издевались над ними, считали недостаточно культурными, какими-то полудикарями, азиатами, а в это вкладывался определенный смысл: нам противопоставлялись югославы как европейцы, люди западной, более высокой культуры»⁷¹. Как тут не вспомнить слова российского посла в Белграде князя Г. Трубецкого, написанные им в начале XX века: «При всей ненависти к швабам... от швабов многие [сербы] позаимствовали полупрезрительное отношение к России как к “стране варваров”»⁷². А князь Трубецкой, в свою очередь, продолжил традицию русского разочарования в сербах, начатую князем В.П. Мещерским во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов: «Они (русские. – С.Р.) отправились с мыслию найти братьев, – писал князь, подводя итоги своей печальной поездки. – Они нашли народ, в котором образованная его часть считает себя выше русских и стыдится перед Европой братством с русскими, а низшая часть – народ, в главных проявлениях своего духовного мира, равнодушен к русским, потому что не дорос для понимания их»⁷³.

В структуре советского сознания конца 1940-х – начала 1950-х годов, в системе мифов и предрассудков, как естественным образом унаследованных от прошлого, так и искусственно насаждавшихся «сверху» для управления политическими процессами и манипулирования «общественным мнением», происходят значительные изменения. После начала конфликта с Югославией по понятным причинам происходит отказ от идей как «славянского братства», так и от «самоопределения трудящихся». «Славянский компонент», впрочем, все же иногда подспудно продолжал использоваться для обоснования этно-исторической

«легитимности» советской политики. На первый план, закамуфлированные под «пролетарский интернационализм», выходят идеи советского великодержавия во внешней и чисто русского национализма во внутренней политике. Именно тогда принесла плоды политика 1930-х годов, когда «базировавшийся на единовласти и аппаратно-бюрократическом патриотизме сталинизм, давая последний решительный бой интернациональному ленинизму, развернул “большую чистку” кадров. В итоге произошло практически полное обновление руководящего номенклатурного слоя, в котором вследствие кровавого вымывания многих представителей национальных меньшинств (в том числе и немало количества евреев) возобладали молодые чиновники, главным образом славянского происхождения. На них, воспитанных в духе абсолютной преданности Сталину, тот и стал опираться в проведении нового внутривластного курса»⁷⁴.

Поэтому в Москве один из «выдвиженцев» этого периода Сулов с не меньшим, а даже с большим рвением, чем «славянский съезд» (когда Сталин планировал превратить «славянское братство» в одну из опор своей глобальной и региональной политики), стал готовить антиюгославские заседания Коминформа, основанные на «принципах пролетарского интернационализма» и игре на противоречиях между национально-коммунистическими режимами⁷⁵.

Примечания

¹ Черчилль У. Мыскулы мира. Пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2003. С. 482.

² 8 июня 1946 года центральный печатный орган КПЮ – газета «Борба» писала: «Наши народы знают, что без помощи СССР мы никогда бы не добились того, что у нас есть сейчас». Впоследствии официальная югославская пропаганда постоянно отрицала этот тезис.

³ А те, со своей стороны, также имели однотипные требования к югославским народам и к югославскому государству.

⁴ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. Становление «реального социализма» 1945–1965. М.: Наука, 2000. С. 251. Далее – Центрально-Восточная Европа. 1.

⁵ См.: Бисмарк О. Воспоминания. М. – Минск: АСТ; Харвест, 2001. Т. II. С. 297.

⁶ Подробнее о структуре и элементах сознания И.В. Сталина, напр.,

см.: *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001. С. 91, 123, 139, 152–155, 181, 244, и др. *Илизаров Б. С.* Тайная жизнь Сталина. М.: Вече, 2002.

⁷ Цит. по: *Вайскопф М.* Писатель Сталин. С. 253.

⁸ Анализируя конкретные причины советско-югославского государственного и партийного конфликта, составной частью которого был и конфликт Сталин – Тито, некоторые российские историки до сих пор хотя и декларируют объективное «несовпадение национально-государственных интересов», однако вольно или невольно ответственность возлагают на югославскую сторону (например, «требование Тито от Сталина присоединения Триеста или австрийских провинций, не считаясь с реальными возможностями СССР», а также представление югославов о СССР исключительно как о «доноре»). Они пытаются оправдать ситуацией холодной войны попытки СССР «компенсировать свои слабости в соревновании с США требованием большей дисциплины и самоограничения среди своих союзников. Югославов это задевало больше остальных». К этому они добавляют и «личные амбиции лидеров, особенно таких авторитарных, как Сталин и Тито», не забывая при этом упомянуть роль западных спецслужб, которые «вбрасывали яблоки раздора», используя «национал-коммунистические настроения югославов и известные им психологические особенности той и другой стороны». См.: *Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. 1945–1965.* М.: Международные отношения, 2003. С. 307. Далее – *Очерки истории СВР. 5.*

⁹ *Velebit V Secanja.* Zagreb: Globus, 1983. S. 317.

¹⁰ *Ламсдорф В.Н.* Дневник 1891–1892. М.: Academia, 1934. С. 37.

¹¹ См., наир.: *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. (Заговор Берия). Четвертое изд. Frankfurt/Main.: Посев, 1976. С. 80–95; *Banac I.* With Stalin against Tito. Cominformist Splits in Yugoslav Communism. Ithaka and London, 1988; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. Informbi-rovski rascjepi u jugoslavenskom komunistickom pokretu. Zagreb.: Globus, 1990.

¹² В 1917 году сербский представитель при французском верховном командовании генерал Михайло Рашич не скрывал «сокровенной идеи (сербской. – С.Р.) политики». Она «должна была состоять в том, чтобы после заключения мира предпринять все, что возможно, чтобы болгар вернуть в хоровод югославян и принять их в наш союз с полной автономией в форме персональной унии или чего-то подобного». См.: *Дипломатская переписка српске владе.* С. 127–128. Как было показано выше, в 1933 году сходные мысли высказывал Св. Прибичевич. Кроме того, югославские политики, прежде всего сербского происхождения,

преследовали конкретную цель – сделать невозможным новые действия Болгарии, направленные на изменение государственных границ в ущерб Сербии (Югославии), как это было во время двух мировых войн.

¹³ *Бакунин М.А.* Государственность и анархия // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Цит. по: Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков. М.: Наука, 1994. Ч. I. С. 230.

¹⁴ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. М.: Международные отношения, 2003. С. 250. Также см. статьи российского исследователя Л.Я. Гибианского в кн.: Холодная война. 1945–1963. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 105–186. Любопытно, что в донесениях из Софии в октябре 1942 года хорватские дипломаты писали о перемещениях в советском руководстве и возможном изменении политики СССР см.: Poslanstvo NDH u Sofii. Zagreb, 2003. V. 2. S. 70, 76.

¹⁵ *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. С. 80–82. Факт «соперничества групп Маленкова – Берии и Жданова – Кузнецова», история которого еще ждет своих исследователей, подтверждает и П.А. Судоплатов. См.: *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950-е годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 503–506. Любопытно, что в «Очерках истории российской внешней разведки» ответственность за развернувшуюся после решения о создании в Белграде штаб-квартиры Информационного бюро коммунистических партий 28 сентября 1947 года критику, «приведшую в конце концов к межгосударственному кризису», возлагается на А.А. Жданова, М.А. Суслова и М.П. Юдина, а не на группу А. Щербакова – Г. Маленкова – Л. Берии. См.: Очерки истории СВР. 5. С. 311.

¹⁶ *Аникеев А.С.* Противостояние СССР и США в Юго-Восточной Европе и советско-югославский конфликт 1948 года // Советская внешняя политика (1945–1985). Новое прочтение. М.: Наука, 1995. С. 115–153; *Улуян Ар. А.* Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. XX в. (Курс лекций). М.: Институт всеобщей истории, 1998. С. 189–213; *Улуян Ар. А.* Балканы: Горячий мир холодной войны. 1945–1960. М.: Институт всеобщей истории, 2001. С. 13–104.

¹⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I: 1944–1948. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 119, 127. Далее – Восточная Европа. I.

¹⁸ Советский и югославский варианты записи состоявшейся беседы см.: Последний визит И. Броза Тито к И.В. Сталину. Советская и

югославская записи бесед 27–28 мая 1946 года // Исторический архив. 1993. № 2. С. 16–35.

¹⁹ Цит. по: Соколовская О.А. Греция в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1990. С. 176.

²⁰ Гуренко Ю.С. Сталин – Тито. М.: Изд-во полит, лит-ры, 1991. С. 223. Ср.: Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1976. С. 44–52.

²¹ На Версальской конференции КСХС выдвинуло территориальные требования к Австрии. Они касались объединения словенской этнической территории и охватывали Целовец (Клагенфурт), Бельяк (Виллах), Великовец (Фолькенмаркт), Марибор (Марбург) и Радгону (Радгерсбург). Спорная территория была разделена на две зоны – «А» и «В», в которых было решено провести плебисцит. В зоне «А» находились воинские части КСХС, а в зоне «В» – австрийские. На плебисците в зоне «А» 10 октября 1920 года большинство проголосовавших неожиданно высказалось за вхождение в состав Австрии. В зоне «В» плебисцит так и не состоялся. Войска КСХС были вынуждены уйти из Южной Каринтии.

²² Гуренко Ю.С. Сталин – Тито. С. 274.

²³ См.: Mestrovic I. Uspomene na ljude i dogadaje. Zagreb: Matica Hrvatska, 1969. S. 39.

²⁴ Восточная Европа. I. С. 126–127.

²⁵ Там же. С. 194.

²⁶ Гуренко Ю. С. Сталин – Тито. С. 281. Без всякой симпатии «притязания коммунистически настроенного маршала Тито на бывшие итальянские территории в районах верхней части Адриатического моря» отметил в Фултонской речи и У. Черчилль. См.: Черчилль У. Мускулы мира. С. 485.

²⁷ Авторханов А. Загадка смерти Сталина. С. 85–86.

²⁸ Подробнее об этом, наир., см.: Гибианский Л.Я. Проблема Македонии и вопрос о федерации на Балканах в отношениях между Москвой и коммунистами Югославии и Болгарии в 1941–1945 годах // Македония: проблемы истории и культуры. М.: ИСБ РАН, 1999. С. 203–261.

²⁹ Восточная Европа. I. С. 128–129.

³⁰ В этой связи нельзя не упомянуть и о стремлениях антифашистского и антикоммунистического крыла национального движения хорватов, во время войны находившихся в Лондоне. В 1941 году они, например, не

отвергли союз с сербами, но «в составе более широкой Югославии». См.: *Grol M. Londonski dnevnik. 1941–1945. Beograd: Filip Visnjic, 1990. S. 57.*

³¹ Восточная Европа. I. С. 129.

³² Там же. С. 34.

³³ Последний визит И. Броза Тито к И.В. Сталину. С. 23.

³⁴ Там же. С. 27.

³⁵ Восточная Европа. I. С. 708. Резолюция X пленума БКП о македонском национальном вопросе была принята 9 августа 1946 года. Также см.: *Balkanski ugovorni odnosi. 1876–1996. Dvostrani i visestrani medunarodni ugovori i drugi diplomatski akti o drzavnim granicama, politickoj i vojnoj saradnji, verskim i etnickim manjinama. Priredio Momir Stojkovic. T. III. 1946–1996. Beograd: Sluzbeni list SRJ, 1999. S. 6–7. (Далее – Balkanski ugovorni odnosi. III). Некоторые документы тех лет, наир., см.: Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. Т. 2: С конца Первой мировой войны до создания национального государства. Скопье; Београд: Култура – Македонска книга; Мисла – Medunarodna knjiga, 1985. С. 585–823.*

³⁶ Цит. по: *Гуренко Ю.С. Сталин – Тито. С. 309.*

³⁷ Цит. по: Там же. С. 327. Также см.: *Аникеев А.С. Македонская проблема в контексте международных отношений на Балканах (1943–1949) // Македония: проблемы истории и культуры. С. 298–317.*

³⁸ Восточная Европа. I. С. 867–868.

³⁹ Различия между югославским и болгарским проектом, наир., см.: *O kontra-revolucionarnoj i klevetnickoj kampaniji protiv socijalisticke Jugoslavije. Knjigaprva. Beograd: Vorba, 1949. S. 134.*

⁴⁰ Запись беседы А.А. Жданова с организаторами конгресса ученых-славистов. Март 1948 года // Исторический архив. 2001. № 5. С. 9.

⁴¹ Восточная Европа. I. С. 792.

⁴² Там же. С. 862.

⁴³ *Волкогонов Д.А. Семь вождей. М.: Новости, 1997. Т. 1. С. 254.*

⁴⁴ Восточная Европа. I. С. 708.

⁴⁵ Там же. С. 788.

⁴⁶ *Волкогонов Д.А. Семь вождей. 1. С. 243–244.*

⁴⁷ *Джилас М. Тито – мой друг и мой враг. Paris: LEV, 1982. С. 48.*

⁴⁸ Цит. по: *Гуренко Ю.С. Сталин – Тито. С. 328. Также см.: Коматина М. Енвер Ходе и)угословенско-албански односи. Београд: Службени лист*

СРЈ, 1995. С. 9–95.

⁴⁹ Об истории Балканской федерации, наир., см.: *Petranovic B. Balkanska federacija. 1943–1948. Beograd: IKPZaslon, 1991.*

⁵⁰ Цит. по: *Гуренко Ю.С. Сталин – Тито. С. 329.*

⁵¹ Там же. С. 329.

⁵² Восточная Европа. I. С. 687.

⁵³ *Гуренко Ю.С. Сталин – Тито. С. 309.* Любопытна характеристика событий тех лет Е. М. Примаковым: Тито «действительно готовил присоединение Албании к Косово, а ультимативное предупреждение Сталина остановило уже подготовленную операцию». *Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999. С. 340.*

⁵⁴ *Джилас М. Беседы со Сталиным // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. С. 97–98.*

⁵⁵ *Ђилас М. Пад нове класе. Повеет о саморазарашу комунизма. Београд: Службени лист СРЈ, 1994. С. 67.*

⁵⁶ Цит. по: *Гуренко Ю.С. Сталин – Тито. С. 331–332.*

⁵⁷ Там же. С. 332.

⁵⁸ См.: *Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления об И.В. Сталине. М: Правда, 1990. С. 168–172. Ср.: Симонов К.М. Разные дни войны. Москва: Молодая гвардия, 1977. Т. 2. С. 490–491.*

⁵⁹ *Окуневская Т.К. Татьяна день. М.: Вагриус, 2006. С. 152, 226.*

⁶⁰ Цит. по: *Гуренко Ю.С. Сталин – Тито. С. 327. Nesovic S. Bledski sporazum. Tito – Dimitrov (1947). Zagreb: Globus-Skolska knjiga, 1979; Suvar M. Vladimir Velebit. Svjedok historije. Zagreb: Razlog, 2001. S. 389–390.*

⁶¹ *Авторханов А. Загадка смерти Сталина. С. 84. Также см.: Strbac C. Jugoslavia i od-nosi izmedu socijalistickih zemalja Sukob KPJ i Informbiroa. Beograd: Prosveta, 1984. S. 260. Вспомним позицию М. Грола в августе 1941-го.: Grol M. Londonski dnevnik. S. 12.*

⁶² Об истории идеи и создании федераций в Юго-Восточной Европе высказал известный современный австрийский историк Хорст Хазельптайнер. См.: *Federacijske planovi u Jugoistonoj Evropi // Haselsteiner H. Ogledi o modernizaciji u Srednoj Evropi. Prijevod s njemackoga. Zagreb: Naprijed, 1997. S. 70–75; Ibid. S. 31–69.* Об истории попытки создания федерации на Балканах и советско-югославских отношениях также, наир.: см.: *Garde P. Zivot i smrt Jugoslavije. Prijevod s francuskoga. Zagreb: Ceres-Ziral, 1996. S. 88; Gleni M. Balkan 1804–1999 (Nacionalizam, rat i velike sile). Drugi deo. Prevod s engleskog. Beograd: B-92, 2001. S. 232–234, 268–270;*

Djordjevic D. The Yugoslav Phenomenon // The Columbia History of Eastern Europe in the Twentieth Century / Ed. J. Held. NY: Columbia University Press, 1992. P. 328–331.

⁶³ *Velebit V. Secanja. S. 332.*

⁶⁴ См. критику Дунайской федерации Хорватским в 1933 году в предыдущей главе.

⁶⁵ Цит. по: *Авторханов А. Загадка смерти Сталина. С. 95–96.*

⁶⁶ Цит. по: *Гуренко Ю.С. Сталин – Тито. С. 337. Общую характеристику конфликта, наир., см.: Banac I. With Stalin against Tito. Cominformist Splits in Yugoslav Communism. Ithaca and London, 1988; Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. Informbirovski rascjepi u jugoslavenskom komunistickom pokretu. Zagreb: Globus, 1990; SestdkM., Tejhman M., Havlikovd L., HladkyL., Pelikdn J. Dejiny Jihoslovanskych zemi. Praha: Lidove poviny, 1998. S. 506–514.*

⁶⁷ *Гуренко Ю.С. Сталин – Тито. С. 337.*

⁶⁸ *Гибианский Л.Я., Волков В.К. На пороге раскола в социалистическом лагере. Переговоры руководящих деятелей СССР, Болгарии и Югославии, 1948 // Исторический архив. 1997. № 4. С. 100. Болгарскую версию развития событий 1948–1953 годов см.: Баев Й. Военно-политическите конфликта след втората световна война и България. София: Изд-во на министерството на отбраната «Св. Георги Победоносец», 1995. С. 110–140.*

⁶⁹ *Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 127; Kardelj E. Secanja. Borba za priznanje i neza-visnost nove Jugoslavije, 1944–1957. Beograd-Ljubljana, 1980. S. 112.*

⁷⁰ Ср.: *Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 124–131; Kardelj E. Secanja. S. 111–120; Гибианский Л.Я., Волков В.К. На пороге раскола в социалистическом лагере. С. 92–122.*

⁷¹ *Хрущев Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М.: Московские новости, 1999. С. 143.*

⁷² *Трубецки Г. Ратна Балкану 1914–1917 и руска дипломатца. Београд: Просвета, 1994. С. 78.*

⁷³ *Правда о Сербии. Письма князя В. Мещерского. СПб., 1877. С. 364.*

⁷⁴ *Костырченко Г. Тайная политика Сталина. С. 705–706.*

⁷⁵ О предыстории советско-югославского конфликта, его дальнейшем развитии и средне- и долгосрочных последствиях см.: *Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических*

конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. М., НЛО, 2011.

К вопросу о проблеме межнациональных конфликтов в СССР и странах социалистического содружества (1953–1960 гг.). «Лучше уезжай по-хорошему, и не забывай, что это Азербайджан...»

Степанов А. С.

В данной статье речь пойдет о проблемах и конфликтах в период между смертью И.В. Сталина и 1960 г., которые нашли свое отражение в документах и материалах как спецслужб, так и иных ведомств.

Крайние рамки этого хронологического отрезка были выбраны по следующим причинам. Во-первых, с весны 1953 г. в связи со смертью И.В. Сталина начался процесс трансформации системы госуправления как в СССР, так и в социалистических странах, и загнанные внутрь, но не исчезнувшие национальные противоречия получили достаточно широкое распространение, а во-вторых, именно 1960 г. отмечен последнем известным в Советском Союзе случаем боевого столкновения с одной из наиболее известных националистических нелегальных организаций – ОУН. Это произошло 14 апреля на Тернопольщине, когда в результате оперативно-войсковой операции были ликвидированы два нелегала (Петр Пасичный и Олег Цетнарский), а одна была ранена и взята в плен (Мария Пальчак)¹. В том же году в Литовской ССР также были ликвидированы два нелегала (оба в Арёгальском районе: 19 июля – Ионас Бартушас-Украинетис, в подполье – с 1944 года, а 11 августа – Зянонас Лянартавичюс-Аудра)².

Необходимо указать, что детальный анализ подобной тематики, которая затрагивала (и затрагивает) значительные массы населения³ и огромные территориальные пространства, не пользовался и не пользуется особым вниманием у отечественных специалистов разных направлений (за исключением, может быть, сотрудников и историков спецслужб) по достаточно простой причине. Речь идет о том, что, анализируя соответствующий фактический материал, потенциальный автор может

быть достаточно легко обвинен в разжигании межнациональной розни. И даже если он старается выбирать нейтральную позицию по освещению действий конфликтовавших сторон, нет никакой гарантии, что он не будет обвинен одной из них (или даже всеми участниками) в лучшем случае в предвзятости и необъективности, не говоря уже о более серьезных последствиях.

Отметим также, что классификация межнациональных проблем и их конкретных проявлений в отечественной историографии не имеет четкого выражения. Например, в существующих исследованиях может отсутствовать четкая система деления «антисоветских» и «буржуазно-националистических проявлений», имевших место быть в рассматриваемый период среди определенной части населения. Это обстоятельство в свое время объяснялось достаточно просто – понятие «антисоветизм» (тождественное понятию «антигосударственные проявления») было достаточно обтекаемым и широким, чтобы завуалированно включить в него многие нежелательные для существовавшей системы тенденции. В зависимости от обстоятельств и от проводящихся политических кампаний одно и то же действие могло быть расценено как «хулиганство», «проявление буржуазного национализма», «антисоветская акция» или же вообще могло не замечаться и не фиксироваться. Ведь в Советском Союзе старались всячески избегать даже упоминания об имевших место национальных проблемах, ибо это подрывало тезис о благополучии и стабильности государства «пятнадцати сестер», базировавшихся на постулате о «союзе нерушимом республик свободных», что нашло отражение даже в государственном гимне. Особый страх у советского руководства вызывал «национализм политический», подавлявшийся наиболее жестоким и беспощадным образом, а наименьшее внимание уделялось «национализму бытовому», который государству, в отличие от отдельно взятых граждан, ничем особым не угрожал и зачастую оставался безнаказанным. В советский период существовала цензура и предписания, указывающие на то, каким образом следует освещать подобные события, но современные исследователи вроде бы должны относиться к документам тех времен критично и вычленять реальную подоплеку отраженных в них событий, однако это происходит далеко не всегда. В некоторых случаях возникают вопросы к обоснованности методики данных исследований, а порой возникает ощущение, что авторы не обладают достаточной уверенностью в том, что вещи нужно называть своими именами, либо игнорируют данные обстоятельства совершенно сознательно.

Таким образом, классификация межнациональных проблем и их проявлений – это сама по себе достаточно серьезная задача, требующая отдельного исследования как минимум на уровне статьи. Во всяком случае, как покажет материал, изложенный ниже, национальные конфликты присутствовали как «в чистом виде» (на примерах проявления так называемого «бытового национализма»), и, напротив, часто накладывались на проблемы военного, политического, социального и материального характера, создавая достаточно сложный и взрывоопасный конгломерат противоречий.

Данное исследование построено на базе недавно рассекреченных и опубликованных документах высшего партийно-правительственного руководства СССР и специальных служб.

В рамках этой публикации невозможно даже кратко коснуться всех сторон сложной и многогранной темы межнациональных конфликтов, имевших место быть на всем протяжении выделенного хронологического отрезка. Поэтому необходимо ограничиться тремя условными направлениями с небольшим количеством конкретных примеров по каждому. Эти направления, с точки зрения автора, могут быть следующими:

1) межнациональные конфликты на территории стран Восточной Европы (как внутри отдельно взятых государств, так и между разными государствами);

2) межнациональные конфликты на так называемых «присоединенных территориях» в СССР (под последними подразумеваются территории, которые вошли в состав СССР по итогам Второй Мировой войны);

3) межнациональные противоречия на территориях прочих союзных республик.

Первое направление в отечественной историографии практически никем не востребовано, за исключением очень узкого круга специалистов. Причина может заключаться в том, что в советское время заниматься исследованиями на эту тему было весьма проблематично – согласно господствовавшей доктрине, между соцстранами не могло быть места ни межгосударственным, ни межнациональным конфликтам (подобную точку зрения не поколебала даже первая в мире война между двумя соцстранами – вьетнамо-китайский конфликт 1979 г.), а в постсоветский период немногочисленные отечественные исследователи истории Восточной Европы послевоенного периода куда охотнее обращаются к дипломатическим, военным и иным вопросам, чем к данной теме. Кроме того, анализ подобных конфликтов невольно может затронуть и

существующие современные проблемы России, а желающих проводить подобные аналогии не так много.

Для иллюстрации этого направления можно, в частности, коснуться событий в Венгрии 1956 г.⁴ Вспышка насилия в этой стране отмечена как одна из самых мрачных страниц из всей истории стран социалистического содружества. Ситуация в Венгрии, сложившаяся к рассматриваемому периоду, анализировалась отечественными специалистами, но, ознакомившись даже с новейшими сборниками документов и публикациями, автор пришел к выводу, что существовавшие в этой стране национальные проблемы практически никем не выделяются, за редким исключением в виде специалистов, анализирующих историю румыно-венгерского конфликта из-за Трансильвании⁵.

В случае с венгерскими событиями отечественные авторы прежде всего касаются внешнеполитических, военных, экономических, продовольственных и прочих аспектов, а национальный вопрос сводят к проблеме вспышки антисоветских настроений. Среди ряда современных исследователей также стала популярной тенденция своего рода «ретрансляции» документов того времени без надлежащего их критического анализа и автоматического принятия как данности отраженных в них фактов и выводов (кстати, это касается не только национальных проблем, но и очень многих не относящихся к ним тем).

Рассмотрим это на примере отрывка из одного достаточно важного документа – Записки Комитета информации при МИД СССР в Президиум ЦК КПСС «О положении на идеологическом фронте в ВНР» от 2 июня 1956 г., – который был подготовлен в связи с предстоящим обсуждением на Пленуме ЦК КПСС идеологических вопросов заместителем председателя Комитета информации при МИД СССР И. Тугариновым:

«В период 1954–1955 гг. в Венгерской Народной Республике произошло заметное оживление буржуазного национализма. Характерно, что реакционные элементы стремятся использовать националистические настроения, проявляющиеся у некоторой части населения, в целях подрыва нового общественного строя. Прикрываясь лозунгом укрепления национального единства венгерского народа, они пытаются протаскивать и распространять «теорию» классового примирения, которая одно время проникла даже на страницы венгерской печати.

Националистические проявления имеют место и среди некоторой части работников партийного и государственного аппарата. Нередко эти настроения носят недружелюбный по отношению к Советскому Союзу

характер. Это нашло свое выражение, в частности, в неоднократно предпринимавшихся в период 1953–1955 гг. попытках закрыть русский институт имени Ленина, реорганизуемый ныне в Академию общественных наук, русскую школу имени Горького в Будапеште, помешать изданию и распространению советских книг в ВНР, в нежелании популяризировать опыт Советского Союза в венгерской прессе, в ухудшении работы Венгеро-Советского общества (ВСО) и т. д.»⁶.

Несет ли в себе данный весьма примечательный документ ответ на вопрос – почему и каким образом проявлялся национализм в Венгрии? И можно ли с помощью подобных материалов досконально изучить затронутую нами проблему?

Авторы этого документа (равно как и составители сборника ни в данном случае, ни в других местах) никак не комментируют противоречивую информацию, содержащуюся в нем. А таких противоречий немало. Можно ли характеризовать как «националистические проявления» нежелание «популяризировать опыт Советского Союза в венгерской прессе» или попытки закрыть Академию общественных наук? Могут ли националистические настроения носить «дружелюбный характер»? Только ли националистам свойственно «протаскивать и распространять «теорию» классового примирения»? Автор данного документа почему-то автоматически отождествляет отрицательное отношение венгров к внедрению «советской» модели социализма и к носителям этой модели с проявлениями национализма. Тем самым он обходит стороной действительно имевшие место в венгерском обществе не только антисоветские тенденции (то есть политические), но и антирусские, то есть националистические, берущие свое начало еще задолго до событий 1917 г. Нам кажется, что в данном случае вообще не очень корректно говорить о «националистическом» отношении венгров к чему-либо советскому. Такой упрощенческий подход не позволял и не позволяет провести исследование венгерских событий с точки зрения влияния на них действительно националистических тенденций, выразившихся в экстремистских настроениях и активных действиях представителей одной нации против другой. С этой точки зрения, помимо безусловно имевшего место и политического контекста, необходимо помнить, что события в Венгрии носили не только «антисоветский» характер. В частности, авторы монографии «Восточная Европа в силовом поле великих держав» прямо указывают на следующее важное обстоятельство: «Напомним, что одним из первых лозунгов Венгерской революции летом и осенью 1956 г. было

прекращение дискриминации мадьяр в Румынии»⁷.

Даже такая тенденциозная фигура как Матиас Ракоши, которую явно абсурдно причислять к числу сторонников «венгерской революции», в своем письме Н.С. Хрущеву от 15 декабря 1956 г. четко указывал на национальную проблему и на неспособность правящего режима ее решить как на один из важнейших детонаторов венгерских событий:

«Известно, что когда в 1938–1941 годах Хорти, будучи сателлитом Германии, «возвратил» области, в которых проживало около 3 миллионов венгров. Очевидно, что этот факт был воспринят большинством народа с воодушевлением. В конце второй мировой войны одновременно с освобождением нашей родины эти почти 3 миллиона венгров вновь стали национальным меньшинством. Враг в полной мере использовал данное обстоятельство, и эта ситуация позволила шовинистам отчасти распространить свое влияние на такие, впрочем, демократические, элементы, как трудовое крестьянство, и даже на рабочих, которые сожалели, что одна четвертая часть венгерского народа вновь стала национальным меньшинством.

Когда мы, коммунисты, энергично выступали против ирредентизма, шовинистического подстрекательства, на нас с первого дня освобождения навесили ярлык антипатриотичности. Когда Имре Надь в 1953 году стал премьер-министром, он сразу же начал играть на шовинистических струнах и, в отличие от нас, стал выступать в роли «настоящего венгерского патриота». Это немедленно усилило, особенно в кругу молодежи, скрытый шовинизм, пропаганда которого была поручена пользующимся широким влиянием старым реакционным педагогам, со знанием дела выпестованным хортистами. Демонстрацию 23 октября с первой минуты характеризовали шовинистические, антикоммунистические и антисоветские лозунги»⁸.

В свое время автор этой статьи в беседе с ветеранами Советской армии, которые принимали участие в боях на территории Венгрии во время Второй Мировой войны и после ее окончания некоторое время находились на ее территории, узнал о том, как резко изменилось отношение венгерского населения к советским военнослужащим после решения о передаче спорных территорий румынской стороне. Уже позже советское руководство осознало негибкость своего решения, став своего рода его заложником. По мнению итальянского историка Стефано Боттони, в 1952 г. венгерское меньшинство получило поддержку из Москвы – именно под давлением ВКП(б) в румынскую конституцию была внесена статья,

направленная против национальной исключительности и национального шовинизма. В том же году в Трансильвании в рамках румынского государства была образована Венгерская автономная область с центром в городе Тыргу-Муреш. Однако в 1968 г., когда Румыния встала на путь независимости внутри соцлагеря, решением Н. Чаушеску данная область была упразднена⁹.

Специфика развития Венгрии обусловила особую или даже преобладающую, по мнению некоторых политологов, роль вопроса национальных меньшинств в венгерской политике и общественной жизни¹⁰. Уже упоминавшаяся «трансильванская проблема» (еще раз необходимо указать, что зачастую она обходится стороной) играла весьма важную роль в венгерских событиях. Национально-территориальный спор из-за Трансильвании, связанный прежде всего с положением венгерского национального меньшинства в Румынии, резко обострился. Интереснейший материал, также прошедший незамеченным для большинства специалистов, изучавших венгерский кризис, был опубликован совсем недавно в сборнике «Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР» в разделе «Хроника 1956». В нем, в частности, сообщалось следующее: «05–19.11: В Румынии подавлена попытка вооруженного выступления этнических венгров в поддержку своих собратьев в Венгрии (органами ГБ Румынии арестовано и репрессировано несколько сот человек)»¹¹. Не исключено, что именно из-за событий 1956 г. и произошло упразднение Н. Чаушеску Венгерской автономной области, об истории которой говорилось выше.

Игнорирование советскими лидерами самого факта существования национальной проблемы при социализме, даже после событий 1956 г., вряд ли сыграло положительную роль в дальнейшей истории самого Советского Союза. «Кремлевское руководство не сумело сделать должного вывода из этих событий. Москва не предприняла ничего, чтобы придать хоть какой-то практический смысл своей же теории в национальном вопросе», – справедливо отмечали Т.М. Исламов и Т.А. Покивайлова¹². Последствия игнорирования «трансильванской проблемы» проявили себя сразу же после начала кризисных процессов в соцлагере. «Первая массовая антиправительственная демонстрация после революции 1956 г. была организована в июне 1988 г. в поддержку угнетенного венгерского меньшинства в Трансильвании»¹³. Подобные процессы происходили в то же время и в республиках СССР, где точно так же игнорировались многие существовавшие национальные противоречия.

В 1993 г. В.Л. Мусатов указывал на существование в Венгрии накануне событий 1956 г. еще одного аспекта национальной проблемы, который нашел отражение в виде рекомендаций советского политического руководства, обращенных к венгерским лидерам. В Москве видели, что в Венгрии назревает недовольство против Генерального секретаря Венгерской Партии Труда Матьяша Ракоши и его сторонника Фаркоша, куратора армии и госбезопасности. Общественность требовала наказать виновных за репрессии и провалы в политике, а Ракоши тормозил процесс реабилитации. По приглашению Политбюро Венгерской Партии Труда в начале июня 1956 г. в Будапешт прибыл М.А. Суслов. «В беседах с членами венгерского руководства Суслов затронул и такой непростой вопрос, как национальный состав венгерского руководства, в котором было много евреев. Он, в частности, отмечал, в том числе и в беседах с А. Хегедюшем, что товарищи из числа лиц еврейского происхождения не могут не считаться с тем, что за последние годы в Венгрии выросли многочисленные молодые кадры коренной национальности, которым необходимо открыть дорогу к руководству. Иного положения, по мнению Суслова, венгерский народ не поймет»¹⁴.

Примечательно, что в том же самом году 20 марта в ПНР собрался VI Пленум ПОРП. На вакантное место первого секретаря ЦК претендовало несколько кандидатов, главным среди которых, по мнению польских исследователей, считались Роман Замбровский и Зенон Новак, причем последний в стремлении скомпрометировать своего конкурента опирался на аргументы антисемитского свойства. Находящийся в Варшаве с 15 по 21 марта Н.С. Хрущев всегда считал давно известного ему Р. Замбровского неподходящим на роль куратора кадровой политики ПОРП именно из-за его национальной принадлежности. Исследовавший тему советско-польских отношений в 1953–1957 гг. А.М. Орехов отметил, что «кандидатуру Р. Замбровского «забаллотировали, в том числе и с помощью лидера КПСС», подчеркивая, что «нажим советского лидера невозможно было скрыть от участников пленума»¹⁵.

На VII Пленуме ПОРП в июле 1956 г. всплыли те же проблемы. Из записи бесед советских дипломатов с польскими партийными деятелями следовало, что дискуссию на пленуме вызвал «национальный вопрос», когда в конце его работы Зенон Новак неожиданно затронул скользкую тему антисемитизма. Так, первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Быдгощи Владыслав Кручек рассказал: «Некоторые члены ПОРП (по национальности евреи) стали обвинять ЦК ПОРП в антисемитизме.

Поводом для этих разговоров послужило выдвижение на крупные руководящие должности членов ПОРП по национальности поляков и соответствующая замена на этих должностях лиц еврейской национальности. Пленум поддержал линию ЦК ПОРП на обновление кадров и осудил разговоры об антисемитизме». Первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Кракове Станислав Бродзинский отметил, что З. Новак «прямо заявил, что дальше терпеть нельзя, чтобы на важнейших государственных постах в правительстве и в ЦК ПОРП в своем большинстве находились евреи». А.М. Орехов указывал: «В тот же день о выступлении З. Новака стало известно в партийных организациях, а потом проблема выплеснулась на страницы газет. Подоплека заключалась в давнем соперничестве за рычаги управления в партийных, государственных, силовых структурах лиц польской и еврейской национальностей. Произошло то, о чем предупреждал в свое время польское руководство Н.С. Хрущев, советуя переместить или хотя бы освободить Р. Замбровского от курирования кадровых вопросов по линии ЦК ПОРП». В итоге А.М. Орехов констатировал, что «жупел антисемитизма безусловно мешал консолидации ПОРП»¹⁶.

Националистический аспект, безусловно, также присутствовал в действиях венгерской стороны применительно к находившимся на территории Венгрии гражданам СССР и отождествлявшимся ими как «русские», независимо от их действительной национальной принадлежности, хотя в данном случае, как уже отмечалось, он на практике был тесно переплетен с антисоветизмом.

В Польше во время массовых волнений в Познани 28 июня 1956 г. спецслужбы помимо множества антисоветских лозунгов также фиксировали и наличие лозунгов антирусского содержания в руках манифестантов. Примечательно, что посол СССР в Варшаве сообщал в Москву следующее: накануне выборов в Сейм 20 января 1957 г. в ряде воеводств давала знать о себе и антиукраинская пропаганда¹⁷.

Перейдем к обзору проблемы межнациональных конфликтов собственно в СССР. Отметим, что наиболее охотно, а особенно в последние годы, исследователи касаются изучения ситуации на Западной Украине и в Прибалтике¹⁸.

Обратим внимание на то, что в отличие от отечественных исследователей по истории противоборства ОУН и советских органов госбезопасности один из ведущих украинских специалистов, начальник кафедры оперативного искусства и истории специальных служб

Национальной академии Службы безопасности Украины Д.В. Веденеев придал важное значение планам Л.П. Берии (после смерти И.В. Сталина) относительно Украины: «Итак, в действиях ставленников Берия в Украине четко просматриваются качественные изменения в политике центра. Симптоматично, что проблема прекращения огня рассматривалась в тесной связи с устранением перегибов и послаблениями в социально-экономической, национальной, религиозной формах. Таковы были признаки того, что хрущевские пропагандисты потом нарекли «бериевским заговором»¹⁹. С крахом этих планов, связанных с арестом Л.П. Берия, автор связывает активизацию жестких мер по отношению к оппозиционным националистическим силам Украины и репрессии по отношению к тем сотрудникам госбезопасности, которые были вовлечены в попытки прекращения гражданской войны на Украине. «Осмелимся утверждать, что бериевские «сто дней», в случае их продления, потенциально несли что-то новое и для Украины...» – заключает автор²⁰.

Отметим, что в отечественных исследованиях эта точка зрения не разделяется. И если с автором можно дискутировать касательно роли Берия как «миротворца» и «пацификатора», то резкую активизацию действий советского руководства против националистических движений на Украине (и не только) можно подтвердить документально (хотя это, как будет показано ниже, и противоречит имеющимся в отечественной историографии взглядам). Например, в сборнике о венгерских событиях 1956 г. советские лидеры фактически критикуются за «мягкую позицию» на примере амнистии 1955 г., которая, по мнению его авторов, «позволила дать новый импульс борьбе местных националистов и сепаратистов против советской власти»²¹.

С точки зрения автора данной статьи дать положительный ответ на вопрос о степени усиления в СССР борьбы с национализмом после смерти И.В. Сталина может факт ликвидации советскими спецслужбами лидеров ОУН. В октябре 1957 г. в Мюнхене был ликвидирован идеолог ОУН Лев Ребет, а в октябре 1959 г. в том же городе – Степан Бандера. Исполнителю – Богдану Сташинскому – руководитель КГБ А.Н. Шелепин лично вручил орден Красного Знамени «за успешное выполнение особо важного задания правительства»²². Можно только недоумевать по поводу якобы имевшей место мягкой позиции советских лидеров, принявших такое решение два года спустя после пресловутой амнистии, тем более с учетом широкого международного резонанса этих акций после бегства Сташинского на Запад в 1961 г.

По данным оперативного учета по состоянию на 1 января 1955 г. по УССР насчитывалось 17 бандгрупп (все в западных районах), а по Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР – еще 14²³. Председатель КГБ СССР И.А. Серов 3 ноября 1956 г. направил в ЦК КПСС записку № 2526-с, в которой сообщал, что в Прибалтике и в западных областях Украины «несколько оживилась активность контрреволюционных элементов, особенно за счет лиц, возвратившихся из мест заключения после отбытия наказания». В связи с этим Серов просил выделить в распоряжение КГБ мобильные войсковые отряды для наведения порядка «в тех случаях, когда будут возникать отдельные антисоветские проявления». Примечательно, что отряды численностью 1800–2000 человек каждый Серов планировал разместить не только в Прибалтике и Украине, но и в Закавказье и других регионах²⁴. Отметим, что за три недели до этого – 12 октября – командир вооруженных формирований Литовской освободительной армии (ЛЛА) Союза литовских партизан А. Раманаускас («Ванагас»), который еще в 1952 г. приказал прекратить организованное сопротивление, был арестован в Вильнюсе вместе с женой и год спустя расстрелян²⁵. А всего в 1956 г. в СССР внутренними войсками было проведено 33 операции или боевых столкновения²⁶.

Если проблемы борьбы с национализмом в Прибалтике и на Украине, хоть и с оговорками, но все-таки достаточно активно анализируются отечественными специалистами, то в гораздо меньшей степени рассматриваются национальные проблемы в других частях СССР. О том, что они существовали, свидетельствуют, в частности, недавно опубликованные документы. Возникает ощущение, что советское политическое руководство испытывало сильнейшую тревогу по поводу возможных национальных конфликтов, но реакция его на случаи подобных проявлений в различных регионах страны кардинально отличалась. Где-то искусственно «раздувались» даже малейшие проявления «национализма», а где-то старались не просто замалчивать, но даже не реагировать на случаи откровенного проявления агрессивных националистических тенденций. Если на западе СССР преобладала «жесткая линия», то в южных районах страны позицию правительства сложно назвать иначе, как пассивной.

Среди открывшихся в последнее время документов по данной теме привлекает внимание Докладная записка Министра внутренних дел СССР Н.П. Дудорова²⁷ и Заведующего сектором Отдела административных органов ЦК КПСС А.И. Еlicheва в Президиум ЦК КПСС о состоянии уголовной преступности в Азербайджане от 1 октября 1956 г. Формально

речь шла о расследовании изнасилования и последующего убийства в районе Кировабада 16 июля 1956 г. молодой девушки – инженера Т.М. Булоховой, 1932 г.р., которая выехала из Москвы в служебную командировку на сейсмостанцию АН СССР. Фактически же в документе говорится о серьезных национальных притеснениях азербайджанским населением Кировабада представителей других национальностей, в первую очередь – русского и армянского населения. Помимо Н.П. Дудорова и А.И. Еличева в расследовании принимали участие инструктор Отдела административных органов Панков, замначальника Следственного управления Прокуратуры СССР Камочкин, прокурор Следственного управления Светозаров и заместитель начальника Главного управления милиции МВД СССР Овчинников. По этому делу были арестованы Я. Пиреев, Ш. Алиев, Н. Япаров²⁸.

Непосвященному человеку трудно представить обстановку, процветающую в этом городе – второго по численности промышленного и культурного центра Азербайджана после Баку: «Мы побывали на текстильном комбинате, строительстве глиноземного завода, механическом заводе, в колхозах, совхозах прилегающему к городу Кировабаду, и воинских частях. В беседах с рабочими, служащими, колхозниками и военнослужащими последние обращались к нам с многочисленными жалобами о произволе, насилиях, грабежах, убийствах, хулиганстве и просили принять решительные меры к преступникам, ссылаясь при этом, что обращения в местные и партийные органы никаких результатов не дают»²⁹.

Обратим внимание, что речь идет практически обо всех социальных категориях населения. Так, с крупнейшего предприятия города – текстильного комбината – «в результате безнаказанности хулиганов и других преступников с комбината ежегодно уходит около 1000 работниц, покидая пределы республики»³⁰. Ряд офицеров Кировабадского гарнизона рассказывали, что «вследствие создавшейся в городе Кировабаде обстановки военнослужащие и их семьи редко ходят вечерами по улицам города, так как насильники даже в присутствии офицеров нагло пристают к их женам». «Начальник сейсмической станции т. Касаткин также подтвердил имевшие место случаи попыток к изнасилованию его матери, жены и двух сестер, о которых указывалось в заявлении парторганизации Гипросовхозстроя, направленной в ЦК КПСС в связи с убийством их сотрудницы Булоховой». «Наши беседы с населением города также показали, что во многих случаях русские женщины не подавали заявления

об их изнасиловании, боясь расправы. Поэтому данные органов милиции и прокуратуры о том, что к ним поступило за 1955 год и 8 месяцев 1956 года 14 заявлений от русских женщин, не отражают действительного положения»³¹.

«Изучая обстановку в городе Кировабаде, мы установили, что в городе имеется большое количество нигде не работающих граждан, не занятых общественно полезным трудом. Только одной молодежи не работает более 900 человек. Это приводит к тому, что часть из них, ведя паразитический образ жизни, вступает на преступный путь.

Из общего количества лиц, осужденных в 1955 и 1956 годах, 70 % являлись лицами без определенных занятий либо к моменту совершения преступлений длительное время нигде не работали.

Ряд лиц из числа не работающих имеют собственные машины, которые ими используются для личной наживы и совершения уголовных преступлений. Всего в городе зарегистрировано 350 частных автомашин»³².

Анализируя одно из нераскрытых дел об убийстве 1953 г., авторы записки приводят примечательные детали: «Свидетельскими показаниями преступники изобличены, но они находятся на свободе. Один из преступников, Кулиев Г., в настоящее время учится на юридическом факультете Азербайджанского госуниверситета, имеет две собственные автомашины («ЗИМ» и «Победа»)»³³. Кулиев Г. проходил ранее по другим уголовным делам как бандит, но каждый раз уходил от ответственности». Они констатировали: «Подобные факты прекращения уголовных дел на убийц в городе Кировабаде не единичны». Делался очень важный вывод: «Отсутствие борьбы с уголовной преступностью в г. Кировабаде является характерным и для других городов Азербайджанской ССР». Как примеры приводились 46 случаев изнасилований в Баку за 8 месяцев 1956 года и «возмутительный случай убийства русской женщины Яковлевой, работницы трубопрокатного завода» мужем-азербайджанцем Алхасовым Абдул-Рагим Азис оглы в г. Сумгаите 28 августа 1956 г., который до этого систематически издевался над ней. Тогда же ее подруге, Подковоериной Л.Г., им были нанесены ножевые ранения. В одном из предсмертных заявлений в прокуратуру республики, Яковлева сообщила: «...Когда моя мать стала говорить, что пойдет жаловаться в милицию или в прокуратуру, так он ей стал грозить ножом и говорит: лучше уезжай по-хорошему, и не забывай, что это Азербайджан, что нам, азербайджанцам, веры больше, чем вам, русским. Итак, матери пришлось уехать»³⁴.

Явления коррупции и национализма в Кировабаде были настолько вопиющими, что, хотя авторы документа и пытались несколько смягчить эти обстоятельства, это удавалось им с трудом:

«Трудящиеся из числа армянского и русского населения, обращаясь к нам с различными жалобами, указывали тот факт, что в ряде случаев отношение к ним со стороны некоторых местных работников неправильное. Они говорили, что устроиться на работу в учреждения города без взятки невозможно. Военнослужащие, уволенные в запас, продолжительное время не могут получить работу. Это подтвердил и начальник политотдела механизированной дивизии т. Тищенко. Он рассказал, что даже при подборе кадров в военторг, обслуживающий воинские части, местные работники выставляют требования о зачислении на работу в первую очередь азербайджанцев.

Жители армянской части Кировабада в беседах с нами обращали внимание на более худшую благоустроенность жизни их района по сравнению с другим, населенным по преимуществу азербайджанцами. Посещение армянской части города в известной степени подтверждают указанные заявления»³⁵.

Авторы документа обращают внимание на равнодушное отношение республиканской политической «верхушки» к сложившейся ситуации и, фактически, признают существование проблемы азербайджанского национализма:

«ЦК КП и Совет Министров Азербайджана, как нам представляется, должны знать о состоянии дел с уголовной преступностью в республике, о фактах зверских насилий над русскими женщинами и женщинами других национальностей. Эти факты не получили в республике должной политической оценки, что не способствовало искоренению националистических настроений, еще живучих у некоторой части азербайджанцев.

К примеру, можно привести такой факт: отдел писем Совета Министров СССР подготовил записку о неблагоприятном положении в Азербайджанской республике с убийствами и другими преступлениями в республике. Тов. Булганин М.А. направил эту записку 30 мая с.г. тт. Мустафаеву и Рагимову, однако ЦК компартии Азербайджана и Советом Министров этот вопрос до сих пор не рассмотрен»³⁶.

Обратим также внимание на то обстоятельство, что Постановление Президиума ЦК КПСС «Записка тт. Дудорова и Еличева по делу об убийстве Булоховой Т.М.» П/44XXXII от 4 октября 1956 г. было принята

под грифом «Строго секретно»³⁷. Годом ранее Заведующий административным отделом ЦК компартии Украины в марте 1955 г. Кузнецов отмечал, что «в 1954 г. в западных областях имело место 13 бандитских проявлений», а из 29 случаев распространения антисоветских листовок было раскрыто только 12. «До настоящего времени не раскрыто 15 бандитских проявлений и 44 случая распространения антисоветских листовок, что имели место в 1952–1953 годах», – констатировал он³⁸. Осмелимся предположить, что далеко не всегда реальный урон авторитету советской власти наносился именно в Западной Украине. Рассмотрим такой пример, взятый из рассекреченных документов Верховного суда и Прокуратуры СССР (речь идет о молодом трактористе из колхоза Львовской области, члене ВЛКСМ!): «Ожидая установления капиталистических порядков на территории Советской Украины и желая зарекомендовать себя как лицо, ведущее борьбу против советской власти, в ночь на 8 ноября 1960 г. вывесил на клубе с. Криво националистический флаг и в ту же ночь сорвал государственные флаги Украинской ССР со зданий магазина, клуба, медпункта и библиотеки, которые бросил в грязь»³⁹. К сожалению, государственная власть зачастую ориентировала советские спецслужбы таким образом, что они были более озабочены поисками подобных распространителей рисунков «тризубов» на дорожных столбах украинских дорог, чем планами обуздания и изъятия агрессивных элементов из южных республик.

Девятого января 1957 г. был подписан Указ «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР». «В целях создания необходимых условий для национального развития чеченского и ингушского народов» представителям этих народов разрешалось вернуться на прежнее место жительства. Только за 1957 г. в автономную республику прибыло свыше 200 тыс. человек, что существенно превышало цифры, предусмотренные четырехлетним планом переселения. Это создавало серьезные проблемы с трудоустройством и обеспечением жильем. К тому же налицо были массовое приобретение оружия, круговая порука, убийства на почве кровной мести, изнасилования, нападения на жителей республики, представляющих другие национальности. В первой половине 1958 г. по сравнению с аналогичным периодом 1957 г. в целом по ЧИ АССР количество убийств увеличилось в 2 раза, а случаев разбоя и хулиганства, повлекших за собой тяжкие телесные повреждения, – в 3 раза. По всей республике стали обыденным явлением ссоры из-за домов и приусадебных участков, скандалы и групповые драки с применением холодного и

огнестрельного оружия. Так, например, в конце 1957 г. в Грозном распространялись антирусские листовки, были зафиксированы и нападения чеченской молодежи на учащиеся ремесленных училищ и офицеров Советской армии. И самое главное, что в результате запугивания и при полном попустительстве республиканских властей только в течение 1957 г. за пределы ЧИ АССР выехали 113 тысяч русских, осетин, аварцев, украинцев и граждан других национальностей⁴⁰.

Примечательно, что одним из противников восстановления чечено-ингушской автономии был упоминавший выше министр внутренних дел СССР Н.П. Дудоров. В.А. Козлов в связи с этим отмечал: «Зная о потенциально высокой активности этих этносов и опасаясь эксцессов на Северном Кавказе, Дудоров доказывал нецелесообразность восстановления чечено-ингушской автономии на Северном Кавказе. Он предлагал чисто бюрократическое решение – создать автономную область (даже не республику) для чеченцев и ингушей на территории Казахстана или Киргизии»⁴¹.

Можно предположить, что на позицию Н.П. Дудорова повлияла не только его осведомленность в силу служебного положения, но и внутренняя позиция, основанная на вышеупомянутых кровавых уроках событий в Кировабаде, в расследовании которых он принимал активное участие. Во всяком случае, у автора данной статьи нет сомнений в том, что Н.П. Дудоров был одним из немногих во властных структурах СССР описываемого периода, кто реально пытался обратить внимание руководства страны на существовавшие межнациональные проблемы и противоречия. Возможно, рекомендации Дудорова были не всегда правильными и оптимальными, но безусловно – он обладал необходимой информацией, видел и понимал важность проблемы и проявлял активность в направлении ее решения. Отметим также, что его деятельность отечественными исследователями практически не анализировалась (за исключением, может быть, краткого упоминания о нем В.А. Козлова, явно отрицательно относящегося к Н.П. Дудорову, которого он назвал «главным полицейским»).

Нельзя упускать из вида и тот факт, что «националистические» движения в ряде случаев могли опираться на мощные финансовые капиталы своих единомышленников за пределами Советского Союза⁴², а из этого следует, что коррупционная составляющая властных структур отдельных республик вполне могла испытывать на себе не только чисто экономическое, но и внешнеполитическое влияние.

Таким образом, можно сделать вывод о сложной специфике данной темы. Имеющиеся факты говорят в пользу необходимости ее дальнейшей разработки и изучения.

Примечания

¹ Веденеев Д.В. Украинский фронт в войнах спецслужб: Исторические очерки. Киев, 2008. С. 178.

² Известно также, что пять лет спустя, 17 марта 1965 г. в деревне Папишкю Утянского района во время оперативно-войсковой операции, которой руководил майор КГБ Нахман Душанский, в жилом доме свояка Антанаса Пинкявичюса, застрелился Антанас Крауялис, 1928 г.р. (псевдоним «Сяубунас»), принимавший участие в антисоветском сопротивлении с 1944 г. В том же 1965 г. 6 июля был обнаружен и ликвидирован (по другим данным – застрелился) с 1956 г. нелегально проживавший у Пранаса Друнгиласа в деревне Дидея Жалимай Крятингского района бывший член Литовской Освободительной Армии Пранас Кончюс (псевдоним «Адомас»), в 1947–1951 гг. – член штаба дружины *Kardo* округа *Žemaičių*. А 2 октября 1969 г. в Акмянском районе был ликвидирован участник антисоветского сопротивления Костас Любярскис-Жвайнис, 1913 г.р., издатель и редактором нелегальной газеты «*Partizanų šūviams aidint*» («Под эхо партизанских выстрелов»), последний номер которой вышел в 1957 г. Своеобразный «рекорд» поставил Стасис Гуги-Тарзанас из отряда Григониса-Пабяржиса дружины *Tigro* округа *Vytauto*, который скрывался 33 года в деревне Чинчику Швянчённайского района у Оны Чинчикайте вплоть до смерти от болезни в 1986 году! (См. *Gaškaitė N. Pasipriešinimo istorija 1944–1953 metais. Vilnius, 2006 – Гашкайте Нийоле. История сопротивления 1944–1953 гг. Вильнюс, 2006. С. 140–142*). По некоторым данным, единичные вооруженные акции в Балтийских странах продолжались вплоть до 1978 г. (см., например: *Caballero Jurado C., Thomas N. Germany's Eastern Front Allies (2). Baltic Forces. Oxford, 2002. P. 40*). Однако, именно в силу своей исключительности, они уже не могли вызвать такого общественно-политического резонанса, как в рассматриваемый нами период.

³ Согласно некоторым данным, только через ряды УПА прошло около 400 тыс. чел. (см. *Ткаченко С.М. Повстанческая армия (Тактика борьбы). Ми.; М., 2000. С. 374*). По оценкам американских исследователей Р.

Мисиунаса и Р. Таагепера через повстанческие формирования Литвы в 1944–1952 гг. прошло до 100 тыс. участников. По их же мнению активной формой борьбы одновременно охватывалось до 1 % населения. Литовцы составили одну из наибольших диаспор ГУЛАГа наряду с «бандеровцами». Они создавали в местах заключения подпольные организации для сопротивления администрации. Известна, например, организация К. Клементаускаса воркутинская «Северная месть», истреблявшая агентуру лагерных оперчастей МГБ (См.: *Веденев Д.В. Украинский фронт в войнах спецслужб.* С. 401, 404).

⁴ Как это ни покажется странным, но события в Венгрии 1956 г. даже не рассматривались в двух фундаментальных сборниках Института всеобщей истории РАН, посвященных, соответственно, событиям холодной войны (Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. Отв. ред. *Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян.* М., 2003) и локальным войнам и конфликтам в XX веке (Война и общество в XX веке: в 3 кн. Рук. проекта и сост. *О.А. Ржешевский.* Кн. 3. Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века. М., 2008).

⁵ Подробно об истории этого конфликта можно, в частности, узнать из следующей публикации: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг.* М., 2008.

⁶ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. Гл. ред. *Н.Ф. Самохвалов.* Ред. *Ю.Н. Моруков.* Сост.: *Зданович А.А., Былинин В.К., Гасанов В.К., Коротаев В.И., Лашкул В.Ф.* М., 2009. С. 96.

⁷ *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 232.

⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Ред. – сост. *Е.Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин.* М., 1998. С. 745, 749.

⁹ *Bottom St. A Magyar Autonom Tartomány. A sztalini «Kis Magyarország» megalakitása (1952).* Regio. Budapest, 2003. № 3. Примечательно, что данная проблематика отличается новизной, так как не только в СССР и в России, но и на Западе, и в Румынии специальных работ по этой теме не было.

¹⁰ *Балог А.* Венгры-мадьяры: национальная и европейская идентичность (1990–1998). Центрально-Европейский Ежегодник. Сборник статей и документов. Сост. *И. Киш.* Вып. 1. Международные отношения и безопасность. М., 2003. С. 224.

¹¹ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. С. 56.

¹² *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 226.

¹³ Там же.

¹⁴ *Мусатов В.Л.* СССР и венгерские события 1956 г.: новые архивные материалы. Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 6–7.

¹⁵ *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 76–79.

¹⁶ Указ. соч. С. 142–143, 146.

¹⁷ Указ. соч. С. 123, 246.

¹⁸ См., например: НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Гл. ред. *Н.Ф. Самохвалов*. Ред. *Ю.Н. Моруков*. Сост.: *Владимирцев Н.И., Кокурин А.И.* М., 2008. К сожалению, события, относящиеся к периоду после 1953 г., рассматриваются в сборнике, главным образом, в документах, посвященных проблемам учета и реабилитации участников националистического подполья.

¹⁹ *Веденеев Д.В.* Указ. соч. С. 176.

²⁰ Там же. С. 177.

²¹ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. С. 37.

²² См., например: *Прохоров Д.П., Лемехов А.И.* Перебежчики. Заочно расстреляны. М., 2001. С. 207–209; Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб. Автор-сост. *А. Диенко*, предисл. *В. Величко*. М., 2002. С. 468.

²³ Теория и практика западноукраинского национализма в документах НКВД, МВД и МТБ СССР (1939–1956). Гл. ред. *Н.Ф. Самохвалов*. Ред. *Ю.Н. Моруков*. Сост.: *Владимирцев Н.И., Кривец В.Д., Некрасов В.Ф., Сойма В.М., Степанов А.С., Штутман С.М.* М., 2010. С. 309; Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МТБ СССР (1939–1956). Гл. ред. *Н.Ф. Самохвалов*. Ред. *Ю.Н. Моруков*. Сост.: *Владимирцев Н.И., Комиссаров В.М., Кривец В.Д., Некрасов В.Ф., Ньикин Б. С., Штутман С.М.* М., 2011. С. 408.

²⁴ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. С. 54.

²⁵ *Веденеев Д.В.* Украинский фронт в войнах спецслужб. С. 401, 405.

²⁶ *Борисов А.В., Дугин А.Н., Малыгин А.Я.* и др. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. С. 203.

²⁷ Составителями сборника документов почему-то именуют *Н.П. Дудорова*, одного из авторов Докладной записки, заместителем министра

внутренних дел СССР, хотя на той же странице ими же размещена часть документа «Постановление Президиума ЦК КПСС «Записка тт. Дудорова и Еличева по делу об убийстве Булоховой Т.М.», где Н.П. Дудоров проходит как министр (см. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: В 3 т. Т. 2: Постановления. 1954–1958. Гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2006. С. 434). Известно, что Николай Павлович Дудоров (1906–1977) был министром внутренних дел СССР с 31 января 1956 г. по 13 января 1960 г. (вплоть до упразднения этого министерства первого формирования), непосредственно перейдя на этот пост с должности Заведующего отделом строительства ЦК КПСС (см. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник / Сост. В.И. Некин. М., 1999. С. 180, 294). Это обстоятельство придает большую значимость рассматриваемому документу.

²⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: В 3 т. Т. 2: Постановления. 1954–1958. Гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2006. С. 434–435.

²⁹ Указ. соч. С. 435.

³⁰ Там же. Всего на комбинате работало 4000 человек; таким образом, за год его покидало до 25 % от общего состава работавших.

³¹ Указ. соч. С. 435–437.

³² Указ. соч. С. 439.

³³ Стоимость автомобиля «Победа» составляла 16000 руб. Еще больше стоил автомобиль представительского класса «ЗИМ», который предлагался в автомагазинах за 40000 руб. После тяжелой и разрушительной войны далеко не все могли позволить купить даже «Москвич-401» – самый недорогой легковой автомобиль СССР того периода, который стоил 9000 руб. (См. Автолегенды СССР. Вып. 2. ГАЗ-М20В «Победа». М., 2011. С. 5.; Вып. 3. ЗИМ-12. М., 2009. С. 5).

³⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 440.

³⁵ Указ. соч. С. 441–442.

³⁶ Указ. соч. С. 442.

³⁷ Указ. соч. С. 433–434.

³⁸ *Сергийчук В.* Десять буремних літ. Західноукраїнські землі у 1944–1953 рр. Нові документи і матеріали. К., 1998. С. 872. В данном исследовании должность Кузнецова ошибочно указана как «Заведующий административным отделом ЦК КП(б)У», однако это формулировка после

1952 г. не употреблялась.

³⁹ *Козлов В.А.* Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1935–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. Под ред. *В.А. Козлова* и *С.В. Мироненко*. Ответ, сост. *О.В. Эдельман* при участии *Э.Ю. Завадской*. М., 2005. С. 121.

⁴⁰ Подробнее об этих событиях см.: *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М., 2010.

⁴¹ *Козлов В.А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006. С. 191. Обратим внимание, что автор допустил фактическую ошибку, указывая, что *Н.П. Дудоров* якобы еще в августе 1946 г. был министром внутренних дел СССР (см.: Указ, соч., С. 189). В действительности, этот пост в данное время занимал *С.Н. Круглов* (см. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. С. 180).

⁴² Например, *С. Айвазян* указывает на следующий примечательный факт «Деятели армянского национально-освободительного движения вошли в контакт с турецкими правительственными кругами и договорились выкупить армянские земли Карсской области, закрыв долг Турции США в несколько миллиардов долларов. Президент Турции *Джелаль Баяр* и премьер-министр *Аднан Мендерес* готовы были подписать договор о передаче земель». Хрущев заявил, что если Турция передаст земли зарубежным армянам, то СССР введет в Карскую область свои войска. Он выдвинул альтернативный план передачи этих земель СССР на тех же условиях. Но 15 мая 1960 г. – за 15 дней до запланированного визита Хрущева в Турцию – к власти там пришел генерал *Гюрсель* и эта сделка сорвалась (См.: *Айвазян С.* История России. Армянский след. М., 2000. С. 536).

О тайных операциях США в Китае (1945–1956 гг.)

Тотров Ю.Х.

Данный материал подготовлен главным образом на основе рассекреченных материалов американских разведывательных органов и госдепартамента, хранящихся в Национальном Архиве США в Колледж-Парке (NARA). В статье использованы также некоторые открытые публикации на эту тему, появлявшиеся в разные годы в США, Китае, Японии и СССР. Часть информации взята из интервью автора с бывшими сотрудниками УСС, ЦРУ и КГБ. Период исследования ограничен только 1945–1956 гг., хотя активные подрывные действия ЦРУ против КНР продолжались вплоть до установления американо-китайских дипломатических отношений в 1973 г

РАЗВЕДОРГАНЫ США В КИТАЕ. В 1941 г на момент нападения японцев на Пирл-Харбор американская разведка в Китае была представлена лишь аппаратами военного и военно-морского атташе¹. Накануне капитуляции Японии в 1945 г. в Китае действовало уже более дюжины разведывательных и контрразведывательных органов США². Самым крупным из них являлось Управление стратегических служб (УСС)³. На 20 августа 1945 г число его сотрудников в Китае достигло 1957 человек (!)⁴. Начальником этого разведоргана в Китае являлся полковник Ричард Хеппнер⁵.

Однако вскоре после капитуляции Японии президент Трумэн подписал указ, в соответствии с которым 20 сентября 1945 г. УСС в течение десяти дней было расформировано. В результате 1362 сотрудника его информационно-аналитических подразделений были переведены в Госдепартамент, а 9028 оперативных работников – в Военное министерство⁶, где составили костяк нового разведоргана – Подразделения стратегической службы (ПСС)⁷.

21 октября 1945 г. штаб-квартира ПСС в Китае была переведена из Куньмина в Шанхай. Одновременно были закрыты резидентуры в Чанша и Хэньяне. Однако резидентуры в Кантоне, Ханькоу, Пекине, Тяньцзине, Циндао, Гонконге, а также на Тайване продолжили свою деятельность, хотя

и в несколько сокращенном составе⁸. В ноябре 1945 г. в связи с переводом Хепнера в США новым начальником ПСС в Китае стал его заместитель подполковник Роберт Делейни⁹.

Вскоре после капитуляции Японии главным объектом разведывательных устремлений китайской резидентуры ПСС стал СССР, а также пользовавшаяся его поддержкой компартия Китая. Так, в оперативном плане этой резидентуры от 20 апреля 1946 г. из восьми позиций семь касались сбора информации о Советском Союзе вплоть до Урала. В разделе работы по контрразведывательной линии главным объектом были определены советские разведорганы в Китае¹⁰.

В феврале 1946 г. по штатному расписанию резидентуры ПСС в Китае числилось 260 человек. Кроме этого, значительное количество должностей (переводчиков с китайского, японского, русского языков и т. п.), не требующих допуска к секретной работе, замещалось лицами, нанятыми на месте¹¹.

После создания в США в январе 1946 г. нового разведывательного органа мирного времени – Центральной разведывательной группы (ЦРГ) – было решено передать ей ПСС. А к сентябрю 1946 г. ЦРГ договорилась с ВМС США о том, что 7-й флот берет китайский филиал этого подразделения на свое материальное довольствие¹². При этом в Китае оно стало именоваться как «44-й Отряд внешних исследований» («44-й ОВИ»)¹³. Чтобы не привлекать к себе особого внимания, этот разведорган действовал под вывеской «Группы связи Армии США»¹⁴. После создания в сентябре 1947 г. в Вашингтоне на базе ЦРГ Центрального разведывательного управления все сотрудники этого органа стали числиться служащими ЦРУ.

Организационная структура «44-го Отряда внешних исследований» со штаб-квартирой в Шанхае в основном представляла собой копию в миниатюре структуры Центральной разведки в Вашингтоне. Она располагала весьма значительным автопарком (более 100 автомашин) и 12 самолетами¹⁵.

В мае 1946 г. это подразделение возглавил подполковник Эймс Д. Москрип, фактически ставший первым резидентом ЦРУ в Китае. Это был ветеран УСС, руководивший до этого индо-бирманским подразделением ПСС со штаб-квартирой в Сингапуре. Он командовал резидентурами в Юго-Восточной Азии – в Дели, Калькутте, Бангкоке, Рангуне, Сайгоне, Батавии и Медане¹⁶.

Хотя разведывательная секция резидентуры ПСС в Китае была более крупной, чем контрразведывательная, однако выполнение наиболее деликатных оперативных заданий обычно поручалось последней. Первым начальником этой секции являлся бывший сотрудник ФБР Артур М. Тёрстон. Это был весьма опытный работник, хорошо знакомый со всеми тонкостями профессии контрразведчика. В 1942–1944 гг. он являлся первым представителем ФБР в Лондоне и поддерживал самый тесный контакт с контрразведывательным отделом СПС, в котором одну из руководящих должностей занимал Ким Филби. Несмотря на то, что Филби довольно критически относился к большинству контрразведчиков УСС, стажировавшихся в его отделе, о Тёрстене он отзывался как «о профессионале высокого класса, работать с которым было одно удовольствие»¹⁷.

Поначалу штаб-квартира ПСС в Шанхае размещалась в пятиэтажном массивном здании «Хант» на Фучжоу-роуд недалеко от приморского квартала Банд¹⁸. В первой половине 1946 г. часть его служб переехала в комплекс зданий на авеню Петэн, № 841. Этот комплекс был обнесен трехметровой кирпичной стеной с метровой защитой сверху из колючей проволоки. Контрразведывательная секция ПСС к этому времени уже разместилась на трех верхних этажах центральной 16-этажной башни здания генконсульства США на Цзянси-роуд, № 181, рядом с Управлением полиции Шанхая¹⁹.

Понимая уязвимость разведчиков, действующих в объятой гражданской войной стране под прикрытием фиктивного воинского подразделения, в 1947 г. в Вашингтоне была достигнута договоренность с госдепартаментом о том, что ЦРГ будет предоставлен ряд должностей в некоторых дипломатических представительствах США в Китае. Прежде всего одна должность вице-консула была выделена ЦРГ в генконсульстве в Шанхае. Это произошло 20 марта 1947 г.

28 апреля американской разведке было предоставлено по одной должности вице-консула в таких стратегически важных пунктах, как Мукден в Маньчжурии, а также Пекин и Циндао в Северном Китае. В мае 1947 г. по одному сотруднику ЦРГ появилось в консульских представительствах США в Кантоне и Дихуа²¹. Причем в отличие от разведчиков, работавших в «44-м ОБИ» и занимавшихся основной оперативной работой, сотрудникам ЦРГ, действующим под дипломатическим прикрытием, было строго-настрого указано приложить все усилия, чтобы не расшифроваться.

МУКДЕНСКИЙ ИНЦИДЕНТ. В своем служебном рвении некоторые американские разведчики в Китае иногда нарушали неписаные правила оперативной работы и международной этики, что приводило к созданию конфликтных ситуаций в отношениях с советскими представительствами. Это вызывало нарекания со стороны госдепартамента, который к тому же был крайне недоволен тем, что сотрудники недавно созданной Центральной разведгруппы не считали нужным информировать руководителей дипломатических представительств США о своих операциях, чреватых серьезными последствиями в случае провала.

Один из таких инцидентов произошел в апреле 1946 г. в Мукдене²². Вскоре после вывода из этого города советских войск и его занятия гоминьдайовцами руководство ПСС решило создать там крупный разведывательный центр. Его руководителем был назначен молодой, но весьма амбициозный капитан-десантник Джон Синглауб²³. Он начал свою деятельность в Мукдене с того, что потребовал, чтобы советское представительство КВЖД в течение суток освободило комплекс зданий американской компании «Сокони вакуум», где он запланировал расположить свою резидентуру. Советские представители обратились с жалобой к местному генконсулу США Клаббу, который до этого работал во Владивостоке. В результате терпеливых уроков дипломатии со стороны многоопытного генконсула американский разведчик «пошел на уступки», предоставив русским отсрочку еще на сутки. Свою агрессивность в отношении них Синглауб объяснил желанием «отплатить» за то, что в октябре 1945 г. советский военный комендант Мукдена генерал-майор Ковтун-Станкевич²⁴ потребовал, чтобы группа сотрудников УСС, прибывшая в город для организации эвакуации американских военнопленных (операция «Кардинал»), в течение 48 часов покинула пределы Маньчжурии. (Нашему военному коменданту было хорошо известно, что к середине сентября все бывшие американские военнопленные уже были отправлены на родину, и сотрудники УСС теперь занимались в Маньчжурии шпионской деятельностью с использованием заброшенных туда китайских агентов из группы католического епископа Мигана, работавшего на УСС²⁵.)

Учитывая поступающую в Вашингтон из американского посольства в Нанкине информацию о «несколько неблагоприятной» деятельности «44-го ОВИ», вызывающей беспокойство внешнеполитического ведомства, 18 апреля 1947 г. начальник китайского отдела госдепартамента Рингвалт пригласил начальника оперативного отдела ЦРГ Де-Барделебена²⁶ и

напомнил ему, что ответственным за координацию деятельности всех государственных организаций США в Китае, включая представителей ЦРГ, является американский посол. Он призвал представителя американской разведки к более тесной координации с руководством посольства в Нанкине, от чего ЦРГ может только выиграть. Де-Барделебен обещал направить соответствующие указания своим представителям в Китае²⁷.

Поскольку в этот период из Вашингтона в Китай ежедневно поступало все больше информационных заданий, касающихся Советского Союза, местной резидентуре американской разведки приходилось активизировать свою работу по приобретению источников в различных представительствах СССР, а также среди местных советских граждан и белоэмигрантов. Однако в Шанхае и «на местах» ощущался резкий дефицит разведчиков, владеющих русским языком. Москрип постоянно ставил этот вопрос перед Центром. Так, в июле 1946 г. он весьма эмоционально объяснял своему руководству, что если при открытии резидентуры в Харбине в ее составе не будет оперработников со знанием русского языка, то Вашингтон лишится «информации, стоящей миллионы долларов»²⁸.

Помимо работы по «советской линии» особое место в деятельности американской разведки в Китае занимал сбор информации о компартии и руководимой ею Народно-освободительной армии.

Руководство ЦРУ отчетливо понимало, что «ненавистный, жестокий, грабительский и коррумпированный»²⁹ режим Чан Кайши полностью себя дискредитировал и для того, чтобы найти демократическую альтернативу коммунизму в Китае, необходимо создать «третью силу». В качестве кандидата на роль главы этой альтернативной силы американцы наметили лидера левого крыла гоминьдана маршала Ли Цзишэня³⁰. А поскольку ему как оппозиционеру приходилось скрываться от гоминьдановских убийц в Гонконге, то туда на переговоры с ним зачастили американские «дипломаты» из Нанкина. Эта миссия была поручена хорошо владевшему китайским языком «атташе» посольства Фредерику Шульцхайсу³¹, а также его гонконгскому коллеге «вице-консулу» Юджину Миллигану, пришедшему в ЦРУ из ФБР³². Однако этим разведчикам не повезло. Ли Цзишэнь отказался от «заманчивого» предложения американцев и после провозглашения Китайской Народной Республики выехал в Пекин, где вошел в состав правительства нового Китая.

Компартия Китая, имеющая колоссальный опыт работы в подполье и успешной борьбы с контрразведкой Дай Ли и других гоминьдановских спецслужб, принимала энергичные меры по пресечению подрывной

деятельности разведки США. Как показали последующие события, разведке КПК удалось успешно внедрить свою агентуру в представительства многих американских учреждений в Китае, включая разведорганы.

ПРОВАЛ В МУКДЕНЕ. Первой чувствительной неудачей ЦРУ в Китае можно считать поспешную эвакуацию мукденского филиала «44-го ОВИ» в связи с наступлением НОАК. 9 октября 1948 г. последний сотрудник этого подразделения ЦРУ покинул город, а 1 ноября Мукден был уже освобожден войсками Линь Бяо³³.

Контрразведывательные органы народной власти немедленно приступили к нейтрализации многочисленной агентуры, оставленной в городе тремя основными гоминьдановскими спецслужбами³⁴. От арестованных гоминьдановских агентов ниточка потянулась и к агентуре ЦРУ в Мукдене и в других городах Северного и Северо-Восточного Китая. В ходе допроса арестованных американских агентов выяснилось также, что часть сотрудников ЦРУ использовали для встреч с ними служебные помещения генконсульства США. Были и другие соображения, по которым новые китайские власти 20 ноября 1948 г. установили строжайшую блокаду американского генконсульства, где осталось ограниченное количество дипломатических и технических сотрудников. В их числе был генконсул, а также сотрудник ЦРУ, ранее служивший в ПСС в Циндао³⁵.

После того как было собрано достаточное количество материалов о подрывной деятельности американцев, 20 июня 1949 г. местная газета «Дунбэй жибао» опубликовала статью, в которой обвинила генконсульство США и «44-й ОВИ» в том, что они руководили деятельностью шпионской сети на северо-востоке Китая, состоявшей из японцев, монголов и китайцев. Генконсульство в тот же день направило мэру Мукдена ноту протеста, отвергая выдвинутые в статье обвинения. Однако китайские власти отклонили протест, возвратив американцам их ноту³⁶.

26 ноября 1949 г. в Мукдене состоялся суд над арестованными агентами ЦРУ. Большинство из них были японцами, ранее работавшими в японской или гоминьдановской разведке. В качестве вещественных документов на суде фигурировали: радиопередатчики американского производства, шифрблокноты, развед. задания и т. д. На суде было предано гласности имя руководителя местного отделения «44-го ОВИ» Синглауба, который фактически являлся главным резидентом ЦРУ в Маньчжурии, а также некоторых его подчиненных: резидента в Чанчуне Ричардсона, нисэя Нисиды, отвечавшего за связь с агентурой из числа японцев,

оперработников Уолша, Крислоу и других³⁷.

Судебные процессы над арестованной американской агентурой прошли также в Тяньцзине, Пекине и других городах Китая после их освобождения НОА. Известно, что организацией оперативной разработки агентуры ЦРУ и ее ликвидацией в Тяньцзине занимался опытный сотрудник разведки КПК Сюй Цзяньго, который впоследствии стал одним из заместителей министра общественной безопасности, а затем послом КНР в Румынии и Албании³⁸.

СМЕРТЬ РЕЗИДЕНТА. Во время Второй Мировой войны советская внешняя разведка имела легальные резидентуры в двенадцати городах Китая. Восемь из них, учитывая стратегическую важность граничащего с СССР Синьцзяна, находились в этой провинции³⁹.

Американцам к началу 1947 г. удалось наладить регулярное поступление информации из основных районов объятых гражданской войной Китая. Еще в 1946 г. в древней столице Синьцзяна городе Дихуа США открыли свое консульство, однако все же испытывали недостаток информации об обстановке в этом обширном западном регионе страны, богатом запасами урановой руды, золота и нефти и имеющем тесные отношения с СССР. В этой связи руководство ЦРГ приняло решение о создании своей резидентуры под консульским прикрытием в Дихуа.

На должность резидента в Дихуа был подобран 34-летний Дуглас С. Маккирнан, закончивший войну в звании подполковника. Он с детства владел французским, испанским и немецким языками, затем выучил также русский и китайский. Работал сначала в Управлении метеорологии США, затем был начальником секции криптоанализа ВВС в Вашингтоне, а с 1943 г. и до конца войны служил в Дихуа, где базировалась 233-я метеостанция 10-й эскадрильи ВВС США в Китае. Одной из его основных задач был радиоперехват и дешифрование советских кодированных радиометеосводок.

В мае 1947 г. Маккирнан прибыл в Дихуа на самую низкую техническую должность консульского клерка, однако тут же снял у одного из белоэмигрантов шикарный особняк с десятью спальными комнатами. В качестве повара, смотрителя за домом и конюха он нанял антисоветски настроенных белоэмигрантов. Вскоре через своих русских помощников он установил контакт с руководителем местной националистической казахской группировки, возглавляемой Усман-батыром.

С августа 1949 г. в связи с успешным наступлением НОАК на всех фронтах началось веерное закрытие дипломатических учреждений США в

Китае. Эвакуация сотрудников, включая действующих под их прикрытием разведчиков ЦРУ, проходила гладко, пока очередь не дошла до консульства в Дихуа.

Для резидента ЦРУ в Дихуа Маккирнана единственным способом не попасть в руки контрразведки китайских коммунистов было бежать в Индию через Тибет, поскольку все остальные пути были отрезаны. Однако его тяжелейшая семимесячная одиссея через безводную пустыню Такла-Макан и обледенелые Гималаи закончилась трагически. 29 апреля 1950 г., несмотря на то, что о его предстоящем прибытии в Лхасу Далай-лама был уведомлен Вашингтоном, тибетские пограничники по ошибке застрелили его и двух его русских спутников, а затем, по местному обычаю, обезглавили их трупы.

Дуглас Маккирнан стал первым в списке сотрудников ЦРУ, погибших при исполнении служебных обязанностей⁴⁰.

По мере того как компартия устанавливала свой контроль на все большей территории страны, из Китая в первую очередь эвакуировались такие подразделения ЦРУ, как «44-й ОВИ», сотрудники которого не имели дипломатического прикрытия. В конце 1948 г. большинство из них в организованном порядке на кораблях ВМС США покинули Шанхай. Это подразделение временно обосновалось на Тайване на бывшей базе японских камикадзе в Пиндуне недалеко от порта Гаосюн⁴¹. К середине июня 1949 г. «на материке» не осталось ни одного сотрудника ЦРУ⁴².

В отделе Дальнего Востока ЦРУ заранее готовились к такой ситуации, когда в Китае будут закрыты все резидентуры под дипломатическим и военным прикрытиями, и бремя поддержания связи с агентурой ляжет на плечи разведчиков, действовавших под так называемыми глубокими прикрытиями, – бизнесменов, журналистов, миссионеров и т. п. Одним из таких разведчиков был Хью Редмонд, которому было поручено остаться в Шанхае после прихода коммунистов под видом сотрудника американской фирмы «Хеннингсен».

Однако контрразведчики ЦРУ, очевидно, пренебрегли тем фактом, что Редмонд по прибытии в Китай в течение двух лет работал в Мукдене, Пекине и Шанхае под прикрытием «44-го ОВИ». Вероятно, они не допускали мысли о том, что Редмонд мог быть уже известен контрразведке КПК как разведчик. Эта роковая небрежность привела к тому, что 26 апреля 1951 г. Редмонд был арестован. Вместе с ним органы безопасности Шанхая арестовали семь его китайских агентов. Это был первый в истории ЦРУ серьезный провал американского разведчика под «глубоким

прикрытием»⁴³.

ОПЕРАЦИИ С ТЕРРИТОРИИ ЯПОНИИ. К сентябрю 1949 г. в Японии на военно-морской базе США в Йокосука был создан новый Центр операций ЦРУ против Китая, закодированный как «Отряд полевых исследований» (ОПИ)⁴⁴. Его возглавил ветеран УСС Вильям Э. Дагган. Костяк этого подразделения составили бывшие сотрудники «44-го ОВИ», а также разведчики, работавшие в Китае под дипломатическими прикрытиями⁴⁵.

25 апреля 1950 г., в день, когда в Китае было закрыто последнее дипломатическое представительство США – генконсульство в Шанхае, президент Трумэн подписал Директиву СНБ № 68, определявшую стратегию США в холодной войне по «сдерживанию коммунизма». Составной частью этой стратегии «сдерживания» являлись «активные операции», которые должно было проводить ЦРУ. Одним из главных объектов таких операций была Китайская Народная Республика⁴⁶.

Этот вопрос встал перед ЦРУ еще более остро после того, как 24 июня 1950 г. началась война в Корее. Служба координации политики⁴⁷, отвечавшая в ЦРУ за «активные» (читай: полувоенные, диверсионные и т. п.) операции, получила дополнительные миллионы долларов и возможность значительного увеличения кадрового состава.

Поскольку подразделение в Йокосука подчинялось Службе специальных операций⁴⁸ ЦРУ, занимавшейся агентурной работой, в Японии было решено создать также подразделение Службы координации политики, которое бы организовывало проведение «активных операций» против КНДР и КНР. Начальником этого особого подразделения ЦРУ был назначен американец датского происхождения Ханс Тофте. До войны он в течение 10 лет прослужил в пароходной компании в Пекине и Маньчжурии, а затем активно сотрудничал с УСС в Европе. Он владел шестью иностранными языками, включая китайский.

Тофте сразу проявил себя как весьма энергичный работник. Когда в 1950 г. он прибыл в Японию, в его распоряжении было лишь шесть человек, офис которых находился в номере одного из токийских отелей. Вскоре в его подразделении на военной базе Ацуги⁴⁹, занимавшем территорию более 20 гектаров, уже работали более тысячи сотрудников.

Подразделение Тофте развернуло широкую сеть разведшкол и специальных центров подготовки агентуры и диверсантов из числа корейцев и китайцев для их заброски в Корею и Китай. Такие разведшколы существовали на Тайване, в Южной Корее, в Японии и на острове Сайпан в

Микронезии⁵⁰.

«ВЕСТЕРН ЭНТЕРПРАЙЗ» НА ТАЙВАНЕ. В ноябре 1950 г., после того как Китай направил своих «добровольцев» на помощь остаткам армии КНДР, прижатым к пограничной с КНР реке Ялу, Служба координации политики ЦРУ получила указание разработать комплекс таких мероприятий, которые хоть в какой-то степени отвлекли бы военные усилия КНР от Кореи. Непосредственными исполнителями этого архиважного задания были назначены два боевых полковника – начальник Дальневосточного отдела этой Службы Ричард Стилуэлл и начальник китайской секции Вильям Депаи.

Вскоре на острове Тайвань появилось крупное подразделение ЦРУ под прикрытием частной экспортно-импортной компании «Вестерн Энтерпрайз Инкорпорейтид» («ВЭИ»)⁵¹. Формально ее учредителем в феврале 1951 г. являлся некий Фрэнк Брик, который при ближайшем рассмотрении оказался бывшим сотрудником УСС, работавшим вместе с генералом Донованом. Секретарем-казначеем этой «компании» был избран выпускник Вест-Пойнта полковник Эдвард Гамильтон. Президентом «ВЭИ» был назначен бывший

сотрудник ФБР Чарльз Джонстон, во время войны занимавшийся в Китае обучением сотрудников разведки и контрразведки Дай Ли американским методам работы. А поскольку штаб-квартира «ВЭИ» находилась в Питсбурге, первичное оформление всех ее сотрудников, направлявшихся в Тайбэй, проходило через «питсбургского Чарли». В марте 1951 г. на Тайване уже появились первые сотрудники «ВЭИ», представлявшие Службу координации политики ЦРУ. (Сотрудники Службы специальных операций ЦРУ, учитывая противодействие госдепартамента, направлялись на остров под прикрытием гражданских служащих ВМС США.) К 1954 г. численность этого подразделения ЦРУ на Тайване достигла 600 человек. Его начальником сначала был ветеран УСС полковник Рэй Пирс, возглавлявший во время войны знаменитый «101-й отряд» в бирманских джунглях, а затем – полковник Роберт Делейни, также ранее занимавший руководящие должности в УСС и ПСС в Китае⁵².

Руководство ЦРУ поставило перед своим филиалом на Тайване две основные задачи.

Использование примерно 50 островов у побережья континентального Китая, в основном в районе провинций Фуцзянь и Чжэцзян, которые находились под контролем вооруженных сил Чан Кайши, для организации постоянных военных акций против прибрежных районов КНР,

распространения пропагандистских материалов, а также заброски диверсионных и разведывательных групп.

Оказание конкретной помощи антиправительственным силам в северо-западных провинциях Китая, состоявшим в основном из антикоммунистически и националистически настроенных уйгуров, дунган, казахов, монголов, тибетцев и представителей других национальностей.

Сотрудники «ВЭИ», имевшие богатый опыт диверсионно-подрывных действий в УСС, быстро развернули «работу». Действуя в тесном контакте с тайваньской разведкой Управлением охраны секретов (УОС), возглавляемой генералом Мао Жэньфэном⁵³, они основали свои опорные базы на основных прибрежных островах, где существовали также гарнизоны тайваньского режима.

Поскольку еще со времен антияпонской войны многие жители ряда прибрежных островов, традиционно занимавшиеся контрабандой и пиратством, сотрудничали с разведкой генерала Дай Ли⁵⁴, то его преемнику Мао Жэньфэну не составило особого труда привлечь эти криминальные группировки к совместному с тайваньскими ВМС и «коммандос» участию в рейдах на прибрежные районы материка, а также к захвату иностранных торговых судов, направлявшихся в Китай. Естественно, что большинство таких акций разрабатывалось и финансировалось ЦРУ.

Не последнее место в подрывных операциях «ВЭИ» занимали такие операции психологической войны, как разбрасывание над территорией Китая антиправительственных листовок и пропагандистских материалов, за изготовление которых отвечали на Тайване представители оперативно-технического отдела, созданного в ЦРУ в 1951 г. Подобные акции обычно приурочивались к каким-либо знаменательным датам в жизни КНР или в китайско-советских отношениях. Так, в феврале 1954 г. в день 4-й годовщины Советско-Китайского договора о дружбе над Шанхаем и рядом других городов были разбросаны тысячи таких листовок⁵⁵.

Военно-морские корабли Тайваня совместно с профессиональными пиратами под руководством советников ЦРУ регулярно совершали нападения и захваты иностранных судов, доставлявших коммерческие и гуманитарные грузы в КНР⁵⁶.

Одной из таких акций гоминьдановской разведки и ВМС было участие операции ЦРУ под кодовым названием «Стоул». Цель этой операции состояла в том, чтобы помешать Индии оказать КНР гуманитарную помощь медикаментами и медицинским оборудованием. Для ее перевозки было зафрахтовано норвежское судно, на котором, в частности, было полное

оборудование для трех полевых госпиталей. ЦРУ приказало перехватить этот груз, выделив на проведение операции «Стоул» миллион долларов. Сотрудники УОС на кораблях тайваньских ВМС успешно осуществили эту дерзкую акцию. Американские советники ЦРУ также участвовали в ней, однако не поднимались на верхнюю палубу⁵⁷.

Чаще всего нападениям в тайваньском проливе подвергались английские торговые суда, доставлявшие коммерческие грузы в КНР. Причем в некоторых случаях на флагштоке пиратских кораблей ниже тайваньского флага развевался также черный пиратский флаг «Веселый Роджер» с черепом и костями⁵⁸.

Как заявил в ноябре 1954 г. в палате общин парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании, с сентября 1949 г. в этом районе имел место 141 случай нападений тайваньских ВМС на английские суда. В результате капитан одного судна был убит, старший офицер другого – ранен. Был причинен значительный материальный ущерб судовладельцам и грузополучателям. Королевские ВМС были вынуждены принимать меры по охране британских судов⁵⁹.

В октябре 1953 г. тайваньские военно-морские корабли захватили польское коммерческое судно «Праца», а в мае 1954 г. – «Президент Готвальд»⁶⁰.

В ночь с 22 на 23 июня 1954 г. два корабля ВМС Тайваня – эсминец «№ 12» и корвет «№ 21» – в международных водах под угрозой оружия задержали советский танкер «Туапсе» и отвели его в порт Гаосюн. Через пять лет на экранах советских кинотеатров вышел двухсерийный фильм «ЧП (Чрезвычайное происшествие)», в основу которого была положена эта акция гомильдановской и американской разведки.

Следует отметить, что захват «Туапсе» явился для руководства СССР настоящим ЧП. И дело было не только и не столько в потере танкера и перевозимого им груза горючего, а прежде всего в том, что в результате изощренной психологической обработки и жестких мер физического воздействия из 49 членов экипажа 20 человек стали «невозвращенцами». От тех, кто через год вернулся на Родину, стало известно, что помимо чанкайшистских разведчиков, хорошо владевших русским языком, в обработке моряков «Туапсе» активно участвовали известные деятели НТС, ОУН, а также другая агентура американской разведки из числа бывших советских граждан. Непосредственным руководителем обработки команды танкера являлся сотрудник «советского отдела» ЦРУ Александр Соголов, который нехватку аргументов зачастую подкреплял угрозами, размахивая

пистолетом⁶¹.

Помощь мусульманским и иным этническим группам, ведущим партизанскую войну против центрального правительства в северо-западных провинциях Китая, ЦРУ оказывало еще в тот период, когда в этих краях активно действовала многотысячная конная армия бывшего губернатора провинции Цинхай генерала Ма Буфана и армия его двоюродного брата генерала Ма Хункуя, правителя Ганьсу. В мае 1949 г. армии братьев Ма совместно с частями гоминьда-новского генерала Ху Цзуннаня под Ланьчжоу даже удалось нанести поражение подразделениям НОА под руководством Пэн Дэхуая. Однако в конечном счете в августе 1949 г. НОА разгромила своих противников, и братья Ма вынуждены были бежать за границу. Ма Буфан, захватив с собой 1,5 млн долларов в золотых слитках, на самолете авиакомпании «Сивил Эйр Транспорт»⁶², принадлежавшей ЦРУ, направился сначала в Мекку, а его брат – непосредственно в Южную Калифорнию. Часть разбитой армии мусульманских генералов нашла прибежище в Пакистане и Афганистане, другая часть продолжила вооруженное сопротивление в труднодоступных районах родных провинций. Одной из таких партизанских групп командовал сын Ма Хункуя Ма Цихуа, с которым поддерживало связь Управление охраны секретов.

Получив от Мао Жэньфэна информацию о том, что мусульманские партизаны, действовавшие в северо-западных провинциях КНР, испытывают острую нужду в оружии, боеприпасах, средствах связи и т. п., ЦРУ приняло решение об оказании им помощи. Для начала на одной из специальных баз ЦРУ севернее Тайбэя была подготовлена группа радистов из числа выходцев из этого района Китая. А поскольку в случае успешной заброски этой агентурной группы планировалось наладить регулярные полеты самолетов ЦРУ в данный регион, то основная задача этих агентов состояла в своевременной информации «ВЭИ» о метеорологических условиях на месте.

В марте 1952 г. самолет «ВЭИ» С-54 без опознавательных знаков совершил выброску первой агентурной группы и партии военного снаряжения для партизан Ма Цихуа. Операции ЦРУ по заброске агентуры, оружия, боеприпасов и других военных грузов для мусульманских повстанцев в провинциях Ганьсу и Цинхай продолжались до 1954 г. На заключительном этапе этой операции ЦРУ использовало предоставленные для этой цели ВВС США самолеты Б-17, летавшие на большей высоте, чем обеспечивалась повышенная безопасность полетов.

Однако, несмотря на помощь ЦРУ, антиправительственные вооруженные группы на северо-западе Китая к 1955 г. были ликвидированы⁶³.

В 1954 г. вместо «ВЭИ» на Тайване было создано новое подразделение ЦРУ под прикрытием ВМС США. Как обычно, его название ничего общего с ЦРУ не имело: «Вспомогательный центр связи ВМС»⁶⁴. Его шефом был назначен Вильям Дагган, переведенный из Японии.

«СИ САПЛАЙ» В БАНГКОКЕ. Примерно в одно время с созданием на Тайване «Вестерн Энтерпрайз» в Бангкоке появилось другое подразделение ЦРУ под прикрытием фиктивной частной компании «СИ Саплай Корпорейшн» («ССК»)⁶⁵. Ее возглавил бывший начальник разведывательного отдела УСС в Китае полковник Пол Хелливелл.

В начале февраля 1951 г. «ССК» приступила к осуществлению операции «Пейпер». На роль ее главного действующего лица ЦРУ подобрало бывшего командующего чанкайшистской армией в Центральном Китае генерала Ли Ми, который после разгрома его войск НОА с остатками 97-й и 193-й дивизий нашел убежище в горных районах Бирмы и северного Таиланда, граничащих с китайской провинцией Юньнань. На начало 1951 г. под ружьем у Ли Ми было около 4 тыс. солдат, которые в основном занимались производством и контрабандой опиума. По плану операции «Пейпер» ЦРУ намеревалось должным образом укрепить «дивизию Ли Ми», оснастив ее современным оружием, а затем использовать для вторжения на территорию КНР.

Вскоре с военных складов армии США на о. Окинава самолетами «Сивил Эйр» в распоряжение банд Ли Ми парашютами стало забрасываться современное вооружение, начали прибывать американские советники. С Тайваня самолетами той же авиакомпании ЦРУ стал перебрасываться дополнительный воинский контингент. Через некоторое время «дивизия генерала Ли Ми» насчитывала уже 12 тыс. солдат. Выросло и количество сотрудников «ССК» в Таиланде. В конце 1953 г. их было около 200 человек. Кроме того, 76 разведчиков ЦРУ работали под прикрытием посольства США в качестве «советников» под руководством ветерана бирманской кампании УСС Шермана Джуста. Координация операцией «Пейпер» была возложена на резидента Службы координации политики ЦРУ в Гонконге Альфреда Кокса, который также являлся опытным ветераном «полувоенных» операций УСС в Китае.

В апреле 1951 г. крупный отряд генерала Ли Ми численностью в две тысячи человек двумя колоннами совершил первое вторжение на

территорию КНР. Ему удалось проникнуть на 60 км в глубь провинции Юньнань. Однако через неделю этот отряд был разгромлен частями НОАК, и его остатки бежали в Бирму. В июле того же года Ли Ми поручил своему заместителю Лю Гоцюаню совершить очередное вторжение. Но и эта вылазка на территорию КНР оказалась неудачной. Всего в 1951–1953 гг. ЦРУ организовало семь попыток вооруженных вторжений отрядов Ли Ми на территорию КНР.

Военная активность генерала Ли Ми с территории Бирмы против дружественной Китайской Народной Республики, его тесные контакты с выступавшими с сепаратистских позиций горными племенами каренов и качинов, а также с ведущими партизанскую войну против правительственных сил отрядами одной из бирманских компартий вынудили правительство Бирмы начать наступление на укрепленный лагерь Ли Ми на севере страны. Несмотря на наличие у бирманской стороны документальных доказательств о причастности ЦРУ к преступной деятельности остатков гомиьндановской армии на территории Бирмы, правительство Соединенных Штатов упорно отказывалось признать это. Это привело к серьезному осложнению американо-бирманских отношений, вылившемуся в решение правительства Бирмы в одностороннем порядке свернуть все программы американской помощи в стране.

Как признали сами американцы через несколько лет, гомиьндановские батальоны на территории Бирмы не принесли США «ничего, кроме проблем», поскольку «они не имели достаточных возможностей для того, чтобы даже сковать значительные силы китайских коммунистов»⁶⁶.

Летом 1952 г. Службы координации политики и специальных операций ЦРУ были объединены в Департамент планирования (с 1974 г. – Оперативный департамент). Во всех странах, где до этого фактически существовали две резидентуры ЦРУ, был назначен главный резидент. В Японии им стал отставной адмирал Харви Овериш⁶⁷. Назначение этого 59-летнего моряка региональным резидентом ЦРУ, отвечающим за операции американской разведки против Китая из Японии, Кореи, Гонконга, Таиланда, а также с Тайваня, вызвало у многих профессионалов разведки недоумение. Было известно, что к разведке Овериш имел отношение только в 1937–1940 гг., будучи военно-морским атташе в Пекине, а последние шесть лет, уйдя в отставку, был сначала вице-президентом гавайской компании, торгующей ананасами, а затем директором крупной страховой фирмы в Чикаго. Как бы то ни было, ЦРУ под его руководством продолжало свои операции по заброске агентуры в Китай. Тем более что

заместителем Овериша был Ллойд Джордж, возглавлявший до этого Дальневосточный отдел ЦРУ.

Однако, подобно тому, как советской контрразведке во время Великой Отечественной войны удалось внедрить своих людей в ряд немецких разведшкол, готовивших агентуру для заброски к нам в тыл, а после войны проделать то же самое с американской и английской разведками, органы безопасности КНР успешно проникли в ключевые отделы гоминьдановских спецслужб, поставлявших кадры для разведшкол ЦРУ, а также в сами американские центры подготовки. Именно по этой причине большинство агентурных групп, забрасываемых ЦРУ в Китай и Корею, почти сразу же обезвреживались местными органами безопасности или начинали работать под их контролем.

В ноябре 1952 г. в результате одной из таких оперативных игр с американцами в провинции Ляонин контрразведчикам КНР удалось подбить самолет

ЦРУ, который с помощью специального приспособления на бреющем полете должен был взять на борт одного из американских агентов. В результате аварийной посадки два пилота-американца погибли, все семь членов агентурной группы из числа китайцев расстреляны, а два сопровождавших их сотрудника ЦРУ с базы Ацуги – Джон Дауни и Ричард Фекто – взяты в плен. Это был серьезный провал ЦРУ, в результате которого заброска агентуры в Северный и Северо-Восточный Китай была приостановлена.

После многомесячных допросов, в ходе которых китайская контрразведка получила достаточно полное представление о структуре, личном составе, методах работы, а также о других интересовавших ее моментах подрывной деятельности ЦРУ против КНР, Дауни был приговорен к пожизненному заключению, Фекто – к 20 годам. Последний был освобожден в 1971 г. в качестве жеста доброй воли китайского правительства накануне приезда президента Никсона в Китай. Дауни был помилован китайцами в 1973 г. после того, как Никсон открыто признал, что тот являлся сотрудником ЦРУ⁶⁸.

Одной из приоритетных задач ЦРУ в 1950-е гг. было физическое устранение руководителей КПК, НОАК и КНР – Мао Цзэдуна, Чжу Дэ, Чжоу Эньлая и других. Однако осуществить эти замыслы ЦРУ не удалось. 26 сентября 1950 г органы безопасности КНР арестовали в Пекине группу длительное время проживавших в Китае иностранцев, которые признались в том, что по заданию американской разведки планировали 1 октября 1950 г. во время празднования годовщины Китайской Народной Республики

совершить покушение на ее руководителей, обстреляв правительственную трибуну на площади Тяньаньмэнь из миномета.

17 августа 1951 г. военный трибунал пекинского военно-революционного комитета под председательством министра общественной безопасности Ло Жуйцина приговорил главных обвиняемых по этому делу – итальянца Антонио Рива и японца Ямагути Рюити – к смертной казни⁶⁹.

В 1950–1954 гг. руководство КНР приняло ряд жестких мер, направленных на повышение эффективности в борьбе с засылаемой в страну американской и гоминьдановской агентурой.

Учитывая многочисленные провалы ЦРУ в Китае, в 1956 г. руководство ЦРУ поручило отделу инспекции разобраться в их причинах. Тщательно изучив все материалы Центра операций против Китая, располагавшегося сначала в Японии, а с 1955 г. – на базе Субик-бэй на Филиппинах, инспекция пришла к выводу, что вся его деятельность была «пустой тратой сил и средств»⁷⁰.

В американскую печать просочились некоторые сведения, свидетельствовавшие о том, что китайским спецслужбам удалось внедрить свою агентуру в ключевые структуры ЦРУ, имевшие отношение к операциям против КНР.

Так, в частности, выяснилось, что «радистом Ли Ми в «СИ Саплай» в Бангкоке был агент китайских коммунистов, который периодически информировал Пекин о местонахождении Ли Ми и его армии»⁷¹.

Оказалось, что Дауни и Фекто не планировали лететь на том самолете ЦРУ С-47 в провинцию Ляодун, где его ожидала засада. Но почему-то накануне вылета вдруг неожиданно заболели два американских агента-китайца с базы Ацуги, которые во время «вывода» из Китая на этом самолете агента ЦРУ должны были выполнять чисто техническую функцию⁷².

Начальником штаба тайваньского гарнизона на острове Байцюань и личным другом местного резидента ЦРУ оказался агент разведки КНР⁷³.

Только в 1951–1953 гг. в КНР были заброшены 212 агентов ЦРУ. Из них 101 был убит на месте «возмущенными крестьянами» и 111 арестованы китайской контрразведкой⁷⁴.

Летом 1956 г. руководство ЦРУ приняло решение о закрытии Центра операций против Китая на Филиппинах⁷⁵. Это можно было расценивать как провал политики США, направленной на организацию свержения правительства Китайской Народной Республики и создания там надежных источников информации.

Примечания

¹ *Maochun Yu. OSS in China: prelude to Cold War. New Haven, 1996. P. 53.*

² *Op. cit. P. 199.*

³ Office of Strategic Services (OSS) – американский диверсионно-разведывательный орган периода Второй мировой войны. Был создан 13 июня 1942 г. по приказу президента Рузвельта, в соответствии с которым Управление координации информации, УКИ (Coordinator of Information, COI), было разделено на Управление военной информации, УВИ (Office of War Information, OWI), и Управление стратегических служб, УСС. Директором УСС был назначен полковник Вильям Донован, возглавлявший до этого УКИ.

⁴ Office of Strategic Services, China Theater, Strength Report as of 20 August 1945. NARA, Records Group (RG) 226, Entry 168, Box 7, Folder 113.

⁵ Richard G. Heppner (1908–1958) – окончил юридические факультеты Принстонского и Колумбийского университетов. До войны – младший юридический партнер адвокатской конторы В. Донована в Нью-Йорке. В 1942 г. занимал руководящую должность в представительстве УСС в Лондоне, в 1943 г. – в Индии и на Цейлоне. 9 декабря 1944 г. был назначен начальником УСС в Китае.

⁶ *Thomas F. Troy. Donovan and the CIA: A history of the establishment of the Central Intelligence Agency. Frederick, Md., 1981. P. 284, 302–303.*

⁷ Strategic Services Unit (SSU) – разведывательный орган США, существовавший с 1 октября 1945 г. в составе Военного министерства. 8.7.1946 г. передан Центральной разведывательной группе (ЦРГ).

⁸ SSU CT Operational Report from 12.00 Thursday 18 October to 12.00 Thursday 25 October 1945, CIA Electronic Document Release Center, Case Number: F-1990-00680, Document # 109823. P. 1.

⁹ Yu. *Op. cit. P. 252*; Robert J. Delaney (1915–1989) – выпускник 1940 г. Военной академии США Вест-Пойнт. В 1943–1944 гг. командир батальона легендарного «101-го отряда» УСС, действовавшего против японской армии в бирманских джунглях. В 1945 г. – заместитель начальника УСС в Китае, с ноября 1945-го по июнь 1946 г. – начальник ПСС в Китае. В декабре 1946 г. назначен специальным представителем ЦРГ при штабе генерала

Макартура в Японии. В 1951–1952 гг. заместитель резидента, в 1952–

1954 гг. – резидент ЦРУ на Тайване.

¹⁰ Revised Plan for Continued SSU Operations. Delaney to Director, SSU. 20 April 1946. NARA, RG 226, M1642, Roll 47.

¹¹ Table of Organization, SSU CT. 25 February 1946. NARA, RG 226, M1642, Roll 47.

¹² Cable, Secret IVI, Priority, Commander, 7th Fleet to Chief of Naval Operations, 28 September 1946. NARA, RG 226, E. 90, B. 3, F. 34.

¹³ External Survey Detachment #44 (ESD 44).

¹⁴ US Army Liaison Group (US ALG).

¹⁵ Tentative plan for the limited control and full logistic support of SSU, China, by 7th Fleet. NARA, RG 226, M1642, Roll 47.

¹⁶ Yu. Op. cit. P. 260; Interview with Mr. Gilpatric of Staff Division II, 6 March 1946. NARA, RG 226, M1642, Roll 47; Amos D. Moscrip (1914–1958).

¹⁷ History of X-2 Branch, CT. 2 January 1946. NARA, RG 226, E. 182, B. 36, F. 195; *Kim Philby. My silent war.* UK, 1976. P. 78; Arthur M. Thurston (1914–2003).

¹⁸ Интервью с бывшими сотрудниками УСС.

¹⁹ Lt. Col. Delaney to Col. Little. 6 May 1946. NARA, RG 226, M1642, Roll 47.

²⁰ Интервью с бывшими сотрудниками ЦРУ.

²¹ Department of State Foreign Service List, 1 October 1948. P. 11–12.

²² *John K Singlaub. Hazardous duty.* NY, 1991. P. 126–128.

²³ Джон К. Синглауб (род. 1921) – в 1942 г. был переведен в УСС из парашютно-десантного полка. Принимал участие в операциях УСС сначала в Европе, затем в Китае. Проявил себя как смелый и решительный спецназовец. В 1946–1948 гг. – резидент ПСС-ЦРУ в Мукдене. В 1949 г. возглавлял китайскую секцию в ЦРУ. В середине 1949 г. возвратился на службу в армию США. В 1952 г. – зам. резидента ЦРУ в Корее. С 1953 г. снова в спец, войсках армии США. Принимал участие в боевых действиях во Вьетнаме и Лаосе. Дослужился до генерал-майора. После ухода в отставку был избран президентом Всемирной антикоммунистической лиги. Являлся одним из главных действующих лиц скандала «Иран-контрас».

²⁴ Генерал-майор Андрей Игнатьевич Ковтун-Станкевич (1900–1986) – в 1945–1946 гг. был военным комендантом Мукдена. Следует отметить, что в документах УСС он ошибочно проходит как Кавкун Станкевич (Kavqun Stankevich).

²⁵ Top secret cable, Commanding General USF CT, Chungking, to War Department. 5 October 1946. NARA, RG 226, E. 90, B. 3, F. 36.

²⁶ Daniel De Bardeleben— 1899 г.р. В 1923 г. окончил Военную академию США, служил в армии. В 1943–1945 гг. – в УСС, затем в ЦРГ и ЦРУ. С ноября 1949 г. – резидент ЦРУ в Англии.

²⁷ Top secret Memo of conversation. CIG activities in China. 18 April 1947. NARA, RG 59, E. 1561, B. 7.

²⁸ Lt. Col. Moscrip to Col. Quinn. 17 July 1946. NARA, RG 226, M1642, Roll 47.

²⁹ *Evan Thomas*. The very best men. NY, 1995. P. 274.

³⁰ FRUS, VII. P. 10, 248–250, 259; Ли Цзишэнь (1885–1959) – уроженец провинции Гуанчжоу. В 1925 г. – нач. генштаба национально-революционной армии Гоминьдана, зам. начальника военной академии Вампу. В 1927 г. принял участие в антикоммунистическом перевороте Чан Кайши. После начала японской агрессии против Китая участвовал в создании в 1933 г. в г. Фучжоу «народно-революционного правительства Китайской республики» для борьбы с японцами и Чан Кайши. В дальнейшем призывал Гоминьдан объединить свои усилия в антияпонской борьбе с КПК. В 1948 г. возглавил отколовшуюся от Гоминьдана партию «Революционный комитет Гоминьдана». После провозглашения КНР стал одним из заместителей председателя Центрального народного правительства.

³¹ Frederic K. D. Schultheis (1907–1980). Специалист по Китаю и китайскому языку, который изучал в Вашингтонском и Колумбийском университетах, затем в Пекине. В 1942–1946 гг. – в военной разведке и УСС в Китае. В 1947–1949 гг. – под дипломатическим прикрытием в Нанкине, в 1949–1951 гг. – в Гонконге, 1951–1952 гг. – в Маниле и с декабря 1952 г. – в Токио.

³² Leroy Eugene Milligan (1919–1972). После окончания колледжа в 1941–1945 гг. служил в ФБР, с 1947 г. – в ЦРУ. В 1948–1951 гг. – под дипломатическим прикрытием в Кантоне и Гонконге. Затем до 1955 г. – в Японии. С 1955 по 1970 г. возглавлял резидентуры ЦРУ в Пакистане, Египте, на Цейлоне и в др. странах. Занимал руководящую должность в ЦРУ.

³³ *Singlaub*. Op. cit. P. 148–149.

³⁴ В 1948 г. в гоминьдановском Китае существовали три основные спецслужбы:

1) Управление охраны секретов (УОС) Министерства обороны («Баомицзюй») (см. № 53).

2) Управление информации членов партии при ЦИК Гомиьндан («Дантунцзюй»), созданное в апреле 1947 г. на базе существовавшего с 1938 г. Управления расследований и статистики при ЦИК Гомиьндан («Чжунтунцзюй»). 3) Второй (разведывательный) отдел Генштаба МО.

³⁵ Fred E. Hubbard (1914–1978). По образованию юрист. В 1942–1946 гг. служил по линии УСС-ПСС-ЦРГ в Китае. С апреля 1947 г. – под прикрытием генконсульства в Мукдене. В 1951–1963 гг. – в Найроби, Анкаре, Лиссабоне. В 1965–1969 гг. – резидент ЦРУ в Осло. Затем на руководящей должности в Службе контрразведки ЦРУ.

³⁶ To the Secretary of State from the US Consul General, Mukden. Possible Communist motives for the confinement of the Consulate General. 11 May 1949. NARA, RG 263, Murphy Collection, B. 29, F. 44.

³⁷ Дунбэйжибао. 2. 12. 1949.

³⁸ *Сун Линь. Хунсэ дацзегуань (Красные берут власть). Пекин, 1998. С. 492–526; Roger Faligot & Remi Kauffer. The Chinese Secret Service. London, 1990. P. 480.*

³⁹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 210.

⁴⁰ *Ted Gup. The Book of Honor. NY, 2000. P. 9–35.*

⁴¹ Интервью с бывшими сотрудниками ЦРУ.

⁴² Memorandum Howe to Butterworth. 22 June 1949. NARA, RG 59, E. 1561, B. 7.

⁴³ *Maury Allen. China spy. NY, 1998; Gup. Op. cit. P. 43–66; Singlaub. Op. cit. P. 157–8.*

⁴⁴ Field Research Unit (FRU) – с 1949 г. подразделение ЦРУ на базе ВМС США в Йокосука.

⁴⁵ *Matthew M. Aid. US HUMINT and COMINT in the Korean War. Intelligence and National Security. Vol. 14. 1999. #4. P. 20, 22; CIA Staff Conference Minutes. 10 Dec. 1951. NARA, RG 263, E. 36, HRP 89-2/00443, B. 8, File: 725 DCI Staff Meetings.*

⁴⁶ *Gup. Op. cit. P. 33.*

⁴⁷ Office of Policy Coordination (OPC) – Служба активных операций ЦРУ, созданная 18.6.1948 г. в соответствии с Директивой Совета Национальной Безопасности. В 1952 г. в результате ее слияния со Службой спецопераций был создан Директорат планирования (Оперативный

Директорат).

⁴⁸ Office of Special Operations (OSO) – Служба спецопераций. Оперативное подразделение, созданное в ЦРГ 20.7.1946 г. Просуществовало в ЦРУ под этим названием до 1952 г. (см. № 47).

⁴⁹ Joint Technical Advisory Group (JTAG) – подразделение ЦРУ на авиабазе ВМС США Ацуги в Японии, в 1950-х гг. занимавшееся организацией заброски американской агентуры в КНР, КНДР и СССР.

⁵⁰ *John Prados*. President's secret wars. NY, 1988. P. 71–72.

⁵¹ Western Enterprises Inc. (WEI) – подразделение ЦРУ на Тайване под частным коммерческим прикрытием в 1951–1954 гг.

⁵² *Frank Holober*. Raiders of the China coast. Md., 1999. P. 11–19.

⁵³ Мао Жэньфэн (1898–1956) – после создания в июне 1946 г. новой спецслужбы – Управления охраны секретов (УОС) министерства обороны – был назначен сначала заместителем, а в конце 1947 г. ее начальником. В марте 1955 г. возглавил Разведывательное управление МО Тайваня, созданное на базе УОС.

⁵⁴ Дай Ли (1897–1946) – с 1931 г. и до своей гибели в авиакатастрофе руководитель основной спецслужбы гоминьдановского Китая – Управления расследований и статистики (УРС). Был известен своей преданностью Чан Кайши и ненавистью к коммунистам.

⁵⁵ *Holober*. Op. cit. P. 178.

⁵⁶ Op. cit. P. 104.

⁵⁷ *Prados*. Op. cit. P. 69–70.

⁵⁸ *Holober*. Op. cit. P. 105.

⁵⁹ Правда. 24.11.1954.

⁶⁰ Водный транспорт. 10.8.1954.

⁶¹ Интервью с бывшими моряками танкера «Туапсе».

⁶² Civil Air Transport (CAT) – авиакомпания, созданная в 1946 г. в Китае генералом К. Ченнолтом и У. Виллауэром на базе 14-й воздушной армии США («Летающие тигры»). С октября 1949 г. практически перешла под контроль ЦРУ.

⁶³ *Holober*. Op. cit. P. 172–176, 208.

⁶⁴ US Naval Auxiliary Communications Center (USNACC) – с 1954 г. под этой «крышей» в течение нескольких лет действовало подразделение ЦРУ на Тайване.

⁶⁵ SEA Supply Corporation (SSC) – подразделение ЦРУ в Бангкоке под

частным коммерческим прикрытием в начале 1950-х гг.

⁶⁶ *Prados*. Op. cit. P. 73–77.

⁶⁷ Op. cit. P. 71. Who's who in America. 1960; *Haruna Mikio*. The Secret Files. Tokyo, 2000. Vol. I. P. 210–211. Vol. II. P. 27, 35.

⁶⁸ *Thomas*. Op. cit. P. 52; *Wendell L. Minnick*. Spies and provocateurs. Jefferson, NC., 1992. P. 57; *William M. Leary*. Perilous missions. 1984. P. 130–131.

⁶⁹ ЖЭНЬМИНЬЖИБАО. 18.8.1951.

⁷⁰ *Thomas*. Op. cit. P. 157.

⁷¹ Op. cit. P. 56.

⁷² *Bina Kiyonaga*. Remembrances of a CIA wife. The Washingtonian. March 1985. P. 161.

⁷³ *Holober*. Op. cit. P. 93.

⁷⁴ *Thomas*. Op. cit. P. 52–53.

⁷⁵ Op. cit. P. 157.

Формирование оборонной политики и военной доктрины Албании в 1969–1975 гг.

Улунян А. А.

Оценка советских действий на международной арене со стороны официальной Тираны в начале 1969 г. была однозначно негативной, а сами они характеризовались как попытка проведения империалистической внешней политики, направленной на ограничение суверенитета других государств, включая коммунистические, и угрожающие самой Албании не только в политическом, но и военном отношении¹. Глава коммунистической Албании Э. Ходжа внимательно следил за действиями КНР – своего главного военно-политического союзника на международной арене и, прежде всего, за связями Пекина с внешним миром и оценками китайской стороной действий двух сверхдержав – СССР и США. В этой связи в Тиране была отмечена эволюция взглядов китайского руководства на «главного противника», когда на смену заявленному на VIII съезде КПК как основная угроза американскому империализму в апреле 1969 г. на IX съезде был принят тезис равновеликой опасности «американского империализма и советского социал-ревизионизма»². В тесной связи с данной оценкой рассматривались главой коммунистической Албании и действия советского партийно-государственного руководства, стремившегося усилить контроль над Варшавским пактом, добившись проведения в нём реформ, призванных обеспечить жёсткую координацию действий союзников Москвы в рамках блока. Особое внимание Тираны привлекли визиты командующего Объединенными силами ОВД маршала И. Якубовского в коммунистические страны и, в частности, в Румынию³. Желание главы румынского руководства Н. Чаушеску сохранять свободу манёвра на международной арене и не допустить расширения полномочий общего командования ОВД на вооруженные силы страны оценивалось Э. Ходжей положительно. Одновременно советская политика на «румынском направлении» рассматривалась им как стремление СССР добиться дислокации на её территории советских вооруженных сил с целью изменения внешнеполитического курса Бухареста. Более того, глава АПТ продолжал считать реальным план советского военного вмешательства в дела СРР.⁴ В военно-стратегическом отношении видение Э. Ходжей

ситуации, складывавшейся к весне 1969 г. в отношениях СССР и коммунистических стран Балканского региона, заключалось в том, что, «замышляя захват

Румынии, советские ревизионисты не могут выдумать легенду, выдуманную для Чехословакии, то есть легенду об угрозе со стороны Федеративной Республики Германии и внутренней реакции. Первая «причина» отпадает потому, что у Румынии нет общих границ с ФРГ. Вторая «причина» также несостоятельна, ибо румыны свою измену прикрывают лучше чехословацких ревизионистов – Дубчека и Свободы. В качестве аргумента для захвата Румынии у советских остается титовская Югославия, которая, мол, угрожает, Румынии, однако у Югославии нет веса ФРГ, а Тито не только не проявляет «агрессивности» и «захватнических устремлений» в отношении Румынии, но, напротив, выступает её союзником в сопротивлении советским. Вот почему советские угрожают и шантажируют Тито, который мешает им возможно быстрее и без хлопот осуществить «румынский план». Советские ревизионисты хотят захватить Румынию, но не теми способами, которые они использовали при захвате Чехословакии. Они хотят, чтобы это было сделано по хотению румын, в «нормальных рамках» Варшавского Договора. Они уже захватили военно Болгарию, и это сделано благодаря измене клики Живкова. Это был бесшумный захват»⁵. В калькуляциях руководителя АПТ болгарское руководство использовало македонский вопрос для оказания давления на Белград не только в собственных, но и советских интересах⁶. Одной из возможных форм достижения поставленной цели, как считал Э. Ходжа, могло стать проведение совместных учений Варшавского пакта на румынской территории (против чего активно выступал Бухарест) для «легального прорыва» румынских границ» и принуждения Н. Чаушеску действовать скоординированно в рамках ОВД, используя вооруженные силы блока, размещённые в Румынии⁷. Проводившийся румынским партийно-государственным руководством внешнеполитический курс, а также его позиция по оборонным вопросам, включая особый характер взаимоотношений с коллегами по Варшавскому пакту, давали основания Тиране надеяться на ослабление советских позиций в Балканском регионе за счёт усиления самостоятельности Бухареста⁸.

Во второй половине марта 1969 г. албанское руководство достаточно серьезно рассматривало перспективу военного столкновения СССР и КНР, являвшейся единственным военно-политическим союзником НРА. Несмотря на отмеченные иностранными экспертами заявления албанской

стороны о том, что коммунистический Китай – это не Чехословакия, сами аналитики обращали внимание на весьма примечательный факт: Тирана не прибегает к демонстративным акциям в поддержку КНР, включая заявления высших официальных лиц. Такая позиция объяснялась экспертами как стремление албанского партийно-государственного руководства оставить место для манёвра в ожидании более серьезных событий, чем инциденты на советско-китайской границе. Более того, основное внимание в официальных албанских публикациях уделялось политике Москвы на международной арене, в связи с чем отмечалось стремление СССР, во-первых, интернационализировать конфликт; во-вторых, «запугать „сателлитов“ накануне международной конференции с тем, чтобы их сильнее пристегнуть к своей „колеснице“, и, в-третьих, подготовить почву для встречи советского руководства с президентом США Р. Никсоном⁹.

Состоявшееся 17 марта 1969 г. в Будапеште совещание Политического Консультативного Комитета ОВД, утвердившего положения о Комитете министров обороны государств – членов Варшавского пакта, а также новую редакцию документа об Объединённых вооружённых силах и Объединённом командовании ОВД, оценивалось официальной Тираной как кризис этого блока. Во-первых, албанская сторона отметила попытки не акцентировать внимание в заключительном коммюнике на ситуации в Чехословакии и проявленную осторожность в формулировках с целью создать «впечатление у общественности о якобы наступившей нормализации в Чехословакии, в той форме, как того желали советские захватчики». Во-вторых, заявлялось о том, что все предпринимаемые Москвой политические и организационные меры (включая структуру Варшавского пакта), направленные на «большее завертывание гаек механизма контроля с целью дальнейшей консолидации диктаторского управления странами-сателлитами их хозяином [СССР – Ар. У.] в политическом и экономическом». Наконец, в-третьих, официальная Тирана оценивала ситуацию в ОВД как свидетельствующую о давней «деградации Варшавского пакта в инструмент политического шантажа военной агрессии в руках советской ревизионистской клики в интересах осуществления своей империалистической, шовинистической политики по превращению всех восточно-европейских стран-участниц в колонии советских ревизионистов» и как инструмент, позволяющий руководству СССР «торговаться с партнерами – американскими империалистами, за счёт свободы, независимости и безопасности народов мира»¹⁰. Итоговый

документ заседания ПКК – так называемое Будапештское обращение, содержавшее призыв к европейским государствам провести общеевропейское совещание по безопасности, оценивался в военно-политическом отношении Тираной с учётом взглядов албанского партийно-государственного руководства на политику СССР и возглавляемого им Варшавского блока в целом. Так, в частности, в опубликованных албанской партийной печатью материалах, в которых анализировалось Будапештское заседание, подчеркивалось отсутствие в тексте Обращения классового подхода, и заявлялось о том, что не делалось «даже никаких заявлений о борьбе с империализмом, не упоминались Вьетнам и Ближний Восток, и даже угроза германского реваншизма, являющаяся любимой темой ревизионистской пропаганды, в этот раз представлена в достаточно мягком тоне». Особое значение албанской стороной придавалось возможности советско-американских договоренностей по вопросам безопасности в Европе, что оценивалось руководством АПТ как сговор двух сверхдержав, а Варшавский пакт выступал в этой ситуации как инструмент советского контроля над ситуацией в Восточной Европе¹¹.

В данной связи факт обращения официальной Тираны к теме советско-китайских пограничных вооруженных инцидентов имел особое значение. Военный аспект проблемы, а именно так называемая интернационализация советско-китайского конфликта, рассматривались с точки зрения оборонной политики албанского коммунистического руководства достаточно серьезно и в контексте перспективы участия Варшавского блока в нём на стороне СССР. Как подтверждение подобного сценария развития ситуации оценивалось албанским руководством якобы сделанное министром иностранных дел Болгарии И. Башева заявление о возможности направления сил ОВД на Дальний Восток. Публикация 10 апреля 1969 г. этого материала в австрийской газете «Wiener Zeitung» вызвала жёсткую реакцию албанского руководства. В ней содержалась резкая критика позиции НРБ за её сервильность по отношению к СССР. После произошедшего София лишалась возможности хотя бы частично улучшить отношения с Тираной, что было важно для болгарского партийно-государственного руководства во главе с Т. Живковым, стремившемся усилить как политические, так и военно-стратегические позиции НРБ в Балканском регионе. Особую важность оценке албанских властей болгарской позиции придавал озвученный международной редакцией Радио Тирана тезис готовности режима Живкова направить болгарские войска в случае необходимости и по приказу Кремля в район Средиземноморья и, прежде всего, к побережью Эгейского моря.

Последнее имело особое историческое значение и ставило под сомнение всю балканскую политику коммунистической Болгарии, так как именно эта часть была в период Второй Мировой войны оккупирована войсками царской Болгарии, стремившейся присоединить территорию Эгейской Македонии¹². Опровержение, сделанное болгарской стороной спустя два дня после появления в австрийской печати сообщения о высказывания Башева, не изменило позиции Тираны. Со своей стороны китайское партийно-государственное руководство поддерживало идею тесного военно-политического союза с Тираной, несмотря на явно преувеличенные возможности подобного рода альянса. По линии военного ведомства КНР и от имени маршала Лиин Бяо, направившего 9 июля 1969 г. в адрес министра обороны НРА генерал-полковника Б. Баллуку по случаю 26 годовщины создания АПТ приветствие, в котором заявлялось о том, что «зловещая антикоммунистическая, антинародная и контрреволюционная Московская встреча [имелось в виду международное совещание коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г. – *Ар. У.*]» была направлена против Китая и Албании¹³.

В то же время, весной 1969 г. руководство НРА постаралось усилить собственные позиции на Балканах за счёт расширения отношений с занимавшей особую позицию в НАТО Турцией. Это нашло своё выражение в визите 5-12 мая в эту страну официальной албанской делегации высокого уровня, ранее демонстрировавшегося лишь в албано-советских, а затем в албано-китайских отношениях, что было отмечено и зарубежными аналитиками. В официальных сообщениях о визите заявлялось о стремлении усилить меры доверия в регионе, что имело прямое отношение к военно-стратегической ситуации на полуострове. Курс на укрепление балканской политики был продолжен и в отношениях с соседней Грецией, которая всё ещё не имела мирного договора с Албанией, когда в октябре 1969 г. представитель Афин в ООН обратился к своему албанскому коллеге Х. Будо с предложением развивать торговый обмен между двумя государствами. Однако при этом Тирана настаивала на прекращении «состояния войны», которое продолжало сохраняться уже на протяжении четверти века. Заключение албано-греческого торгового соглашения в начале 1970 г. рассматривалось Тираной как первый шаг по нормализации взаимоотношений с южной соседкой Албании – членом НАТО¹⁴.

Активизация в рамках региональной политики «румынского направления» было продолжено коммунистическим режимом Албании летом 1969 г., когда Тирана вновь обратилась к постоянно

подчеркивавшемуся румынскими властями на официальном уровне тезису необходимости соблюдения равноправия взаимоотношений между государствами, включая и страны коммунистического блока. Однако новым аспектом пропагандистской компании, проводившейся уже на внешнеполитическом уровне албанским руководством, становилась популяризация выдвинутого на IX съезде КПК и поддержанном главой АПТ Э. Ходжей тезиса опоры на собственные ресурсы и силы. Зарубежные аналитики приходили к выводу о том, что Албания начинала играть роль «приводного ремня в распространении китайских теорий по вопросам, касающимся Восточной Европы»¹⁵. Они также отмечали «существование схожести принципов, перечисленных в вышеизложенных строках [речь идёт о пересказе статьи в «Зери и популит» – *Ар. У*] и заявлениями, которые часто слышатся из Бухареста в эти дни. Похоже, что это обращение направлено как Румынии, так и тем, кто придерживается подобных взглядов»¹⁶. Параллельно с выражением одобрения позиции Бухареста Тирана демонстративно выступила летом 1969 г. в поддержку независимой позиции соседней Югославии и против советского давления как на неё (несмотря на то, что отношения с Белградом у режима Э. Ходжи продолжали напряженными и враждебными), так и Румынию¹⁷. В то же время албанское партийно-государственное руководство продолжило выступать против советско-американских переговоров по военным и политическим вопросам, оценивая происходящее как сговор сверхдержав: «Бесславный договор о запрещении испытаний ядерного оружия, подписанный между Советским Союзом и США в 1963 г., другой договор о нераспространении ядерного оружия, подготовленный США и СССР в прошлом, всё это призвано сохранить ядерную монополию этих двух великих держав, которые используют её как орудие угроз и шантажа подвластных народов во имя установления собственной власти в мире. Этой же цели служит в действительности торговля между американскими империалистами и советскими ревизионистами по вопросам ограничения ракет, что направлено на координацию и реализацию их совместных контрреволюционных планов»¹⁸. Советская политика в отношении восточно-европейских союзников Москвы заключалась, по мнению албанского партийно-государственного руководства НРА и лично главы режима Э. Ходжи, использовавшим привычные для него партийно-идеологические характеристики, в том, что «советские ревизионисты свои связи с западными странами и бьются ослабить, перепутать или вообще отрезать связи, которые пытаются установить их «союзники» –

сателлиты... Советская ревизионистская империя считает очень трудным свое положение в Европе. Европейских сателлитов она с трудом держит на привязи и ставит вопрос: до каких пор сможет держать их на привязи»¹⁹. Аргументом в пользу подобной оценки выступал в рассуждениях Э. Ходжи факт официального визита американского президента Р. Никсона в Румынию летом 1969 г., рассматривавшуюся главой АПТ как попытку «проникновения [США] в Румынию, в логово советских»²⁰.

Стремление усилить собственные позиции в региональной политике выявило явное нежелание партийно-государственного руководства НРА во главе с Э. Ходжей обострять полемику с югославским руководством, которое было продемонстрировано албанской стороной, когда она достаточно жёстко осудила действия властей союзной республики Македонии за судебный процесс, проводившийся над инициаторами националистических демонстраций албанцев, состоявшихся в 1968 г., но избегало критики центрального югославского правительства²¹. В сентябре 1969 г., что было отмечено и зарубежными аналитиками, Тирана вновь выразила свою солидарность с позицией Югославии и Румынии, которые, как считало албанское партийно-государственное руководство, противостояли давлению со стороны СССР, частью которого был визит министра иностранных дел СССР А. Громыко в СФРЮ. Заявления руководства НРА, каковыми можно считать публикации редакционных статей в партийном органе АПТ «Зери и популлит», давали основания предполагать, что помимо собственных стратегических интересов в Балканском регионе, целью которых было не допустить доминирования двух сверхдержав на полуострове, Тирана следовала советам Пекина, заинтересованном в «подрыве советских позиций на Балканах»²². Однако в октябре 1969 г., после встречи советского премьера А. Косыгина и китайского Чжоу Энь Лая в пекинском аэропорту, когда решался вопрос об уменьшении напряженности в отношениях двух стран, пограничные инциденты между которыми могли спровоцировать серьезный вооруженный конфликт, официальная Тирана с большой настороженностью отнеслась к возможности советско-китайских переговоров. Замалчивание самого факта встречи глав двух правительств; понижение статуса представительства албанской партийно-государственной делегации, посетившей КНР и отказ китайской стороны во время приемов албанских представителей от постоянного повторения обвинений советского руководства в ревизионизме – всё это делало небезосновательными предположения зарубежных аналитиков

относительно возраставшего недовольства руководства АПТ и лично Э. Ходжи новым этапом советско-китайских отношений²³. В то же время, для западных аналитиков становилось ясно, что «ныне, как и ранее, Ходжа нуждается в продолжение политической защиты и экономической помощи со стороны коммунистического Китая. Политические события послевоенного периода, однако, преподали албанцам наглядный урок: не полагаться полностью на внешних защитников. Китай рассматривается как верный союзник, который, однако, находится далеко от Албании, что делает невозможным полагаться на китайскую помощь в случае, если Албания станет объектом иностранного давления. Более того, в случае серьезного конфликта с Советским Союзом, Китай будет вынужден прекратить помощь своему албанскому союзнику. В случае прекращения китайской помощи, позиции ситуация в Албании станет, по крайней мере, тяжёлой»²⁴. Складывавшаяся ситуация, в свою очередь, рассматривалась в Москве как благоприятный фактор для возможного возобновления взаимоотношений с Тираной, союзник которой – Пекин, пошёл на переговоры с Кремлем и, как, вероятно, полагали в советском руководстве, подавал пример албанской стороне. Появление сразу в советской печати, включая орган ЦК КПСС газету «Правда», нескольких материалов, посвященных 25-летию освобождения Албании, носивших, как отмечали иностранные аналитики, примирительный характер, были призваны продемонстрировать Тиране готовность Москвы пойти на примирение²⁵.

Албанская реакция на предпринятые партийно-государственным руководством СССР шаги продолжала оставаться негативной. Более того, глава режима Э. Ходжа обращал внимание на складывавшуюся военно-стратегическую обстановку как на участке советско-китайского приграничья, так и в восточно-европейском секторе, имея в виду оборонные интересы Тираны. В соответствии с калькуляциями главы АПТ они зависели, с одной стороны, в военно-техническом отношении от КНР, а с другой – от степени и масштабов присутствия Варшавского пакта в регионе Восточной Европы и особенно её юго-восточной зоне. Сообщение, сделанное в начале января 1970 г. китайской стороной её албанским союзникам о том, что морские поставки из КНР будут проходить отныне через Тайванский пролив, контролировавшийся VII флотом США, который ранее блокировал этот район для судов коммунистического Китая, навёл Э. Ходжу на мысль о том, что «видимо встречи послов, китайского и американского, в Варшаве дали какой-нибудь, первый, результат. Нет дыма без огня»²⁶. Американо-китайские контакты порождали определенные

опасения у главы коммунистического режима Албании из-за возможного смягчения позиций Пекина в отношении США и их политики, что было способно ослабить албано-китайский союз. Определенные надежды Ходжа связывал в этой связи с расширением противоречий между СССР, США и КНР, что нашло отражение в его предположениях о том, что «все три государства пускаются на происки в целях интриговать. Китай, *если не пойдёт на уступки* (выделено в тексте – *Ар. У.*), делает очень хорошо, что протискивается в них клином, использует противоречия и мутит им воды»²⁷.

Имея информацию об инициированных Москвой структурных реформах ОВД, проведение которых затруднялось из-за особой позиции партийно-государственного руководства коммунистической Румынии (что так же было известно в Тиране), Э. Ходжа интерпретировал происходящее с точки зрения собственных опасений по поводу ослабления албано-китайского взаимодействия. В определенной степени этот факт обусловил активную поддержку албанскими властями военной активности КНР по периметру её границ с СССР, поддержав укрепление войсковых группировок в китайском приграничье. В конце января 1970 г. орган ЦК АПТ газета «Зери и популит» опубликовала специальную редакционную статью под названием «Политика Китайской Народной Республики по защите Родины и подготовка к войне – правильная революционная политика». В ней СССР обвинялся помимо оккупации Чехословакии в создании угрозы Балканским коммунистическим государствам, проводившим независимый от Москвы курс – Албании, Румынии, и Югославии²⁸. Данный пассаж был призван подчеркнуть тесную связь советской политики на балканском направлении с дальневосточным театром военных действий, где СССР противостоял КНР. Таким образом акцентировалось ещё раз внимание на важности албано-китайского военно-политического союза, что нашло своё отражение в заявлении о том, что: «Если Китай и Албания, как и всякая другая страна, которая решила до конца защищать достижения революции, свою свободу, и независимость, обращают особое внимание на проблемы обороны и готовятся к любой неожиданности, это не является проявлением страха, нервозности и неуверенности. Укрепление обороноспособности Родины, подготовка народа к тому, чтобы успешно справиться с любой формой агрессии, которую могут развязать враги в ближайшем будущем или в дальнейшем, является составной частью революционной политики государства, неотъемлемым фактором успешного строительства социализма и его

гарантией...»²⁹

Во второй половине февраля 1970 г. глава коммунистического режима Албании приходил к выводу о том, что советская сторона пытается создать некие «смешанные крупные воинские подразделения» в рамках Варшавского пакта «с участием в них контингентов из каждого государства-участника» Варшавского блока, чему противится Румыния. Более того, в порядке предположения, требовавшего уточнения, глава АПТ предполагал возможность размещения этих соединений на советско-китайской границе³⁰. Вывод, который делался в этой связи, заключался в обвинении Москвы лишить армии государств-членов ОВД национального суверенитета³¹. Сочетание реальной информации относительно унификации военно-командной системы в интересах усиления военнополитической консолидации блока под руководством СССР с не соответствовавшими действительности слухами свидетельствовало об обеспокоенности главы коммунистического режима Албании и его определенной растерянности.

Региональный аспект имел особое значение для формулировавшейся главой АПТ оборонной политики. Весной 1970 г. официальная Тирана озвучивала тезис необходимости сотрудничества между Албанией и Югославией, когда, по мнению албанского партийно-государственного руководства, существовала реальная угроза военно-политического давления со стороны СССР³². Демонстративное смягчение тональности в отношении СФРЮ было предпринято албанской стороной с целью улучшить отношения с Белградом и было обусловлено несколькими причинами, имевшими как мировое, так и региональное измерение. Главными среди них стали: американо-китайские переговоры, свидетельствовавшие о начале нового периода во взаимоотношениях КНР с внешним миром; усиление самостоятельности Румынии на международной арене и внутри Варшавского пакта. Последнее имело большое значение с точки зрения партийно-государственного руководства коммунистической Албании, вновь обратившегося к теме потенциальной военно-политической угрозы Албании, Румынии и Югославии со стороны СССР и выделявшего Софию как наиболее лояльного союзника Москвы. Югославская сторона положительно оценила шаги Тираны и фактически выдвинула предложение «отложить существовавшие противоречия в сторону», что насторожило Э. Ходжу, который был против подобного сближения с Тито, рассматривавшимся как и прежде враждебно главой АПТ³³. Тирана не собиралась менять свою позицию в целом, а была

заинтересована в военно-региональном аспекте сотрудничества, имея в виду заинтересованность Белграда в улучшении югославо-албанских отношений, и рассчитывала использовать это в собственных интересах. Более того, на предложение югославской стороны повысить уровень дипломатического представительства до ранга посольства, глава АПТ решил не спешить отвечать, но при этом имел в виду образ действий своего союзника – КНР, руководство которой пошло на подобный шаг, сославшись на то, что таким образом они смогут усилить противоречия между Белградом и Москвой³⁴. Стремление не торопиться устанавливать более высокий уровень отношений с СФРЮ, как объяснял это сам Э. Ходжа, объяснялось, во-первых, «желанием избежать любой помощи для Тито на международной арене в момент, когда он чувствует, что слабеет»; во-вторых, определялось задачей «не позволить титоизму, даже через этот политический шаг, который для нас является и будет являться формальными, выдвинуть тезис «они были также неправы» и [заявить] о том, что «Албания, в конце концов, урегулировала со мной все вопросы», и, в-третьих, нежеланием дать «возможность титоизму выступать в роли «третьей силы» и заявить «я примирился и с Китаем и с Албанией»³⁵. В то же время, в своей речи, произнесённой 30 мая 1970 г. на митинге в г. Байрам Цури, Э. Ходжа заявил о том, что албанская сторона не собирается вмешиваться во внутренние дела Югославии, и, назвав руководство СФРЮ антимарксистским, тем не менее сообщил о готовности расширять отношения с Югославией, а также признал за другими право иметь собственное мнение о ситуации в Албании³⁶. Позиция главы коммунистического режима Албании стала предметом анализа в зарубежных СМИ, включая югославские. В последних высказывалось предположение о готовности Тираны присоединиться к Движению неприсоединения³⁷.

Военно-политический аспект взаимоотношений НРА и КНР приобретал к середине 1970 г. особое значение, так как затрагивал основы внешнеполитического курса коммунистического режима Албании и её позиции на Балканах. Стремление Пекина ослабить советское влияние на международной арене, включая находившуюся под контролем Москвы Восточную Европу, вело к поиску возможных комбинаций, способных обеспечить единство тех из коммунистических государств региона, с которыми у СССР существовали проблемы во взаимоотношениях. Это становилось ясно для албанского партийно-государственного руководства, имевшего собственные интересы усиления роли НРА в региональной

политике. В июне 1970 г. в КНР находилась делегация во главе с министром внутренних дел и членом Политбюро ЦК АПТ К. Хазбиу, который встречался с премьером Чжоу Эньлаем и своим коллегой – министром внутренних дел коммунистического режима Каи Шэном. В стратегическом плане албанская сторона была заинтересована в сохранении тесных отношений с КНР, однако начавшиеся американо-китайские консультации, а также активизация политики Пекина на югославском и румынском направлениях воспринимались главой АПТ Э. Ходжей с определенной долей осторожности, так как рассматривались им как угроза снижения роли НРА для КНР как главного союзника и превращения «албанского фактора» исключительно в элемент внешней политики китайского руководства в Балканском регионе. Именно так были восприняты консультации К. Хазбиу в Пекине, когда китайская сторона не предоставила никакой информации ни о поездке высокопоставленной китайской делегации в КНДР, ни о советско-китайских переговорах и о беседах с находившимся в Пекине «человеком № 2» в румынской коммунистической номенклатуре – вице-президентом Государственного Совета Румынии Э. Боднэрашем, прибывшим для консультаций по вопросам двусторонних отношений, ни о ситуации в Индокитае³⁸.

Обеспокоенность главы АПТ тем, что партийно-государственное руководство КНР не сообщило о характере переговоров с советской и румынской сторонами способствовала усилению подозрительности Э. Ходжи относительно истинных планов Пекина в отношении Албании. Предоставление, как стало известно в Тиране, китайской помощи Бухаресту для строительства заводов по производству военной техники и снаряжения, а также заключение Каи Шэна о том, что «вы (албанцы) можете брать затем оружие у румын» лишь укрепили подозрения главы АПТ относительно существования некоего «румынского плана на Балканах», целью которого является создание румыно-югославо-албанского союза, поддерживаемого КНР³⁹. В сентябре 1970 г. во время беседы посла НРА в Бухаресте с Э. Боднэрашем последний сам заявил собеседнику о желательности такого альянса, способного «изменить положение в Европе»⁴⁰.

Э. Ходжа был явно недоволен участием КНР в реализации подобного сценария⁴¹ и усматривал в нём опасность, помимо всего прочего, усиления позиций Бухареста, снижения собственной роли в отношениях с КНР, превращения НРА наряду с СФРЮ и коммунистической Румынией лишь в инструмент китайской политики. Одновременно он видел в таком развитии

событий угрозу зависимости в военно-техническом отношении от Бухареста, а в перспективе и от Белграда, что было неприемлемо для него, претендовавшего на особую роль в Балканском регионе, а в ряде случаев – и в мире. Возможность усиления позиций Румынии становилась для главы коммунистического режима Албании неприемлемой, что серьезно влияло и пока ещё не озвученные им оценки политики КНР. Идеологизированные характеристики румынских, югославских и китайских внешнеполитических планов, дававшиеся пока в не предназначенных для посторонних записях Э. Ходжи, не могли скрыть сути: в Чаушеску он видел союзника Тито и пытавшегося взять «на себя роль единственного человека, способного осуществить «единство социалистических стран в их идеологическом разнообразии»⁴², а в действиях Китая усматривал стремление реализовать принцип «сближаться с антисоветчиками, используя противоречия» несмотря ни на что⁴³. Поездка в Китай в июле 1970 г. министра обороны Румынии генерал-лейтенанта И. Ионицэ, который возвращался из КНДР, была продлена с трёх до десяти дней, имела особое значение не только для румыно-китайских отношений, но и для взаимоотношений Тираны с Пекином. Информация, преднамеренно сообщенная сотрудником МИДа КНР послу НРА, свидетельствовала о том, что китайская сторона начала оказывать экономическую помощь Н. Чаушеску в военно-технической области с тем, чтобы способствовать созданию и развитию военно-промышленного комплекса Румынии, способного в дальнейшем создать собственное самолетостроение, производство танков, тяжёлого вооружения и лёгкого стрелкового оружия. Более того, сообщалось о возможности заключения специального секретного двустороннего соглашения⁴⁴, включавшего экономическую и военно-техническую тематику. Предоставление помощи Румынии, как полагал глава АПТ и чего он более всего опасался, было способно распространиться и на политическую сферу, а в дальнейшем, имея в виду характер взаимоотношений между Бухарестом и Белградом, привлечение Тито к этому неформальному блоку. Попытки румынской стороны добиться усиления взаимодействия с Тираной, включая как один из элементов этого курса, обмен визитами Э. Ходжи и Н. Чаушеску, оценивались главой АПТ крайне настороженно, и в этом он видел перспективу сужения маневра⁴⁵ на международной арене, так как ему пришлось бы отказаться от использовавшейся идеологически оформленной риторики в отношении румынского партийного руководства и согласиться на понижение своей роли особого партнера, получавшего дивиденды от «политической

непредсказуемости». В начале декабря 1970 г. глава АПТ с явным раздражением отмечал новые черты во внешнеполитическом курсе Пекина, главными из которых становилась тактика примирения с США и СССР, активизация китайской дипломатии в Восточной Европе и попытки реализации плана превращения Румынии в объединителя определенных сил в регионе, включая Югославию (которую руководство КНР не хотело бы видеть в подобном качестве по вполне понятным причинам соперничества с ней на международной арене) и Албанию⁴⁶.

За идеологизированными характеристиками действий руководства СФРЮ отчётливо просматривалась очевидная боязнь Э. Ходжи усиления югославских позиций на международной арене в виде комбинации, когда «Тито удачно использует свою «прокитайскую» и «антисоветскую» карту, одним словом, свою старую карту подрыва коммунизма, подрыва советской ревизионистской империи и укрепления так называемой группировки «третьей силы» с американским империализмом»⁴⁷.

Визит американского президента Р. Никсона в Югославию в конце сентября 1970 г. оценивался главой АПТ именно в контексте возможной роли СФРЮ как в мировых, так и региональных делах – Балканского полуострова и Восточного Средиземноморья – не только в международно-политическом, но и военно-стратегическом отношении. Посещение Белграда главой США рассматривалось Э. Ходжей как элемент военной политики Вашингтона, а его целью являлась «проверка и сохранение готовности американских военно-морских сил в Средиземноморье, воздушных и сухопутных войск на европейских территориях, проверка, помощь и выяснение политических сил, поддерживающих Соединенные Штаты Америки в Европе и их глобальную политику, «предупреждение» (в соответствующих масштабах) советских, Бонна и Франции, рекомендация оказывать больше поддержки Италии, Испании и Югославии, проникновение американцев на африканский континент и нейтрализация и ослабление там советского проникновения». Проводя сравнение возможностей ВМФ США и СССР в Средиземноморье, глава АПТ приходил к выводу об ослаблении советских позиций в регионе⁴⁸. В военно-стратегическом отношении Европа, Средиземноморье и Средний Восток рассматривались Э. Ходжей как основные «огненные центры нынешних противоречий между империалистическими и ревизионистскими державами»⁴⁹. Одновременно он исключительно остро относился к идее сближения с Белградом и негативно реагировал на любые попытки со стороны югославского руководства в этом направлении,

включая оборонный аспект, в чём был заинтересован Пекин. Получив информацию о том, что военный атташе СФРЮ в Софии сообщил своему китайскому коллеге о проводимых учениях НАТО и опасных перемещениях греческих вооруженных сил вдоль албано-греческой границы, за которыми внимательно наблюдают в Белграде, Ходжа отмечал в своих записях отсутствие каких-либо передвижений подразделений ВС Греции и делал вывод о стремлении югославской стороны продемонстрировать Пекину свою заботу о безопасности Албании и готовности её защищать⁵⁰.

В складывавшихся условиях активизации внешней политики КНР – главного союзника коммунистической Албании, сменившего непримиримую позицию в отношении США на готовность контактов с ними, а также расширявшиеся связи соседей НРА по региону – Югославии и Румынии с Западным блоком, глава АПТ решил усилить международные позиции коммунистической Албании не только за счёт укрепления албано-китайского союза, но и расширения отношений с отдельными странами Запада, не рассматривавшимися им как непосредственные враги, а также странами Латинской Америки, где были сильны революционные настроения⁵¹. Зарубежные аналитики приходили к выводу о том, что Тирана с большей готовностью шла на установление дипломатических отношений с западными государствами, чем на улучшение связей с так называемыми ревизионистами из числа стран Восточного блока, не говоря об СССР⁵². Попытки последнего вновь пойти на контакты с представителями НРА за рубежом не увенчались успехами в ноябре 1970 г.⁵³

Наметившиеся во внешнеполитических отношениях Албании изменения, вызванные комплексом причин, имевших как международный, так и региональный характер, влияли на темпы формулирования оборонной доктрины НРА на протяжении 1970 г. До конца 60-х гг. политика в области обороны проводилась коммунистическим режимом Албании в рамках подготовки к отражению возможного нападения извне преимущественно средствами и силами регулярной армии. Так, в частности, была разработана концепция использования танковых подразделений в условиях пересеченной местности, сочетавшей горные массивы, узкую береговую линию и изолированные локальные вероятные театры боевых действий. Её автором являлся генерал Абаз Фейзо – командующий бронетанковыми подразделениями. Основную часть танкового парка составили произведенные в КНР и поставленные в 1964–1968 гг. Т-59 – копии

советской модели Т-54/55. К 1970 г. ВС НРА насчитывали около 1040 танков, бронетранспортеров и самоходных гаубиц, распределенных по 14 танковым бригадам, каждая из которых включала 3 танковых батальона в количестве 30 танков, самоходные артиллерийские установки и бронетранспортеры, которых могло насчитываться от 100 до 120 машин. С целью обеспечения технического обслуживания и ремонта бронетанковой техники в Тиране был построен ремонтный завод. Особое внимание уделялось албанской стороной дислокации вооруженных сил и возможностям их защиты от внезапного нападения. Прежде всего, это относилось к военно-морским и военно-воздушным силам НРА, портовое и аэродромное базирование которых должно было предусматривать особенности рельефа страны. В этой связи, ставка делалась на использование опыта коммунистической Северной Кореи в деле строительства специальных ангаров в горных массивах с помощью прокладки туннелей. В 1972 г. на заседании Совета обороны произошёл серьёзный спор между М. Шеху и Э. Ходжей относительно места строительства военного аэродрома, обеспечивающего поддержку ВМФ страны. Первый из них настаивал на сооружении этого объекта в Малакастре, на юге страны, а глава АПГ, которого поддерживали китайские специалисты – в центре, на север от Тираны и вблизи побережья в долине Гядри, что и было сделано⁵⁴.

Опыт коалиционных действий пяти государств Варшавского пакта, участвовавших в интервенции против Чехословакии в августе 1968 г. и использовавших мощную военную 500-тысячную группировку, включая 5 000 единиц танков, повлиял не только на изменение военной доктрины Белграда и Бухареста, но также и на начатые ещё в феврале 1966 г. и интенсифицированные осенью 1968 – зимой 1969 гг. разработки новой оборонной концепции Тираны. Основную роль в этом процессе предстояло сыграть военным эксперта Министерства обороны НРА под руководством главы ведомства генерал-лейтенанта Б. Баллуку. Однако, помимо них, активное участие начал принимать в разработке теоретических основ оборонной стратегии лично Э. Ходжа. Активизация работы над военной доктриной, суть которой предстояло изложить в «Положении по военному искусству народной войны», была обусловлена укреплявшимися у главы коммунистического режима Албании предположениями относительно возможного охлаждения отношений с главным союзником – КНР и под воздействием начатых в Югославии и Румынии реформ в сфере обороны, основной акцент при проведении которых делался на стратегию общенародной войны.

В марте 1970 г. глава АПТ составил многостраничный секретный документ, который можно было перевести как «Тезисы о школе внеклассной военной подготовки» («Teza per shkollen e lire ushtarake»).

Обилие ссылок на работы В. Ленина и постоянное подчеркивание верности идеологическим постулатам ленинизма служило аргументом в пользу выдвижения главного тезиса, заявленного в этом материале, а именно: необходимости всенародного участия в вооруженной борьбе и обязательности подготовки к ней через новую систему всеобщей военной подготовки. С этой целью, помимо уже принятых мер в виде создания хранилищ оружия в различных регионах страны, организации постоянных учений для гражданского населения и резервистов, предполагалось увеличение часов начальной военной подготовки в школах и, что было новым, создание центров военной подготовки граждан без отрыва от производства. Они были призваны дать военные знания для ведения народной войны широким слоям населения⁵⁵. Ленинский тезис о всеобщем вооружении народа был главным аргументом в рассуждениях Э. Ходжи, который не отрицал важности армии, но, судя по всему, начинал опасаться усиления политических позиций военного истеблишмента и в целом становившегося корпоративным офицерского корпуса. Поэтому идея общенародной войны являлась не только основой военной доктрины в плане главы АПТ, но и аргументом в пользу минимизации общественно-политического влияния армии и её руководства. Фактически, «мартовские тезисы» Э. Ходжи являлись продолжением идейно-политических основ организационных изменений в оборонной политике, начатой в 1966 г., когда в соответствии с китайским образцом реформирования армии были отменены воинские звания, введены должности политических комиссаров во всех воинских подразделениях и военизированных организациях, а военные становились своего рода представителями «вооруженной части граждан».

Переданные министру обороны Б. Баллуку Э. Ходжей «Тезисы о школе внеклассной военной подготовки» должны были, как считал их автор, привыкший к подобной практике обращения с его материалами, немедленно рассмотрены в военном ведомстве и, вероятно, как он считал, представлены как директивный документ в Политбюро ЦК АПТ. Однако Баллуку, получив записки Ходжи, решил временно отложить обсуждение данного вопроса, так как работавшие в министерстве обороны экспертные группы ещё не закончили подготовку материала о новой военной доктрине страны. Самому материалу главы АПТ Баллуку присвоил высшую степень секретности и никого не ознакомил с ним. Ставка на усиление

политической работы и повышение роли и места комиссаров в вооруженных силах и их командной системе за счёт фактического ослабления профессионального военного истеблишмента, в котором, судя по всему, Э. Ходжа увидел угрозу собственной власти, становилась доминирующей в теоретических построениях главы АПТ по оборонным вопросам. На проходившем 26 октября 1970 г. заседании Политбюро Албанской партии труда обсуждался «армейский вопрос». Основным докладом, называвшийся «Об идеологической работе и усилении внутрипартийной жизни в армии», был сделан начальником Политического управления вооруженных сил Х. Чако, а в прениях выступил также помимо присутствовавшего на заседании министра обороны Б. Баллуку начальник Генерального штаба генерал-лейтенант П. Думе. Кризис в боевой подготовке, технической оснащенности и подготовке командных кадров вооруженных сил, о чём заявлялось в соответствующей партийной традиции форме – констатации «отдельных недостатков», получил партийно-политическую оценку, содержащуюся в выступлении главы АПТ. Основные тезисы его речи были сформулированы практически в директивном виде. Во-первых, он заявил о необходимости усилить роль комиссаров в воинских подразделениях и рассматривать их не только как политические, но и компетентные военно-командные кадры, способные заменить воинских командиров в условиях боевых действий⁵⁶. Во-вторых, Э. Ходжа недвусмысленно призвал к тому, чтобы активно привлекать новые кадры на командные должности с тем, чтобы подготовить смену или заменить уже в настоящий момент командные кадры высшего и среднего звена, не способные действовать в новых условиях⁵⁷. В-третьих, глава АПТ заявил о необходимости провести широкое обсуждение существующих проблем в войсках, а не доверять обсуждение только троим (имелись в виду Баллуку, Чако и Думе) высшим представителям вооруженных сил⁵⁸. Наконец, в-четвёртых, уже в ближайшее время, как того требовал Ходжа, предстояло вернуться к обсуждению проблем армии на заседании Политбюро ЦК АПТ, где все трое – министр обороны, начальник Генерального штаба и начальник Политического управления – должны были доложить о проделанной работе и «исправлении существовавшей ситуации». Все трое представителей высшего военного руководства страны подверглись резкой критике и им было дано поручение сделать в ближайшее время проанализировать и сделать доклад «на основании всего того, что здесь [на Политбюро – Ар. У] обсуждали». Весьма примечательной была та часть речи Ходжи, где он говорил: «Мы считаем

что Бечир (Баллуку), Петрит (Чако) и Хито (Думе) правильно понимают то, что спрашивает Политбюро является очень важным для партии, правильным для пользы армии, для пользы партии, в пользу Родины и для пользы наших военных товарищей»⁵⁹.

Произошедшее 26 октября свидетельствовало о том, что глава АПТ решил добиться реализации выдвинутых в датированных 5 октября 1970 г. «Тезисах» и не рассматривавшихся руководством министерства обороны положений. Последнее оценивалось Ходжей как фактическое сопротивление со стороны руководства военного ведомства и уже рассматривалось им с учётом возможной консолидации военного истеблишмента из числа профессиональных военных кадров. Упоминание о необходимости готовить смену тем, кто по состоянию здоровья уже не в состоянии выполнять обязанности и решать задачи, которые, как заявил об этом Ходжа, несмотря на обсуждение их в правительстве и Политбюро ЦК АПТ, так и не решаются уже 10 лет, являлись прямым намёком многолетним руководителям министерства обороны в лице Баллуку, Чако и Думе, на возможность их снятия с постов, хотя в своём выступлении Ходжа и сказал о своей уверенности в способности решать проблемы ими – «высшими военными кадрами»⁶⁰.

Вопросы обороны осенью 1970 г. приобретали всё большее значение для руководства НРА, так как затрагивали широкий комплекс вопросов, связанных как международными позициями страны, так и ситуацией внутри правящих кругов коммунистического режима. 21 ноября 1970 г. ближайший сподвижник Э. Ходжи и второй человек в руководстве страны – премьер-министр М. Шеху, курировавший военную область и репрессивный аппарат в лице МВД и Сигуриме, выступил с докладом о плане развития Албании на период 1971–1975 гг., частью которого, помимо экономических и социальных аспектов, была тема военного строительства и укрепления обороны. Несмотря на общий характер заявлений о необходимости усиления обороноспособности, традиционных для подобного рода выступлений высшего партийного руководства коммунистических стран, тем не менее, зарубежные аналитики обратили внимание на выделенные М. Шеху две главные проблемы, а именно: необходимость улучшения качества военной подготовки как армии, так и резервистов, решением которых планировал заняться Совет Министров⁶¹. Зарубежные наблюдатели также отмечали, что если ранее руководители НРА заявляли о полной готовности к обороне страны, то на этот раз речь шла о «радикальном улучшении», что давало основания считать оборонные

возможности Албании недостаточными. Имея в виду заключенные в октябре 1970 г. торговые договоры между Тираной и Пекином, участие в церемонии подписания документов высокопоставленного представителя партийной номенклатуры начальника Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая Хуа Юн-шеня⁶², а также появившиеся в албанской печати заявления о важности двустороннего договора об экономическом сотрудничестве для обороноспособности НРА, делался вывод относительно большой роли китайской военной помощи Тиране. В военно-политическом отношении М. Шеху определил как источники угрозы для НРА два блока – НАТО и Варшавский пакт, из которых последний, как полагали иностранные аналитики, вызывал наибольшие опасения у албанского партийно-государственного руководства⁶³. Особое значение в этой связи приобретала доктрина «всенародной войны против агрессии», концептуальные основы и конкретные оперативные планы которой начали разрабатываться ещё в 1966 г.

Темы оборонной политики и военного строительства приобретала всё большее значение, и после октябрьского обсуждения этих вопросов на Политбюро ЦК АПТ становилось ясно, что албанское партийно-государственное руководство в лице Э. Ходжи намерено вновь вернуться к ним. Очередное заседание Политбюро, состоявшееся 8 декабря 1970 г., носило ярко выраженный характер начала открытого конфликта Э. Ходжи и руководства министерства обороны, свидетельствуя о противоречиях, существовавших также внутри высшего военного руководства. Глава АПТ, с одной стороны, жёстко критиковал министра обороны Б. Баллуку и начальника Генерального штаба Х. Думе в связи с продолжавшимися между ними ещё с 1966 г. противоречиями. Но, с другой, выступление Э. Ходжи свидетельствовало о недовольстве главой военного ведомства, который, как он заявил, «создал сложную ситуацию в руководстве Министерства обороны»⁶⁴ и считал себя крупным специалистом в военных вопросах и требовал к себе соответствующего отношения, в то время как начальник Генштаба имел иное мнение по военным вопросам⁶⁵. Одновременно он обвинил руководство армии в неправильном понимании методов подготовки вооруженных сил, выступив против тезиса «только в казарме возможно соблюдение дисциплины»⁶⁶, что фактически отвергалось и в его в его «Тезисах», определявших задачу подготовки массовых вооруженных сил из числа не профессиональных военных, а резервистов и гражданского населения. Более того, в соответствии с этой точкой зрения на военную подготовку, глава АПТ выдвигал идею подготовки из рядовых

военнослужащих в течение их пребывания в период обязательной службы в вооруженных силах, к концу срока уже командиров взводов и рот⁶⁷. Проходившие до этого заседания Военного Совета собирались по инициативе Ходжи, который заявил на заседании Политбюро 8 декабря о том, что Министерство обороны, в свою очередь, такой инициативы не проявляло, так и не решили проблем армии. Стремление главы АПТ навязать свою точку зрения на формулирование военной доктрины, способы организации боевых действий и концептуально определить весь комплекс вопросов оборонной политики становилось всё очевидней. Впервые он упомянул о некой «небольшой бумаге»⁶⁸ (под которой подразумевались «Тезисы» от 5 марта 1970 г.), переданной им Б. Баллуку для ознакомления и которую министр обороны, как он заявил первому секретарю АПТ, изучил, пообещав «с августа или сентября» сделать больше сообщений о ситуации в вооруженных сил, так как до того времени предполагалось провести определенные мероприятия. Судя по всему, Баллуку стремился ускорить работу экспертной группы министерства обороны, работавшей над военной доктриной, и не хотел ограничиваться явно непрофессионально составленными «Тезисами» Э. Ходжи.

Учитывая тот факт, что работа над военной доктриной продолжала оставаться незаконченной, а руководство министерства обороны так и не приступило к обсуждению соответствующих документов, методическую основу которых, как вероятно полагал Ходжа, должны были представлять его «Тезисы», глава АПТ настаивал на возвращении к теме оборонной политики на специально посвященном этой проблеме заседании ЦК АПТ, который должен был рассмотреть как ситуацию в Вооруженных силах, так и военную политику в целом⁶⁹.

В начале 1971 г. совместным секретным решением ЦК АПТ и Совета Министров НРА был принят базовый директивный документ по вопросам оборонной политики, в котором заявлялось о необходимости решения двух вопросов. Один из них – это строительство военно-технических сооружений по всей территории Албании – бункеров. Эти конструкции предполагалось использовать на случай войны как долговременные огневые точки и места укрытия. Предполагалось построить сотни огневых точек, бункеров для укрытия гражданского населения в домах и государственных учреждениях. Вторая часть документа касалась определения основ «Военного искусства народной войны», т. е. всенародного сопротивления против возможной внешней агрессии в различных вооруженных формах. Э. Ходжа настаивал на увеличении

артиллерии в общей структуре вооружений албанской армии, что привело к тому, что она составила к 1972 г. около 32 % от всего тяжёлого вооружения⁷⁰. Использование этого вида оружия, защищенного от ударов неприятеля, было призвано сорвать наступательные действия противника. Считалось (что явно соответствовало личным представлениям Э. Ходжи о стратегии и тактике современных боевых действий), что в основу действий по обороне страны должна быть положена концепция «камня, брошенного в воду». Это образное выражение служило для обозначения конкретной стратегии, а именно: защиты территории Албании из центра концентрическими кругами до её границ с тем, чтобы не допустить брешы в обороне. Для реализации данной концепции требовалась соответствующая фортификационная подготовка и организация вооруженных сил: превращение горных районов в бастионы, неприступные для неприятеля и условное разделение сил на так называемые сдерживающие (блокирующие) и операционные (наступательные).

На протяжении 1971–1975 гг. развернулось строительство не только небольших бункеров, но и мощной системы подземных туннелей, включая горные массивы. В них начали размещать большие склады вооружений и боеприпасов, которые предстояло использовать албанским вооруженным силам. Строительство этих сооружений велось часто примитивными способами, что вело к гибели военнослужащих, а также заключенных, привлекаемых для их выполнения. Стратегический замысел Э. Ходжи заключался в создании условий для победоносной борьбы с превосходящими силами противника независимо от того, будет ли он представлен одной страной или их коалицией. Основной формой вооруженной борьбы, на чём настаивал глава АПТ ещё в 1966 г.⁷¹, предполагалось сделать партизанскую войну. Эта точка зрения вызывала у профессиональных военных сомнения в реалистичности подобных действий в условиях Албании, не обладавшей достаточными военными и человеческими ресурсами для того, чтобы добиться победы в войне с крупными государствами и военно-политическими блоками, в частности, НАТО и ОВД.

Принятые решения серьезно повлияли на деятельность двух созданных ещё ранее групп, занимавшихся подготовкой оборонной концепции страны, и которые находились в созданном в 1971 г. Институте военных исследований при Генеральном штабе Вооруженных сил, издававшем ежеквартальный 300-страничный секретный журнал «Военные знания» («Njohuri ushtarake»), распространявшийся среди командного

состава и высшего партийно-государственного руководства. Каждая из них работала над двумя вариантами такого документа. Э. Ходжа, считавший себя военным теоретиком, и М. Шеху, стремившийся не допустить ослабления своего контроля над военными, настаивали на большем количестве вариантов, полагая, вероятно, что им удастся на завершающей стадии создать некий «синтетический» материал. В свою очередь глава военного ведомства Б. Баллуку стремился, чтобы разрабатываемый документ соответствовал степени развития военного дела в мире и в нём был учтён опыт применения средств и сил в современных военных конфликтах. Это нашло своё отражение в его выступлении 3 февраля 1971 г. на коллегии Министерства, когда он заявил о том, что «...даже необходимо в дальнейшем обогатить тезисы Совета обороны... оосовременив их [знаниями] наших врагов»⁷². Тем временем, в Политическое управление Вооруженных сил пришло специальное директивное письмо из ЦК АПТ, в котором жёстко критиковались методы работы министра обороны Б. Баллуку и начальника Генерального штаба П. Думе. Сам факт появления подобного документа и требование ознакомиться с ним начальствующий состав вооруженных сил свидетельствовали о развитии серьезного конфликта между руководством АПТ, прежде всего, лично Ходжей и «первыми лицами» армии. Для многих офицеров это стало неожиданностью⁷³, а для упоминавшихся военачальников – серьезным предупреждением.

Прошедший 26 июня – 1 июля 1974 г. XII Пленум ЦК АПТ, посвященный вопросам вооруженных сил и оборонной политике, свидетельствовал о постепенно нараставшем недовольстве Э. Ходжи и М. Шеху слишком большой самостоятельностью военных, занимавшихся подготовкой базового документа «Основ военного искусства народной войны» для Совета обороны.

Формулирование новой военной доктрины партийно-государственным руководством НРА и, прежде всего, лично Э. Ходжей, базировалось на идеологической концепции, обуславливавшей стратегическое видение военно-политической ситуации, заключавшегося в приравнивании Варшавского пакта Североатлантическому альянсу и превращении его «в другое НАТО, где устанавливать закон будет Советский Союз»⁷⁴. Опубликование по явному распоряжению Э. Ходжи в одном из июльских номеров в центральном партийном органе «Зери и популлит» статьи министра обороны КНР Линь Бяо, называвшейся «Да здравствует народная война!», имело целью ещё раз подтвердить курс на формулирование

оборонной политики именно в данном ключе⁷⁵. На состоявшейся вскоре встрече Э. Ходжи и Б. Баллуку в резиденции Поградец, куда глава военного ведомства был срочно вызван для обсуждения концепции этого вопроса, глава АПТ потребовал ускорить работу над документом с учётом концепции народной войны⁷⁶. Основными положениями военной доктрины и оборонной политик в целом, как их формулировал Э. Ходжа, были: во-первых, разработка стратегии народной войны против превосходящих сил противника в лице одного государства или их коалиции, и, во-вторых, недопущение того, что «ни пяди земли агрессор не должен захватить, и ни один вражеский солдат не должен ступить на нашу землю»⁷⁷. Столь жёсткие требования к подготавливаемому документу объяснялись, вероятнее всего, опасениями главы АПТ того, что в случае, если противнику удастся закрепиться на албанской территории, он сможет использовать этот факт для дальнейшей легитимации своего присутствия в стране и создаст «параллельное правительство», от имени которого и в помощь которому начнёт действовать против коммунистического режима. В ноябре 1971 г. Э. Ходже был представлен документ, содержащий основные положения военной доктрины, по ознакомлению с которой он сделал пометки о необходимости уделить внимание борьбе против возможных десантных операций противника⁷⁸.

Особое значение для военно-стратегических планов обороны НРА имели отношения с соседней Югославией. Несмотря на обвинения руководства СФРЮ в ревизионизме, глава АПТ чётко определял однозначную поддержку Белграду со стороны Албании в случае агрессии против Югославии⁷⁹. При этом, однако, в Тиране полагали, что югославская сторона нередко специально прибегает к преувеличениям, сообщая о том, что СССР готов напасть на СФРЮ, и делает это для привлечения внимания НРА, пытаясь таким образом улучшить взаимоотношения с ней⁸⁰. В то же время, руководство коммунистической Албании рассматривало необходимость улучшения отношений с соседней Грецией (включая установление дипломатических отношений), которая на протяжении долгого времени воспринималась режимом Э. Ходжи как непосредственная угроза безопасности НРА⁸¹. Это было особенно важно для региональных позиций Тираны, которая с тревогой наблюдала за смягчением позиций Пекина в отношении Москвы⁸² и попытками КНР и США в апреле 1971 г. наладить взаимоотношения друг с другом. Подтверждение в официальном сообщении информагенства КНР Синьхуа 16 июля 1971 г. о планируемом визите американского президента Р.

Никсона в КНР было воспринято Э. Ходжей с удивлением⁸³ и осуждением как ошибки⁸⁴, что было отмечено и зарубежными обозревателями⁸⁵.

В начале августа китайская сторона через премьера Чжоу Эньлая, встретившегося с послом НРА в Пекине Дж. Робо, проинформировала руководство АПТ по поводу планировавшегося визита Никсона в КНР. На проходившем 2 августа 1971 г. заседании Политбюро ЦК АПТ фактически была высказана критика действий китайских союзников за занятую ими примирительную позицию по отношению к США, в то время как лично Э. Ходжа настаивал на приверженности идее «войны на два фронта» – против «американского империализма» и «советского ревизионизма» и уже открыто заявлял в кругу членов высшего руководства АПТ об «историческом характере заседания Политбюро», так как «мы [АПТ – Ар. У] если и не вступаем в конфликт, то, по крайней мере, кладём прямо на стол идеологические противоречия между нами и китайцами. Вы выразите своё мнение, но я хотел бы подчеркнуть тот факт, что данный вопрос не столь прост, как кажется нам на основании переданной нам информации, как будто бы это простое повышение дипломатов на китайско-американских переговорах в Варшаве. Но визит Никсона в Китай – это стратегический курс китайцев. Это их «большая» стратегия. Я полагаю, что даже сама форма информации, предоставленной нам, была подготовлена специально для нас, албанцев»⁸⁶.

Не меньшую обеспокоенность вызывала у главы АПТ активизация румыно-китайских связей в конце мая – начале июня 1971 г., когда глава РКП Н. Чаушеску посетил КНР во главе партийно-государственной делегации. В контексте последнего Ходжа начинал подозревать возможность существования у Бухареста планов создания некоего военно-политического блока с участием КНР, Румынии, СФРЮ, Северной Кореи, Северного Вьетнама и НРА⁸⁷. Продолжение дальневосточного турне Чаушеску и посещение им КНДР также порождало подобные предположения. Этому способствовало и стремление китайской стороны не допустить утечек информации о состоявшихся переговорах и ограничить предоставление сведений о визите даже своим албанским союзникам⁸⁸. Визит в Пекин министра иностранных дел СФРЮ М. Тепаваца, состоявшийся вслед за посещением КНР Н. Чаушеску, вполне укладывался в эту схему⁸⁹. Глава АПТ отмечал обеспокоенность китайского партийно-государственного руководства возможностью жёстких действий Москвы в отношении Бухареста в той форме, как это было в период подавления Пражской весны 1968 г. С целью получения более точной информации о

характере крымской встречи, состоявшейся в августе 1971 г. между Л. Брежневым и Н. Чаушеску, китайская сторона обратилась к своим албанским союзникам⁹⁰, но и они не имели детальной информации о переговорах.

Стремясь не допустить ослабления политических отношений с Пекином, а также военно-технической помощи, оказывавшейся КНР своему союзнику на Балканах – коммунистической Албании, глава АПТ Э. Ходжа настоял на демонстративном во многих отношениях визите китайской военной делегации Главного политического управления НОАК во главе с его начальником Ли Дешеном в Тирану перед её посещением Бухареста, куда она отправлялась для присутствия на праздновании очередной годовщины коммунистического праздника – 23 августа⁹¹. Состоявшиеся албано-китайские беседы свидетельствовали о том, что Пекин был исключительно заинтересован в укреплении отношений как в политическом, так и военном отношении между Румынией, Югославией и Албанией, которые могли, в случае реализации этого проекта, стать своеобразным военно-политическим блоком, тесно связанным с КНР и выступающим в виде контрбаланса сразу в отношении двух противостоящих пактов – Североатлантического и Варшавского. При этом аргументация китайской стороны, использовавшаяся в беседах с представителями руководства НРА, формулировалась в виде тезиса: «Мы далеко и не можем вам помочь, создайте прочный блок с Югославией и Румынией»⁹². Ходжа, в свою очередь, отрицательно относился к подобной идее, выступая с позиций «борьбы с ревизионизмом». Подобный пропагандистский лозунг, вероятнее всего, должен был скрыть его недовольство возможным превращением особых двусторонних взаимоотношений между Тираной и Пекином в обычные и равные по своей значимости взаимоотношения китайского руководства с Румынией и Югославией. Используя во время беседы с китайской военной делегацией ссылку на «большую шумиху советской ревизионисткой пропаганды о формировании оси Белград-Бухарест-Тирана»⁹³, глава АПТ, таким образом, дал понять собеседникам, что не рассматривает серьезно этот факт. Не отвергая возможность поддержки Белграда и Бухареста в случае конфликта с Москвой, он, тем не менее, был категорически не согласен с созданием подобного блока⁹⁴. Реализация планов военной агрессии СССР против Югославии и Румынии, по мнению Ходжи, была затруднена возможными оборонительными действиями этих двух стран, однако давление на Тито и Чаушеску со стороны Кремля он признавал⁹⁵. Более того, во время встречи

с китайской военной делегацией глава АПТ настойчиво проводил мысль о том, что как США, так и СССР являются врагами Албании и Китая, а «поражение им необходимо нанести не только политическое, идеологическое и экономическое, но, если это потребуется, и военное»⁹⁶. Подобные идеи, находившиеся в явном противоречии с начатой Пекином политикой «смягчения» конфликтности с двумя сверхдержавами, воспринимались китайской стороной без энтузиазма.

Происходящее свидетельствовало о назревании серьезного конфликта между албанским и китайским партийно-государственным руководством и о стремлении Тираны не поддаваться давлению со стороны даже своего единственного ближайшего союзника – КНР: «Поездка китайской делегации в Румынию и приезд её к нам имеют своей целью создать у мировой общественности впечатление, будто Югославия, Румыния и Албания – “солидарны”, причём даже в военном отношении, против Советского Союза. В целях создания этого впечатления, китайцы, воспользовавшись албанско-китайской дружбой, без нашего согласия приходят на помощь румынам и югославам в этом направлении»⁹⁷.

К началу осени 1971 г. в связи с объявлением советской стороной о планируемой в сентябре встрече И. Тито и Л. Брежнева, внешнеполитический и военно-стратегический анализ складывавшейся в мире и Балканском регионе ситуации делался главой АПТ в виде констатации существовавших противоречий и возможных действий, прежде всего СССР, по их разрешению в свою пользу. Во-первых, отмечалось стремление Москвы смягчить напряженность в отношениях с Бухарестом и Белградом с тем, чтобы усилить давление на Пекин. Во-вторых, Э. Ходжа предполагал, что югославская сторона будет стремиться поддерживать Румынию, так как это отвечает интересам руководства СФРЮ по ослаблению влияния СССР в регионе. В-третьих, Советский Союз будет стремиться добиться ослабления напряженности в отношениях с США с тем, чтобы не допустить сближения с ними КНР. Наконец, в-четвертых, в случае провала советско-американского сближения, Москва, как полагал глава АПТ, усилила бы взаимодействие с европейскими государствами с целью ослабить позиции США в Европе⁹⁸. Оборонный компонент анализа вероятного сценария развития событий заключался в важных для албанской стороны проблемах: 1) сохранении политического союза между НРА и КНР и военнотехнической помощи Китая албанским вооруженным силам; 2) недопущении изменения военно-политической ситуации в Балканском регионе за счёт усиления позиций Югославии и

Румынии. Несмотря на наметившееся охлаждение отношений между Тираной и Пекином, партийно-государственное руководство Албании продолжала поддержку позиций КНР на международной арене. Это нашло своё отражение в очередном, уже в восьмом по счёту, выдвижении албанской стороной 25 октября 1971 г. предложения признать КНР единственным представителем Китая вместо Китайской Республики (Тайвань) в ООН и обеспечить ей соответствующее место в этой организации. Албанская инициатива получила большинство участвовавших в голосовании⁹⁹.

Албанская инициатива, несмотря на удачный для КНР исход, способствовала тому, чтобы Пекин занял более конфронтационные позиции в отношении США и СССР, как на то рассчитывало албанское партийно-государственное руководство. Более того, китайская партийная делегация не прибыла в Тирану на проходивший 1–7 ноября 1971 г. VI съезд АПТ, аргументировав это перед албанской стороной тем, что руководство КПК отказалось пока от посылки на съезды зарубежных компартий своих представителей. Отсутствие на съезде делегации КПК, а также призыв Э. Ходжи вести «борьбу на два фронта» – тезис, который китайская компартия уже перестала использовать, дали небезосновательные причины считать зарубежным аналитикам, что в отношениях между Тираной и Пекином, который стал проводить новый курс на международной арене в отношении США и частично СССР, возникли серьезные разногласия¹⁰⁰, и что албанская сторона, таким образом, предупреждала Румынию, КНДР и Северный Вьетнам, выступавших с собственных позиций среди коммунистических государств¹⁰¹.

В своём докладе Э. Ходжа, помимо традиционной положительной оценки албано-китайских отношений и жёсткой критики в адрес СССР, а также США, определил недвусмысленно оборонную политику страны в контексте её международного положения и региональных интересов на Балканском полуострове. Ключевыми тезисами речи главы АПТ было осуждение так называемой доктрины Брежнева – «ограниченного суверенитета» государств-союзников Москвы по Варшавскому пакту, рассматривавшейся им как обоснование для советского вмешательства во внутренние дела стран Восточного блока¹⁰²; объяснение выхода Албании из ОВД в 1968 г. необходимостью защиты суверенитета и независимости страны¹⁰³, и провозглашение «борьбы на два фронта», т. е. против «американского империализма» и «советского социал-империализма». Эта

концепция была повторена и в нескольких других выступлениях во время съезда. Развивая идею ведения народной войны, Э. Ходжа заявил о том, что «Родина принадлежит всему народу, и поэтому она защищается не только регулярной армией, одетую в униформу, но и всем вооруженным народом, организованным и подготовленным в военном отношении»¹⁰⁴. В тесной связи с этим тезисом находился и другой, озвученный главой АПТ, и свидетельствовавший о его стремлении усилить политический контроль над кадровыми военными. Заявив о том, что «наша армия – это армия нового типа, народная армия, армия революции», он акцентировал внимание, с одной стороны, на необходимости поддержания партизанских традиций в ней, а с другой – на том, что армия НРА отличается от «армий буржуазных и ревизионистских государств» тем, что она «не армия казармы, кастовая и закрытая», а близкая народу, так как её кадровому составу «чужды зарубежные реакционные ревизионистские взгляды на военных»¹⁰⁵. В определенной степени это было стремлением подтвердить избранный ещё в 1966 г. курс реформирования вооруженных сил, воспринимавшийся среди кадровых военных, как отмечали уже позже в своих воспоминаниях многие из них, достаточно негативно из-за ликвидации воинских званий, усиления парткомов в воинских частях в ущерб позициям военно-командного состава, привлечение армии к хозяйственной деятельности и ослабление воинской дисциплины¹⁰⁶. Более того, апеллирование к партизанским традициям было призвано подчеркнуть важность именно подобного опыта, учитывавшего исключительно «албанские условия», несмотря на явное несоответствие стратегии партизанской войны 40-х гг. практике применения вооруженных сил в 70-е гг. Ещё в 1966 г. министр обороны Б. Баллуку в беседе с одним из будущих авторов директивного документа «Тезисы Совета Обороны» Э. Хадо, отмечая необходимость использовать зарубежные, в частности, советские военно-теоретические разработки (против чего выступал Ходжа и Шеху), заявлял: «Я не могу опираться на партизанскую войну, которую однажды вели, потому что это было восстание. Сейчас мы призваны защищать Албанию, а это совсем другое, нежели раньше, мы ныне будем защищаться»¹⁰⁷. В то же время, глава военного ведомства, хорошо знакомый с аппаратными правилами в высших эшелонах АПТ, а также знавший о том, что глава партии делает упор именно на партизанское прошлое, рекомендовал включить Хадо пассаж о народной войне в готовящийся документ¹⁰⁸. В декабре 1972 г. на XII Пленуме ЦК АПТ Э. Ходжа повторил свою версию в формулировании принципов военной

доктрины.

Таким образом, концепция оборонной политики НРА, еще не будучи даже сформулированной, становилась предметом назревавшего конфликта в высших кругах АПТ по военно-политическим вопросам, испытывая влияние межличностных отношений. Вероятность охлаждения отношений с КНР – единственным союзником НРА, усиливала у главы Э. Ходжи и его ближайшего окружения уверенность в необходимости делать ставку на использование собственных сил при обороне страны и опираться, прежде всего, на национальный опыт партизанской борьбы периода Второй Мировой войны. Этот тезис превращался в главный идеологический постулат, определявший взгляды партийно-государственного руководства НРА на оборонную политику в целом.

Начало 1972 г. стало для главы АПТ и высшего партийно-государственного руководства НРА серьезным рубежом в формировании новой картины мира и расстановки сил на международной арене, что повлияло на внутреннюю политику коммунистического режима в целом. Два знаковых события были восприняты Э. Ходжей с особой озабоченностью. Первым из них было долгое молчание китайской стороны о судьбе внезапно исчезнувшего осенью 1971 г. из общественной жизни министра обороны КНР маршала Линь Бяо, который, как потом выяснилось, разбился в авиакатастрофе над Монголией во время его бегства в СССР. Сам глава АПТ интересовался тем, был ли согласен глава военного ведомства КНР и один из наиболее влиятельных в партийно-государственной номенклатуре коммунистического Китая человек с политикой нормализации взаимоотношений с США. Полученная Э. Ходжей от албанского посла в Пекине в виде, вероятнее всего, пересказа неофициальных слухов информация давала основания считать Тиране, что в руководстве КПК готовился некий военный заговор¹⁰⁹.

Вторым знаковым событием, повлиявшим на формирование у Э. Ходжи и его ближайшего окружения нового восприятия происходящего на международной арене, стал визит 21–28 февраля 1972 г. президента США Р. Никсона в КНР и его встреча с Мао Цзэдуном на второй день после прибытия в Пекин. Произошедшее было крайне негативно оценено Э. Ходжей, который в своих личных записях уже характеризовал действия китайской стороны как постепенный отход от революционной линии к оппортунизму и ревизионизму, а также иронично отмечал, что жена президента занялась рекламой китайских товаров и китайской кухни, став новой Анной Луизой Стронг¹¹⁰. Особенно для руководителя АПТ был

неприятным то, что лидеры КПК не проинформировали своих албанских коллег о содержании американско-китайских переговоров и возможных заключенных договоренностях. В начале марта пропагандистский орган ЦК АПТ газета «Зери и популит» опубликовал редакционную статью (что было отмечено зарубежными наблюдателями)¹¹¹, в которой в весьма агрессивном тоне характеризовалась как сам Никсон, так и его поездка в КНР. Со своей стороны, Москва постаралась использовать складывавшуюся ситуацию для того, чтобы, как отмечали иностранные аналитики, дискредитировать КНР в глазах албанского партийно-государственного руководства, и советская пропаганда на албанском языке, осуществлявшаяся советским иновещанием, не преминула использовать поездку Никсона в Пекин для этой цели, обратив внимание слушателей на отсутствие информации об этом визите в албанских СМИ¹¹². В странах Центральной Восточной Европы – союзниках СССР по Варшавскому блоку – также отмечали начавшееся охлаждение взаимоотношений Тираны и Пекина¹¹³. В свою очередь, Ходжа отмечал, что советская пропаганда, которая демонстрировала жёстко отрицательное отношение Кремля к американско-китайскому сближению, обвиняла руководства КПК в том, что «торгуется с американскими империализмом с целью разделения сфер влияния в мире»; строит свои отношения с Вашингтоном на антисоветской основе, ослабляя коммунистическое движение и социалистический лагерь; предаёт национально-освободительное движение¹¹⁴.

Визит албанской правительственной делегации в начале апреля 1972 г. в КНР по поводу подписания договора о предоставлении Пекином сельскохозяйственных кредитов Тиране не изменил ситуации в албанско-китайских отношениях: китайская сторона избегала делать антиамериканские заявления и не вдавалась в детали визита Никсона в КНР. Аналогичным образом действовал Пекин и после визита Г. Киссинджера в июне 1972 г. Однако наибольшую тревогу у Э. Ходжи вызвало заявление, сделанное в октябре 1972 г. китайской стороной во время переговоров с албанскими коллегами, о том, что КНР не может удовлетворить просьбу Албании о предоставлении экономической помощи в связи с недостатком ресурсов у самого Китая.

Своеобразным ответом на происходившие изменения в албанско-китайских отношениях, частью которых являлся неформальный политический союз и военно-техническая помощь Пекина албанской стороне, стали попытки Тираны активизировать внешнеполитическую деятельность в отношении стран Средиземноморья, в частности, Италии и

Греции. Подобные шаги были призваны, по мнению главы АПТ и его ближайших сподвижников, прежде всего, премьер-министра М. Шеху, усилить позиции НРА в регионе и способствовать укреплению её безопасности. Именно поэтому проявленная в конце января 1972 г. итальянской дипломатией озабоченность, о чём заявил итальянский посол в Тиране во время беседы в министерстве иностранных дел НРА, ситуацией в Югославии, где продолжался внутривластный кризис, и давлением со стороны Москвы на Белград, а также заверения в дружеских намерениях Рима в отношении Тираны, заинтересовали Ходжу¹¹⁵. Предупреждение со стороны итальянского дипломата о том, что советская угроза представляет собой дамоклов меч и вполне возможно, что советские ВМФ окажутся в адриатическом портах Югославии, рассматривались главой АПТ с учётом военно-стратегической ситуации в Средиземноморье и его адриатическом секторе. Суть его позиции заключалась в характеристике НАТО и ОВД как одинаково агрессивных блоков, военные флота которых должны быть выведены из региона, так как в Адриатическом море могут находиться ВМФ только трёх стран, имеющих выход к нему: Албании, Италии и Югославии¹¹⁶. Одновременно Ходжа давал поручение албанскому МИДу сообщить итальянской стороне о том, что Тирана проявит солидарность в случае агрессии против СФРЮ и не будет выступать в поддержку ирредентистского движения в Косово, но при этом не быть слишком откровенными при переговорах с итальянцами и «использовать конъюнктуру итальянской политики в наших целях»¹¹⁷. В отношениях с Грецией, где у власти был военно-политический режим, установленный там в апреле 1967 г.¹¹⁸, глава АПТ также стремился добиться паритета, но без демонстрации слишком тесных отношений с официальными Афинами, которые находились частично в изоляции в евро-атлантическом сообществе из-за военного переворота и ликвидации парламентской демократии. В числе поручений для албанского МИДа, сделанных Ходжей, были, во-первых, рекомендация предоставить возможность греческому послу увидеть, что права греческого национального меньшинства в Албании не нарушаются, и, во-вторых, требование поддерживать с Грецией корректные отношения, но быть исключительно осторожными. Более того, оценивая характер возможных угроз для НРА со стороны Греции и Италии, Э. Ходжа делала вывод о том, что «не надо забывать, что между Италией и Грецией давно существует враждебность, когда Италия напала [на Грецию], но есть и новые противоречия. Режим полковников не в слишком хороших отношениях с Римом. Греция не хочет агрессии в отношении Албании со

стороны Италии, точно также как и Италия не желает агрессии Греции против Албании. Но ныне обе убеждены, что Албания настроена как против одной, так и против другой, или вообще против обеих стран. Поэтому они обе пытаются стать нашими друзьями, они нам говорят: «Мы хотим, чтобы вы проводили независимую политику», если мы проводим такую политику, то она нравится Риму и Афинам!»¹¹⁹ Однако Ходжа призывал МИД к осторожности в отношениях с ними. Необходимость строительства системы обороны Албании объяснялись Э. Ходжей военно-стратегической ситуацией, складывавшейся в Балканском регионе. Визит в Белград 27 марта 1972 г. министра обороны СССР маршала А. Гречко расценивался главой АПТ как проявление того, что «Москва с вождедением смотрит на Балканы, как на путь для проезда, как на мост для территориальной связи со своими войсками в Средиземноморье, как на желательную базу для своих экспансионистских планов в Европе и на других континентах. Советские военные суда так же, как и американские, часто заходят в порты югославского побережья. Визиты этих флотов считаются дружественными визитами, но они носят в себе семена опасности не только для народов Югославии, но для всех стран Адриатического региона»¹²⁰. Более того, Ходжа отмечал усиление войсковой группировки в южной части Венгрии на границе с Югославией, а также в Болгарии, и обращал внимание на интенсификацию полётов самолётов советских ВВС в регионе¹²¹. В контексте изменявшейся международной ситуации и активизации внешнеполитической деятельности КНР, США и СССР Э. Ходжа попытался расширить внешнеполитические контакты с Бухарестом, который имел собственное видение по вопросам взаимоотношений Запад – Восток, а также положению, складывавшемуся в Варшавском блоке. В этой связи глава АПТ потребовал от албанского МИДа, выразив возмущение пассивностью посла в Бухаресте, срочно улучшить его деятельность и предоставить информацию о происходящем в румынском партийно-государственном руководстве, действиях послов как коммунистических стран Балканского региона (Болгарии, Югославии), так и Греции¹²². Фраза Э. Ходжи в его «Дневнике» о том, что «в Румынии у нас много друзей»¹²³, свидетельствовала о надеждах на определенную помощь румынской стороны.

Визит американского президента Р. Никсона в Москву в мае 1972 г. и подписание серии советско-американских договоров, главным из которых был так называемый Договор по ПРО (ПРО-1), ограничивавший системы

противоракетной обороны двух стран, был крайне негативно оценен Э. Ходжей, написавшим специальную статью для партийного органа газеты «Зери и популит» под названием «Новый этап глобальной советско-американской стратегии против свободы независимых народов»¹²⁴. Во многом этот подход был схожим с тем, который использовал автор этого материала и при оценке американо-китайских отношений. Не менее отрицательно глава АПТ отнёсся к визиту в начале июня 1972 г. в Москву главы СФРЮ И. Тито. Непримируемая позиция Ходжи в отношении даже самой идеи тесного сотрудничества с Белградом не изменилась и после того, как в Албании с официальным визитом в июне 1972 г. находился камбоджийский принц Нородом Сианук (свергнутый 18 марта 1970 г. с поста главы государства и создавший в мае того же года в Пекине при поддержке КНР Королевское правительство национального единства). После визита в Албанию он посетил по приглашению И. Б. Тито Югославию, откуда вернулся вновь к Э. Ходжи. Однако его посредническая миссия между Белградом и Тираной, которую он выполнял по поручению китайского руководства, надевшегося добиться прогресса в создании блока Тирана – Белград – Бухарест, не привела к каким-либо положительным результатам¹²⁵. Ходжа объяснял свою позицию тем, что «Югославия никогда бы не пошла против Советского Союза»¹²⁶. В то же время, глава АПТ постарался смягчить свой ответ и поручил сообщить послу КНР о том, что визит Сианука прошёл успешно. Отказ от сближения с Югославией сопровождался попытками Ходжи определить вероятный вектор развития соседней страны после физического ухода с политической арены её бессменного правителя – маршала И. Б. Тито, что было важно с точки зрения оборонных интересов НРА. Осенью 1972 г. он склонялся к мысли о том, что СФРЮ погрузится в обстановку хаоса и межнациональных столкновений, а среди тех из внешнеполитических сил, кто будет участвовать в них, будут НАТО, Варшавский пакт, великие державы, в частности СССР, который будет использовать экономические и политические средства для того, чтобы подчинить себе эту страну¹²⁷. Эти общие выводы конкретизировались Ходжей, прогнозирувавшим полномасштабный военно-политический кризис в Югославии, когда часть её республик, в частности Хорватия и Словения, могут потребовать преобразование федерации в конфедерацию или вообще выйти из состава СФРЮ. В ответ на это Сербия, желающая оставить их под своим контролем, могла начать боевые действия. Ей мог оказать помощь СССР, заинтересованный в сохранении федерации. США, в свою очередь, также

заинтересованные в федеративной Югославии, как полагал Ходжа, могли поддержать Хорватию и Словению, чтобы именно под их руководством, а не под сербским, сохранилось федеративное югославское государство. Македония, как предполагал глава АПТ, должна была объявить независимость и в дальнейшем присоединиться к Болгарии. В Косово ситуация могла развиваться как в сторону усиления автономистских тенденций, так и в сторону создания независимой Республики Косово. Все эти прогнозируемые Ходжей события оценивались им с точки зрения безопасности Албании, в связи с чем он считал необходимым внимательно следить за происходящим в Югославии и укреплять оборону, способную обеспечить НРА её национальный суверенитет¹²⁸.

Несмотря на такой пессимистичный прогноз возможного развития ситуации в соседней стране, Э. Ходжа отверг предложение финского правительства о проведении общеевропейского совещания по безопасности в Европе. Глава АПТ продолжал избранный им курс на сохранение закрытости страны и превращения её в военный лагерь. Помимо организационных мер это предполагало наращивание оборонного потенциала, что в условиях Албании было связано с получением помощи от КНР. По мере того, как для Э. Ходжи становилось всё более очевидным возможное охлаждение отношений с основным союзником коммунистической Албании – КНР¹²⁹, которая оказывала военно-техническую помощь Тиране, вопрос формулирования оборонной политики и военной доктрины становился всё более актуальным. Политический и идеологический характер концепции определялись лично Э. Ходжей. Многие зависело от того, насколько деятельность рабочих групп в министерстве обороны, прежде всего в Институте военных исследований, занятых подготовкой соответствующего материала, будет совпадать с мнением главы АПТ, а также «второго человека» в партийно-государственном руководстве – премьер-министра М. Шеху. Последний стремился лично участвовать в определении стратегических основ оборонной политики. Концепция стратегии народной войны, сторонником которой был Э. Ходжа, приобретала весной 1972 г. всё более конкретные черты. Особое внимание начинает придаваться «Добровольческим силам», идея создания которых была выдвинута ещё в 1971 г. главой АПТ и премьер-министром. Им предстояло стать формированиями территориальной обороны, комплектующимися из гражданских лиц, временно мобилизованных в них, и существующими параллельно с подразделениями регулярной армии. Тем временем в руководстве военного

ведомства, ответственного за подготовку соответствующего документа, обращали особое внимание на имеющийся опыт боевых действий и военной подготовки развитых зарубежных государств, включая и определяемых в коммунистической Албании как её вероятных противники. Начальник Генерального штаба П. Думе отмечал в специальном секретном распоряжении, касавшемся теоретической подготовки командного состава вооруженных сил, что «изучение материалов о зарубежных армиях наших потенциальных противников военными кадрами всех уровней рассматривается как важнейшая и постоянно стоящая задача в процессе их подготовки и формирования»¹³⁰.

На состоявшемся 27 марта 1972 г. заседании Политбюро ЦК АПТ, обсуждавшем тему вооруженных сил и вопросы обороны, Э. Ходжа настаивал на скорейшем развитии этих сил, создании территориально-региональных штабов, координирующих их функционирование. Более того, перед военными ставилась задача откомандирования в эти штабы не только отставных офицеров, но и находящихся на действительной военной службе, включая аппарат министерства обороны¹³¹. Глава АПТ требовал от военных также серьезного и равного отношения к «Добровольческим силам», которые он рассматривал как не менее важные, чем регулярная армия. Развертывание территориальных подразделений должно было происходить в условиях боевых действий стремительно, в связи с чем предстояло проводить постоянные учения и мобилизации с целью добиться высокого качества их подготовки¹³². Одними из первых подобные учения были проведены 3–4 апреля 1972 г. в районе г. Поградец, находящегося на юго-востоке Албании на берегах оз. Охрид и являвшегося летней резиденцией как лично Э. Ходжи, так и ряда руководителей АПТ.

В оперативном отношении одним из наиболее опасных с точки зрения возможного нападения на Албанию направлений Э. Ходжей считалось южное, имевшее непосредственное отношение как к Греции, так и Югославии, а также отдельные районы побережья. Для организации обороны южное направление было условно разделено на два сектора. Первым из них являлся сектор зоны Элбасан-юг, включавшей районы Либрадж, Поградец, Грамш, Скрапар. Вторым сектором южного направления являлась зона, включавшая Балш, Берат, Пермет, Тепелину, Саранду и Гирокастру. Было также решено оборудовать под землей в виде большого сооружения бункерного типа ставку для Генерального штаба в г. Скрапаре, который рассматривался как вероятный центр всего сопротивления албанских вооруженных сил и добровольческих

формирований. В этом же городе должны были строиться специальные подземные сооружения для Совета обороны и правительственных органов, эвакуированных из Тираны в военный период.

В стратегическом плане Э. Ходжа считал, что складывавшаяся как в мире, так и в регионе ситуация не была чревата началом серьезного мирового конфликта. Он, в частности, не соглашался с точкой зрения китайского руководства о возможности нападения СССР на КНР и считал, что Москва не желает начинать мировую войну, которую, как полагал Э. Ходжа, Кремль боялся¹³³. Однако это не означало, по его же мнению, отказ Москвы от военных действий на локальном уровне в отношении небольших государств. Одновременно Э. Ходжа отмечал усиливавшиеся на международной арене позиции КНР¹³⁴.

Военно-политическое сотрудничество с КНР рассматривалось в планах руководства НРА как гарантия её безопасности и, одновременно, как источник получения военно-технической помощи для албанских вооруженных сил. Поэтому Тирана с тревогой наблюдала за изменением курса во внешней политике своего союзника, будучи заинтересована в сохранении существующих отношений, но без превращения Албании в элемент внешнеполитических комбинаций руководства коммунистического Китая. Подготовка албанских властей в сентябре 1972 г. к приёму многочисленной китайской военной делегации в составе 40 представителей НОАК и приглашение китайской стороны, направленное в адрес албанской, прислать в Пекин в скором времени в обмен аналогичную делегацию свидетельствовали о продолжавшемся сотрудничестве в военной области. Однако в нём появились новые черты. На состоявшейся 13 октября 1972 г. встрече Э. Ходжи с китайской военной делегацией глава АПТ сообщил о том, что албанская сторона готовит список необходимого для вооруженных сил страны и во время ответного визита в КНР она представит его китайским союзникам¹³⁵. Во время обсуждения с руководством делегации Министерства обороны НРА плана будущих албано-китайских переговоров Э. Ходжа рекомендовал обрисовать военно-политическое положение в контексте возможного развития ситуации в Югославии после смерти Тито, сообщить о его видении различных сценариев кризиса в ней и о необходимости для Албании быть готовой, в этой связи, в военном отношении¹³⁶, получив необходимое вооружение от китайской стороны, но проявив достоинство и спокойствие в случае любых неожиданностей на переговорах¹³⁷.

6 ноября 1972 г. военная делегация НРА во главе с министром обороны

Б. Баллуку в составе 18 генералов и старших офицеров, а также 22 экспертов и 2 специально выделенных албанским МВД радистов¹³⁸ вылетела на самолете «Ил-18» по маршруту Тирана – Бухарест – Тегеран – Урумчи – Пекин. Буквально перед полетом прибывший в аэропорт Ринас премьер М. Шеху проинструктировал главу военного ведомства Б. Баллуку о предстоявших в Бухаресте переговорах с министром обороны Румынии генерал-полковником Ионом Ионицэ¹³⁹. Албанская сторона настаивала на невозможности создания какого-либо вида союза между Тираной, Белградом и Бухарестом (как рекомендовало руководство КНР), о чём предстояло сообщить румынской стороне. На аэродроме в Бухаресте, вопреки ожиданиям, встреча Б. Баллуку с И. Ионицэ и вице-президентом Государственного Совета Э. Боднэрашом, уже ранее пытавшимся выступать посредником между албанским и югославским партийным руководством, проходила дольше, чем ожидалось членами делегации, которые не знали деталей албано-румынских переговоров.

Прибывшую в Пекин албанскую делегацию встречали на высшем уровне как представители военного ведомства КНР, так и партийно-политического руководства в лице премьера Чжоу Эньлая. Албанская сторона хотела получить доступ к широкой номенклатуре военных изделий, оборудования и даже производства: от лёгкого стрелкового оружия до тяжёлой техники, включая танки, самолёты и катера для албанских ВМФ. Тирана была также заинтересована в получении 18 новейших заводов «под ключ», производивших продукцию двойного назначения. Аргументируя поспешность возможностью закрытия в любой момент Суэцкого канала, албанская сторона стремилась получить запрашиваемое в самое ближайшее время. По мере развития системы обороны усиливалась степень зависимости НРА от военных поставок КНР, а также от китайской помощи при проектировании крупных объектов гражданского и военного назначения, что признавали сами албанские военные. Особое место среди последних занимал новейший для своего времени аэродром стратегического назначения в Гядри. У ряда членов делегации складывалось впечатление о том, что Э. Ходжа уже принял решение заморозить отношения с КНР после визита в Пекин президента США Р. Никсона и поэтому стремился получить от китайских союзников как можно больше, понимая, что военно-техническое сотрудничество может сократиться в любой момент, и не только по решению Тираны. В ответ на албанскую просьбу о поставках большого количества оружия и военной техники китайская сторона заявила о том, что складывающаяся в

регионе ситуация не столь напряженна, как это было несколько лет назад, когда Пекин предоставил Тиране военную помощь после прихода к власти в Греции в апреле 1967 г. военного режима¹⁴⁰. Фактически руководство КНР отказалось от массивной программы вооружения Албании в условиях отсутствия реальной угрозы для НРА. Тем временем Москва стремилась провести зондаж с целью установить возможность восстановления отношений с Тираной, который закончился неудачей в начале февраля 1973 г.¹⁴¹

К началу 1973 г. «военная тема» становилась одной из важных для руководства АПТ и рассматривалась Э. Ходжей как серьезный элемент проводимой им внутренней, так и внешней политики. Глава коммунистического режима определял к этому времени три главные задачи, решение которых было призвано обеспечить «успешное противостояние империалисто-ревизионистам, оказывающим давление на нашу страну»: во-первых, укрепление экономики, во-вторых, укрепление внутривластной ситуации и, в-третьих, усиление обороноспособности страны¹⁴². Идеологическое обоснование значимости подготовки концепции обороны именно в её особой, исключительно связанной с «албанской спецификой» форме, в условиях объявленной главой АПТ «борьбы против идеологии либерализма и консерватизма» делалось с учётом базовых тезисов Э. Ходжи «народ-солдат» (gjithë populli ushtar), «армия всего народа» (Ushtria e madhe Popullore) и обучение военному делу во «внеклассных школах военной подготовки», содержащихся в его «Тезисах о школе внеклассной военной подготовки» (март 1970 г.). Разработка материалов по военной доктрине продолжала вестись двумя группами из числа представителей военного ведомства и являлась основным «проектом» Института военных исследований. В начале 1973 г. Э. Ходжа дважды (19 и 23 января) лично участвовал в обсуждении темы вооруженных сил и вопросов формулирования доктрины обороны. Это свидетельствовало о явном стремлении главы АПТ взять под полный контроль всё, что так или иначе было связано с армией и формированием военной доктрины НРА для того, чтобы добиться, судя по всему, сокращения роли военного истеблишмента в общественно-политической системе страны. Данный курс, вероятнее всего, помимо албанских условий был обусловлен и событиями в КНР, за которыми пристально наблюдал Ходжа, сделавший вывод из «дела Линь Бяо» осенью 1971 г.

Усиление политизированного подхода к теме обороны, а по сути – ослабление позиций кадровых военных за счёт укрепления позиций

политических назначенцев-комиссаров, определялось лично Э. Ходжей, когда он заявил 19 января 1973 г. на специально собранной сессии Секретариата ЦК АПТ, посвященной идейно-политической и культурной работе в вооруженных силах о том, что «в армии все, от простого солдата до офицера, находящегося на ответственном посту, прежде всего, должны быть людьми политическими [политически мыслящими – *Ар. У*]»¹⁴³. С целью усиления идейно-политической индоктринации офицерского состава глава АПТ рекомендовал, чтобы после окончания соответствующих военно-учебных заведений, включая Военную

Академию, выпускники направлялись в партийные школы¹⁴⁴. Во многом это было связано с тем, что Ходжа выражал недовольство работой Х. Чако – начальника Политического управления вооруженных сил, которого он обвинил в «ослаблении идейно-политической работы на основе тезисов Совета Оборон»¹⁴⁵, и в целом руководства военного ведомства, которые критиковались им за плохую политическую работу в войсках и недостаточный учёт положений «Тезисов» Совета Оборон (которые были отредактированы им лично и содержали два базовых принципа: «народной войны» и идейно-политической подготовки)¹⁴⁶.

Спустя несколько дней после сессии Секретариата ЦК АПТ, но уже во время выступления 23 января в первичной парторганизации, боевая подготовка вновь увязывалась Э. Ходжей с идейно-политической, которая была равной ей по значимости¹⁴⁷, а опыт национально-освободительной борьбы в Албании в годы Второй Мировой войны рассматривался главой АПТ как определяющий с военной и политической точек зрения для вооруженных сил страны¹⁴⁸. Более того, именно в этой речи Ходжи было сделано заявление о том, что «у нас есть собственная военная наука, способная успешно противостоять военной науке потенциальных противников», хотя и с оговоркой: «было бы ошибкой заявлять о ней как самой лучшей и значительной науке или незначительной»¹⁴⁹. Со своей стороны, отвечавшие в военном ведомстве за политическую работу в вооруженных силах пытались соединить политический и военный аспекты в своих работах, посвященных военно-теоретическим проблемам¹⁵⁰.

В военно-техническом и организационном отношениях оценка Э. Ходжей сложившейся ситуации в вооруженных силах выявила ряд особенностей. Заявляя о том, что албанская армия обладает современным оружием и снаряжением, сам Ходжа, тем не менее, был вынужден признать наличие у потенциальных противников более совершенных видов оружия,

к числу которого он относил авиацию¹⁵¹, а также он констатировал низкий уровень координации родов войск – мотострелковых и танковых, сославшись при этом на результаты прошедших учений¹⁵². Концепция «народа-воина» рассматривалась Ходжей как базовый принцип всей военной доктрины (работа над которой ещё не была закончена) в идеологическом, политическом и патриотическом отношениях¹⁵³, однако её реализация имела и вполне материальное обоснование, сделанное главой АПТ. Он объяснял необходимость развития «Добровольческих сил» невозможностью для Албании с экономической точки зрения иметь многочисленные вооруженные силы¹⁵⁴. Наряду с этим глава АПТ настаивал на проведении совместных учений регулярных вооруженных сил и так называемых добровольческих подразделений с целью улучшения координации их действий, усиления политического воспитания¹⁵⁵, имея в виду положительный, как считал Э. Ходжа, опыт региональной организации войсковых подразделений на уровне рота – батальон, которые должны были действовать совместно с местными «Добровольческими силами» и с участием их штабов¹⁵⁶.

Тесная связь идейно-политической и организационно-военной составляющих становилась определяющей не только для формулирования военной доктрины коммунистической Албании, но и внутривластной ситуации, характеризовавшейся ухудшением экономического положения и ужесточением существовавшего репрессивного режима. Идеология «осажденной империал-ревизионистами крепости», т. е. враждебного окружения НРА, становилась доминирующей в пропагандистской кампании, развернутой по указанию Э. Ходжи¹⁵⁷. Поэтому тезис всеобщей мобилизации против внешней угрозы и борьба с возможными «внутренними врагами» становился базовым в инициированной Первым секретарем АПТ пропагандистской кампании. В то же время, он не исключал возможности оказания на возглавлявшийся им режим извне с целью его ликвидации. Весьма симптоматичным в данном случае стала реакция Э. Ходжи в июне 1973 г., когда он получил, вероятно, по линии разведки данные о том, что на одном из заседаний в НАТО, проходившем в Брюсселе, помимо остальных вопросов затрагивалась и «албанская тема». Судя по приводимой в дневнике Э. Ходжи цитате, он располагал неким оперативным документом, в котором достаточно откровенно и в характерном для натовских материалов стиле отмечалось: «Исходя из позиции и положения Албании, члены НАТО заключили, что в Албании ситуация стабильная, там существует единство, и экономика продвигается

вперёд. Албания занимает прочное географическое положение в Средиземноморье, но проводимая ею политика относительно этого моря в нашу пользу. Она противится нам, но противится и советским. Поэтому мы не должны беспокоить Албанию и обострять дела с ней, напротив, должны добиться их улучшения. Соединенные Штаты Америки и Англия должны добиваться установления с ней дипломатических отношений, но при этом они не должны ни торопить, ни поощрять их»¹⁵⁸. Сам Э. Ходжа высказывал мнение в своих записях о том, что истинность информации будет, в конечном счёте, проверена, но скорее всего «она верна, и это не только ввиду серьезности человека, давшего нам эту информацию, или же его желания передать нам её, хотя, быть может, ему было поручено сделать это, – это не имеет значение; мы имеем в виду содержание её»¹⁵⁹.

Важность такого подхода НАТО к Албании была отмечена главой АПТ сразу, в связи с чем полученные данные были обсуждены на заседании Совета Оборона. Анализ происходящего, сделанный Э. Ходжей, базировался на ранее выдвинутом им тезисе «борьбы на два фронта». Поэтому НАТО и ОВД рассматривались как «две империалистические группировки», стремящиеся добиться от Албании перехода на сторону одной из них и признающие статус-кво, предпочитая «до поры до времени «не посягать» на свободу, независимость и суверенитет Албании». При этом, однако, Ходжа полагал, что наибольшую активность, направленную на восстановление отношений с НРА, проявляет СССР, который стремится «выйти на Адриатическое и Средиземное моря», а Тирана, в свою очередь, «решительно борется» «против этих (советских – *Ар. У*) хищнических империалистических устремлений»¹⁶⁰. Сама Албания рассматривалась Ходжей как плацдарм, представляющий интерес для обоих блоков и, одновременно, «объект нападения и скорейшего захвата той или другой страны»¹⁶¹, в частности, Балканских¹⁶². Очевидное усиление активности НАТО и ОВД в средиземноморско-балканском секторе мировой политики, а также попытки наладить взаимоотношения с Тираной, предпринимавшиеся на разном уровне странами, которые объявлялись руководством НРА и, прежде всего, Э. Ходжей как потенциальные противники Албании, способствовали тому, что глава АПТ торопил разработчиков новой военной стратегии.

15 июня 1973 г. в г. Дуррес было собрано специальное совещание руководящих кадров министерства обороны, посвященное оборонной политике. Одной из тем, вызвавших споры во время заседаний, стала проблема распределения ответственности между главой военного

ведомства Б. Баллуку и начальником Генерального штаба П. Думе, который настаивал на необходимости переподчинения ему Оперативного управления министерства, управления разведки и связи¹⁶³. Во многом этот спор был обусловлен тем, что после военной реформы 1966 г. Генеральный штаб стал частью Министерства обороны, потеряв былую самостоятельность, и оказался фактически приравненным к другим управлениям военного ведомства. В 1970 г., после перехода вооруженных сил на корпусную систему, он был лишен многих ранее существовавших у него командных функций и получил лишь право на общее руководство военными операциями, а также осуществление контроля за их выполнением. В поддержку П. Думе выступил Х. Чако – начальник Политического управления, который также поставил вопрос о перераспределении функций в военном министерстве, а также выразил недовольство методами его руководства и заявил о необходимости проведения пленума ЦК АПТ, посвященного положению в вооруженных силах¹⁶⁴. В высших военных кругах выявились также противоречия относительно активного использования армии на строительстве фортификационных сооружений за счёт времени, необходимого на военную подготовку¹⁶⁵. Попытки Б. Баллуку выступить в роли посредника и «примирителя» между формировавшимся тандемом Думе-Чако, с одной стороны, и, с другой, остальными руководящими кадрами министерства, среди которых были командующие видами вооруженных сил и начальники управлений, оказались малорезультативными¹⁶⁶. Более того, стало ясно, что обсуждение военной доктрины имеет ярко выраженные черты конфликта не только по военно-техническим вопросам, но и личностного, внутри руководства министерства обороны. Помимо этого, в руководстве АПТ на право формулирование доктрины и оборонной политики не только в политическом, но и военно-стратегическом, оперативно-тактическом и в целом, теоретическом, плане претендовали Э. Ходжа, М. Шеху и Х. Капо – ближайший сподвижник главы АПТ. Подготовленные к заседанию в Дурресе материалы в конечном счёте были уничтожены по приказу Баллуку, так как они были раскритикованы Э. Ходжей и М. Шеху¹⁶⁷.

Военный конфликт на Ближнем Востоке осенью 1973 г., вошедший в историю как четвертая арабо-израильская война или война Судного дня (6-25 октября 1973 г.), серьезно повлиял на военно-стратегическую ситуацию в мире, а решение 16 октября стран-членов Организации экспортеров нефти (ОПЕК) ввести эмбарго на экспорт нефти государствам, поддерживавшим в войне Израиль, вызвал мировой энергетический кризис.

Официальная Тирана в этом конфликте заняла сторону арабских стран¹⁶⁸. Боевые действия на Ближнем Востоке, имеющем выход в Средиземное море, где усилилось в связи с конфликтом присутствие военно-морских группировок США и СССР, рассматривались как в политическом, так и военном отношении главой коммунистического режима Албании как угроза милитаризации региона. В министерстве обороны НРА события на Ближнем Востоке рассматривались с точки зрения применения стратегии и тактики ведения современных боевых действий, а также использования нового оружия. Для разработки военной доктрины этот опыт имел особое значение, так как включал использование различных родов и видов вооруженных сил, среди которых для условий Албании были важны боевая авиация и военно-морской флот, а также мобильные сухопутные подразделения, включая танковые и пехотные. Всё это учитывалось в работе над проектом документа. Сам текст – 1500 страниц – был готов к концу 1973 г. и назывался «Некоторые проблемы обороны равнинной местности» («Mbi disa probleme të mbrojtjes në terrenin fushor»). До этого документ направлялся главе АПТ, но из-за произошедшего у Э. Ходжи в октябре того же года инфаркта его посылка в Военный Совет была задержана. В декабре 1973 г. Б. Баллуку, после получения материала из канцелярии Э. Ходжи, переслал его члену Совета обороны и премьер-министру М. Шеху, сообщив о согласии главы АПТ с изложенными в документе положениями¹⁶⁹.

Разработка новой оборонной политики проходила параллельно с работой над новой конституцией НРА, которая должна была легитимировать «социалистический характер» общества и его институты¹⁷⁰. Сочетание военно-стратегической и общественно-политической составляющих коммунистического режима свидетельствовали о стремлении главы АПТ и его ближайшего окружения обеспечить стабильность созданной государственной системы как внутри страны, так и на международной арене.

Теория «народной войны», пропагандировавшаяся Э. Ходжей, продолжала выступать основополагающей концепцией при формулировании стратегии оборонной политики страны. На состоявшемся 28 марта 1974 г. заседании Политбюро ЦК АПТ обсуждался материал «Об организации, военной подготовке и деятельности добровольческих сил по осуществлению народной самообороны и о выполнении задач подготовки профессиональных военных штабов обороны, органов партии и правительства»¹⁷¹. Выступление Э. Ходжи, названное впоследствии при

публикации его собрания сочинений как «Лучше изучать добровольческим подразделениям тактику партизанской войны», отражало суть представлений главы АПТ о том, какую роль предстояло сыграть в системе обороны нерегулярным воинским формированиям и какой тактики они должны были придерживаться. Имея в виду, что среди присутствовавших и принимавших участие в обсуждении были представители руководства вооруженных сил – член Политбюро министр обороны Б. Баллуку, начальник Генерального штаба и кандидат в члены Политбюро П. Думе, Э. Ходжа сознательно обращал внимание на необходимость реализации избранной им концепции оборонной политики и основы военной доктрины. Он, в частности, заявил о том, что «добровольческие силы должны подготавливаться в соответствии с принципами нашего военного искусства народной войны, тезисов Совета Оборона, которые должны быть развиты далее, и если не работать в этом направлении, то это упущение, это даже большая ошибка, если их не развивать и разрабатывать. С этой целью, я полагаю, руководители Министерства народной обороны должны определить срок в три месяца или больше, если необходимо, как они считают, чтобы применить базовые тезисы Совета Оборона как они были здесь одобрены»¹⁷². Задача разработчиков директивного документа заключалась в определении конкретных методов и способов подготовки регулярных вооруженных, а также добровольческих сил; тактики и стратегии боевых действий в условиях нападения на Албанию одного государства или их коалиции¹⁷³.

Работа над документом интенсифицировалась, и на протяжении апреля-июня 1974 г. было подготовлено несколько вариантов, один из которых (расширенный) был направлен Э. Ходже, сделавшему в нём замечания, часть из которых носила явно конъюнктурно-политический характер и свидетельствовала о его крайнем раздражении по поводу того, что в документе недостаточно учтены его идеи «народной войны», стратегии и тактики боевых действий. В то же время, он согласился с рядом предложений, содержащихся в представленном материале. 17 июня 1974 г. Министерство обороны представило в Совет обороны секретный документ № 004. Его основные положения сводились к следующему.

Во-первых, предлагалось реформировать военно-командную систему, состоявшую из основных звеньев полк-дивизия-бригада-корпус, и отказаться от существования корпусов, как имеющих слишком большое количество воинских формирований в своём составе (от 15 до 24), разокрупнив их до уровня бригад (включавших 4–5 формирований)¹⁷⁴. В

сложившейся традиции и практике комплектования вооруженных сил корпус является промежуточным звеном между дивизией и армией, а по своим возможностям способен самостоятельно (или в составе армии) участвовать в боевых действиях. В свою очередь, бригада – тактическое формирование, и является промежуточным звеном между полком и дивизией. Таким образом, повышалась роль создаваемого дивизионного звена как оперативно-тактического соединения вооруженных сил НРА. В военно-техническом отношении в документе уделялось внимание средствам ПВО и противотанковой борьбы как важным элементам противодействия возможному их использованию потенциальных агрессоров.

Во-вторых, в географическом отношении основная линия обороны страны определялась по горным хребтам, отделявшим береговую линию от остальной части территории Албании, а именно: Арденице – Поян – Леван – Мифол – проход Чафа (центральная, южная и ближе к центру северные зоны). Таким образом, ставка делалась на удержание территории, находившейся за горными хребтами, что объяснялось трудностью защиты береговой части страны из-за малочисленности соответствующих сил и средств ВМФ.

В-третьих, для обозначения фактически тактического отступления (упоминание которого в официальном документе было неприемлемо по идейно-политическим причинам) была использована так называемая «теория скольжения», сутью которой являлось обеспечение обороны вглубь от береговой черты.

Наконец, в-четвертых, во многом под влиянием высшего партийного руководства, прежде всего М. Шеху, была принята идея «градации» сил обороны на три группы: сдерживающие, блокирующие и оперативно-стратегические. Каждая из них была призвана выполнять определенную задачу и размещалась в виде эшелонированной системы.

На проходившем в течение двух первых дней июля 1974 г. заседании Политбюро ЦК АПТ представленный Б. Баллуку документ, по инициативе Э. Ходжи и М. Шеху, а также секретаря ЦК АПТ Х. Капо, был подвергнут критике за отсутствие «активной позиции» в формулировании оборонной политики. Практически все выступавшие обвинили руководство военного ведомства – министра Б. Баллуку, начальника Генерального Штаба П. Думе и начальника политического управления Х. Чако – в ошибочной трактовке положений концепции «народной войны»; формулировании оборонной концепции, противоречащей основным принципам «Тезисов» Совета Оборона и отказе от уроков партизанской борьбы; использовании чуждого

албанским условиям и идеологически вредного зарубежного опыта (прежде всего, советского, югославского и американского); создании «нездоровой атмосферы» в руководстве министерства. Глава АПТ выступил за отстранение Баллуку от должности военного министра и его исключение из Политбюро и ЦК АПТ на ближайшем пленуме ЦК. Представленный материал был назван Ходжей и его ближайшим окружением «Черными тезисами» («Tezat e zeza») и подвергся осуждению.

Борьба в руководстве АПТ относительно принципов концепции обороны и военной доктрины проходила на фоне обострившегося «кипрского вопроса» – регионального кризиса, способного перерасти в полномасштабную войну между Грецией и Турцией, государствами-членами НАТО, в которую могли быть вовлечены и другие государства. В греко-турецком конфликте по поводу Кипра, когда после государственного переворота 15 июля 1974 г. турецкие войска осуществили вторжение 20 июля и оккупировали северную часть острова, Э. Ходжа солидаризировал с позицией Анкары, имея в виду, что Греция имела территориальные претензии в отношении Северного Эпира, глава Кипра – архиепископ Макариос, смещённый сторонниками эносиса (объединения) с Грецией, находился попеременно в хороших отношениях с США, Великобританией и СССР, являвшихся для руководителя АПТ главными противниками, а для турецкого населения Кипра существовала угроза в случае победы заговорщиков¹⁷⁵. В определенной степени эта позиция была отражением внешнеполитической линии, суть которой заключалась в поисках способов ослабления возможных угроз, исходящих от соседей НРА, к числу которых относилась Греция. В то же время, Э. Ходжа не хотел выступать однозначно и демонстративно на чьей-либо стороне в этом конфликте, в связи с чем определял своей целью «усилить мнение в греческом народе о наших добрых чувствах в отношении него, когда на него все набросились. Усилить уже сформировавшееся мнение о нашей мудрой и честной политике по кипрскому вопросу... Несмотря на проявления греческого и турецкого шовинизма, мы соблюдаем баланс доброй воли в отношении как народа Турции, так и Греции»¹⁷⁶. Сама ситуация на острове рассматривалась Э. Ходжей как порождение политики США, Великобритании и СССР, которые «играют судьбой народов Средиземноморья, Балкан и всего мира»¹⁷⁷. Примечательным в этой связи было распоряжение МИДу НРА, данное главой АПТ, чтобы уведомить официальные Афины, где к власти пришли гражданские политики после падения военно-политического режима 24 июля 1974 г., о том, что «в случае кризисов, подобных тому, что произошло

на Кипре, Греция «может быть спокойна в отношении Албании»¹⁷⁸.

Однако кипрский кризис не повлиял на развитие конфликта внутри руководства АПТ. На протяжении лета-осени 1974 г., во многом благодаря действиям Э. Ходжи, М. Шеху и Х. Капо в вооруженных силах начались массовые репрессии против военных кадров, так как на проходившем 25–26 июля V Пленуме ЦК АПТ руководство Министерства обороны и многие представители генералитета были обвинены в подготовке переворота и названы путчистами¹⁷⁹. Прошедший 16–17 декабря 1974 г. VI Пленум ЦК АПТ подтвердил обвинения, сделанные на заседании Политбюро 1–2 июля в адрес руководства военного ведомства, расширив их. Все трое обвинялись уже в сознательном саботаже реформы вооруженных сил, сокрытии «Тезисов о школе внеклассной военной подготовки» («Teza për shkollën e lirë ushtarake») Э. Ходжи, использовании «вражеской иностранной литературы» при написании представленных Министерством обороны тезисов. На Пленуме было принято решение о выводе из состава высших партийных органов Б. Баллуку, Х. Чако и П. Думе и о предании их суду, а также увольнении из армии большого количества генералов и офицеров, как связанных с подготовкой антиправительственного заговора¹⁸⁰. Специальным решением Пленума ЦК расформировал Политическое управление в военном ведомстве и переподчинил ведение партработы в вооруженных сил непосредственно ЦК АПТ¹⁸¹. В ноябре 1975 г. бывший министр обороны, начальник Генерального Штаба и начальник Политического управления были расстреляны.

Происходившее в высших эшелонах власти коммунистического режима Албании и имевшее непосредственное отношение к её оборонной политике анализировалось представителями западного блока по скудной информации, так как албанские власти усиливали политику самоизоляции от остального мира. На основании данных, полученных от итальянского посла в Тиране, посол США в Риме Дж. Волпи сообщал в Вашингтон 18 октября о том, что существует две возможные причины отстранения Б. Баллуку и ряда высших кадров оборонного министерства от должности: во-первых, разногласия с Э. Ходжей о принципах организации военного министерства и вооруженных сил; во-вторых, возможное давление со стороны КНР на албанское руководство с требованием сместить главу оборонного ведомства из-за его завышенных требований китайских военно-технических поставок¹⁸².

События лета-осени 1974 г. свидетельствовали о стремлении Э. Ходжи фактически лишить влияния военных, в которых он увидел опасность для

своей власти. Активную роль в этом играл М. Шеху, ставший в октябре 1974 г. министром обороны, обязанности которого он исполнял до 1980 г. включительно. После проведённых массовых репрессий в вооруженных силах в их руководстве фактически не осталось фигур, способных составить конкуренцию главе АПТ и его окружению.

Осенью 1974 г. Э. Ходжа предпринял шаги, направленные на усиление внешнеполитических позиций Албании в региональном масштабе. В начале октября он озвучил ряд тезисов, вносящих уточнение в общую концепцию албанского подхода к международным делам, когда Тирана заявляла о равновеликой ответственности США и СССР, а также возглавляемых ими военнополитических блоков в создании региональных и глобальных угроз. На этот раз Первый секретарь АПТ уже публично и детально сформулировал желаемую с точки зрения НРА военно-стратегическую ситуацию на Балканах. Необходимость действий по достижению региональной безопасности, как их видела Тирана, заключалась в следующем: «Албания, Югославия и Греция не только жили без Варшавского Договора и НАТО, но и могут жить свободно и независимо. Мы приветствуем усилия греческого правительства выйти из НАТО... Мы заявляем нашим соседям о том, что в нашей стране нет и не было иностранных военных баз и что мы хотим, чтобы они удалили из своих стран иностранные базы... Мы уже заявляли о нашей позиции против агрессивных флотов США и СССР в Средиземном море и о нашей честной и принципиальной политике. Мы очень любим болгарский народ, и мы были с ним друзьями, но эта дружба прекратилась не по нашей вине... Тодор Живков и его клика стала в руках Советов опасными провокаторами против Югославии, Албании, Греции, Турции и т. д.» Осуждению также подверглось руководство Румынии за свою «комплиментарную» политику в отношении СССР и США, так как, по мнению главы АПТ, подобный курс был опасным и вредным в политическом и идеологическом отношении для самой Румынии¹⁸³.

Заявления Э. Ходжи были достаточно положительно оценены в части греческой прессы, а также официальных партийных изданиях СФРЮ, так как глава АПТ утверждал о том, что Албания гарантирует со своей стороны безопасность границ этих государств. Реакция в двух странах на представленный Тираной анализ ситуации в регионе привлекла внимание американской дипломатии, о чём сообщало в специальной телеграмме 7 октября посольство США в Афинах как в Государственный Департамент, так и американским посольствам в Белграде и Москве. В последующих телеграммах, направленных 10 октября и 13 ноября посольством США в

Греции в адрес Госдепа, отмечалось стремление Э. Ходжи повлиять на складывавшуюся в Балканском регионе ситуацию, а в сообщениях из Брюсселя Вашингтон информировался о мнении дипломатических представителей Италии и Турции относительно готовности коммунистической Албании (о чём заявлял и сам Э. Ходжа) установить дипломатические отношения с Великобританией, в случае её согласия вернуть албанское золото, и с ФРГ, с учётом компенсации Албании за причиненный в период Второй Мировой войны ущерб.¹⁸⁴ Публично озвученный Э. Ходжей анализ военно-политического положения в Балканском регионе дополнялся его не предназначенным для широкой общественности конфиденциально сообщенным китайским союзникам прогнозом о том, что в случае смерти И.Б. Тито ситуация в Югославии может серьезно осложниться, а вмешательство СССР вообще может привести к войне¹⁸⁵. Крайне негативно Э. Ходжа оценивал и факт посещения в начале ноября 1974 г. Госсекретарём Г. Киссинджером Румынии, Югославии и КНР, а также сближение Тираны с Белградом, которое поддерживал официальный Пекин¹⁸⁶.

Военно-стратегическая ситуация, складывавшаяся в Средиземноморском регионе из-за нерешенного кипрского конфликта, а также во многом благодаря последствиям арабо-израильской войны осенью 1973 г., свидетельствовала о наращивании военно-морского присутствия сил США и СССР. Для официальной Тираны тема противоборства двух сверхдержав и возглавлявшихся ими военно-политических блоков являлась важной с пропагандистской точки зрения как для внедрения в общественное сознание граждан НРА образа страны – осажденной крепости, так и на международном уровне в интересах демонстрации «особого курса», с тем, чтобы с Тираной считались в двух противостоящих блоках. Одновременно глава АПТ Э. Ходжа рассматривал складывавшуюся региональную обстановку с позиций усиления оборонных возможностей Албании с целью не допустить крушения своего режима с использованием внешних сил. В 1975 г. усилилась и без того тесная связь между действиями, направленными на укрепление коммунистического режима и оборонной политикой. Создание в рамках Министерства обороны нового учреждения – Института исследований оборонных работ (Instituti i Studimeve te Veprave te Mbrojtjes), который должен был заниматься военно-техническими вопросами обороны и, прежде всего, подготовкой проектной документации для военно-строительных работ, означало победу точки зрения Э. Ходжи на стратегическую и тактические составляющие военной

доктрины, а именно: массовое строительство долговременных огневых точек, бункеров и подземных ангаров, способных обеспечить ведение «народной войны» с превосходящими силами противника.

Расстановка политических сил в Средиземноморье и баланс их интересов, с учётом военно-стратегической составляющей, делался главой коммунистического режима Албании в виде схемы, в которой США и СССР боролись за влияние в балканско-средиземноморском регионе, используя (это относилось, прежде всего, к действиям Москвы) тактику игры на противоречиях: «Советский Союз выступил “в защиту” Кипра, “поощряя” Турцию. Последняя напала на Кипр и расположилась там, за что Греция была сильно задета, но ничего не могла делать. Она пригрозила НАТО и наполовину вышла из него. Соединенные Штаты Америки рассердились на Грецию, русские бросили Турцию и обратились к Греции своим цинично улыбающимся лицом... Напуганный тем, как бы русские не вторглись в Грецию, сенат Соединенных Штатов Америки принял решение прекратить поставки оружия Турции. “Оружие тебе дадим мы” – сказали русские»¹⁸⁷. В контексте борьбы США и СССР делался прогноз возможного участия одного из этих государств в дестабилизации положения на Балканах из-за присущего сверхдержавам стремления к «захватническим войнам, козням, угнетению, агрессии». Предположения о вмешательстве во внутренние дела государств региона, выдвигавшиеся Э. Ходжей, являлись отражением его опасений относительно попыток Москвы и Вашингтона добиться для возглавляемых ими военно-политических блоков стратегических преимуществ за счёт вовлечения в них или укрепления связей с ними конкретных государств Балканского полуострова. Такие действия могли вести к серьезным изменениям в руководстве этих государств либо в ходе усиления внутренней борьбы в нём, либо в результате её сочетания с внешним вмешательством. Для главы АПТ подобное развитие событий означало угрозу его личной власти, и поэтому военно-политический анализ делался Ходжей через призму, прежде всего, военной угрозы в отношении Албании, но с использованием характерной идеологизированной лексики.

В марте 1975 г. начались пока ещё непубличные обвинения со стороны Э. Ходжи в адрес партийно-государственного руководства КНР, действия которого оценивались главой АПТ как ревизионизм и «сговор с империализмом». Новый курс Пекина был неприемлем для официальной Тираны, придерживавшейся конфронтационного подхода к большинству международных проблем и рассчитывавшей на поддержку китайских союзников своего «особого курса», призванного, по мнению Э. Ходжи,

постоянно привлекать международное внимание к НРА и таким образом заставлять считаться с коммунистическим режимом Албании на международном уровне. Особое значение, по вполне понятной причине, придавалось главой АПТ балканскому сектору международных отношений и складывавшейся в нём расстановке сил. Существовавшие на протяжении долгого времени тесные отношения между Пекином и Тираной позволяли последней использовать их одновременно и как инструмент усиления собственных позиций на международной арене, и как военно-политическую гарантию против давления извне на коммунистический режим. Постепенное изменение подходов руководства КНР к внешнеполитическим вопросам начинало создавать проблемы для Э. Ходжи, использовавшего идеологические и политические аргументы «борьбы против империализма и ревизионизма» в целях усиления её международных, прежде всего – региональных, позиций, а также международной самоизоляции НРА в интересах недопущения любого внешнего влияния, способного подрвать основы возглавлявшегося им коммунистического режима. Поэтому стремление Пекина реализовать план сближения НРА с СФРЮ и Румынией воспринимался остро негативно в Тиране, а сам факт понижения значимости Албании для КНР, начавшей политику «открытых дверей», вызывал опасения у албанского партийно-государственного руководства, так как, помимо политического аспекта, существовал ещё и военно-технический, заключавшийся в китайской помощи обеспечения обороноспособности НРА. Примечательным фактом являлась характеристика соотношения сил на Балканском полуострове в том виде, как она рисовалась в начале июля 1975 г. Э. Ходжей в его дневниковой записи под названием «Балканы, великие державы, Китай и мы»¹⁸⁸. Он, в частности, делал вывод о том, что на Балканах сложилась ситуация, близкая по своему характеру той, которая существовала в регионе в середине XIX в., когда регион рассматривался в мировой политике как «пороховой погреб Европы». Имея в виду разделение государств полуострова по принадлежности их к военно-политическим блокам, глава АПТ достаточно негативно оценивал политику практически всех Балканских стран. Картина регионального пространства представлялась в следующем виде: «Великие державы, находясь за сценой, дёргают за нити в Югославии, Греции, Болгарии, Румынии и Турции. Социалистическая Албания сама разрезала эти нити большими ножницами»¹⁸⁹. Характеризуя позицию коммунистических государств полуострова, Ходжа рассматривал внешнеполитический курс Румынии как

непоследовательный, демонстрирующий показной антисоветизм, призванный обеспечить особые отношения Бухареста с Москвой и Вашингтоном в интересах главы Румынии – Н. Чаушеску¹⁹⁰. Другая Балканская коммунистическая страна – Болгария рассматривалась им как последовательный сателлит СССР¹⁹¹. В контексте настойчивых китайских рекомендаций Тиране усилить взаимодействие с Белградом Э. Ходжа достаточно жёстко оценивал позицию СФРЮ, апеллируя к идеологическим аргументам в пользу невозможности такого союза, и обвинял (пока лишь в непредназначенных для посторонних глаз записках) Чжоу Эньлая в отходе от марксизма-ленинизма, так как он, по выражению главы АПТ, «предлагает нам [Албании] нарушить принципы и целоваться с Тито и титоистами!»¹⁹² Вывод Ходжи был однозначным: «Целью неграмотных китайцев является «Балканский союз» под руководством «антисоветской» Румынии и «проамериканской» Югославии. Также проанглийская, профранцузская и проамериканская демократическая Греция, и окрашенная такими же цветами Турция, объединяются с «прокитайской Албанией» и просоветской Болгарией. Явная русская солянка, приготовленная китайцами, и весь этот «союз» направляется против Советов. Но кто будет слушать и выполнять эту глупость? Все Балканские страны имеют в отношениях между собой глубокие противоречия, собственные интересы, каждая имеет разных союзников, за исключением Албании, и все занимаются политической торговлей, за исключением Албании; клики, которые правят на Балканах, продаются великим державам. «Возражения», которые могут возникнуть у них и великих держав, носят конъюнктурный характер»¹⁹³. Активизация внешней политики Пекина на Балканах, и, прежде всего, в отношении Румынии и Югославии, осуждались главой АПТ с использованием идеологических аргументов, за которыми просматривалось недовольство тем, что Албания теряет статус привилегированного союзника КНР. Попытки Белграда продемонстрировать особое расположение в отношении преимущественно населённого албанцами края Косово и стремление И. Б. Тито использовать это в отношениях с Тираной¹⁹⁴ рассматривалось Э. Ходжей и его ближайшим окружением с совершенно иных позиций, а именно: как югославская сторона использует «фактор Косово» для политического проникновения в Албанию и оказания влияния на неё¹⁹⁵.

Не менее жёсткой была реакция Э. Ходжи на подготовку к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое должно было состояться с 30 июля по 1 августа 1975 г. и принять Заключительный акт¹⁹⁶.

Позиция главы АПТ по отношению этой конференции определялась как внутри, так и внешнеполитическими факторами. Политика неучастия в международных конференциях была продолжена Э. Ходжей и в отношении предлагавшейся в декабре 1975 Грецией встречи представителей Балканских стран для решения проблем безопасности. Отвергая, с одной стороны, идею такой конференции как неосуществимую из-за противоречий стран региона и активной роли великих держав, стремящихся использовать их, с другой, глава АПТ считал, что в мире существует опасная ситуация¹⁹⁷. Столь противоречивый подход, в действительности, объяснялся стремлением Э. Ходжи продолжить избранный им «особый курс» и не допустить подпадания под чье-либо влияние, предпочитая двусторонние отношения многосторонним договоренностям. Поведение НРА на международной арене зависело от принимавшегося лично Э. Ходжей и его ближайшего окружения курса. Степень влияния самого главы коммунистического режима Албании на этот процесс зависела от того, насколько он был в состоянии контролировать ситуацию в партийно-государственном руководстве и в целом положение в стране. Пристально следившие за происходящим в НРА аналитики и представители дипломатических кругов западного блока, включая США, несмотря на закрытость Албании для внешнего мира и тотальную секретность, распространявшуюся властями на внутривнутриполитическую информацию, приходили к выводу о том, что Э. Ходжа установил полный контроль над вооруженными силами, но, в то же время, внутри руководства АПТ продолжают сохраняться признаки нестабильности и напряженных взаимоотношений. Примечательным был анализ ситуации, сделанный итальянскими дипломатами, аккредитованными в Тиране, считавшими, что существует конфронтация между сторонниками «жесткой линии» во внешней политике из числа старой партийной гвардии – участников партизанской борьбы в годы Второй Мировой войны, и теми, кто поддерживал «мягкую линию»¹⁹⁸. В этой связи иностранные дипломаты обращали внимание на публикацию в партийном органе «Rruga e Partise» статьи «третьего человека» в партийной иерархии – Х. Капо, в которой заявлялось о необходимости проявлять бдительность из-за возможных враждебных действий, «остатков прошлого и остатков иностранного влияния»¹⁹⁹. Изменения в персональном составе руководства НРА и АПТ оказывались в центре внимания высших чиновников США, отвечавших за внешнеполитическое направление, что было обусловлено стремлением определить основной вектор возможного

развития коммунистического режима Албании и его внешней политики²⁰⁰. В августе 1975 г. посол США в СФРЮ Л. Зильберман, полагаясь на информацию, поступившую к нему²⁰¹, выдвинул предположение о том, что возникшие у Э. Ходжи проблемы со здоровьем ведут к усилению позиций М. Шеху – премьер-министра НРА и по совместительству министра обороны – в партийно-государственном руководстве коммунистической Албании, которая входит в период политической нестабильности²⁰². Подобный вывод, делавшийся на основании косвенных данных, не соответствовал, однако, действительности, что было связано со слабой информированностью дипломатических представителей многих стран Западного блока о положении в руководстве НРА, где было ограниченное количество иностранных дипломатов²⁰³. Ожидание изменений во внешней политике во многом базировалось именно на подобных данных. Определенные надежды на изменение ситуации в стране и заинтересованность в том, чтобы Албания не оказалась под влиянием противостоявших США и НАТО сил, выражались как в Госдепе США, так и на ряде сессий представителей гражданской и военной бюрократии Североатлантического блока, в котором внимательно следили за внутривнутриполитическим развитием НРА и её внешнеполитическим курсом. Особое внимание придавалось роли и месту Албании в региональной политике²⁰⁴.

К концу 1975 г. внешнеполитические позиции НРА и её оборонная стратегия в региональном контексте всё больше начинали зависеть от ситуации, складывавшейся в албано-китайском неформальном политическом союзе и военно-техническом союзе. В декабре 1975 г. в Пекин была направлена большая албанская военная делегация, в задачу которой входило получение максимально возможного от КНР военного оборудования и вооружений, включая тяжёлую военную технику. Предыдущий визит члена Политбюро ЦК АПТ А. Чарчани, прибывшего в Китай с миссией получения экономической помощи, оказался безрезультатным, и в Тиране пришли к выводу о том, что китайская сторона начала снижать уровень отношений со своим союзником на Балканах²⁰⁵. Одновременно КНР настаивала на возвращении части кредитов, что также было воспринято албанским партийно-государственным руководством и Э. Ходжей, в частности, как недружественные проявления. Поэтому глава АПТ, инструктируя руководителя делегации начальника Генерального штаба В. Лакая, предупреждал его о том, что «с китайцами мы на ножах, как это было с

русскими в 60-е»²⁰⁶. Запросы албанской стороны оказались столь высокими (например, просьба о поставке 800 танков), что даже сам глава делегации впоследствии отмечал невозможность их выполнения²⁰⁷. В соответствии с инструкцией Э. Ходжи нельзя было проявлять «никакой терпимости, идти на компромиссы или угодничать перед китайцами, всегда защищать линию партии»²⁰⁸, что на практике означало недопущение какого-либо торга по политическим вопросам в обмен на военно-техническую помощь. В ответ на просьбы албанской стороны их китайские союзники согласились предоставить намного меньшее количество вооружений и исключили из номенклатуры поставок тяжёлую технику. Глава АПТ крайне раздраженно, хотя и не публично, отреагировал на действия китайских союзников, назвав их позором, и с сожалением отметил, что КНР не предоставил Албании ни танков, ни ракетного оружия, ни большого объема боеприпасов²⁰⁹. Для Тираны всё очевиднее становилась перспектива постепенного отказа Пекина от слишком тесных отношений с албанским союзником, который продолжал придерживаться достаточно жёсткой и малоперспективной в новых международных условиях внешнеполитической линии. Объективно этот процесс имел исключительно негативные последствия для военно-технического оснащения албанских вооруженных сил и их модернизации, а военная доктрина уже фактически сводилась к партизанской тактике всей оборонной стратегии, идеологически оправдываемой главой коммунистического режима необходимостью борьбы по всему периметру границ Албании.

Примечания

¹ Возобновление обвинений в адрес Москвы со стороны партийно-государственного руководства НРА было отмечено зарубежными экспертами, специализировавшимися на анализе позиций коммунистических стран. Так, в частности, их особое внимание привлекла большая редакционная статья под названием «Демагогия советских ревизионистов не может скрыть их предательского лица», опубликованная в органе ЦК АПТ газете «Зери и популлит» 9 января 1969 г. – Demagogji e revizionistëve sovjetikë nuk mbulon fytyrën e tyre ttradhtare// Zëri i Popullit, 9.1.1969. Однако на тот момент никто из посторонних не знал о том, что её автором является лично Э. Ходжа. См. собрание сочинений Э. Ходжи: Hoxha E. Vepra. Janar 1969 – prill 1969. Vel. 40. Tiranë, 1983. F. 10–55.

² Ходжа Э. Империализм и революция. Тирана, 1979. С. 49.

³ Пугало Якубовский. Мысли и тезисы. Среда, 5 марта 1969 г. // Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959–1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 253.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ Там же. С. 255.

⁶ Там же. С. 257.

⁷ Там же. С. 256.

⁸ Одним из элементов плана пропаганды взглядов албанского партийно-государственного руководства именно в контексте складывавшейся «румынской ситуации» была организация вещания в марте 1969 г. на румынском языке передач Радио Тирана. См. аналитический материал РСЕ/РС: 1. z. Albanian Broadcasts to Rumania. 30.4.1969. BOX-FOLDER-REPORT: 2-7-141. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-7-141.pdf/>. Акронимы из строчных латинских букв l.z. использовались даже в служебных материалах Радио Свободная Европа/Радио Свобода в исследуемый период в целях сохранения конфиденциальности авторства и были первыми буквами имени и фамилии аналитика РСЕ/РС по албаснким делам Луи Занги.

⁹ 1. z. Albanian Treatment of the Sino-Soviet Military Conflict. 20.3.1969. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 2-7-170. P.3 – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-7-170.pdf>

¹⁰ См. редакционную статью в: Zeri i popullit, 22.3.1969.

¹¹ Thirrja e Budapestit per aleancen sovjeto-amerikane//Zeri i popullit, 22.3.1969.

¹² 1. z. Albanian Reaction to Bashev's Interview. 24.4.1969. Radio Free Europe research report. BOX-FOLDER-REPORT: 2-7-142. P. 1–3. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-7-142.pdf>

¹³ См. анализ албанской позиции по данному вопросу в: 1. z. The Albanian Response To The Moscom June Conference. 18.7.1969. Radio Free Europe research. P. 2. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/65-3-56.pdf>

¹⁴ Газета «Bashkimi» опубликовала 17 февраля 1970 г. специальную редакционную статью, посвященную этому факту, под названием «Торговый договор является взаимовыгодным для албанского и греческого народов».

¹⁵ 1. z. Albania Secons Rumanian Line. 6.6.1969. Communist Area Analysis Department. BOX-FOLDER-REPORT: 2-7-128. P.1. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-7-128.pdf> Материал с изложением китайской концепции и её развитие в редакционной статье органа ЦК АПТ газете «Зери и популлит»: Rruge revolucionare, rruga e fitoreve të *mQdhsL//ZQri i popullit*, 5.6.1969.

¹⁶ 1. z. Albania Secons Rumanian Line. 6.6.1969. Communist Area Analysis Department. BOX-FOLDER-REPORT: 2-7-128. P.2. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-7-128.pdf>

¹⁷ См. аналитический материал Луи Занги: I.z. Albanian Solidarity With Rumania and Yugoslavia. 14.4. 1969. Radio Free Europe research. – в: 1. z. Czechoslovak Listener Approves Albanian Solidarity With Yugoslavia. 13.6. 1969. BOX-FOLDER-REPORT: 2-7-126. Radio Free Europe research. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-7-126.pdf>

¹⁸ Zeri i popullit, 12.7.1969.

¹⁹ Некоторые аспекты международного положения. Вторник, 29 июля 1969 г. // Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959–1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 260.

²⁰ Там же. С. 262.

²¹ 1. z. Albania Attacks Macedonian Leaders. 30.6.1969. BOX-FOLDER-REPORT: 2-7-114. Radio Free Europe research. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-7-114.pdf>

²² 1. z. Albania Reaffirms Its Solidarity With Rumania And Yugoslavia. 5.9.1969. BOX-FOLDER-REPORT: 2-7-72. Radio Free Europe research. P. 1. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-7-72.pdf>

²³ 1. z. Sino-Soviet Contacts Arouse Hoxha's Suspicions. 15. 10. 1969. BOX-FOLDER-REPORT: 112-2-156. Radio Free Europe research. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/112-2-156.pdf>

²⁴ 1. z. Albania Marks 25 Years Of Communist Rule. 26.11.1969. BOX-FOLDER-REPORT: 2-7-23. Radio Free Europe research. P.8 – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-7-23.pdf>

²⁵ См. материал, подготовленный для редакторов и политического руководства Радио Свободная Европа: I.z. Soviet Approaches Toward Albania – A Change in Atmospherics? 1.12.1969. BOX-FOLDER-REPORT: 65-4-87. Radio Free Europe research. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/65-4-87.pdf>

²⁶ Нет дыма без огня. Вторник, 6 января 1970 г. // Ходжа Э.

Размышления о Китае: Отрывки из политического дневника. Тирана, 1979. Т. 1 (1962–1972). С. 507.

²⁷ Там же. С. 508.

²⁸ Politika e Republikës Popullore të Kinës për mbrojtjen e atdheut dhe për përgatitjet kundër luftës – një politikë e drejtë revolucionare//Zëri i popullit, 31.1.1970.

²⁹ Po aty.

³⁰ Советские ревизионисты пытаются создать смешанные крупные воинские соединения с участием войск своих сателлитов. Четверг. 19 февраля 1970 г.// Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959–1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 266

³¹ Там же.

³² См. публикации в органе ЦК АПТ газете «Зери и популлит» с соответствующими названиями: «Важность национально-освободительной борьбы в истории народов Югославии» (Rendesia e luftes nacionalglirimtare në historinë e popujve të Jugosllavise//Zeri i popullit, 5.4.1970); «Знамя свободы, революции и социализма будет всегда гордо реять над социалистической Албанией» (Flamurin e lirise, të revolucionit dhe të socializmit gjithmonë do të valëvitet me krenari në Socialiste e Shqipërisë// Zëri i popullit, 5.4.1970).

³³ Отмечая положительную реакцию Белграда на публикации в «Зери и популлит», Э. Ходжа однозначно характеризовал своё отношение к возможности сближения с Югославией: «Чего хотят титоисты? «Открытых» границ и обмена туристами. Для них это означает, что мы принимаем «победы титоизма», коррупцию, упадок в литературе и искусстве, шпионаж, американский и западный образ жизни, ревизионистские, антимарксистские, предательские идеи». – Synimet e titistëve. E Hënë, 20 Prill 1970.//Hoxha E. Ditar për geshtje ndërkombëtare. (1970–1971). Tëapë, 1983. V. 6. F. 124.

³⁴ Po aty. F. 125.

³⁵ Po aty.

³⁶ Politika e drejtë e Partisë dhe puna e popullit po i transformojnë malet dhe bjeshkët tona. Fjala në mitingun e qytetit Bajram Curri. 30 maj 1970// Hoxha E. Vepra. Mars 1970 – qershor 1970. Tiranë, 1984. V. 43. F. 371, 372.

³⁷ См. подробнее в: Stankovic S. Yugoslav-Albanian Relations Improving. 16.6.1970. BOX-FOLDER-REPORT: 2-8-106.Radio Free Europe research. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-8-106.pdf>

³⁸ Китайцы беседуют о «румынских планах на Балканах». Понедельник, 22 июня 1970 г. // Ходжа Э. Размышления о Китае: Отрывки из политического дневника. Тирана, 1979. Т. 1 (1962–1972). С. 513.

³⁹ Там же. С. 514.

⁴⁰ Осторожно, товарищи китайцы, не попадайтесь в ловушки врагов! Пятница, 11 сентября 1970 г. // Ходжа Э. Размышления о Китае: Отрывки из политического дневника. Тирана, 1979. Т. 1 (1962–1972). С. 530.

⁴¹ Китайцы беседуют о «румынских планах на Балканах». С. 514.

⁴² Мы не допустим, чтобы наша Родина попала в ревизионистские ловушки. Дуррес, вторник. 7 июля 1970 г. Китайцы беседуют о «румынских планах на Балканах». Понедельник, 22 июня 1970 г. // Ходжа Э. Размышления о Китае: Отрывки из политического дневника. Тирана, 1979. Т. 1 (1962–1972). С. 516.

⁴³ Там же. С. 516, 517.

⁴⁴ Ныне китайско-румынский союз, а позже, может, и китайский союз с Тито. Дуррес. Пятница, 24 июля 1970 г. // Ходжа Э. Размышления о Китае: Отрывки из политического дневника. Тирана, 1979. Т. 1 (1962–1972). С. 521.

⁴⁵ Bisedë me shokun Rita Marko për vizitën e tij në Rumani. E premte, 28 nëntor 1970// Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971). Tiranë, 1983. V. 6. F. 250.

⁴⁶ Shenja «të fitores» së revizionoymit modern në Kinë. E diel, 6 dhjetor 1970// Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971). Tiranë, 1983. V. 6. F. 259.

⁴⁷ Тито удачно использует свою «прокитайскую» карту. Дуррес. Воскресенье, 26 июля 1970 г. // Ходжа Э. Размышления о Китае: Отрывки из политического дневника. Тирана, 1979. Т. 1 (1962–1972). С. 525.

⁴⁸ Приезд Никсона в Европу. Заметки. Воскресенье, 27 сентября 1970 г. // Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959–1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 294.

⁴⁹ Что скрывается за визитом Помпиду в Москву? Понедельник, 5 октября 1970 г. // Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959–1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 296.

⁵⁰ Sajme tendencioze të titistëve E hëne, 19 tetor 1970.// Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971). Tiranë, 1983. V. 6. F. 231.

⁵¹ Në unitetin e plotë parti-popull-pushtet qëndron forca jonë. Fjala në takim me zgjedhësit e zonës elektorale Nr. 219. 18 shtator 1970//Hoxha E.

Vepra. Qershor 1970-nëntor 1970. V. 44. Tiranë, 1985. F. 188.

⁵² I. z. Hoxha Snubs Soviets – Courts The West. 28.9.1970. Radio Free Europe research. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-8-32.pdf>

⁵³ Përpjekje të kota të një ambasadori Sovjetik. E premte, 13 nëntor 1970.// Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971). Tiranë, 1983. V. 6. F. 245.

⁵⁴ См. об этой информации бывшего командующего ВВС генерала Э. Охрита в: Kaloçi D. DOSSIER II. Dëshmia e ish-komandantit të Aviacionit, Edip Ohrit: Në vitin 1971, kinezët donin të krijonin boshtin Bukuresht-Beograd-Tiranë dhe sollën për bisedime në Shqipëri princin e Kamboxhias. «Si ndërmjetësoi në 1971 Sihanuku për të lidhur Enverin me Beogradin»// Gazeta Shqiptare, 22.11.2010.

⁵⁵ См. подробнее: Teza për shkollen e lirë ushtarake. 5 mars 1970.// Hoxha E. Vepra. V. 43. Mars 1970 – Qershor 1970. Tiranë, 1984. F. 3, 4, 5, 9–11.

⁵⁶ Udhëheqja e Ministrisë së mbrojtjes të analizojë mire gjendjen e krijuar në dikaster. Diskutim në mbledhjen e Bxrose Politike të KQ të PPSH. 26 tetor 1970.// Hoxha E. Vepra. V. 44. Qershor 1970 – Nëntor 1970. Tiranë, 1985. F. 361

⁵⁷ Po aty.

⁵⁸ Po aty. F. 362

⁵⁹ Po aty. F. 376, 377.

⁶⁰ Po aty. F. 377.

⁶¹ I.z. Albanian Government Maps New Program. 3.12.1970. P. 5. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 2–8–5. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-8-5.pdf>

⁶² Подробнее о дальнейшей судьбе Хуа Юн-шеня в период «армейских чисток» 1971–1972 гг. см.: Research Aid. Missing Chinese Military Leaders (Reference Title: POLO XLVIX). Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence. 16 August 1972. – <http://www.foia.cia.gov/CPE/POLO/polo-35.pdf>

⁶³ I.z. Albanian Government Maps New Program. 3.12.1970. P. 5. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 2–8–5. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-8-5.pdf>

⁶⁴ Drejtuesit e Ministrisë së mbrojtjes janë përgjegjës direkt për gjendjen në ushtri dhe duhet të përgjigjen para partisë. Diskutim në mbledhjen e Byrosë Politike të KQ të PPSH. 8 dhjetor 1970// Hoxha E. Vepra. V.45. Dhjetor 1970–Prill 1971. Tiranë, 1985. F. 32.

⁶⁵ Po aty. F. 30.

⁶⁶ Po aty. F. 39.

⁶⁷ Po aty. F. 45.

⁶⁸ Po aty. F. 38.

⁶⁹ Po aty. F. 27.

⁷⁰ Воспоминания Э. Охри, бывшего командующего ВВС НРА, см. в: Kaloçi D. Kur Cu En Lai i refuzoi armatimet e rënda Shqipërisë//Gazeta shqiptare, 29.3.2008.

⁷¹ Воспоминания участника исследовательской группы по подготовке директивного документа об оборонной политике НРА полковника Э. Хадо: Kaloçi D. Enveri i futi në konflikt Mehmetin me Beqirin në '66: [Dëshmia e panjohur e kolonelit në pension, Elami Hado, ish-atashe ushtarak në Kinë]//Gazeta shqiptare, 9.10.2004

⁷² Цитата из стенограммы заседания коллегии Министерства обороны от 3 февраля 1971 г. Документ находится в следственных материалах Управления Государственной Безопасности НРА по делу Б. Баллуку. Приводится по: Kotini A. Hito Çako: «Bashkëpunimi ynë me Fadil Paçramin e Todi Lubonjën» // Shekulli, 31.3.2010.

⁷³ Hamza Malaj: Ja përplasjet e mia me Beqir Ballukun. Intervistoi: Apostol Duka. //Ndryshe, 12.6.2007.

⁷⁴ Buzëqeshjet politike të Jugosllavisë dhe të Bulgarisë ndaj nesh. Vlorë, e hënë, 1 mars 1971//Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971). Tiranë, 1983. V. 6. F. 320.

⁷⁵ См. об этом в воспоминаниях уцелевшего в чистках 1975 г. генерала Х. Рамохито: Halim Ramohito: Si na tradhtoi Mehmet Shehu//Standart, 2.3.2010. Более полная версия в его же книге «На службе Родины: воспоминания генерала»: Ramohito H. Në shërbim të atdheut tim: kujtimet e një gjenerali. Tiranë, 2010.

⁷⁶ См.:Halim Ramohito: Si na tradhtoi Mehmet Shehu. Вместе с Б. Баллуку прибыли, но во встрече не участвовали, Х. Рамохито и начальник Института военных исследований генерал С. Бектеши.

⁷⁷ Halim Ramohito: Si na tradhtoi Mehmet Shehu.

⁷⁸ Po aty.

⁷⁹ Buzëqeshjet politike të Jugosllavisë dhe të Bulgarisë ndaj nesh. F. 323.

⁸⁰ Po aty. F. 324.

⁸¹ Formula Greke për lidhjen e marrëdhënieve diplomatike me vrndid tonë.

E enjete, 25 mars 1971//Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971). Tiranë, 1983. V. 6. F. 324. Дипломатические представительства двух стран в Тиране и Афинах были открыты в мае 1971 г.

⁸² Тирана постоянно подчеркивала свою жёсткую позицию в отношении Москвы и не собиралась идти на какое-либо примирение. Это становилось очевидным для большинства зарубежных аналитиков, которые отмечали предупредительный характер ряда заявлений албанской стороны в адрес руководства КНР (не упоминая его, правда, напрямую) с тем, чтобы оно не попало в «ловушку ревизионистов», т. е. не шло на улучшение отношений с СССР. См. аналитический материал Радио Свободная Европа от 19 января 1971 г: I.z. Albanians Intransigent: No Truce With Moscow. 19.1.1971. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 3-1-98. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/3-1-98.pdf>

⁸³ Niksoni ftohet të vizitojë Kinën. E premte, 16 korrik 1971//Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971). Tiranë, 1983. V. 6. F. 397.

⁸⁴ Pritja e Niksonit në Kinë është një gabim i madh oportunist. Durrës, e shtunë, 24 korrik 1971//Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971). Tiranë, 1983. V. 6. F. 398–407.

⁸⁵ I.z. Tirana Uneasy Over Sino-US Developments. 21.7.1971. Communist Area Analysis Department: Albania. BOX-FOLDER-REPORT: 3–1–60. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/3-1-60.pdf>

⁸⁶ Strategja e Partisë sonë ka qenë dhe mbetet për luftë si kundër imperializmit ashtu edhe kundër revizionizmit modern // Hoxha E. Vepra. Prill 1971-shtator 1971. V. 46. Tiranë, 1985. F. 422.

⁸⁷ Kinezët dhe Çausheku. E mërkurë, 2 qershor 1971. // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971). Tiranë, 1983. V. 6. F. 374, 375.

⁸⁸ Информацию о визите Н. Чаушеску в КНР предоставил послу НРА официально некий, как писал Э. Ходжа в своём дневнике, «четвёрто-пятиразрядный сотрудник международного отдела ЦК КПК», а не кто-либо из высокопоставленных партийно-государственных руководителей. Единственное, что было сообщено албанской стороне – это сведения о предоставлении Пекином Бухаресту кредита в 50 млн. долларов США и пожелании Чаушеску смягчить антисоветскую полемику руководства КПК. – Shokët kinezë na «informojnë» mbi bisedimet me Çaushekun. E martë, 22 qershor 1971 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971). Tiranë, 1983. V. 6. F. 392–394.

⁸⁹ Kinezët pas Çausheikut presin edhe Jugosllavin Tepavac. E hënë, 7 qershor 1971 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971). Tiranë,

1983. V. 6. F. 377, 379.

⁹⁰ Traktati Sovjeto-indian dhe Kina. Durrës, e premte. 13 gusht 1971 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971). Tiranë, 1983. V. 6. F. 431.

⁹¹ Э. Ходжа обратился со специальной просьбой к китайскому руководству относительно первоочередного прибытия китайской военной делегации в Тирану накануне её визита в Румынию и аргументировал это в разговорах с представителями албанского высшего военного и партийно-государственного истеблишмента тем, что для Китая более близким другом является Албания, а не Румыния. (См. воспоминания командующего албанскими ВВС полковника в отставке Э. Охри в: Kaloçi D. Si ndërmjetsoi në 1971 Sihanuku për të lidhur Enverin me Beogradin: Dëshmia e ish-komandantit të Aviacionit Edip Oheri // Gazeta shqiptare, 20.12.2003). Сам глава АПТ отмечал в своих дневниковых записях, что настояв на таком графике прибытия китайской делегации, албанская сторона ничего не выиграла и, якобы, даже было бы лучше, если она посетила Албанию после Румынии. – Происки китайцев на Балканах. Дуррес, воскресенье, 15 августа 1971 // Ходжа Э. Размышления о Китае. Т. 1. 1962–1972. Отрывки из политического дневника. Тирана, 1979. С. 606.

⁹² См. воспоминания Э. Охри: Kaloçi D. Si ndërmjetsoi në 1971 Sihanuku për të lidhur Enverin me Beogradin: Dëshmia e ish-komandantit të Aviacionit Edip Oheri // Gazeta shqiptare, 20.12.2003.

⁹³ Me miqtë nuk mbrajmë rezerva, çështjet i shtrojmë hapur. Nga biseda me një delegacion ushtarak të RP të Kinës. 20 gusht 1971 // Strategja e Partisë sonë ka qenë dhe mbetet për luftë si kundër imperializmit ashtu edhe kundër revizionizmit modern // Hoxha E. Vepra. Prill 1971-shtator 1971. V. 46. Tiranë, 1985. F. 451.

⁹⁴ Происки китайцев на Балканах. Дуррес, воскресенье, 15 августа 1971 // Ходжа Э. Размышления о Китае. Т. 1. 1962–1972. Отрывки из политического дневника. Тирана, 1979. С. 607.

⁹⁵ Там же. С. 610.

⁹⁶ Me miqtë nuk mbrajmë rezerva, çështjet i shtrojmë hapur. F. 443.

⁹⁷ Происки китайцев на Балканах. С. 609. Глава АПТ крайне раздраженно реагировал и на то, что премьер КНР Чжоу Эньлай без консультаций с Тираной заявил о своей будущей поездке в следующем, 1972 г. по Балканским странам – Югославии, Румынии и Албании, о чём было опубликовано в венгерской прессе, но совершенно неизвестно албанскому руководству. – Там же.

⁹⁸ Брежнев у Тито. Суббота, 11 септември 1971 г. //Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959–1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 311–313.

⁹⁹ Подробнее см. в: Armillotta G. Albania And The United nations: Two Cases Seen From A Diplomatic History Perspective // The International Journal of Albanian Studies. Columbia University. New York, 1997. N. 1 (Fall). P. 69–81. – http://www.giovanniarmillotta.it/albania/albania97_un.html

¹⁰⁰ I.z. Hoxha's Esoteric Polemics – Advice To Peking? 12.11.1971. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 3-1-21. P. 1. – <http://www.osaarchivum.org/files/hold-ings/300/8/3/pdf/3-1-21.pdf>

¹⁰¹ Ibid. P. 3.

¹⁰² Mbi veprimtarinë e Komitetit Qendror të Partisë së Punës të Shqipërisë Raport në Kongresin e 6-e të PPSH.1 nëntor 1971 // Hoxha E. V. 47. Shtator 1971– Dhjetor 1971. Tiranë, 1985. F. 130.

¹⁰³ Po aty. F. 143.

¹⁰⁴ Poaty. F. 218.

¹⁰⁵ Po aty. F. 219.

¹⁰⁶ Hamza Malaj: Ja përplasjet e mia me Beqir Ballukun. Intervistoi: Apostol Duka. //Ndryshe, 12.6.2007.

¹⁰⁷ См. Свидетельство Э. Хадо в: Kaloçi D. Enveri i futi në konflikt Mehmetin me Beqirin në '66»: [dëshmia e kolonelit në pension, ish-atashe ushtarak në Kinë] // Gazeta shqiptare., 9.10. 2004.

¹⁰⁸ Kaloçi D. Enveri i futi në konflikt Mehmetin me Beqirin në '66»: [dëshmia e kolonelit në pension, ish-atashe ushtarak në Kinë] // Gazeta shqiptare, 9.10. 2004.

¹⁰⁹ Ç'po ngjet me grupin e Lin Biaos? E hënë, 3 janar 1972// Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 7. Версия о подготовке военного переворота была озвучена в 1973 г. на X съезде КПК китайским руководством, заявившем о том, что в марте 1971 г. группа заговорщиков во главе с Линь Бяо подготовили план военного переворота под названием «Тезисы о проекте 571» (число 571 является омонимом словосочетания «военное восстание» —). До сих пор в историографии КНР, несмотря на увеличение количества доступных для исследователей документов периода холодной войны и публикаций китайских (КНР) историков по многим острым проблемам китайской и международной истории, «тема Линь Бяо» и всего, что с ним произошло 13 сентября 1971 г., продолжает оставаться одной из наиболее закрытых. К числу

немногочисленных работ, опубликованных в КНР в последнее время, относится книга, посвященная политической биографии Линь Бяо: Хуан Яо, Ян Джинг-танг Лин Бяо и шеен. (Жизнь Линь Бяо). Пекин, 2004. До сих пор остается значимой с научной точки зрения книга, изданная в США в 1975 г. под редакцией М. Кау: The Lin Bia Affair: Power Politics and Military Coup. Ed. by M. Y. M. Kau. New York, 1975. В дневниковых записях Э. Ходжи приводится несколько версий событий. Судя по всему, информация была получена албанским посольством в Пекине из различных источников. Китайская сторона проинформировала официально своих албанских союзников о попытке государственного переворота только 22 июля 1972 г. через посла НРА в Пекине: «Komploti i Lin Biaos». Durrës, e shtunë, 22 korrik 1972 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 220.

¹¹⁰ Анна Луиза Стронг была известной американской журналисткой и пропагандистом коммунистических взглядов, поддерживая СССР и КНР. Её отношения с советскими властями в 40-е гг. складывались крайне тяжело, и в конечном счёте она поддержала идеологические и политические установки КПК. Дружеские отношения с руководством КПК и лично Мао Дзэдуном обеспечили ей возможность постоянного проживания в Пекине. Л. Стронг были предоставлены апартаменты в бывшем здании итальянского посольства, использовавшемся китайскими властями как гостиница для почетных друзей коммунистического режима. Она скончалась в Пекине за два года до визита Никсона в КНР.

¹¹¹ 1. z. Tirana Attacks Nixon: Another Rebuke To Peking? 8.3. 1972. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 3-2-74. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/3-2-74.pdf>

¹¹² 1. z. Moscow Albanian-Language Broadcast Exploits Nixon's Visit. 23.2.1972. Radio Free Europe Research. BOX-FOLDER-REPORT: 98-5-244. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/98-5-244.pdf>

¹¹³ j.c.k. Whither Albania? A Hungarian View. 25.9.1972. Radio Free Europe Research. BOX-FOLDER-REPORT: 35-3-89. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/3-2-37.pdf>

¹¹⁴ Kina dhe Bashkimi Sovjetik. E mërkurë, 22 mars 1972 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 102.

¹¹⁵ Çfarë duhet të kemi parasyh në politikën tone ndaj italisë dhe greqisë. E mërkurë, 2 shkurt 1972 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 32.

¹¹⁶ Po aty. F. 33.

¹¹⁷ Po aty. F. 34,35.

¹¹⁸ Подробнее о внешней политике Греции в 1967–1973 гг. в: Улуния Ар. Ошибка полковника Пападопулоса. Крах идеи «сильной руки» и крушение системы «управляемой демократии» в Греции (1967–1974 гг.) М., 2004.

¹¹⁹ Çfarë duhet të kemi paraszsh në politikën tone ndaj italisë dhe greqisë. F. 37, 38.

¹²⁰ Руки прочь от Балкан! Понедельник, 27 марта 1972 г. // Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959–1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. Как отмечалось в примечании к этой дневниковой записи её основа была использована для написания статьи с одноименным названием для газеты «Зери и популлит». Сама статья фактически повторяла основной тезис угрозы со стороны СССР для Балкан и была помещена в собрание сочинений Э. Ходжи: Larg duart nga Ballkani! Artikull i botuar ne gazeton «Zori i popullit». 29 mars 1972 // Hoxha E. Vepra. V. 48. Janar 1972 – Maj 1972. Tiranë, 1985. F. 320–324.

¹²¹ Larg duart nga Ballkani! F. 321.

¹²² Shënim. E shtune, 29 prill 1972 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 129.

¹²³ Po aty. F. 129.

¹²⁴ Hoxha E. Një etapë e re e strategjisë globale sovjeto-amerikane kundër lirisë e pavarësisë së popujve // Zëri i popullit, 27.5. 1972.

¹²⁵ К сожалению, эта тема до сих пор остается малоизученной в историографии, а существующие доступные материалы дают отрывочные сведения о происходившем. Упоминание о пребывании в Албании Нородома Сианука, выполнявшего посредническую миссию, встречаются в записях самого Э. Ходжи, а также публикациях воспоминаний участников и очевидцев событий с албанской стороны, см. в.: Kaloçi D. Sindërmjetsoinë 1971 Sihanuku për të lidhur Enverin me Beogradin: Dëshmia e ish-komandantit të Aviacionit Edip Oheri // Gazeta shqiptare, 20.12.2003. Достаточно поверхностно о жизни камбоджийского изгнанника в Тиране упоминается в воспоминаниях переводчика Э. Ходжи и сотрудника аппарата ЦК АПТ, а затем и МИДа НРА А. Попа, писавшего о приглашении албанским правительством главы эмигрантского камбоджийского правительства после лишения его власти в стране: Imaj A. Miqtë e Enverit në 1982: Pse e vratë Mehmet Shehun // Panorama, 6.8.2009. Более известно о визите Сианука в Албанию и его встрече с Э. Ходжей в июне 1972 г. См. официальный

пропагандистский материал компартии Китая: Peking Review, 4.8.1972. N 31. На 13 странице издания помещена совместная фотография камбоджийского принца и главы АПТ. Сама статья посвящена пяти визитам Сианука в различные страны, включая Румынию. Об июньском визите см. также: Нохха Е. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 180–184, 190.

¹²⁶ Kaloçi D. Si ndërmjetsoi në 1971 Sihanuku për të lidhur Enverin me Beogradin: Dëshmia e ish-komandantit të Aviacionit Edip Oheri // Gazeta shqiptare, 20.12.2003. Однако в ходе разговора выяснилось, что Н. Сианук не разделяет взгляды Тито, о чём он сообщил Э. Ходже: Sihanuku na njofton për presionet që i kane bërë titistët. Durrës, e hënë, 24 korrik 1972 // Нохха Е. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 231.

¹²⁷ Ç'mund të ngjasë në Jugosllavi pas vdekjes së Titois. E martë, 24 tetor 1972 // Нохха Е. Vepra. V. 48. Janar 1972 – Maj 1972. Tiranë, 1985. F. 287.

¹²⁸ Po aty. F. 288, 289.

¹²⁹ 13 февраля 1972 г. Э. Ходжа написал в своём дневнике: «Коммунистическая партия Китая находится на ревизионистских позициях», см. в: Partia Komuniste e Kinës është në pozita revizioniste. E diel, 13 shkurt 1972 // Нохха Е. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 45.

¹³⁰ Распоряжение Начальника Генерального штаба П. Думе № 0103 от 6 марта 1972 г. Документ находится в следственных материалах Управления Государственной Безопасности НРА по делу Б. Баллуку. Приводится по: Kotini A. Hito Çako: «Bashkëpunimi ynë me Fadil Paçramin e Todi Lubonjën» // Shekulli, 31.3. 2010.

¹³¹ Буквально Э. Ходжа заявил: «Добровольческие силы считаются как имеющие огромное значение, и поэтому необходимо заниматься их подготовкой. Для них созданы штабы, из которых особую роль играют региональные штабы, относящиеся непосредственно к этим силам. Однако ответственность ложится в основном на вас, товарищи военные, вы должны уважать штабных сотрудников добровольческих сил как находящихся на службе. В региональные штабы вы должны направлять лучших офицеров, обладающих серьезными знаниями в военной области, политически и технически подготовленных и имеющих опыт». – Të forcohet më tej bashkëpunimi ushtri-terren. Diskutim në mbledhjen e Byrosë Politike të KQ të PPSH. 27 mars 1972 // Нохха Е. Vepra. V. 48. Janar 1972 – Maj 1972. Tiranë, 1985. F. 317.

¹³² Të forcohet më tej bashkëpunimi ushtri-terren. F. 318.

¹³³ Vizita e një zëvendësministri të jashtëm të Kinës në Tiranë. E premte, 1 shtator 1972 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 237.

¹³⁴ Kina po i forcon pozitat në arenën ndërkombëtare. E mërkurë, 27 shtator 1972 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 266.

¹³⁵ Takim me delegacionin e Ushtrisë Popullore Çlirimtare Kineze. E premte, 13 tetor 1972 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 281.

¹³⁶ Bisedë me shokët e delegacionit ushtarak që do të shkojnë në RP të Kinës. E mërkurë, 25 tetor 1972 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 290.

¹³⁷ Të tregohemi shumë miqësorë e sashamirë në bisedimet me shokët kinezë. E enjte, 2 nëndor 1972 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1972. V. 7. F. 297.

¹³⁸ Использование двух прикомандированных сотрудников – радистов-шифровальщиков – было связано с тем, что, как позже стало ясно членам делегации, информация о переговорах сообщалась непосредственно руководству АПТ, минуя дипломатические каналы. См. воспоминания Э. Охри, бывшего командующего ВВС НРА, см. в: Kaloçi D. Shqipëria mori nga Kina 18 miliard dollarë arsenal ushtarak // Gazeta Shqip, 30.3. 2008.

¹³⁹ Po aty.

¹⁴⁰ Po aty.

¹⁴¹ Бесстыдная выходка советских ревизионистов. Пятница, 9 февраля 1973 г. // Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959–1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 358.

¹⁴² Parathenie për vellimin e 50-te // Hoxha E. Vepra. V. 50. Janar 1973-prill 1973.Tirane, 1986. F. VII.

¹⁴³ Puna ideopolitike e kulturore në ushtri t’l sherbeje mbrojtjes së atdheut // Hoxha E. Vepra. V. 50. Janar 1973-prill 1973.Tirane, 1986. F. 31.

¹⁴⁴ Po aty. F. 42.

¹⁴⁵ Po aty. F. 65.

¹⁴⁶ Po aty. F. 32, 33.

¹⁴⁷ Të gjitha forcat e popullit ushtar te jene kurdohere ne gatismeri te plote. Diskutim ne mbledhen e organizes-baze te Partise ku ben pjese // Hoxha E. Vepra. V. 50. Janar 1973-prill 1973.Tirane, 1986. F. 116.

¹⁴⁸ Po aty. F. 117.

¹⁴⁹ Po aty. F. 118.

¹⁵⁰ Одним из примеров подобного отношения была реакция Начальник Политического управления Х. Чако, направившего 26 января 1973 г. благодарственное письмо М. Меркурии – лектору школы военной подготовки в г. Элбасан, в котором благодарил его за книгу «Народная война и требования военной морально-политической и психологической подготовки народного воина» и оценивал её как важный теоретический труд. Во время «дела путчистов» (осень 1974-осень 1975 гг.) это письмо фигурировало как доказательство подрывной заговорщической деятельности самого Х. Чако, а также и автора книги. См. материалы Управления Государственной безопасности НРА, опубликованные в: Kotini A. Hito Çako: «Bashkëpunimi ynë me Fadil Paçramin e Todi Lubonjën» // Shekulli, 31.3.2010.

¹⁵¹ Puna ideopolitike e kulturore në ushtri t’I shërbëjë mbrojtjes së atdheut. F. 38.

¹⁵² Të gjitha forcat e popullit ushtar të jenë kurdoherë në gatishmëri të plotë. F. 129.

¹⁵³ Poaty. F. 119.

¹⁵⁴ Po aty. F. 120.

¹⁵⁵ Puna ideopolitike e kulturore në ushtri t’I shërbëjë mbrojtjes së atdheut // Hoxha E. Vepra. V. 50. Janar 1973-prill 1973.Tiranë, 1986. F. 47.

¹⁵⁶ Puna ideopolitike e kulturore në ushtri t’I shërbëjë mbrojtjes së atdheut. F. 48.

¹⁵⁷ Прямое отношение к формулированию идейно-политических основ военной доктрины имела речь главы АПТ 15 марта 1973 г., в которой он требовал вести борьбу против иностранного влияния и его проводников внутри Албании: Si duhet kuptuar dhe si duhet luftuar rrethimi imperialistorevuzionist i vendit tonë dhe efekti i presionit të tij mbi ne. Fjala në mbledhjen e përgjithshme të komunistëve të aparatit të KQ të Partisë për dhënie llogari e zgjedhje. 15 mars 1973// Hoxha E. Vepra. V. 50. Janar 1973-prill 1973.Tiranë, 1986. F. 293–329.

¹⁵⁸ НАТО интересуется нашей страной. Почему? Понедельник, 4 июня 1973 г. // Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959–1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 359.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же. С. 360.

¹⁶¹ Там же. С. 361.

¹⁶² Там же. С. 362.

¹⁶³ Содержание дискуссий и стенограмма выступлений содержатся в недавно ставшем доступным секретном документе Министерства народной обороны НРА «Материал для Оперативного Управления. Совершенно секретно. Дата: 30.12.1973. Выступления во время дискуссии на собрании руководящих кадров армии в г. Дуррес, 15.6.1973» (Material për Drejtorinë Operative. Tëpër secret. Datë 30.12.1973. Ndërhyrje gjatë diskutimeve në mbledhjen e kuadrove kryesore të Ushtrisë, në Durrës, më 15.6.1973). Здесь цит. по: Akuzat e ushtarakëve, Hito Çako mbron Petrit Dumen. Marrë me shënime nga A. Çopani // Shekulli, 24.3.2010.

¹⁶⁴ Material për Drejtorinë Operative. Здесь цит. по: Akuzat e ushtarakëve, Hito Çako mbron Petrit Dumen. Marrë me shënime nga A. Çopani // Shekulli, 24.3.2010.

¹⁶⁵ Material për Drejtorinë Operative. Цит. по: Kotini A. Bunkerct apo агтëк debatet e Çakos me ushtarakët // Shekulli, 21.3.2010.

¹⁶⁶ По ату.

¹⁶⁷ Kaloçi D. Enveri i futi në konflikt Mehmetin me Beqirin në '66 // Gazeta shqiptare, 9.10.2004

¹⁶⁸ Në këtë situatë popujt arabë do të kuptojnë cilët janë miqtë e tyre të vërtetë. Nga biseda me ambasadorin e RP të Kinës. 16 tetor 1973 // Hoxha E. Vepra. Korrik 1973-qershor 1974. V. 52. Tiranë, 1987. F. 244–247.

¹⁶⁹ О перипетиях подготовки и ознакомления с документом содержится подробный рассказ в воспоминаниях участника событий генерал-майора Халима Рамохито, являвшегося также в годы членства НРА в Варшавском Договоре представителем Албании в руководящих структурах блока. См. публикации: Ramohito H. Në shërbim të atdheut tim: kujtimet e një gjenerali. Tiranë, 2010. Vol.1; Halim Ramohito: Si na tradhtoi Mehmet Shehu // Gazeta Standard, 02.3.2010.

¹⁷⁰ Её принятие состоялось 28 декабря 1976 г.

¹⁷¹ «Мби организимин, пërgatitjen ushtarake dhe drejtimin e forcave vullnetare të vetëmbrojtjes popullore, si dhe mbi zbatimin e detyrave për пërgatitjen ushtarako-profesionale të shtabeve të mbrojtjes, organeve të Partisë dhe atyre shtetërore».

¹⁷² Njësitë vullnetare të popullit të mësojnë mirë taktikën e luftës partizane. Diskutim në mbledhjen e Byrosë Politike të KQ të PPSH. 28 mars 1974 // Hoxha E. Vepra. Korrik 1973-qershor 1974. V. 52. Tiranë, 1987. F. 331.

¹⁷³ По ату. F. 332.

¹⁷⁴ См. воспоминания бывшего начальника Генерального Штаба ВС НРА (1975–1981) и участника событий В. Лакая: Llakaj V. Balluku: «Ka urdhëruar, Enveri!». Konflikti me Beqir Ballukun për të quajturat «Teza të zeza» // Shekulli, 20.2.2006.

¹⁷⁵ См. запись в дневнике Э. Ходжи под названием «Размещение турецких войск на Кипре»: Zbarkimi i forcave ushtarake të turqisë në Qipro. E shtunë, 20 korrik 1974 // Hoxha E. Ditar për çeshtje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1983. V. 7. F. 625–627.

¹⁷⁶ Тë ruajmë ekuilibrin e dashamirësisë si ndaj popullit turk ashtu edhe ndaj atij grek. E martë, 23 korrik 1974 // Hoxha E. Ditar për çeshtje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1983. V. 7. F. 628.

¹⁷⁷ Po aty. F. 629.

¹⁷⁸ Shënime. E shtunë, 10 gusht 1974 // Hoxha E. Ditar për çeshtje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1983. V. 7. F. 632.

¹⁷⁹ О роли М. Шеху и Х. Капо в подготовке Пленума и готовившегося осуждения на нём Б. Баллуку см. их переписку из Архива ЦК АПТ (фонд 14, опись L-1, дело 1) (Arkiva e Komitetit Qendror të PPSH, Fondi 14, L-1, Dosja 1), опубликованную в: «Puçistët» në ushtri, letërkëmbimi mes Enverit, Hysniut e Mehmetit // Shekulli, 20.1.2010.

¹⁸⁰ О чистках в 1974 г. см. свидетельства участника и очевидца событий В. Лакая: Llakaj V. Ndëshkime, pranga, emërime dhe strukturë e re në Ministrinë e Mbrojtjes // Shekulli, 17.2.2006.

¹⁸¹ Hoxha E. Për Ushtrinë Popullore. Përmbledhje veprash. Tiranë, 1984. V. II. F. 248.

¹⁸² Телеграмма Дж. Вольпе в Государственный Департамент США от 18 октября 1974 г. была рассекречена осенью 2007 г. и приводится по: Si u zhduk Beqir Balluku // Koha Jonë, 25.10.2007. Первое из этих предположений было отчасти справедливым. В полном объеме суть происходившего была известна немногим. Во время VI Пленума ЦК АПТ премьер М. Шеху обвинил начальника Генерального Штаба П. Думе в том, что он хотел действовать как советский маршал Г. Жуков (имелся в виду арест Л. Берии) и арестовать правительство НРА и ЦК АПТ. – Halim Ramohito: Si na tradhtoi Mehmet Shehu // Standart, 2.3.2010. Среди очевидцев и участников событий, а также тех немногочисленных специалистов, кто был знаком ситуацией в руководстве НРА, существует до сих пор несколько версий причин гонений на военных, начатых Э. Ходжей. Среди них: страх потери власти, испытывавшийся главой АПТ после случившегося у него в октябре 1973 г.

инфаркта; разгоревшаяся борьба за власть различных кланов; изменение характера взаимоотношений НРА с КНР и необходимость принятия нового курса, который могли не разделять «прокитайски» настроенные члены руководства АПТ. См. об этом воспоминания Р. Алии – бывшего Первого секретаря АПТ, ставшего преемником Э. Ходжи в 1985 г. и первым президентом Албании после падения коммунизма в 1990 г. Частично они опубликованы в: Ramiz Alia: Frika per pushtetin pas infarktit, arsyeja pse Enveri goditi Beqir Ballukun // Shqiperia, 9.5.2010. Полный вариант воспоминаний: Alia R. Jeta ime. Kujtime. Tirane, 2010. Наконец, в самой партийной традиции в 1975 г., пока в виде не предназначенных для посторонних записях Э. Ходжи, делались обвинения в адрес КНР, якобы поддерживавшей «заговорщиков», а в 1981 г., после смерти М. Шеху, квалифицированной как самоубийство, лично Э. Ходжей было объявлено о его враждебной деятельности и связях с иностранными разведками, а также планах переворота, который он, как утверждал глава АПТ, готовил вместе «путчистами» в 1974 г., опираясь на Х. Чако и П. Думе. В действительности, по мере появления документов АПТ, а также других организаций, расправа над известными военными деятелями являлась частью проводимой Э. Ходжей политики ликвидации любых гипотетически возможных очагов недовольства его деятельностью. Одновременно глава режима мог обвинить все преследуемых виновными в конкретных проблемах страны, что и происходило. Оставаясь «патриархом», уничтожив подавляющую часть «старой гвардии», Э. Ходжа манипулировал новыми молодыми кадрами и держал их под контролем. Череда инициированных им политических кампаний на пленумах ЦК АПТ и следовавших за ними «чисток», т. е. репрессий, включая физическую ликвидацию, проходила особенно активно в начале 70-х гг. XX в.: IV Пленум (июнь 1973) – репрессии против представителей творческой интеллигенции; V Пленум (июль 1974) и VI Пленум (декабрь 1974) – кампания против представителей руководства армии и «чистки» в вооруженных силах», VII Пленум (май 1975) – репрессии против экономистов с обвинением их в саботаже.

¹⁸³ Politika jonë është e hapur, është politikë e parimeve proletare. Fjala në takimim me zgjedhësit e zonës elektorale nr. 209 të Tiranës. 3 tetor 1974 // Hoxha E. Vepra. Korrik 1974 – dhjetor 1974. Tiranë, 1987. F. 174–177.

¹⁸⁴ Документы приводятся по публикации: Fjalimet e Enverit, reagimet ne Athine e Beograd // Koha Jonë, 28.10.2007.

¹⁸⁵ Në gjzëkimin e situative dhe në shfërtëzimin e koniunkturave të mbajmë qëndrim parimor. Nga biseda me ambasadorin kinez. 16 tetor 1974 // Hoxha E.

Vepra. Korrik 1974– dhjetor 1974. Tiranë, 1987. F. 311, 312.

¹⁸⁶ Jo, shokë kinezë, ne me jugoslavët nuk jemi «si dhëvbët me buzët». E hënë, 23 dhjetor 1974// Hoxha E. Ditar për çeshtje ndërkombëtare (1972–1974). Tiranë, 1983. V. 7. F. 658.

¹⁸⁷ Американский империализм и советский империализм готовят третью мировую войну, но боятся её. Вторник, 25 февраля 1975 г. // Ходжа Э. Сверхдержавы. 1959–1984. Из политического дневника. Тирана, 1986. С. 400, 401.

¹⁸⁸ Ballkani, superfuqitë, Kina dhe ne. E mërkurë, 2 korrik 1975 // Hoxha E. Ditar për çeshtje ndërkombëtare (1975–1976). Tiranë, 1984. V. 8. F.94–105.

¹⁸⁹ Po aty. F. 94.

¹⁹⁰ Po aty. F. 95.

¹⁹¹ Po aty. F. 96.

¹⁹² Po aty. F. 97.

¹⁹³ Po aty. F. 103.

¹⁹⁴ Zanga L. Kosovo: An Important Element In Yugoslav-Albanian Rapprochement. 2.6.1975. RAD Background Report/91. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 3-5-27. – <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/3-5-27.pdf>

¹⁹⁵ Si duhet të jetë interesimi znë për Kosovën e kosovarët. E martë, 23 shtator 1975 // Hoxha E. Ditar për çeshtje ndërkombëtare (1975–1976). Tiranë, 1984. V. 8. F. 131.

¹⁹⁶ Do të demaskojmë qëllimet e vërteta të konferencës së helsinkit mbi «sigurimin evropian». Durrës, 27 korrik 1975 // Hoxha E. Ditar për çeshtje ndërkombëtare (1975–1976). Tiranë, 1984. V. 8. F. 125. В центральном печатном органе газете «Зери и популлит» была помещена редакционная статья, фактически написанная Э. Ходжей и носившая название «Конференция неопределенности Европы». – Konferenea e pasigurisë së Evropës // Zëri i popullit, 29.7.1975.

¹⁹⁷ Situatat në botë janë të turnullta, prandaj nuk ka vend për vetëkënaqësi, për qetësi ose për eufori. Nga biseda me një përfaqësues të PK të Australisë (m-l). 6. dhjetor 1975 // Hoxha E. Vepra. Nëntor 1975 – mars 1976. Tiranë. 1987. V. 56. F. 95, 97, 99

¹⁹⁸ Эта информация содержалась в депеше посольства США в Риме от 3.4.1975 в Государственный Департамент. Источником информации являлся посол Италии в Албании Р. Ферраро. Документ опубликован в: Enveri, kontroll të plote mbi ushtrinë // Koha Jonë, 27.10.2007.

¹⁹⁹ Po aty.

²⁰⁰ Во второй половине июня 1975 г. Госсекретарь США Г. Киссинджер активно интересовался происходившими изменениями в руководств НРА и делал запросы в американские посольства в Белграде и Риме относительно происходящего в Тиране. См. публикацию извлечений из документов Госдепа США в: Kisinger: Ndryshimet ne Byrone Politike // Koha Jonë, 26.10.2007.

²⁰¹ Л. Зильберман ссылаясь в своей депеше в Госдеп на посла Австрии в Югославии и Албании, а также полученную им от албанского посла в Белграде информацию о состоянии здоровья Э. Ходжи и продвижении к власти М. Шеху. Текст рассекреченной телеграммы посольства США в Белграде от 12.8.1975 г. в адрес Государственного Департамента США в: SHBA: Enveri i semure, Mehmeti po merr pushtetin // Koha Jonë, 24.10.2007.

²⁰² Po aty.

²⁰³ Представления о том, что в партийно-государственном руководстве НРА развернулась борьба за власть, распространились и среди аналитиков-специалистов по Албании. См.: Zanga L. Changes In Albanian Leadership Signify Struggle For Succession To Power. 24.11. 1975. RAD Background Report/161. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 3-5-10.– <http://www.osaarchivum.Org/files/holdings/300/8/3/pdf/3-5-10.pdf>

²⁰⁴ См.: Bashkurti L. Diplomacia shqiptare. Dipolomacia e vetëizolomitË rasti i Shqipërisë, 1961–1989. Tiranë, 2004. Автор получил возможность ознакомиться с документами Госдепа США и НАТО, в которых рассматривалась ситуация в Албании и её внешнеполитический курс.

²⁰⁵ С 1954 г. и вплоть до 1975 г. объем китайской экономической помощи Албании, включая военные поставки, составил 100 млрд. юаней (около 840 млн. долларов США), т. е. 3 тыс. 850 юаней на человека, в то время как годовой доход на душу населения в КНР составлял 200 юаней. Рассекреченные данные МИД КНР о помощи зарубежным странам, включая Албанию, в: Шу Юн 1976 ньян куан вайюан 110 дуо гуожиа жонг гуо «канг кай» ле дуо шао куан?// Тон жу гонг жин, 2009. № 1 (Шу Юн До 1976 г. зарубежная помощь Китая была «щедрой» более чем для 110 стран. Насколько? // Вместе в одной лодке. 2009. № 1.)

²⁰⁶ Veli Llakaj Enveri instrukton Llakajn: «Me kinezët jemi thikë e në pikë, si me rusët më 1960 – ën» // Shekulli, 27.2.2006.

²⁰⁷ Po aty.

²⁰⁸ Po aty.

²⁰⁹ Kinezët duan të sabotojnë forcën mbrojtës të vendit tonë. E martë, 23 dhjetor 1975 // Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare (1975–1976). Tiranë, 1984. V. 8. F. 218.

Размышления об аресте Лаврентия Павловича Берии 26 июня 1953 г. и предложение новой версии этих событий

*Я смеюсь в подушку, когда думаю,
Как все складывается в этом мире
И до чего странны пути судьбы.*

Бомарше

Хмелинский П.В.

КРАТКИЙ ОЧЕРК СОБЫТИЙ И ОФИЦИАЛЬНОЙ ИХ ВЕРСИИ

26 июня 1953 г. в Москве был арестован Лаврентий Павлович Берия. Так гласит официальная версия, согласно которой его схватили на совещании в Кремле и быстро вывезли в штаб Московского военного округа (на улице Осипенко, в полутора километрах от Кремля), где продержали полгода, затем там же судили (вместе с шестью сообщниками) и расстреляли.

При этом в первые часы после ареста Берии был осуществлен массированный ввод войск в Москву – не менее двух дивизий (гвардейская Таманская и гвардейская Кантемировская); в частности, одна танковая колонна заняла всю улицу 25-го Октября (Никольскую), идущую от Кремля (от Красной площади) до Лубянки; войска оставались в столице трое суток. На ведущих в Москву шоссе были развернуты артиллерийские батареи, готовые к немедленному открытию огня; в дальнейшем в течение нескольких месяцев улицы Москвы патрулировали многочисленные автоматчики – населению разъясняли, что эта мера вызвана якобы неудачно проведенной массовой амнистией, в ходе которой на свободу вышло множество уголовников.

До сих пор как-то оставалось незамеченным, что ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ «АРЕСТ БЕРИИ» И ПРИНЯТЫЕ ПОСЛЕ НЕГО ВОЕННЫЕ МЕРЫ – СОБЫТИЕ АБСОЛЮТНО БЕСПРЕЦЕДЕНТНОЕ. Рассмотрим ряды событий, которые, казалось бы, можно счесть аналогичными, – и убедимся, что они отнюдь не аналогичны.

СОБЫТИЙНЫЙ РЯД АРЕСТОВ И ОТСТАВОК

В последние сталинские годы (1945–1953) было осуществлено множество (сотни) отставок, перемещений, арестов, расстрелов высокопоставленных и чрезвычайно могущественных советских деятелей. Ни в одном случае сколько-нибудь заметных передвижений войск и боевых тревог не имели места. Перечислим лишь некоторые наиболее выразительные случаи.

Главы силовых структур

Командующий Сухопутными войсками Жуков: отставка, обыск дачи, предъявление обвинений уголовного характера, закрытое обсуждение возможного ареста – в кругу высших военных руководителей с участием Сталина; назначение со значительным понижением – в Одессу (1946 г.).

Командующий Военно-Воздушными силами Новиков: арест, суд, заключение (1946 г.).

Командующий Военно-Морским флотом Кузнецов: отставка, «суд чести», назначение со значительным понижением на Дальний Восток (1947 г.).

Министр госбезопасности Абакумов: арест, двухлетнее заключение (1951 г.).

Глава разведки Кубаткин: арест, суд, расстрел (1946 г.).

Итого: главы ВСЕХ мощнейших силовых структур подверглись репрессиям. Исключение: министерство (наркомат) обороны, в котором, впрочем, уходили в отставку три руководителя (Сталин, Соколовский, Булганин). Эти отставки, однако, не были связаны с опалой кого-либо из них.

Лица, работавшие в непосредственном соприкосновении со Сталиным

Многолетний начальник охраны Сталина Власик: арест, суд, заключение (1952 г.).

Многолетний глава секретариата Сталина Поскрёбышев: отставка, арест (1953 г.).

Глава лечебно-санитарного управления Кремля Виноградов: отставка, арест (1952 г.).

Не подвергался репрессиям, но скоропостижно умер 17 февраля 1953 г. комендант Кремля Косынкин.

Итого: ВСЕ четыре ближайших в повседневной службе «технических» сотрудника Сталина «исчезли с горизонта», из них трое – официально

репрессированы.

Можно в поиске аналогий «зарыться» и в совсем уже отдаленные времена. И убедиться, что для арестов даже самых могущественных людей не требовалось передвижений войск, подобных произошедшим 26 июня 1953 г.

Россия, «Эпоха дворцовых переворотов», XVIII век.

Арест регентши Анны Леопольдовны и императора-младенца Иоанна Антоновича (1741 г). Задействована одна гвардейская рота.

Арест правителя Бирона (1741 г.). Задействованы от 30 до 80 офицеров и солдат – более точных цифр нет.

Арест «всемогущего» Меншикова (1727 г.) – войска не задействованы.

Свержение Петра III (1762 г.) – два полка (приблизительно) двинулись из Санкт-Петербурга на Ораниенбаум с целью ареста Петра III. Продвижение длилось не более 4–5 часов и после добровольной сдачи Петра III было прекращено.

Добавим и трагедию убийства Павла I (1801 г.) – задействованы не более 20 человек (высшие офицеры). Точное число их неизвестно.

При убийстве Гая Юлия Цезаря – разве вводились в Рим легионы?

Из иностранных схожих событий. При свержении президента Альенде в Чили (1973 г.) и при уничтожении Гитлером руководства нацистских штурмовиков («ночь длинных ножей», 1934 г.) войска в столицы вводились, но в меньших масштабах, чем при «аресте Берии», на меньшие сроки и, что главное, не для бездействия, не для стояния без всякой явной или хотя бы интуитивно ощущаемой цели. В связи с этим рассмотрим следующий ряд фактов.

СОБЫТИЙНЫЙ РЯД ВВОДОВ ВОЙСК В КРУПНЫЕ ГОРОДА

Хрущёвское руководство (по персональному составу – практически то же, что арестовывало Берию) трижды (кроме событий 26 июня) вводило войска в крупные города: в Берлин (июнь 1953 г.), в Тбилиси (март 1956 г.) и в Будапешт (октябрь-ноябрь 1956 г.).

Во всех этих случаях ситуация в данном конкретном городе уже вышла из-под контроля советского руководства, город был охвачен массовыми стихийными волнениями. Цель ввода войск в каждом случае совершенно очевидна: подавить волнения, восстановить контроль Москвы над городом. Можно подобную цель порицать, но нельзя отрицать, что она была и что она была для всех очевидной.

Во всех этих случаях войска вводились не в первые часы и даже не в

первые дни массовых волнений, а лишь тогда, когда ситуация давно уже перезрела; это означает, что каждый раз решение о вводе войск давалось Кремлю с огромным трудом: в советском руководстве были разногласия, опасения, шли споры.

Во всех трех случаях войска, вступив в город, немедленно применяли силу, открывали огонь, были человеческие жертвы (особенно многочисленные в Будапеште).

В Москве 26 июня все было с точностью до наоборот: решение о вводе войск принято мгновенно (без колебаний) без какой-либо видимой цели (войскам ничего не говорили ни об аресте Берии, ни о том, что их возможный противник – войска своего же МВД); войдя в город, войска бездействуют, просто стоят и стоят, и смысл их пребывания в столице становится с каждым часом все более загадочным.

Можно для сравнения рассмотреть также ввод войск в Москву 19–21 августа 1991 г. (властью самопровозглашенного ГКЧП). Первое существенное отличие: в 1991 г. за много месяцев до событий перспектива возможного ввода войск в Москву открыто обсуждалась в обществе: Советский Союз трещал и разваливался, союзные республики одна за другой принимали «Декларации независимости», и в первой половине того года в Москве даже начали снимать художественный фильм «По Таганке ходят танки» (впоследствии он так и не был завершен). Газета «Вечерняя Москва» писала об этих съемках и публиковала фотографию танка возле станции метро «Таганская-кольцевая».

Войска продвигались в столицу и по столице нарочито медленно, соблюдая правила уличного движения. Я сам видел около 7 часов утра 19 августа, как колонна БМП шла по Можайскому шоссе к перекрестку с Рябиновой улицей – со скоростью степенного пешехода, примерно 4 километра в час. На перекрестке боевые машины остановились и дисциплинированно переждали красный свет светофора.

Уже через сутки, к утру 20 августа, значительная часть войск была выведена из города. Это было заметно невооруженным глазом: на многих перекрестках, где вчера стояли танки или БМП, сегодня их уже не было.

Вывод войск был завершен через двое суток после ввода, утром 21 августа. Цель ввода ясна и прозрачна: не боевые действия, но демонстрация силы (присутствия).

АРЕСТОВАННЫЕ СООБЩНИКИ БЕРИИ

Хотелось бы все же знать фамилии, имена и отчества тех сообщников Берии, которых до такой степени опасались в Кремле, что оторвали

гвардейцев-танкистов от обеда.

Не будет натяжкой предположить, что эти едва-едва не состоявшиеся бонапарты были осуждены и казнены вместе с самим Берией 23 декабря 1953 г. Таковых сообщников шесть человек. Кто же из них мог 26 июня двинуть на Москву полки и дивизии МВД?

Мешик. Бывший заместитель Берии по атомному проекту. К 26 июня – министр внутренних дел Украины. Находился в Киеве. Передвигать подмосковные дивизии МВД явно не мог.

Деканозов. Министр внутренних дел Грузии. Находился в Тбилиси...

Гоглидзе. Начальник контрразведки. Находился в Берлине...

Влодзимирский. Начальник следственной части по особо важным делам. Дивизий и полков у себя в подчинении наверняка не имел, да и арестован был лишь 30 июня – значит, в Кремле защищались не от него.

Меркулов. Министр государственного контроля. Ведомство у него в подчинении не силовое, войск оно не имело. Кроме того, в начале 1953 г. Меркулов перенес инфаркт. Ныне известна его записка к Берии, в которой он, Меркулов, выражает надежду полностью поправиться к осени 1953 г. Кроме того, Меркулов арестован был лишь 18 сентября – последним из шестерки. Значит, не он был самым опасным из всех.

Остается Кобулов – первый заместитель министра внутренних дел (то есть самого Берии). По должности он, безусловно, имел право и возможность отдавать приказы войскам МВД. Значит, он?

Однако самый беглый взгляд в анкетные данные Кобулова заставляет забраковать его как «контрпереворотчика». Вся жизнь он успешно делал карьеру – отнюдь не боевую и не революционную. В 1946 г., в возрасте 42 лет, Кобулов перешел на работу в Управление советским имуществом за границей, относившееся тогда к министерству внешней торговли. Известно, что главной заботой Управления в те годы был вывоз из Германии и других стран трофейных ценностей в Союз. Товарищ Кобулов руководил этим не самым рискованным в мире делом в течение 7 лет, вплоть до смерти Сталина, в служебном своем росте достиг должности заместителя начальника Управления, которое тем временем было передано из МВТ в МВД. Чиновников такого уровня в Москве было наверняка не менее тысячи.

Со смертью Сталина и приходом Берии к руководству МВД в марте 1953 г. Кобулов назначается первым замом министра. Это лично для него означает карьерный прыжок через две ступеньки (начальника Управления и «простого» зама министра) – и совершенно иной уровень и характер работы, рабочее взаимодействие с совсем иными людьми и в совсем ином

ключе. Чтобы освоиться со всем этим, требуется, конечно, время, и, конечно, не три месяца, так что самовольно двигать дивизиями 26 июня Кобулов не мог, да и вообще сомнительно, чтобы человек с таким складом характера и служебным опытом когда-либо решился на авантюру государственного масштаба, да еще взяв на себя роль лидера.

Кобулова арестовали днем 27 июня – быстро, но все-таки недостаточно быстро для главного и страшного врага. Зачем было оставлять ему свободу действий на целые сутки? Да и сама процедура его ареста не свидетельствует о том, что из-за него сильно нервничали: Кобулова вызвали в ЦК партии, там и арестовали. По-видимому, понимали, что Кобулов явится по вызову, куда ему укажут, «взбрыкивать» не будет.

Причем были люди, которых поспешили арестовать днем 26 июня, не откладывая ни на минуту. Это, во-первых, личные охранники Берии (их задержание выглядит естественным и даже, пожалуй, неизбежным в сложившейся ситуации). Это, во-вторых, семья Берии: жена, сын, беременная невестка с двумя маленькими (дошкольного возраста) дочками – внучками Берии. Впрочем, семью арестовали как бы «не совсем»: поместили под домашний арест на дачу, и лишь 18 июля жену и сына Берии арестовали «по-настоящему».

Это само по себе беспрецедентно – ни до, ни после при аресте «врага народа» в Советском Союзе «членов семьи врага народа» не помещали под домашний арест и вообще не оставляли вместе. Взрослые (как правило, не вся семья и не одновременно) отправлялись в тюрьму – и, конечно, не в одну и ту же камеру. Если арестовывали и детей (что делалось не всегда), то их отправляли в спецдетдома, где им немедленно меняли имена и фамилии. Традиция была однозначной, никаких вариаций не существовало. Почему же для Берии сделали такое торопливое и странное исключение?

Вообще чем могли быть так опасны родные Берии, что их арестовали на сутки раньше, чем Кобулова? Сын Берии – Серго Лаврентьевич – был главным конструктором КБ «Алмаз», создавал технику для противовоздушной обороны. Его должность сама по себе не давала ему никаких особых возможностей для борьбы за высшую государственную власть. Можно, разумеется, предположить, что 28-летний здоровый мужчина, хорошо образованный и имеющий руководящий опыт, представлялся кому-то опасным независимо от занимаемой должности; но как могла его беременная жена с двумя маленькими дочками представляться опаснее первого зама министра МВД Кобулова?

И если Серго Лаврентьевич впрямь казался опаснее Кобулова, то почему Серго Лаврентьевича не арестовали 26 июня «по-настоящему», а

тянули с этим три недели?

АРЕСТ БЕРИИ: ПОЧЕМУ В КРЕМЛЕ?

Больше никого из высших советских руководителей не арестовывали прямо на заседании высшего советского руководства.

Оно и понятно.

С одной стороны, если прямо на заседаниях высшего органа власти управляющие государством люди принимаются друг друга арестовывать, то это роняет его, органа власти, авторитет.

С другой стороны, создается нерабочая обстановка – ведь даже и в самой диктаторской диктатуре орган власти призван решать вопросы управления государством, а если каждый или почти каждый из присутствующих его участников мысленно прикидывает, не арестуют ли его, участника, прямо здесь и сейчас, – это может до некоторой степени отвлекать его, участника, от сути обсуждаемых вопросов и в итоге снижать качество принимаемых решений.

Даже в 1937–1938 гг. никого не арестовывали прямо в кабинете у Сталина, мало того: по отношению к некоторым уже назначенным в жертву руководителям Сталин в последний момент перед арестом проявлял показную благожелательность, успокаивал, обнадеживал. Так было с Бухариным, Тухачевским, Блюхером, и не только с ними.

Кроме того, как правило, нет стопроцентной гарантии, что арестуемый не вооружен и не окажет сопротивления, быть может – отчаянного. Кому нужна беспорядочная стрельба прямо на заседании в Кремле? Или хотя бы драка с использованием, скажем, разбитого графина?

Наконец, человек в Кремле в середине рабочего дня, скорее всего, находится в рабочем, бодром состоянии, да и неподалеку от правительственных телефонов и своих охранников, в общем, в центре событий и на суточном пике тонуса. Куда удобнее осуществлять (предрешать) отстранение руководителя во время его отсутствия в столице – как поступили с Хрущёвым в 1964 г., когда он отдыхал в Пицунде, или с Жуковым в 1957 г. во время его официального визита в Албанию и Югославию. Арестовывать же лучше ночью, разбудив спящего, что в сталинские времена, как известно, широко практиковалось.

Берия как раз накануне своего ареста вернулся из Берлина, где провел несколько дней. Если уже решили его арестовать, зачем было дожидаться его возвращения в Москву? Боялись, что он и в Берлине (или находясь в воздухе) узнает, что что-то происходит, и начнет противодействовать? Но, будучи в Москве, он имел куда более возможностей для противодействия.

Словом, выбор времени и места для ареста Берии – еще одна странность в этой истории, хотя и не самая большая.

СОДЕРЖАНИЕ БЕРИИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ И СУД В ШТАБЕ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Бывает, что непосредственно после ареста арестованного содержат не в тюрьме, а где-либо еще. Чаще всего это случается на войне, в походах и экспедициях, вообще – вдали от городов и/или при необычных обстоятельствах и бытовых условиях.

Случается это и в городах, хотя и реже, и, как правило, ненадолго.

Содержание Берии под стражей, как его описывает официальная версия, необычно до абсолютной исключительности – как, впрочем, и вся версия и в деталях ее, и в ее целостности. Ни до, ни после ни одного заключенного в Советском Союзе не содержали полгода в войсковом штабе. Во всяком случае, мне подобные примеры неизвестны.

Кто надзирал за Берией в штабе МВО? Может, туда командировали опытных надзирателей с Бутырки? Или поручили его охранникам самого штаба? Но слова «надзиратель» и «охранник» не зря образованы от разных корней. За заключенным требуется именно «надзор», а не только «охрана»: надо предотвратить не только побег или похищение заключенного, а и многое другое, скажем, самоубийство заключенного. А способы самоубийства бывают необычайно изощренными, скрытными, неожиданными. И опытный надзиратель тем среди прочего и отличается, что он хорошо и твердо знает, чего именно в связи с этим следует опасаться и за чем именно надо следить.

Как Берию выводили на прогулку – ведь в штабе МВО не было специально оборудованного дворика для прогулок заключенных? А подобный дворик – это исключение возможности побега или установления контакта с внешним миром, а также исключение наблюдения извне за режимом и расписанием прогулок.

Если место заключения Берии надо было хранить в каком-то особом секрете, то зачем же было помещать его как раз в штаб, где неизбежно каждый день по долгу службы бывают генералы и офицеры из округа и не из округа? Не говоря уже о том, что сами многочисленные сотрудники штаба, не имеющие никакого отношения к работе с заключенным Берией, ежедневно оказывались неподалеку от него без всякой к тому надобности.

Если бы некие доброжелатели Берии попытались бы освободить его силой, то заодно (и неизбежно) пострадал бы и штаб МВО. Кому и зачем понадобился такой добавочный риск?

В Москве и Подмоскowie имелось много мест заключения, в том числе и тайных – некоторые из них за прошедшие полвека с лишним были рассекречены и подробно описывались в прессе. Если уж все они по какой-то немислимой причине не подходили – то за полгода (на самом деле много быстрее) можно было специально выстроить или переоборудовать место для содержания одного-единственного заключенного?

Может быть, однажды в спешке решив поместить Берия в штаб МВ О, в дальнейшем опасались куда-либо его перемещать – не напал бы кто-нибудь при таком перемещении? Но как ни важен был Берия, товарищ Хрущев (например) после 26 июня был наверняка еще важнее – и его, Хрущева, возили по Москве каждый день.

Суд над Берией проходил также в штабе МВО – то есть обвиняемого судили прямо в месте его заключения. Так бывало, но крайне редко. А вот чего не бывало никогда – это чтобы весь состав суда был из высших военных – во главе с маршалом Коневым. Чем на этот раз оказались непригодны испытанные кадры – товарищи Ульрих, Вышинский, да и вообще весь корпус юристов Советского Союза? И чем маршал Конев так уж хорош в роли судьи? Впрочем, при всем уважении к заслуженному маршалу приходится заподозрить, что с ролью судьи в «деле Берии» он, по видимому, справился не блестяще, ибо больше его на эту роль никогда не привлекали.

СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ БЕРИИ

Впервые эта тема возникла на закрытом пленуме ЦК КПСС в начале июля 1953 г.: Хрущев в своем выступлении сообщил кое-какие единичные факты. Затем по Москве и по Союзу распространились слухи о каких-то необычных развратных действиях Берии: он якобы содержал под Москвой целый особняк с наложницами; проезжая по Москве, приказывал охране схватить прямо здесь же, на улице, приглянувшуюся ему девушку... и т. д. В советской прессе все это появилось в конце 1980-х гг. Подробного пересказа эти сплетни были бы недостойны, даже если бы они были правдой.

Для оценки этих версий отметим, что товарищ Сталин за последние свои 8 лет жизни принимал научного руководителя советского атомного проекта Игоря Васильевича Курчатова лишь 2 (два) раза; некоторых других физиков-ядерщиков – 1 (один) раз. Это значит, что Сталин, строго говоря, не руководил атомным проектом.

Подлинным административным главой атомного проекта был Берия. С физиками он встречался, перезванивался и переписывался постоянно. Мне

доводилось слышать отклики о Берии от физиков – участников атомного проекта: они оценивали Лаврентия Павловича исключительно высоко как толкового, умелого администратора. Берия ездил и на конкретные строившиеся и запускавшиеся в эксплуатацию объекты. Так, в 1947 г. он дважды выезжал на Урал, под Кыштым, на объект, называвшийся тогда «База-10» (позднее – «Челябинск-70»). В результате этих поездок сменились два директора этой важнейшей стройки.

Вообще советские «аппаратчики» после войны продолжали работать в режиме военного времени, не только без отпусков, но и без выходных. Тогдашний начальник Генерального штаба Штеменко свидетельствует в своих мемуарах, что среди его сотрудников имели место случаи смерти от нервного истощения. В соответствии с личным режимом дня Сталина рабочий день советского аппаратчика заканчивался в 3–4 часа ночи, а начинался в соответствии с законодательством – в 8–9 утра. В 1980-е гг. мне довелось взять интервью у пенсионера, бывшего в начале 1950-х гг. замом министра строительных материалов. Он и его жена рассказали мне, что при Сталине у них в семье считалось маленьким праздником, если супругу в воскресенье удавалось пообедать дома – так, чтобы за время обеда его не «выдернули» обратно на службу.

Быть может, Берия, в силу своего высокого положения, и мог себе позволить некоторые вольности, которые были немыслимы для «рядового» министра или зама министра; но атомную бомбу все-таки надо было делать; срочность, чрезвычайность, новизна и сложность задачи были исключительны, и чтобы справиться с таким проектом, нужно было им жить, дышать. Возможно, у Берии и была любовница или несколько любовниц; но что он был не в состоянии одновременно и делать бомбу, и устраивать массовую охоту на симпатичных москвичек – очевидно.

В 1953 г., по опубликованным ныне сведениям, у СССР имелось 5 ядерных зарядов. Это значит, что к тому моменту атомный проект своей цели еще не достиг – ведь требовалось не просто устроить ядерный взрыв, но создать серьезный ядерный потенциал, который имел бы военное значение. До этого было еще далеко, а значит, у Берии не было возможности (даже если было желание) расслабиться и вволю поразмышлять о девочках.

Не говоря уже о том, что он руководил не одним только атомным проектом... Только один пример на эту тему: Берия курировал строительство в Москве первых советских высотных зданий (приблизительно 20-30-этажных) – дело для страны совсем новое и считавшееся тогда вопросом государственного престижа.

Наконец: если Лаврентий Павлович развратничал прямо-таки до буйства, зачем ему было жить в одном доме не только с законной женой, но и с семьей сына? Уж отселить-то от себя молодое поколение он, конечно, был в силах.

В 1990-е гг. я разговаривал со Светланой Петровной Мозгановой, учительницей математики. Она рассказывала, что в начале 1950-х, учась в пединституте, проходила на учебу и с учебы по переулку мимо особняка Берии; зачастую Берия прогуливался по переулку в сопровождении одного-двух охранников; студентки узнавали Берию в лицо и здоровались с ним; он отвечал им и, в свою очередь, здоровался. Никаких исчезновений студенток в институте не бывало, никаких слухов о похождениях Берии не было.

Но даже если бы сексуальные преступления Берии были фактом, нельзя не обратить внимание, что по отношению к остальным многочисленным «врагам народа» эта тема советскими властями никогда не эксплуатировалась. Почему же для Берии и тут сделали исключение? Ведь наверняка среди множества репрессированных по политическим обвинениям в 1920-1950-е гг. можно было бы найти мужчин, небезгрешных в своих отношениях с женщинами.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА ОФИЦИАЛЬНОЙ ВЕРСИИ

В поведении людей, как индивидуальном, так и коллективном, бывают странности и противоречия. Иной раз они даже превалируют.

Но при всем том какую-то логику в действиях человека (группы людей) практически всегда уловить можно. Она может строиться на заблуждениях, просчетах, конфликтующих мотивах, переменчивых эмоциях, но она есть. Полный абсурд являют собою только действия душевнобольного.

Чтобы опровергнуть официальную версию, достаточно было бы, на мой взгляд, указать лишь на один – до сих пор мной не упомянутый – пункт. Вдумаемся: утверждается, что после ареста Берии МВД могло (и пыталось?) победить (превзойти) все остальное советское руководство не в интригах, не в арестах, не во внезапных действиях каких-либо малых вооруженных групп, а в открытых крупномасштабных боевых действиях сухопутных войск.

Иными словами, среди генералов МВД нашлись (или в Кремле опасались, что найдутся) такие, кто хотел померяться силами и талантами в деле ведения сухопутной войны с маршалами Жуковым, Василевским, Коневым, Малиновским... Словом, со всем советским корпусом

командующих и штабных работников, только что разгромившим гитлеровский вермахт и его союзников, участвовавшим в руководстве разгромом армий Гоминьдана в Китае (1946–1950) и войной в Корее (1950–1953).

Если бы среди генералов МВД и нашелся бы вдруг подобный оригинал (хотя откуда бы ему взяться?), ясно, что никто под его знамена не встал бы, и остаток жизни этот человек играл бы в солдатики на Канатчиковой даче.

То есть официальная версия не просто слаба, а очень слаба, настолько, что принять ее и провозгласить руководители СССР могли, на мой взгляд, лишь в одном случае: вынужденно, от некуда деться, от крайней необходимости. Не потому что в Кремле сидели круглые дураки, не способные придумать что-нибудь правдоподобное, а потому что хоть какое-то правдоподобие версии было бы для государства самоубийственным.

РАССУЖДАЯ НА УРОВНЕ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

В любом деле, даже самом простом, вроде забивания гвоздей, чтобы выполнять его хорошо, необходимо овладеть теми или иными тонкостями, известными лишь профессионалам.

В то же время любое дело строится на основе здравого смысла, которым наделен любой человек, независимо от профессии.

Говоря очень грубо и приближенно: чтобы знать, что и как можно сделать в данном конкретном деле, – надо быть профессионалом; чтобы догадаться, что и как в данном деле сделать нельзя (или как поступать заведомо неразумно), – достаточно здравого смысла и некоторого кругозора.

Порассуждаем же на уровне здравого смысла.

Если в Кремле опасаются, что некая расположенная в Подмоскowie дивизия самовольно двинется на Москву, нет необходимости тащить в Москву другую дивизию для предотвращения опасности. Достаточно посадить у расположения подозреваемой дивизии в доме напротив у окна одного наблюдателя – и, если подозреваемая дивизия начнет выходить за пределы своего расположения и строиться в колонну, наблюдатель не сможет этого не заметить и успеет сообщить, ибо готовиться к организованному продвижению дивизии придется никак не менее часа.

После чего блокировать ее продвижение можно быстро и надежно, не привлекая никаких войск – просто выставив в подходящем месте на шоссе несколько грузовиков или автобусов и образовав тем самым пробку. Именно так азербайджанцы препятствовали вводу советских войск в Баку в

1990 г., и весьма эффективно – колонны войск два или три раза вынужденно поворачивали обратно.

Но командир дивизии не может быть главным путчистом – он должен получить приказ от кого-то более высокого по положению, из Москвы. Круг этих «кого-то» в Москве неизбежно узок – уж никак не более одного-двух десятков человек, причем все они занимают высокое положение в партийной и/или государственной иерархии. Чтобы нейтрализовать и их, не требуются даже грузовики и автобусы, не нужны аресты. Можно двоих потенциальных «путчистов» вызвать на двухдневное совещание к Маленкову, еще троих – к Микояну, еще двоих – направить в командировку в Ленинград и т. п. Если кто-то из них не подчинится этим распоряжениям высшего руководства страны (а в самом высшем руководстве, согласно официальной версии, налицо нерушимое антибе-риевское единство) – никакая подмосковная дивизия ему помочь не успеет.

В общем, при том развитии событий, какое «официально» имело место 26 июня, требовалось несколько часов (никак не более суток), чтобы убедиться, что никто из московских служащих МВД и никакая из подмосковных дивизий МВД не «дергаются» и опасности для государственной власти не представляют. Как оно и было на самом деле.

Зачем же войска стояли в Москве еще двое суток? И зачем они были нужны в столице после того, как артиллерийские батареи уже блокировали шоссе в Подмосковье?

При этом надо заметить, что город в мирном состоянии не предназначен для длительного пребывания войск, а войска, в свою очередь, – для нахождения в городе. Один лишь вопрос: где танкистам спать? В мирное время они обычно спят в казармах. На маневрах и на войне – в палатках, шалашах, землянках. Но в танке спать крайне неудобно. Тем более трое суток кряду И туалета в танке нет. В расположении своей части танкисты ходят в имеющиеся там в достаточном количестве туалеты. На войне и на маневрах могут сходить под ближайший кустик. В Москве – в общественный туалет, если их поставили поблизости от него. Но поскольку войска вводили в Москву явно не для охраны общественных туалетов, для некоторых подразделений эта сторона человеческого бытия, видимо, превратилась в те дни в серьезную проблему.

Для города тоже проблема – войска не могут не мешать уличному движению, у населения не могут не возникнуть недоуменные вопросы, и при этом власти ничего не объясняют ни солдатам, ни москвичам. Как это и тем, и другим понимать? Возникновение общего ощущения нестабильности и соответствующих слухов – неизбежно. И не только среди

населения. Дипломатический корпус, например, тоже не останется в стороне.

И тем не менее власти решились на длительное «стоячее» нахождение войск в столице.

СВИДЕТЕЛЬСТВО СЕРГО ЛАВРЕНТЬЕВИЧА БЕРИИ И ДРУГИЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО «ДЕЛУ БЕРИИ»

В опубликованных в 1994 г. мемуарах сын Берии Серго Лаврентьевич сообщает, что в обеденный перерыв 26 июня 1953 г. ему позвонили и сообщили, что его отец, Лаврентий Павлович Берия, только что, «видимо, убит» у себя в особняке на площади Восстания. Примчавшись домой, Серго Лаврентьевич застал в доме солдат, выбитые стекла окон, следы пуль на стенах, выбитые двери.

Последнее обстоятельство – выбитые двери – указывает на то, что дом не только обстреливали, но и штурмовали. Единственная возможная цель – захват Берии.

На это же (штурм) указывает и то, что приехавшему Серго Лаврентьевичу сказали, что несколько минут назад из дома увезли чье-то тело, накрытое простыней. То есть ни при телефонном звонке, ни по прибытии домой Серго Лаврентьевичу не сказали определенно, что Лаврентий Павлович убит.

Опубликованные фотокопии дела Берии не содержат его тюремной фотографии (анфас и профиль) – в отличие от дел шестерых его «сообщников», в которых тюремные фотографии есть. Находящаяся же в деле Берии фотография, во-первых, выполнена не по законам жанра (она сделана «почти анфас», если можно так выразиться), во-вторых, представляет нам человека в явно хорошем настроении – еще не улыбающегося, но, кажется, вот-вот готового улыбнуться. Это не фотография человека, только что арестованного.

На мой взгляд, это может означать лишь одно – у «охранявших» Берию не было в руках самого Берии, во всяком случае, живого и невредимого.

На это указывает также и то, что в наше время имеется – и опубликован – акт о казни Берии, но отсутствует акт о его захоронении.

ДРУГАЯ ВЕРСИЯ

Что же произошло в действительности?

Видимо, дело было так.

Середина лета 1953 г. Утром 26 июня Лаврентий Павлович Берия прибыл на работу и всю первую половину дня занимался делами, никто его

не арестовывал и арестовывать не собирался. Сын Берии Серго Лаврентьевич находился на службе, жена, невестка и внучки – на даче. Около двух часов дня, когда Лаврентий Павлович Берия приехал из Кремля в свой особняк на площади Восстания пообедать, на особняк совершила внезапное и стремительное нападение группа вооруженных неизвестных. Была стрельба, были жертвы, были многочисленные свидетели среди прохожих и проезжих, а также среди живущих и работающих в соседних домах.

Нападавшие, не оставив визитных карточек, увезли Лаврентия Павловича в неизвестном направлении. Был ли он захвачен живым или мертвым, сказать, конечно, трудно, но намерение нападавших очевидно – захватить живым. В противном случае они могли бы обойтись одним выстрелом профессионального снайпера. Особняк Берии одной своей стороной выходит в сеть старомосковских переулков и дворики; затеряться там за 2–3 минуты вполне реально.

Когда в Кремле узнали о происшедшем, было принято разумное и естественное решение о вводе войск в город: во-первых, для защиты множества важнейших лиц и объектов Москвы от возможных дальнейших нападений; во-вторых, для того, чтобы максимально затруднить скрывшимся вооруженным неизвестным дальнейшие передвижения по городу. При этом смысл происходящего раскрыли лишь нескольким высшим командирам, так как дать всему миру узнать, что первое лицо в Советском государстве, носителя важнейших атомных и неатомных секретов, похитили прямо из дому среди бела дня, было, конечно, недопустимо.

Находившаяся на даче семья Берии была взята под вооруженную защиту. К ней, естественно, был доставлен и сын пропавшего – Серго Лаврентьевич.

Кого следовало считать виновным в происшедшем страшном провале? Во-первых, самого Лаврентия Павловича – ибо именно он как глава МВД отвечал за такие вещи; кроме того, как охраняемое лицо он, по-видимому, допустил непростительную беспечность, лично (по-видимому) настояв на том, чтобы его охрана была сравнительно слабой. Во-вторых, следовало винить контрразведку – именно она должна противодействовать подобным акциям. Поэтому первым действительно арестованным оказывается начальник контрразведки Гоглидзе – в ночь на 27 июня в Берлине. Не было ни самодурством, ни произволом считать виновным и первого зама главы МВД Кобулова – он ведь тоже наряду с Берией отвечал за всю работу МВД в целом. Поэтому в середине дня 27 июня арестовывают и его.

Далее – расследование (вероятно) ничего не дает, неизвестных нападавших ни найти, ни заочно идентифицировать не удастся; войска при таких обстоятельствах держат в городе до последней возможности, что и понятно. Однако новых нападений не происходит, и войска, и город устали от неестественного и никак не объясняемого властями соседства друг с другом. Не держать же танки у Кремля до бесконечности. Поэтому войска уводят по казармам, на улицы выводят патрули автоматчиков.

К 30 июня расследование все еще не дало нужных результатов; кремлевское руководство сильно и небеспричинно нервничало; тогда арестовывают начальника следственной части по особо важным делам Влодзимирского. Справедливо это было или нет – теперь трудно сказать, но своя логика в подобных действиях, безусловно, была.

Свидетелями ввода войск в Москву были миллионы москвичей. Никак не объяснить им произошедшее было политически просто невозможно (потому что тогда «объяснять» станут те, у кого фантазия богаче). Но на какого врага (от коего якобы защищались) указать, если ближайšie войска, которые можно назвать неприятельскими, находятся в 2 тыс. км от Москвы – в Норвегии с одной стороны и в Турции с другой? Поневоле приходится указать на якобы опасные войска своего же МВД. Не потому, что они опасны. Просто больше указывать не на кого.

Свидетелей же нападения на особняк Берии было намного меньше миллиона, но все-таки достаточно. Дабы затмить связанные с этим слухи, в ход пускается версия о необычайных сексуальных преступлениях Берии. Ясно, что сплетники подхватят и разнесут ее с куда большим азартом, чем сведения о том, что кто-то стрелял в особняк Берии или перелезал через его ограду.

Сформулированная официальная версия сообщается закрытому Пленуму ЦК КПСС. Затем 9 июля публикуется официальное сообщение: Берия – враг народа.

Не имевшее места «содержание Берии под стражей» «поручили», по-видимому, тем самым военным, которых и так уже посвятили в совершенно секретную суть дела днем 26 июня. Мотив этого понятен: незачем расширять круг носителей главного секрета. И «судили» Берию, по-видимому, те же самые военные, которые «организовывали» его содержание в заключении. Это тоже представляется разумным.

Вероятно, в июле в Кремле усиливались подозрения, что Берию могли похитить с его согласия – в конце концов, высшие советские руководители жили, по меркам западноевропейского среднего класса, скромно. Ни Берия, ни Хрущёв, ни Молотов не могли, скажем, по собственному желанию

съездить в отпуск в Мадрид посмотреть корриду, купить приглянувшуюся дешевую модель «форда» – и позволить себе еще многое и многое, доступное в Западной Европе и США отнюдь не миллионерам. В общем, «западным людям» было что посулить Берии, а ему, со своей стороны, было чем с ними расплатиться (секретами).

Мне интуитивно кажется, что в июле 1953 г. никаких новых оснований для подобных подозрений у Кремля не появилось, а просто расследование похищения 26 июня никак не выходило из тупика, и это все больше и больше усиливало нервозность высшего советского руководства и заставляло его строить все новые предположения.

Поэтому 18 июля и последовал арест жены и сына Берии – их тоже начали подозревать в измене, заодно с главой семьи...

ПОЧЕТНА ЛИ «ДРУГАЯ ВЕРСИЯ»?

Не ошибается, как известно, тот, кто ничего не делает.

«Другая версия» утверждает, что Берия допустил роковую ошибку, чересчур ослабив свою охрану. Возможно, и его охрана, подвергшись внезапной атаке, совершила какие-то ошибки. Если так, то провал был крупный и с далеко идущими последствиями, но в оправдание его все же можно сказать: «с кем не бывает». Президента США Джона Кеннеди тоже убили среди бела дня на глазах у многотысячной толпы. И его брата, кандидата в президенты США Роберта Кеннеди, – тоже. И знаменитого лидера Индии Махатму Ганди. И президента Индии Раджива Ганди. И президента Египта Анвара Садата. На 100 % застраховаться от таких трагедий невозможно.

Официальная же версия утверждает, что участник высшего советского руководства Берия был не владеющий собою маньяк, а также и шпион, остальное советское руководство слабо разбиралось в вопросах борьбы за власть (!), вождения войск и содержания заключенных, а войска МВД были готовы нарушить присягу по первому сигналу. На мой вкус, ничего более порочащего государство, чем этот «букет», и выдумать нельзя.

В 1953 г. провозглашение данной версии было правильным и даже, быть может, единственно возможным шагом; но с течением лет признание этой версии постепенно и незаметно стало анахронизмом.

Мне кажется, мы имеем здесь дело с тем довольно редким случаем, когда более правдоподобная версия является и более почетной, причем для всех, так как и Вашингтону (например), с моей точки зрения, приятнее было бы считать, что с 1945-го по 1991 г. США соперничали не с компанией тупых маньяков и неумех, а с людьми по-своему разумными.

Иначе с чего бы возиться с ними столько времени?

Кто же организовал похищение Берии? Рассуждать, исходя из традиционного вопроса «Кому это было выгодно?», в данном случае бесполезно. Любая группа или организация на земном шаре, способная организовать внезапную атаку в центре Москвы с участием 10–15 человек (а таких групп и организаций в мире было, очевидно, не так уж мало), могла иметь в этом деле сильнейший интерес: одни только атомные секреты можно было если не реализовать «в железе» самим, то за немаленькую сумму продать на сторону.

Естественно предположить, что имена авторов этого похищения никогда не станут известны.

Впрочем, чего только в жизни не бывает...

Особенности экономического и социального состояния городов Среднего Поволжья в начале холодной войны

Шматов Е.Н.

Во время Великой Отечественной войны произошли серьезные изменения в экономической, социальной и культурной жизни городов Среднего Поволжья, особенно г. Куйбышева, ставшего «запасной столицей» СССР. Они связаны с эвакуацией в города региона промышленных объектов, правительственных, государственных и культурных учреждений, их рабочих и служащих, а также с общей тенденцией перестройки всей жизни страны, всего общества на военный лад. Однако концентрация усилий на решение военно-хозяйственных задач привела к большим диспропорциям в развитии основных сфер городской жизни.

Промышленная структура городов Среднего Поволжья претерпела существенные изменения, что было обусловлено эвакуацией в регион предприятий из западных областей СССР, созданием новых и реконструкцией старых фабрик и заводов для нужд обороны страны. Города Среднего Поволжья приняли значительное количество промышленных объектов, их оборудование, рабочих и служащих. В Куйбышевскую область было перемещено более 80 крупных предприятий, 40 наиболее значительных из них размещались в Куйбышеве¹, 15 – в Ульяновске², остальные – в Сызрани, Чапаевске, Мелекесе. В города Пензенской области было эвакуировано 25 заводов и фабрик³.

Буквально с первых дней войны многочисленные городские гражданские предприятия переключились на выпуск военной продукции. На куйбышевских заводах «Автотрактородеталь» и станкостроительном, мелекесском чугунолитейном, пензенском арматурном и других было организовано производство корпусов для мин, снарядов и бомб. На заводах имени Володарского (Ульяновск) и имени Масленникова (Куйбышев) началось производство специальных станков для оборонных предприятий. В дело обеспечения Красной Армии всем необходимым включились и предприятия легкой, пищевой, местной и кооперативной промышленности.

Приоритетным направлением стало развитие тяжелой индустрии: машиностроительной, оборонной, химической, электротехнической отраслей. Они находились под пристальным вниманием властей, их нужды в сырье, электроэнергии, рабочей силе удовлетворялись в первую очередь. Поэтому отрасли тяжелой промышленности значительно расширили свое производство, их удельный вес в экономической структуре городов региона возрос в несколько раз. Только за 1941 г. в г. Куйбышеве было размещено и построено 9 авиационных заводов⁴, завод шарикоподшипников, АТЭ-1, кабельный завод; начали работу локомобильный завод в г. Сызрани, «Электропускатель» в г. Ульяновске.

Предприятия легкой, местной промышленности и промысловой кооперации работали с перебоями и даже сокращали выпуск продукции. Как и во времена индустриализации страны, снабжение их осуществлялось по «остаточному» принципу. Например, в 1945 г. на предприятиях легкой промышленности в городах Куйбышевской области оборудование использовалось на 58–77 % от возможного из-за износа и выхода из строя старого⁵.

В 1941 и 1942 гг., вследствие повсеместного перехода промышленности на военные рельсы, резко сократилось производство товаров широкого потребления для населения. Но к началу 1942 г. приступили к работе предприятия местной промышленности, эвакуированные из западных областей СССР, которые начали выпускать товары широкого потребления для населения городов⁶. В 1942 г. в Мелекесе и Сызрани были открыты новые кожевенные предприятия⁷. Весной 1942 г. в г. Куйбышеве стал давать продукцию мыловаренный завод «Красный химик». В мае 1943 г. закончено строительство спичечной фабрики в г. Чапаевске⁸.

Эти и другие мероприятия привели к тому, что в 1942–1943 гг. местная и промысловая кооперация городов Куйбышевской и Ульяновской областей начала наращивать объемы производства. Местная промышленность г. Куйбышева в 1942 г. выполнила план по производству предметов широкого потребления на 107,3 %. При этом 60 % производственной продукции было выпущено для населения Куйбышевской области. Промкооперация более 70 % своей продукции произвела для удовлетворения бытовых нужд населения области. Продукция местной государственной промышленности г. Куйбышева в стоимостном выражении в конце войны была в 2,3 раза выше, чем в начале. Кооперативная промышленность в городе увеличилась в 1,2 раза⁹.

Если в 1942 г. местная промышленность и промкооперация г. Ульяновска план выполнили лишь на 62,4 %, то в 1943 г. предприятия местной промышленности по валовому выпуску продукции выполнили план на 122,9 %, или 1 584 300 руб., артели города – на 103,7 %, или 17 412 200 руб.¹⁰ И хотя в дальнейшем объем продукции несколько снизился, он значительно превосходил довоенный уровень.

Процесс концентрации и централизации производства происходил интенсивнее, чем перед войной. Фабрики и заводы края были сосредоточены преимущественно в областных центрах и городах областного подчинения, которые превратились в многопрофильные центры военно-промышленного комплекса, валовой объем выпускаемой там продукции значительно увеличился. В 1943 г. в г. Пензе насчитывалось 65 крупных предприятий, в последующие годы было открыто еще несколько новых; в 1944 г. они выпустили продукции в 2,5 раза больше, чем в 1940 г.¹¹ Промышленность г. Куйбышева за годы войны выросла в 11 раз¹². Значительно увеличился выпуск промышленной продукции г. Ульяновска: если в 1940 г. произведено продукции на 162 043,7 тыс. руб., то в 1944 г. – на 542 105,6 тыс. руб.¹³

Решающим фактором, повлиявшим на изменения в численности городского населения Средневолжского региона, стал процесс эвакуации населения из западных областей СССР в тыловые районы. К ноябрю 1941 г. в Пензенской области насчитывалось 124 300 эвакуированных¹⁴. В Куйбышевскую область за первые шесть месяцев войны переселилось около 210 тыс. человек, а на втором этапе эвакуации (с июня 1942 г.) прибыло еще 50 тыс.¹⁵, в Пензенскую – 20 тыс. Значительная часть эвакуированных поселилась в городах, где практически всем предоставляли работу

С 1943 г. начался процесс реэвакуации, однако число эвакуированных сокращалось медленно; многие предпочитали остаться на прежних рабочих местах.

На рост городского населения значительное влияние оказала и мобилизация жителей сельской местности на работу в промышленность и строительство. В 1943 г. по Куйбышевской области в эти хозяйственные отрасли влился 11 081 сельский житель, а в 1944 г. – 8 тыс. человек¹⁶.

Вследствие процессов мобилизации, эвакуации и реэвакуации механическое передвижение населения было подвержено значительным колебаниям. В 1941 г. наблюдался громадный рост численности горожан, в 1944 г., из-за начавшейся реэвакуации, уменьшение, но в 1945 г. темпы

механического перемещения стабилизировались и практически не отличались от довоенного времени.

К концу Великой Отечественной войны в городах Среднего Поволжья численность населения была значительно выше, чем в довоенный период. Особенно выросло число жителей в г. Куйбышеве, здесь стало на 106 тыс. человек больше, чем в 1941 г. Почти на 186 тыс. человек увеличилось число жителей Ульяновска и Мелекесса. Примерно на 38 тыс. прибавилось число горожан в Пензенской области¹⁷.

Еще до войны специально для обеспечения строительных площадок и подсобных предприятий рабочей силой в структуре Особстроя формируется комплекс лагерей с единым управлением – Безымянлаг. Его основой стали два лагеря, входивших в Самарлаг – Безымянский и Зубчаниновский. Накануне Великой Отечественной войны он уже был одним из наиболее крупных лагерей страны (численность заключённых в нем исчислялась в 92625 чел. (90222 мужчин и 2755 женщин), а удельный вес заключённых к этому времени составил 6,2 % от общей численности заключённых ГУЛАГА)¹⁸.

Появление в 1944 г. в Особстрое военнопленных было связано с постановкой новых задач для Безымянлага и, прежде всего со строительством объектов нефтяной промышленности на территории Куйбышевской области, для которых требовалась дополнительная и достаточно квалифицированная рабочая сила. После окончания войны нехватку рабочей силы опять восполняют военнопленные. Приказом наркома внутренних дел за № 00679 от 13 июня 1945 г. для обеспечения работ УОС НКВД, рядом с поселком Отважное (теперь Жигулевск) организуется еще один лагерь военнопленных № 358 емкостью в 8500 мест, состоявший из шести лагерных отделений: два в Яблонево Овраге, по одному в Отважном, Александровке, Бахиловой Поляне, Зольном. Для обустройства нефтепромыслов на Самарской Луке сразу планировалось привлечь военнопленных, имеющих необходимую квалификацию. 16 июня из Особстрога в спецлагерь г. Фокшаны (Румыния) для отбора специалистов из числа военнопленных выехали начальник отдела кадров УОС НКВД капитан госбезопасности Ф.М. Киссин и начальник санотдела Г.А. Бернштейн, а 19 июля прибыла первая партия военнопленных. Через 4 дня их насчитывалось 6981 человек, в основном немцев и венгров. В 1946 г. Особстрой должен был закончить обустройство нефтепромыслов на Самарской Луке – при этом особые надежды возлагались на рабочую силу лагерей военнопленных. В целом применение труда военнопленных

позволило Особстрою в июне 1945 г. завершить строительство нефтеперегонного завода в районе станции Кряж, нефтепромыслы на Самарской Луке. Однако часть объектов нефтяной промышленности не были закончены. В марте 1946 г., когда Управление Особого строительства было расформировано, (лагеря перешли в структуру МВД) их передали Управлению Куйбышевнефтеобъединения¹⁹.

Несмотря на существенные различия, прежде всего в правовом отношении, между заключёнными, трудмобилизованными и военнопленными, эти категории работников с полным правом можно рассматривать в качестве «особого контингента» УОС НКВД. Деятельность лагерного комплекса, несмотря на режим изоляции его обитателей, всегда была тесно связана с экономическим развитием и города Куйбышева, и области в целом. Значительные людские ресурсы Безымянлага, в совокупности с кадровым инженерно-техническим потенциалом Особстроа и его мощной производственно-материальной базой, позволяли реализовывать крупные проекты. Труд вольнонаемных и заключенных строителей преобразил областной центр. Вместе с заводскими корпусами на Безымянке появляется рабочий поселок, ставший основой Кировского района г. Куйбышева, трамвайные пути, соединяющие Куйбышев с Безымянкой. Усилиями заключенных были освоены такие территории современного города Самары как Мехзавод, Красная Глинка. Строительство объектов нефтепромышленности способствовало развитию транспортной инфраструктуры Куйбышевского района. Таким образом, экономическая деятельность НКВД СССР в Самарском крае в 1940-е гг. оказало большое влияние на индустриальное развития региона.

За 1940–1946 гг. количество жилой площади в г. Куйбышеве увеличилось на 717,5 тыс. кв. м и к 1 января 1946 г. достигло 2 миллиона 179 кв. м. Почти в два раза по площади выросли другие города Среднего Поволжья: Сызрань,

Чапаевск, Ульяновск, Пенза. Увеличился их домовый фонд. В Пензе на 1 января 1939 г. основных строений насчитывалось 10 689, в том числе жилых – 10 270. Жилой обобщественный фонд составлял 354,6 кв. м; частный – 266,6 кв. м. На 1 января 1945 г. обобщественный жилфонд вырос до 394,5 кв. м, а жилфонд, находящийся в личной собственности граждан, в 1946 г. составлял 295 002 кв. м²⁰. В Мелекесе обобщественный жилищный фонд увеличился с 38,4 тыс. кв. м в 1940 г. до 41,8 тыс. кв. м в 1945 г., находящийся в личной собственности – с 110,3 тыс. кв. м до 125,4 тыс. кв. м²¹.

Но резкий рост населения не позволял обеспечить основную массу горожан нормальными жилищными условиями. Количество жилплощади на душу населения резко сократилось. В городах Сызрани и Чапаевске в 1943 г. в среднем на одного человека приходилось 1,25-1,5 кв. м, а в Куйбышеве и в Ульяновске даже к окончанию войны – 4,5–4,7 кв. м. Люди размещались в малоприспособленных для жизни помещениях. Под жилье оборудовались различные общественные и производственные здания, учебные корпуса вузов, техникумов, школ, дачные постройки.

Была нарушена устойчивая работа объектов коммунального назначения. Из 12 городов Среднего Поволжья коммунальными водопроводами были оборудованы 8, а канализацией – всего 4. Реконструкция и строительство новых водопроводных и канализационных сетей производилось только в крупных городах края. Причем из-за недостатка средств и рабочих эти работы осуществлялись чаще всего при помощи крупных промышленных предприятий, которые финансировали, предоставляли оборудование и рабочую силу. Однако за годы войны, например, подача воды на душу населения ни в одном городе не достигла плановых показателей. Для бытовых нужд горожане нашли выход: рыли колодцы во дворах, а срубы для них делали из досок, снятых с заборов. Канализационные сети также работали не на полную мощность, находясь в полуразрушенном состоянии.

В военный период культура городов Среднего Поволжья претерпела ряд серьезных трансформаций. Прекратили свою деятельность многие учреждения культуры, что объяснялось недостаточным финансированием. По свидетельству современников, шел процесс вытеснения прибывавшими учреждениями культуры провинциальных театров и музеев.

Резкий рост населения, наличие крупнейших железнодорожных узлов и портов, трудности военного и послевоенного времени – все это облегчало деятельность в Куйбышеве разнообразных преступных группировок. Нельзя не отметить, что одной из серьезных проблем в деятельности куйбышевской милиции была преступность среди молодежи и подростков. Из общего числа всех привлеченных к уголовной ответственности за 1944 г. – свыше 20 тысяч человек – 6877 были молодые люди (в том числе – 320 комсомольцев, 50 студентов). Примечательно, что почти треть из них – 2089 человек – были девушки. Существовали опасные криминальные группировки, почти полностью состоявшие из молодежи. Наиболее известные из них были банды «Васьки – Графа» («Дерзкие»), состоявшая из молодых людей 17–19 лет и «Лешки – Капитана» – Я.В. Полякова, который получил такое прозвище за то, что постоянно носил офицерский

китель. Нарком внутренних дел СССР Сергей Никифорович Круглов, сменивший на этом посту Л.П. Берия 29 декабря 1945 г., еженедельно просматривал сводки, поступавшие из военной цензуры, и обратил внимание, что в письмах из Куйбышева часто упоминается какая-то банда «Черная кошка», якобы совершавшая ужасные убийства в городе. В связи с этим Москва потребовала от начальника Управления НКВД по Куйбышевской области А.В. Петрова немедленных объяснений. В результате, 2 июня 1946 г. была подготовлена «Докладная записка о результатах распространения источников провокационных слухов о появлении в гор. Куйбышеве банды «Черная кошка». Он был датирован и адресован министру внутренних дел СССР генерал-полковнику Круглову (МВД СССР было образовано 19 марта 1946 г. из одноименного наркомата)²².

Таким образом, к моменту вступления СССР в период холодной войны экономика, социальное положение населения и культура городов Среднего Поволжья испытывали серьезнейшее влияние от недавних сдвигов и изменений, которые были тесно взаимосвязаны и диктовались последствиями только что закончившейся Второй Мировой войны.

Можно привести ряд фактов как положительного, так и отрицательного характера из жизни населения городов Среднего Поволжья, которая в первые послевоенные годы, как и в годы войны, определялась, прежде всего, нуждами развития военно-промышленного комплекса. Необходимо хотя бы вкратце обратить внимание на место, которое отводилось этому региону в планах советского высшего военно-политического руководства.

Уже в январе 1946 г. командующий ВВС Красной Армии Главный маршал авиации А.А. Новиков представил И.В. Сталину служебную записку за № 7960 Юсс от 16 января 1946 г. по вопросам послевоенного развития авиации, в которой кратко излагались вопросы самолетостроения, моторостроения, реактивной техники, боевого оборудования самолетов и аэродромного строительства. В ней подчеркивалось, что «от успешного разрешения изложенных в записке вопросов находится в прямой зависимости дальнейшее развитие и укрепление боевой мощи Военно-Воздушных Сил Красной Армии»²³.

В записке, в частности, сообщалось: «Рост боевой авиации воюющих сторон в период закончившейся войны главным образом происходил по линии увеличения оперативно-тактической авиации, взаимодействующей с наземными войсками непосредственно на поле боя и в оперативном тылу, а

также по линии увеличения стратегической авиации, предназначенной для действий по глубоким тылам противника с задачей разрушения стратегических объектов, производственных баз и вообще важнейших военных потенциалов противника»²⁴.

Был сделан следующий неутешительный вывод: «Из войны наша страна вышла с сильной оперативно-тактической авиацией и слабее с авиацией стратегической. США вышли из войны с сильной стратегической авиацией... Наша дальнебомбардировочная авиация способна только к ночным действиям одиночными экипажами, но не способна к дневным воздушным операциям на дальние расстояния. Таким образом, дневной стратегической авиации у нас нет. Стратегическую дневную (а не ночную) авиацию, по существу, надо создать заново и чтобы она составляла не менее 20 % от всего состава авиации Вооруженных Сил страны»²⁵.

Также отмечалось, что «обязательно необходимо как можно быстрее... вооружить нашу военную авиацию, и в первую очередь истребительную, реактивными самолетами». Указывалось, что в ближайшую пятилетку замена самолетного парка истребительной авиации на реактивную должна составить не менее 20–25 %²⁶.

В результате принятых на высшем уровне мер был задействован и накопленный в годы войны экономический потенциал Среднего Поволжья. Именно там разворачивалось производство реактивных истребителей, а позднее – и стратегического бомбардировщика.

Важно указать, что подобные производства, степень сложности которых была значительно выше достигнутого за годы Великой Отечественной войны уровня, также требовали помимо чисто технологических нововведений качественный и хорошо подготовленный «человеческий материал». Но послевоенная ситуация, как следует из вышеприведенных фактов, отнюдь не всегда способствовала этому. Бытовой и материальный уровень жизни занятых на производстве людей, мягко говоря, не всегда соответствовал требованиям новой обстановки. И сложно было осуждать за это людей, не только еще не отошедших от лишений военного времени, но даже, напротив, живших в тех же самых (а в ряде случаев еще в более тяжелых) условиях.

Одним из свидетельств этого является приказ МАП²⁷ № 234с от 2 апреля 1946 г. «Об усилении борьбы с хищениями на предприятиях Министерства Авиационной Промышленности».

На заводе № 1 имени И. Сталина в г. Куйбышеве были привлечены к уголовной ответственности 11 человек работников завода, в том числе – 9

мастеров цехов, 1 диспетчер цеха, 1 контролер цеха, «вошедших между собой в преступное соглашение» и занимавшихся хищением дюралюминиевых пластинок, предназначенных для изготовления столовых мисок.

По соглашению с одной механической мастерской г. Куйбышева «главарь этой шайки мастер цеха Теперкин организовал нелегальное производство по изготовлению посуды из похищенных пластинок, которую шайка сбывала потом на рынке по спекулятивным ценам.

Всего было похищено с завода около 6 тыс. дюралюминиевых пластинок; из которых была изготовлена посуда и продана на рынке за 130 тыс. рублей»²⁸.

Разумеется, данный факт свидетельствовал не только о том, что группа расхитителей нанесла урон социалистическому государству и оборонному производству. Речь идет также и о том, что в крупнейшем военно-промышленном центре СССР с достаточно развитой по сравнению с другими городами экономической инфраструктурой в огромном дефиците была даже элементарная бытовая посуда для принятия пищи.

Вот еще один пример подобного рода. Не секрет, что проблемой, имеющей давнюю историю в отечественной экономике, была культура производства. Особенно ярко это проявилось в период освоения реактивных самолетов, когда было принято решение организовать производство малой серии реактивного истребителя Микояна И-300 на заводе № 1 им. Сталина в г. Куйбышеве²⁹. В соответствии с приказом МАП № 581 от 28 августа 1946 г. директору завода В.Я. Литвинову и главному конструктору ОКБ-155 А.И. Микояну было поручено обеспечить в 1946 г. выпуск 10 самолетов. Но уже в сентябре установленный срок постройки истребителей И-300 был скорректирован. Это было связано с тем, что руководство страны приняло решение продемонстрировать мощь советских ВВС уже на предстоящем 7 ноября воздушном параде, причем пролет над Красной площадью должны были совершить не единичные экземпляры, а несколько десятков реактивных истребителей. Для обеспечения своевременного выпуска к ноябрьскому воздушному параду в соответствии с приказом МАП № 617 от 12 сентября 1946 г. заводу № 1 надлежало выпустить 10 машин и сдать их по сборке ВВС уже к 20 октября! Вот как описывает биограф авиаконструктора А.И. Микояна М.Е. Арлазоров атмосферу запуска в серию реактивного истребителя на авиазаводе № 1 в Куйбышеве: «Работали в полном смысле слова и днем, и ночью. Рядом со сборочными стапелями лежали матрасы. Те, кто выбивался из сил,

буквально падали на них, чтобы забыться коротким, тяжелым сном. Вопросы чая, обеда, ужина отодвинулись куда-то на второй план. Рабочий день не знал границ. Он растягивался, продолжаясь подчас по двое и трое суток. Когда хватало сил добраться до дома и включить плитку или чайник, часто засыпали. Плитки и чайники выходили из строя. Люди оставались голодными, но дело делали неуклонно, несмотря на одуряюще изнурительный ритм работы. Ночные бдения в эти завершающие дни – норма. <...> Почти каждый день, интересуясь, как продвигается работа над новым истребителем, на завод звонил Сталин. <...> Подкатили предпоследнюю машину с закапризничавшей было ногой, и вдруг у самой последней отвалился киль. В спешке как следует не закрепили. Скандал! Пробоина в обшивке. Срочно латать! Киль снова ставят на место. Нервы накалены. Машины двоятся в глазах изнемогающих людей. Но задание выполнено»³⁰.

В советской и в современной исторической литературе достаточно подробно обрисованы тяготы военного времени на производстве. Как следует, период начала холодной войны вряд ли был легче в этом плане.

Для новых реактивных самолетов требовались и новые авиамоторы. Активное участие в их создании принимали депортированные из Германии специалисты по турбореактивным двигателям, которые в начале ноября 1946 г. прибыли на опытный завод № 2, расположенный на Волге в 30 км от г. Куйбышева и в 6 км от станции Красная Глинка. Численность работающих на нем в 1947 г. составляла около 2500 чел., из них – 662 немцы. Особое место среди последних занимал австриец Фердинанд Бранднер, бывший технический директор двигателестроительного завода фирмы «Юнкере» в Дессау. Завод был оснащен, в основном, трофейным немецким оборудованием. Всего в адрес завода пришло свыше 1000 вагонов со станками, лабораторным имуществом и прочим из Дессау, Галле и других городов Германии. Первоначально на заводе было два ОКБ, однако в 1948 г. было принято решение объединить их под началом немецкого специалиста А. Шайбе и вести работы над проектированием турбовинтовой силовой установки «022» на основе Jumo 012. Немцам было обещано, что после успешного испытания двигателя их отпустят на родину, однако это коснулось далеко не всех. В 1950 г. в Германию уехал 241 специалист и 369 членов их семей, но несколько сот человек оставили на заводе и дали новое задание – построить ТВД небывалой мощности – 12 тыс. л.с. для новейшего стратегического бомбардировщика Ту-95, который разрабатывался А.Н. Туполевым. Последние немецкие

двигателисты покинули завод лишь в конце 1953 г³¹.

Помимо немецких специалистов по авиадвигателям в Управленческом находилась и группа прибористов во главе с доктором А. Лертерсом (61 человек и 82 членов их семей), которая именовалась ОКБ-3. Согласно заданию, они должны были к концу 1948 г. передать на испытания автопилот. В 1947 г. было получено новое срочное задание – создание автоматической системы управления для крылатых ракет «16Х» конструкции В.Н. Челомея. Первая партия была изготовлена уже осенью того же года. В сентябре 1950 г. 43 германских специалиста были переведены из Управленческого на другой завод, принадлежавший Министерству вооружения и объединены с работавшими в СССР немецкими специалистами по ракетной технике. Остальные отбыли в Германию³².

Авиамоторный завод № 24 в 1946 г. выпустил почти в два с половиной раза меньше поршневых авиамоторов типа АМ-42, чем в последний военный год, – 1152 против 3110, в следующем, 1947 г. несколько увеличил их выпуск – до 1725, а впоследствии, вплоть до 1949 г., осуществлял неуклонное снижение их производства. В 1950 г. завод выпустил первые реактивные моторы типа ВК-1. До конца года их было сделано 750 единиц. АМ-42 же изготовлялся небольшими партиями в 1951–1954 гг.³³

В мае 1948 г. перед заводом № 1 была поставлена новая задача – произвести подготовку производства для обеспечения выпуска МиГ-15 (изделие 50), а также построить в этом же году первые пять самолетов. В 1949 г., свернув производство МиГ-9 (за исключением запчастей), завод № 1 полностью перешел на выпуск МиГ-15 и сдал ВВС 509 боеготовых самолетов. С июля следующего, 1950 г. завод должен был закончить производство МиГ-15 и перейти на выпуск МиГ-15бис. Лишь в 1951 г., первый раз за весь послевоенный период, завод выполнил годовой план³⁴.

В Приказе МАП № 665с от 22 августа 1949 г. отмечалось: «За последнее время в готовых самолетах МиГ-15 и Ла-15, выпускаемых заводами № 1, <...> обнаруживались посторонние предметы (гайки, болты, отвертки, поддержки и т. п.), которые могли привести к авариям.

...В целях немедленного наведения порядка в производстве самолетов МиГ-15, Ла-15 и Як-23 ПРИКАЗЫВАЮ:

Директорам заводов № 1 – т. Литвинову <...> немедленно усилить проверку крыла, фюзеляжа, оперения и самолета в целом на чистоту, для этой цели выделить опытных контролеров из лучших опытных контрольных мастеров.

Контролеры, выделенные для контроля самолетов и агрегатов самолета на чистоту, должны быть освобождены от всякой другой работы».

Показателем остроты проблемы было распоряжение директорам заводов о разработке премиальной системы для упомянутых котролеров и разрешение премировать лучших из них в размере до месячного оклада в месяц³⁵.

Таким образом, на примере работы авиазавода № 1 можно еще раз констатировать наличие важной проблемы – роль человеческого фактора, теснейшим образом связанного и зависящего от имевшегося образовательно-культурного уровня населения данного региона.

Другие предприятия г. Куйбышева также постепенно сворачивали выпуск продукции военного времени и переходили на производство техники нового типа. Среди них прежде всего необходимо отметить достижения авиазавода № 18, который уже в 1945 г. закончил производство штурмовиков Ильюшина Ил-2 и до 1947 г. выпускал Ил-10 разработки того же КБ. После годичного перерыва начался выпуск этапного для СССР бомбардировщика Ту-4 – единственного носителя ядерного оружия того периода. В 1949 г. завод изготовил 41 машину этого типа³⁶.

Таким образом, холодная война с самого начала легла огромной нагрузкой на население СССР, еще не оправившееся от тягот Великой Отечественной войны. Авторы монографии об истории СССР в первые послевоенные годы отмечали следующие проблемы обороноспособности страны: «СССР только в 1949 г. испытал ядерное устройство. Не было достаточного количества средств доставки. Слабой представлялась и система противовоздушной обороны страны. В то же время Сталин прилагал невероятные усилия к тому, чтобы ускорить процесс серийного выпуска ядерных бомб, разработки системы ракетной ПВО, развертывания стратегической авиации»³⁷.

К вышесказанному необходимо добавить, что «невероятные усилия» к развитию военной экономики прилагал не только И.В. Сталин, но и миллионы простых тружеников, а города Среднего Поволжья не были исключением из процесса втягивания страны в гонку вооружений между СССР и США. Ценою тягот и лишений и без того изнуренного войной населения создавалась новая качественная база для возможности материально-технического обеспечения этому противостоянию.

Примечания

¹ *Бараховский С., Каревский I* Патриотизм трудящихся Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны. Куйбышев, 1961. С. 3.

² Центр документации новейшей истории Ульяновской области (далее – ЦДНИ УО). Ф. 919. Оп. 1. Д. 212. Л. 14.

³ Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 1118. Л. 2–3.

⁴ Государственный архив социально-политической истории Самарской области (далее – СО ГАСПИ). Ф. 656. оп. 20. Д. 43. Л. 1–2.

⁵ СО ГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 118. Л. 27.

⁶ *Санникова Н.А.* Местная промышленность и промысловая кооперация Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дис. канд. ист. наук. Куйбышев, 1989. С. 51.

⁷ Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Документы и материалы. Куйбышев, 1966. С. 137.

⁸ Волжская коммуна. 1942. 18 августа; 1943. 14 мая.

⁹ *Филимонова Е.Н.* Городские Советы Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Куйбышев, 1992. С. 136; Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО). Ф. Р-2195. Оп. 2. Д. 172. Л. 1.

¹⁰ ЦДНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2025. Л. 99; Д. 2085. Л. 129.

¹¹ *Винокуров Г.В., Власов В.А.* Трудовой подвиг пензенцев в годы Великой Отечественной войны. Пенза, 1994. С. 11. Пензенская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Документы и материалы. Саратов, 1964. С. 120.

¹² *Ванчинов Д.П.* Военные годы Поволжья. Саратов, 1980. С. 103.

¹³ ЦДНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 258. Л. 129; ГАСО. Ф. Р-1608. Оп. 2. Д. 82. Л. 12.

¹⁴ Отдел фондов общественно-политических организаций Государственного архива Пензенской области (далее – ОФОПО ГАПО). Ф.148. Оп. 1. д. 774. Л. 12–13.

¹⁵ ГАСО. Ф. Р-2521. Оп. 10. Д. 36. Л. 15.

¹⁶ СО ГАСПИ. Ф. 656. Оп. 35. Д. 12. Л. 71; ГАСО. Ф. Р-2521. Оп. 1. Д. 75. Л. 2.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 226. Л. 16.

¹⁸ *Захарченко А.В., Репинецкий А.И.* СТРОГО СЕКРЕТНО, БЕЗЫМЯНЛАГ 1940–1946 (Документы, факты, суждения о Безымянских

лагерях Особого Строительства НКВД СССР). Самара, 2006. С. 7–8.

¹⁹ Указ. соч. С. 83, 85–86, 88.

²⁰ ГАПО. Ф. Р-1092. Оп. 2. Д. 50. Л. 71; Ф. Р-2377. Оп. 1. Д. 6. Л. 47; Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 195. Л. 12.

²¹ Ульяновская Округа Ленина область за 50 лет Советской власти. Ульяновск, 1967. С. 226.

²² Степанов А. С. Легенда о «Черной кошке» // Трибуна. № 05 (10349). 10–16 февраля 2011 г. С. 13.

²³ Военно-воздушные силы России. Неизвестные документы (1931–1967 гг.). Ред. совет: В.С. Михайлов и др. М., 2003. С. 167.

²⁴ Указ. соч. С. 168.

²⁵ Указ. соч. С. 169.

²⁶ Указ. соч. С. 175.

²⁷ МАП – Министерство авиационной промышленности. Было образовано из одноименного наркомата 15 марта 1946 г. Главой этого министерства с 19 марта 1946 г. являлся М.В. Хруничев (Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник. Сост. В.И. Ивкин. М., 1999. С. 58–59).

²⁸ Подрепный Е.И. Реактивный прорыв Сталина. М., 2008. С. 52.

²⁹ Первый истребитель с турбовинтовым двигателем МиГ-9 (на стадии испытаний – И-300) спешно принятый в СССР на вооружение, являлся репликой Мессершмитт Вф 328 (См. Рогоза С.Л. Заимствование немецких технологий в ходе и после завершения Второй мировой войны // Чтения по военной истории. Сборник статей. [Материалы международной научной конференции, 7–9 апреля 2004 г.]. СПб., 2005. С. 122).

³⁰ Подрепный Е.И. Реактивный прорыв Сталина. 109, 112.

³¹ Соболев Д.А. Немецкий след в истории советской военной авиации. Об участии немецких специалистов в развитии авиастроения в СССР. М.: Авиантик, 1996. С. 92, 106–109.

³² Указ. соч. С. 109–110.

³³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2808. Л. 36 об.

³⁴ Подрепный Е.И. Реактивный прорыв Сталина. С. 181–183.

³⁵ Указ. соч. С. 230–231.

³⁶ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2808. Л. 3.

³⁷ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 92.

‘The Cold War was brought about by views of history, was perpetuated by views of history, and only ended when one superpower transcended its view of history.’

Richardson Ian

October 2009

The opening decades of the twentieth century witnessed two world wars, dislocation of the political ancien regime and an erosion of colonialism. A view of history evolved which averred that conflict invariably leads to massive loss of life and social revolution. New imperial powers emerged: the USSR propounding a regime of command economics and limited sovereignty of Eastern Bloc satellite States, countermanded by the reluctant empire of the United States – recently awoken from a protectionist dream and having as its underpinning unbridled capitalism and the dispersal of corporatism beyond domestic markets. De Toqueville had presciently foreseen the emergence of these two hegemonies a century before “*called by some secret design of Providence*^{9,1} anticipating the fatalistic attitudes of post war Europe. The Berlin Crisis provided the crucible for the first phase of the Cold War drama – as much a *Zeitgeist* as a clash of political philosophies.

Truman’s policies were innovative yet combative. His use of nuclear weapons against Japan transformed military theory, extinguished imperial power and provided tools for confrontational geopolitics in addition to, however, sponsoring the United Nations. Partly out of a need to demonstrate convincing change in the United States to stimulate an economy transitioning from war to peace, Truman dramatised his world view. In his first address to Congress, Truman offered contrasting visions: the first was of “*the conspiracy of the Axis powers to dominate the world*”, the other a conviction that “*America may well lead the world to peace and prosperity.*”² Framed by continuing belligerence with Japan, this set the moral polemic for subsequent nuclear attacks. Stalin, celebrating the defeat of Germany, noted: “*The period of war in Europe has closed. A period of peaceful development has been ushered in.*”³ What had not

yet materialised was conflicting encounter between the USA and the USSR. Truman and Stalin's rhetoric targeted a defeated enemy. The "Axis" was overthrown but provided a durable metaphor serving national ambition. The combative nature of both men became increasingly acerbic. Truman's inaugural address to the U.N. restated his world view: *"We still have a choice between the alternatives: the continuation of international chaos – or the establishment of a world organisation for the enforcement of peace."*⁴

The USSR and the United States dominated a nascent geopolitical order with the United Kingdom and France denuded by decades of attrition. Key features of this regime would underpin the Cold War. The bellicose ire of Stalin and Truman's statesmanship found a flashpoint in Berlin. Reconstruction and the emergence of new political parties in Germany provided a volatility wherein competing ideologies could collide. Arguably, the Marshall Plan laid the basis for an attenuated Cold War, rather than a temporary crisis. The U.S. stressed the need for a competitive German industrial base. Molotov, representing the USSR, walked out of the Marshall negotiations. Reportedly, Stalin believed that a weakened Germany posed less of a risk to the new buffer zone of Eastern Bloc States.⁵ A seminal event took place during the March 1948 meeting of the Allied Control Council: Sokolovsky declared the meeting adjourned after failing to receive a briefing on a prior London conference. Truman noted: *"For most of Germany; this act merely formalised what had been an obvious fact for some time...For the city of Berlin, however, this was the curtain raiser for a major crisis."*⁶ The walk out precipitated the Soviet blockade of the Allied sectors necessitating the airlift.

Truman advisor Bernard Baruch coined the phrase "Cold War" to encompass enemies both abroad and at home. With the increasing pitch of the Berlin crisis, the term became widely applied to the tension between the "superpowers".⁷ The perspective evidenced by both regimes was hegemonic, assuming that political power could be maintained in uncertain equilibrium by global military superiority. This view of history was retrospective, propounding a logistic of conventional military stalemate outside of a formal declaration of war. It created the material substance of the Cold War. This entrenchment was possible in 1948 because both juggernauts conducted their antagonism by proxy. An aversion to new bloodshed further stimulated a conflict of interests expressed in political re-alignment and economic prosperity on both sides of the Iron Curtain. Churchill's metaphor is apt: the steely veil between superpowers

rendered the adversaries faceless. Civil conflict such as in Czechoslovakia and Hungary characterised this first Cold War view of history, one which allowed the implacable nature of mass militarism to be considered as a power asset. Investment in NATO (1948) and the Warsaw Pact (1955), meant that the peace dividend associated with de-militarisation was largely foregone.

The Cold War, plausibly, was perpetuated by a different view of history, founded on resurgent optimism. Its primary exponents, John F Kennedy and Nikita Krushchev: both envisioned mankind's destiny as enabled by the power of science. Reaching for the stars became a literal objective. "Space programmes" assumed a major propaganda role.

If this view of history was forward thinking and progressive, it was nevertheless directed at discovering improved methods of delivering a nuclear payload. A crucial difference between the retrospective stalemate of Eisenhower and Malenkov on the one hand and Kennedy and Krushchev on the other, was that the emerging political agenda addressed limitless horizons where man's future was liberated by unleashing individual potential and seizing as its corollary equally boundless military potency. Over the decades succeeding the USSR becoming a nuclear power in 1949, the United States became increasingly concerned about communism as an insurgency and the ability of the USSR to deliver a nuclear first strike. A transition took place underwritten by an Armageddon scenario. This view of history, despite promulgating an atmosphere of boundless scientific achievement, offered the prospect of human annihilation and shifted the military focus away from conventional tactics.

The Cuban missile crisis of October 1962 stimulated Cold War power politics on America's doorstep. Popular media, especially television, created a sense of immediacy augmented by high resolution aerial observation. Kennedy resolved that attacking the missiles was a real option. Declassified transcripts include his remarks: "*/ don t think we got much time on these missiles...we can t wait two weeks while we're getting ready to roll. Maybe just have to just take them out, and continue our other preparations...*"⁸ Dobrynin's report of a meeting with Robert Kennedy reflected the betrayal the President felt at the allegedly short range defensive nature of the planned Russian missiles in Cuba being deployed as medium range weapons capable of striking anywhere in the USA.⁹ Notably, Krushchev did not consult with Castro on the final resolution of the matter.

The view of history which perpetuated the Cold War was one of apprehension on an unfolding “space age” horizon – as opposed to retrospective fear and conventional military stalemate. The view was futuristic, perhaps reckless. Both Krushchev and Kennedy pursued a policy of brinkmanship with the genuine prospect of nuclear calamity at a time when control systems for these weapons were still unsophisticated. The “arms race” characterising this policy was essentially illogical in that any nuclear strike was likely to escalate to broad based destruction and an arsenal of hundreds of ICBM’s exceeded any tactical requirement. Soviet management of this unstable situation became increasingly introverted as Krushchev was succeeded by internal contention for authority, initially by the “Troika”, then through the short terms of Andropov and Chernenko. Attempts by Breshnev and Carter to promote the Strategic Arms Limitation Talks foundered. The strategic situation was unchanged: both superpowers were breathless in pursuit of nuclear supremacy whilst a chasm developed in global economies: the wealth of the West compared to command economies in the East challenged the historical socialist view that capitalism would inevitably fail. Eastern Bloc States, witnessing this relative deprivation, sought greater autonomy. Breshnev advised the Politburo: “...*It is... apparent that we are experiencing a very complicated period in the development of international relations. A serious deterioration and exacerbation of the situation has occurred. And the primary source of this deterioration is the growing aggression of the foreign policy of the Carter government*”¹⁰ As George Kennan advised Truman, Ronald Reagan might have been cautioned that the Soviet Bloc was expansionist and a natural response was “containment”, there being two variables in its modern form. The first was the Warsaw Pact crumbling through over extension and lack of investment. Secondly, a technology was needed to confound nuclear devastation. Reagan’s response was the Strategic Defence Initiative – derided as “Star Wars” – sustaining the view of history which perpetuated the Cold War: an unwavering belief in scientific advancement and yet a readiness to pull the trigger.

The Soviet historiography, also extending the Cold War, shared the sense of stalemate. This perspective, beginning with proletarian revolution, readily expressed the Cold War as a class struggle. Gorbachev, considering nuclear attack less likely, possibly believing the potential of SDI or perceiving its naive foundation, was able to transcend Soviet orthodoxy creating a radical comprehension of past systemic failure. Added to this reassessment of the Soviet world view was the fragmentation experienced in the Eastern Bloc with

previously passive satellites like Poland contentiously espousing liberalism. Whereas the United States held to an unyielding perception of Soviet totalitarianism, parts of the Soviet regime understood that change was inevitable.

Gorbachev's reforms, highlighted by glasnost and perestroika, refuted the command economy and regarded totalitarianism as an unworkable ethic. As the Berlin Airlift and the Cuban Missile Crisis represented tipping points in Cold War historiography, the fall of the Berlin Wall, where Gorbachev played a keystone role, marked its demise.

Whether late eighties summits resulted in a meaningful exchange between the folksy Reagan and the emollient Gorbachev is problematic although they did result in the abolition of an entire class of nuclear weapons. The view of history which perpetuated the Cold War, driven by equally culpable states harnessed to a technology fuelled race for supremacy, was being re-defined. A new openness was manifest. At the Brandenburg Gate, Reagan called out to Gorbachev to "Tear down this wall!" Drama has a role to play in international relations and perhaps Gorbachev responded to Reagan's theatrics by refusing East German requests for Soviet tanks in Leipzig to suppress protestors using the Nikolai Church as the focal point for liberalisation demands. These events, together with Hungary opening its borders, precipitated the collapse of the Berlin Wall by popular action.

Gorbachev's predecessors viewed the Berlin Wall as emblematic of East West confrontation. Gorbachev's insights viewed the Wall as largely irrelevant and dispensable. The New York Times cited the Premier: "*The wall can disappear when those conditions that created it fall away...I don't see a major problem here.*" He went on, "*7 think we have come out of a period of cold war, even if there are still some chills and drafts... We are simply bound to a new stage of relations, one I would call the peaceful period in the development of international relations.*"¹¹ Gorbachev surpassed a view of history which saw Cold War "conditions" as immutable. He had support from Medvedev, Chemyaev, Yakolev and Shevardnadze – an iconoclastic cell aimed at reform.¹²

Gorbachev resisted reactionary elements in the Soviet administration, challenged the unrepresentative nature of the public franchise, countered corruption in State enterprises and popularised a view of coexistence eschewing nuclear arsenals. This was a supersession of a world view; a seismic shift in a

historical paradigm. In his final speech as President of the Soviet Union, Gorbachev described the world he inherited “ *The society was suffocating in the vice of the command-bureaucratic system, doomed to serve ideology and bear the terrible burden of the arms race. It had reached the limit of its possibilities.*”¹³ This was the last gasp of the Cold War. A renunciation of an ideology. Gorbachev blended realpolitik executive authority with considerations of simple social right. This leavening so contradicted the language of the Cold War, that its transcendence provided an alternative view of history which largely persists in international relations today.

Endnotes

¹ Alexis de Toqueville: “Democracy in America”, pp.412–413, 1835.

² Miller Centre of Public Affairs, University of Virginia, Multimedia Archive, First Speech to Congress (April 16, 1945)

³ Address to the People, May 9th, 1945. On the Great Patriotic War of the Soviet Union, Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1946

⁴ Miller Centre of Public Affairs, University of Virginia, Multimedia Archive. President Truman’s address to the U.N. San Francisco: April 25th, 1945.

⁵ “The Fifty Years War: the United States and the Soviet Union in World Politics, 1941–1991”, Richard Crockatt. Routledge, London, 1995. ISBN 0-415-13554-0. See page 87 for references to Stalin’s ambivalence towards a united Germany and the Eastern Bloc in the years before his death in 1953.

⁶ “Airbridge to Berlin. The Berlin Crisis of 1948, its Origins and Aftermath” D.M. Giangreco and Robert E. Griffin, Presidion Press. USA. 1988. ISBN 0-89141-329-4

⁷ For a discussion of William Fox’s notions of the peaceful use of power between “superpowers” and the emergence of the USA and the USSR as the principal agents, see pages 12 to 15 “The Evolution of Theory in International Relations”. Robert Rothstein, Ed. University of South Carolina, 1992. ISBN 0-87249-862-X

⁸ Transcript of recorded conversation including JFK, RFK, Johnson, Bundy and MacNamara. October 16th 1962
<http://www.jfklibrary.org/Asset+Tree/Asset+Viewers/Audio+Video+Asset+View.htm?guid={16E3A48F-B1EF-4447-8D97-C1F0006B3F29}&type=Audio>

⁹ Cold War International History Project, Virtual Archive Telegram from Dobrynin to USSR MFA. October 24th, 1962. http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=va2.document&identifier=5034E27E-96B6-175C-9886707B7D50B CF8&sort=Collection&item=Cuban%20Missile%20Crisis

¹⁰ Cold War International History Project, Virtual Archive. Breshnev address to the CCCP Politburo, June 8th, 1978. http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=va2.document&identifier=5034F5A8-96B6-175C-9DD9D17B9F404E16&sort=Subject&item=detente

¹¹ Gorbachev Press Conference during his visit to West Germany. "New York Times". June 16th, 1989. <http://www.nytimes.com/1989/06/16/world/a-gorbachev-hint-for-berlin-wall.html>

¹² See "New Evidence on the End of the Cold War". V. M. Zubok. The Wilson Centre, http://www.wilsoncenter.org/topics/pubs/New_Ev_EndCW.pdf

¹³ December, 1991. The Public Purpose Library, <http://www.publicpurpose.com/lib-gorb911225.htm>

BIBLIOGRAPHY

"Democracy in America", Alexis de Toqueville, University Press, 1835.

"The Fifty Years War: the United States and the Soviet Union in World Politics, 1941–1991", Richard Crockatt. Routledge, London, 1995. ISBN 0-415-13554-0.

"Airbridge to Berlin. The Berlin Crisis of 1948, its Origins and Aftermath" D.M. Giangreco and Robert E. Griffin, Presidion Press. USA. 1988. ISBN 0-89141-329-4

"The Evolution of Theory in International Relations". Robert Rothstein, Ed. University of South Carolina, 1992. ISBN 0-87249-862-X

Информация об авторах

Андреев Сергей Викторович (Самара), СГАУ им С.П. Королёва, кафедра «Летательные аппараты».

Гончарова Наталья Васильевна (Санкт-Петербург), аспирант Государственного Русского музея.

Егорова Наталия Ивановна (Москва), доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра по изучению холодной войны.

Есаков Владимир Дмитриевич (Москва), доктор исторических наук, Институт российской истории РАН.

Захарченко Антон Юрьевич (Санкт-Петербург), Петербургский Союз Ученых.

Колмыков Антон Николаевич (Самара), Заместитель начальника экспертного учреждения ЦНЭАТ (судебная экспертиза).

Мухин Михаил Юрьевич (Москва), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН.

Платошкин Николай Николаевич (Москва), кандидат исторических наук.

Подрепный Евгений Ильич (Нижний Новгород), кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Пожаров Алексей Иванович (Москва), кандидат юридических наук, доцент, Общество по изучению истории отечественных спецслужб.

Рац Сергей Васильевич (Санкт-Петербург), кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии философского факультета СПбГУ.

Романенко Сергей Александрович (Москва), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института экономики РАН.

Степанов Алексей Сергеевич (Москва), доктор исторических наук, научный сотрудник Русского фонда содействия образованию и науке, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Тотров Юрий Хангереевич (Москва), Общество по изучению истории отечественных спецслужб.

Улунян Артем Акопович (Москва), доктор исторических наук, руководитель Центра балканских, кавказских и центральноазиатских исследований Института всеобщей истории РАН.

Хмелинский Петр Вадимович (Москва), Ассоциация юристов-международников и экономистов.

Шматов Евгений Николаевич (Самара), кандидат исторических наук.

Richardson Ian, University of Cambridge.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ РУССКИМ ФОНДОМ СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:

1. Назаренко А.В. «Древняя Русь и славяне». Из серии: Древнейшие государства Восточной Европы

2. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Античные источники

3. Том I». Подосинов А.В. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.

4. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Византийские источники. Том II». Бибиков М.В. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.

5. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Восточные источники. Том III». Коновалова И.Г. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.

6. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Западноевропейские источники. Том IV». Составитель А.В. Назаренко. Под редакцией Джаксон Т.Н. Коноваловой И.Г.

7. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Древнескандинавские источники. Том V». Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н... Мельникова Е.А

8. Столярова Л.В., Каштанов С.М.: «Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.)»

9. «Древнейшие государства Восточной Европы. Пространство и время в средневековых текстах». Ответственный редактор Глазырина Г.В.

10. Пашуто В.Т. «Русь. Прибалтика. Папство», в серии: «Древнейшие государства Восточной Европы»

11. Мельникова Е.А. «Древняя Русь и Скандинавия»

ИСТОРИЯ XX ВЕКА, «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА», ГЕОПОЛИТИКА, ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ:

12. Котельников В.Р.: «Отечественные авиационные поршневыми моторы 1910–2009»

13. Степанов А.С.: «Развитие Советской Авиации в Предвоенный Период (1938 – первая половина 1941 года)»

14. Люттвак Э. «Стратегия: логика войны и мира». Перевод с английского: Edward N. Luttwak “The Strategy: Logic of War and Peace”

15. Люттвак Э. «Государственный переворот: практическое пособие»: Edward N. Luttwak “Coups d’Etat: Practical Handbook”

16. Кикнадзе В.Г. «Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века»

17. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова: «Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света». (Отв. ред. Кудрявцев О.В.).

18. «Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений» (Отв. ред. Н.И. Егорова).

19. «Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники» (Отв. ред. Степанов А.С.)

20. Логинов К.К.: «Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья»

21. Криничная И.А.: «Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии»

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА:

22. Люттвак Эдвард И. «Стратегия Византийской империи». Edward N. Luttwak: “The Grand Strategy of the Byzantine Empire”. Перевод с английского А.Н. Коваль

23. Позднев М.М. «Психология искусства. Учение Аристотеля»

24. Суриков И.Е.: «Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин»

25. Суриков И.Е.: «Античный полис»

26. Суриков И.Е.: «Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц»

27. «Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова». Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г., Цецхаладзе Г.Р.

28. Ревзин Григорий: «Путешествие в Античность»

29. Смышляев А.Л.: «История Древнего Рима от Ромула до Гракхов», учебное пособие

30. Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики».

31. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 1

32. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 2

33. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 3

34. Файер В.В. Александрийская филология и гомеровский гекзаметр

35. Ермолаева Е.Л. Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла»

36. Гай Юлий Цезарь (книга 1 и книга 2): «Записки о войне с галлами». Введение и комментарии Соболевский С.И.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

37. Антоненц Е.В.: «Введение в Римскую Палеографию»

38. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 1». Под редакцией Авдеева А.Г.

39. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 2». Под редакцией Авдеева А.Г.

40. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 3». Ответственный редактор Авдеев А.Г.

41. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 4», сборник статей, ответственный редактор Авдеев А.Г.

42. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 5», сборник статей, ответственный редактор Авдеев А.Г.

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ:

43. Исэров А. А.: «США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830»

44. Платошкин Н.Н.: «История Мексиканской революции». Том 1: «Истоки и победа. 1810–1917 гг.»

45. Платошкин Н.Н.: «История Мексиканской революции». Том 2: «Выбор пути. 1817–1928 гг.»

46. Платошкин И.И.: «История Мексиканской революции». Том 3: «Время радикальных реформ. 1828–1940 гг.»

47. Платошкин Н.Н.: «Чили 1970–1973 гг. Прерванная модернизация»

БЕЗ СЕРИИ:

48. Евсеева Л.М., Лидов А.М., Чугреева И.И.: «Спас Нерукотворный в русской иконе»

49. Ахмед Рашид: «Талибан». Перевод с английского Поваляев М.В.

50. Фомин А.М.: «Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923»

51. Юлиана Нориджская. Откровения Божественной Любви / Пер. вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. Julian of Norwich. Revelations of Divine love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina

52. Каштанов С.М.: «Исследование о молдавской грамоте XV века»

53. Немецкие хроники X–XI вв. и Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви

54. Сборник статей: «Именослов. История языка. История культуры» (Отв. Ред. Успенский Ф.Б.)

55. Гимон Т.В.: «Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование»

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ:

Четыре тома избранных произведений О.А. Седаковой:

56. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том),

57. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том),

58. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том),

59. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том)»

Собрание сочинений В.В. Бибихина:

60. Бибихин В.В.: «Слово и событие. Писатель и литература». Собрание сочинений. Том I

61. Бибихин В.В.: «Введение в философию права». Собрание сочинений. Том 2 (готовится к выпуску)

62. Бибихин В.В.: «Новый ренессанс». Собрание сочинений. Том 3 (готовится к выпуску)

Собрание сочинений Эдварда Люттвака:

Люттвак Э. «Стратегия: логика войны и мира». Перевод с английского: Edward N. Luttwak “The Strategy: Logic of War and Peace”. Перевод с английского А.Н. Коваль, Н.Н. Платошкин

Люттвак Э. «Государственный переворот: практическое пособие»: Edward N. Luttwak “Coup d’Etat: Practical Handbook”. Перевод с английского Н.Н. Платошкин

Люттвак Эдвард Н. «Стратегия Византийской империи». Edward N.

Luttwak: "The Grand Strategy of the Byzantine Empire". Перевод с английского А.Н. Коваль

КНИГИ, ПЛАНИРУЮЩИЕСЯ К ИЗДАНИЮ В 2012 г.

(книги, уже готовые к изданию или находящиеся на стадии редактуры и верстки):

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Мереминский С.Г.: «История Англоv. Генрих Хантингдонский»
2. Баранова С.И.: Керамическая «летопись» колокольни храма Святых Адриана и Наталии (Святых Апостолов Петра и Павла) в Москве.
3. «Каталог нательных крестов, обнаруженных в ходе археологических исследований в Москве в 1989–2009 гг.». Под руководством Главного археолога города Москвы, академика РААСН и ААН, профессора Александра Григорьевича Векслера
4. Каталог «Скандинавские древности на территории Руси. VIII–XIII вв.». Руководители проекта: д.и.н. Мельникова Е.А., д.и.н. Петрухин В.Я., к.и.н. Пушкина Т.А., д-р И. Янссон
5. А.В. Марей: «Вестготская правда»
6. Джаксон Т.Н.: «Исландские королевские саги о Восточной Европе»
7. Виноградов А.Ю.: «Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов»

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:

8. Столярова Л.В.: «Детектив 16-го века: расследование причин смерти царевича Дмитрия на базе сохранившихся исторических источников»
9. В.А. Ткаченко «Некрополь Свято-Троицкой Сергиевой лавры конца XIV – начала XXI в.»
10. Евсева Л.М.: «Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия»
11. Монография: «Древняя Русь в свете зарубежных источников». Под редакцией Т.Н. Джаксон», И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова, Г.В. Глазыриной. Данная монография издается в комплекте с пятитомником одноименной хрестоматии: «Античные источники», «Византийские источники», «Древнескандинавские источники», «Восточные источники», «Западноевропейские источники».

ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА:

12. Иванова Л.И.: «Персонажи карельской мифологической прозы»

13. Лобанова И.В., В.Ф. Филатова: «Археологические памятники в районе Онежских петроглифов»

14. Лобанова И.В.: «Петроглифы Онежского озера»

15. Кривошапова Ю.А.: «Русская народная энтомология: этнолингвистический аспект» ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА:

16. Мереминский С.Г.: «Формирование традиции: английское историописание вторая половина 11 – первая половина 12 веков»

17. Перевод книги: “Stender-Petersen A. Die Varagersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934”. Редактура и подготовка вступительной статьи Е.А. Мельникова

18. Перевод книги: “Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lubeck, 1922”. Редактура и подготовка вступительной статьи Е.А. Мельникова

19. Виноградов И.Г.: «Средневековое поместье в Англии». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

20. Виноградов П.Г.: «Римское право в средневековой Европе». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

21. Виноградов И.Г.: «Исследования по социальной истории Англии в Средние века». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

22. Виноградов И.Г.: «Исследование по истории феодального строя Лангобардской Италии». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

ИСТОРИЯ 20-ГО ВЕКА. «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» И ДРУГИЕ ВОЙНЫ:

23. Платошкин Н.Н.: «Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года»

24. Платошкин Н.Н.: «История Сандинистской революции в Никарагуа» революции»

25. Куликов В.П.: «История Русского Военного Воздушного Флота 1885–1917»

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА:

26. Домановский А.Н.: «Государственный контроль и регулирование торговли в Византии IV–IX вв.»

27. Сорочан С.Б.: «Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры»

28. Лидов А.М.: «Росписи Ахталы»

29. «Латинские Панегирики – XII – PANEGYRICI LATINI». Перевод с латинского языка, статья, комментарии и приложение И.Ю. Шабата

30. Жмудь Л.Я.: «Пифагор и ранние пифагорейцы»

ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА:

31. Рахаев Д.Я.: «Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века»

32. Козлов Д.Ю.: «Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914–1917)»

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ:

33. Рязановский А.Р.: Пособие по математике для поступающих в «математические вузы»: «500 способов и методов решения задач по математике»

ЕГИПТОЛОГИЯ:

34. Лаврентьева Н.В. «Мир ушедших. Дуат: Образ иного мира в искусстве Египта (Древнее и Среднее царства)»